ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК
ЕВГЕНИЙ КРАСНИЦКИЙ
СОТНИК.
БЕРУ ВСЕ НА СЕБЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Хотим мы того или не хотим, но такая беспощадная и зачастую грязная вещь, как политика, в той или иной степени касается каждого из нас. Политики же или, выражаясь иначе, управленцы высшего звена местного, регионального или общегосударственного уровня — такие же живые люди, как и все остальные, и ничто человеческое им не чуждо. Вот с этими-то людьми и предстоит столкнуться Мишке Лисовину в статусе уже не просто отрока, а сотника.

- Евгений Красницкий
  - ○
  - ○ ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ
  - ○ Часть первая
    - ■ ГЛАВА 1
    - ■ ГЛАВА 2
    - ■ ГЛАВА 3
    - ■ ГЛАВА 4
  - ○ Часть вторая
    - ■ ГЛАВА 1
    - ■ ГЛАВА 2
    - ■ ГЛАВА 3
- notes
  - ○ 1
  - ○ 2
  - ○ 3
  - ○ 4
  - ○ 5
  - ○ 6
  - ○ 7
  - ○ 8
  - ○ 9
  - ○ 10
  - ○ 11
  - ○ 12
  - ○ 13
  - ○ 14
  - ○ 15
  - ○ 16
  - ○ 17
  - ○ 18
  - ○ 19

- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32

Евгений Красницкий
БЕРУ ВСЕ НА СЕБЯ

Автор сердечно благодарит за помощь, советы, критику и плодотворные дискуссии пользователей сайта http://www.krasnickij.ru: serGild, Старый, ml-ad, Namejs, deha29ru, Ириико, kea, Kathrinander, iguana1972, Ульфхеднар, al1618, pythonwin, гамаюн, проходилмимо, Ротор и многих, многих других.

Автор приносит глубочайшие извинения Сергею Александровичу Гильдерману за то, что в книге «Отрок. Богам — божье, людям — людское» не было указано его авторство пародии на Шекспира:

Две равноуважаемых семьи
Прибыли в Погорынские селенья…

Особую признательность автор выражает Евгению Геннадиевичу Коненкину — редактору первых книг «Отрока». Без его высочайшего профессионализма, терпения и такта серия «Отрок» просто не состоялась бы. По мнению автора, это как раз

тот случай, когда полностью справедливым будет высказывание: «У меня нет формального права называться Вашим учеником, но никто не может запретить мне считать Вас своим учителем».

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Киевская Русь. 1125 год

Итак, любезный читатель, давайте взглянем на Киевскую Русь если не «с высоты птичьего полета», то с высоты знаний людей XXI века. Только не так, как это делается в школьных учебниках истории или других умных книгах, где мы привычно обнаруживаем описание исторических периодов, превышающих своей длительностью жизнь целых поколений, например, «Киевская Русь XI–XIII веков», а по-иному. Как? Да вот так, как увидел бы ее наш герой Михаил Андреевич Ратников, он же боярич Михаил сын Фролов из рода Лисовинов, он же Бешеный Лис, он же «засланец» или, если угодно, «попаданец» из самого-самого конца века двадцатого (если кому-то удобнее — последнего десятилетия XX века) в век двенадцатый (опять же в первую четверть XII века). Сейчас он пребывает в 1125 году. Вот на Русь как раз этого года мы и попробуем взглянуть.

Глянули и… ох, мама моя (кто-то наверняка выразится и покрепче), — князей-то! М-да, изрядно, а если быть более точным — 22 человека! И это только те князья, которые имеют в своей власти целое княжество или хотя бы крупный по тем временам город с прилегающими землями. Есть же еще и толпа тех, кто по рождению князь, а вот княжества или удела не имеет, так — сельцо или городок малый, а то и вообще ничего. И точно подсчитать их количество невозможно, ибо в летописях они упомянуты далеко не все — то ли не удостоились, то ли вымараны при последующих редакциях, то ли просто не повезло войти в историю Отечества. Или влипнуть. Бывает и такое, понеже историю пишут победители, а они имеют привычку изображать поверженных врагов так, что и мама родная не узнала бы. Впрочем, и себя, любимого, тоже расписывали до неузнаваемости, но не со знаком «минус», естественно, а со знаком «плюс».

«И как же во всем этом разобраться?» — спросит обалдевший (и это еще мягко сказано!) читатель. Да, сложно. Ведь мало того, что имена-отчества у князей похожи — как попало-то князя не назовешь, имеется традиционный список престижных имен, — мало того, что имен как минимум два — княжье и христианское, так еще и фамилия у всех одна — Рюриковичи! Просто беспредел какой-то! Скажем, знаем мы все (или почти все) имя князя Ярослава Мудрого, а окрещен-то он был Георгием! Знаем (будем надеяться, все) Владимира Крестителя Руси, а «по паспорту» он, оказывается, Василий! И тезка его — Владимир Мономах — тоже

Василий! То-то в сказках они слились в единого персонажа — Владимира Красно Солнышко! А на печатях, которыми Александр Невский скреплял свои грамоты, написано и вовсе «Федор», правда, есть мнение, что пользовался он родительской печатью, и Федором числился в церковных записях все-таки папа Ярослав, а не сын Александр. Вот поди тут и разберись!

Ох, грехи наши тяжкие… даже «прописка» не помогает! Хорошо, например, французам! Как был некто, скажем, герцогом Бургундским или Нормандским, так им и помер, а дети-внуки опять Бургундские или Нормандские (хотя и там тоже по-всякому бывало), но наши-то постоянно переезжали! Туда-сюда, туда-сюда, и чего им на месте-то не сиделось? Ей-богу, шило в… том самом, в общем. То он князь Смоленский, то Туровский, то Переяславский, а то и вовсе Киевский, великий! А были же и такие, что не по одному разу… вон Юрий Долгорукий аж дважды великим Киевским был! Черти его носили… Нет, вы только подумайте! Владимир — будущая столица Владимирской Руси — у него в княжестве! Москву, столицу нашей Родины, сам основал! Мало ему! Еще одну столицу подавай — Киев! Ну и помер, конечно, князем Киевским со второй попытки. А чего ж еще ждать-то при таком нездоровом образе жизни?

Но вернемся все-таки к 1125 году. Осень. Великий князь Киевский Владимир Всеволодович Мономах умер в мае. На Киевский великий стол сел его сын Мстислав Владимирович (еще не Великий, но потом получит это прозвище). Пересел он в Киев из Переяславля, а на его место переехал его брат Ярополк, а на место Ярополка переехал… многие, в общем, со стола на стол пересели. Все как-то устаканилось, все сделали вид, будто лествичное право еще соблюдается, и… кое-кто начал оглядываться вокруг себя на предмет спихнуть соседа и занять его место. Впрочем, не обязательно для себя — не грех и для брата-сына-племянника постараться. Но на какое-то время езда с места на место прекратилась, а потому стало возможно именовать князей по «месту регистрации», чтобы не запутаться.

И что же мы наблюдаем с высоты… ну, с которой наблюдаем?

Владимирко Звенигородский, Ростислав Перемышльский, Игорь Галицкий, Ростислав Теребовльский, Изяслав Пинский, Вячеслав Клецкий…

«Ой, мама!»

Ярослав Черниговский, Всеволод Муромский, Всеволод Северский, Всеволод Новгородский…

«Три Всеволода, обалдеть!»

Изяслав Смоленский, Мстислав Киевский, Ярополк Переяславский, Вячеслав Туровский, Юрий Суздальский…

«Да когда ж вы закончитесь-то?!»

Андрей Волынский, Всеволодко Городненский, Давыд Полоцкий, Рогволд Друцкий…

«Мать-перемать…»

Ростислав Лукомский, Святослав Витебский, Брячислав Изяславльский.

«Уф, кажется, все…»

И не надо, любезный читатель, делать несчастное или удивленное выражение лица, типа: «За что это мне?» или «Зачем это мне?» А чтобы знали! Потому что это еще не самая крутизна, по-настоящему круто будет на сотню лет позже, когда в одном Рязанском, к примеру, княжестве князей будет аж два десятка! По сравнению с этим двадцать два князя в 1125 году — ничего особенного.

«Но ведь не запомнить же!» А и не надо! Ну-ка, поднимите руки те, кто может с ходу перечислить фамилии губернаторов любых двадцати регионов современной Российской Федерации. Ах не можете?

Вот именно! Могут только те, кому эти сведения нужны по работе или… Всякие же хобби у людей бывают, может, значит, быть и такое — губернаторов знать. А остальные знают своего, может быть соседнего, да еще знаменитостей, подавшихся в губернаторы, типа генерала Лебедя или актера Шварценеггера… Об остальных же чаще всего узнают, когда те убиваются в ДТП или авиакатастрофах, да еще если в крутой скандал влипнут.

И это — при наличии мощнейшего информационного потока, формируемого средствами массовой информации! А что прикажете делать нашему герою Мишке Лисовину, у которого ни газет, ни радио, ни телевидения, ни Интернета? Самое мощное средство массовой информации, которое ему доступно — бабы-сплетницы возле колодца. В летописи-то князья попадали примерно по тем же причинам, что и губернаторы в наше время. Нет, авиакатастрофы тогда, по понятным причинам, были не в моде, а ДТП случались намного реже, чем сейчас, но бывали — люди падали с коней и калечились-убивались, а вот скандалы, да еще с применением оружия… нам такие и не снились! Про иного князя мы, зачастую, только потому и знаем, что он был упомянут в списке участников того или иного военного похода. Был, мол, такой и вместе с таким-то и таким-то ходил воевать каких-нибудь земгалов или черемисов, а то и вовсе соседа Рюриковича, и больше никаких подробностей.

А как мы, любезный читатель, сейчас узнаём какие-либо подробности о главах других регионов? Чаще всего это происходит в тех местах, где собираются люди из разных краев

нашей необъятной России-матушки — в Антальях, Сочах и т. п. В Куршавеле? Нет, пожалуй. Во-первых, там бывают далеко не все, а во-вторых, сильно сомневаюсь, что среди оттягивающихся в Куршавеле найдется хоть один читатель «Отрока». Не тот контингент, согласитесь, любезный читатель, отнюдь не тот.

В местах же попроще, собравшись приятной компанией, под напитки и закусочку, текут и текут беседы о судьбах многострадального отечества… И вот тут-то мы про глав регионов все и узнаем! Этот — пьяница, этот — взяточник, а тот и вовсе — козел универсальный с электрогидравлическим приводом и градусником в… ну, сзаду. Что поделать, не принято у нас хвалить власть, дурным тоном считается. Нет, в письменном виде или в официальных выступлениях — сколько угодно, хоть лопатой отгребай, а в неформальном общении — не дождетесь!

Так и герой наш Мишка Лисовин может черпать сведения о расстановке политических сил только в личном общении со знающими людьми, а потому может наслушаться всякого — не приведи Господь… Но ему-то эта информация нужна «по работе»! Вот попал! Тем не менее никуда ему не деться, придется слушать все и отделять зерна от плевел самостоятельно.

«А как же было на самом деле?» — спросит пытливый читатель. Отвечаю: в подробностях этого не знает никто! Летописи подчищались и перевирались, других документов до нас дошло очень немного, а иностранные хронисты порой несли про Русь такое, что хоть святых выноси! И барон Мюнхаузен в этом деле отнюдь не был первооткрывателем или рекордсменом — бывало и почище! Чего стоит хотя бы «Царство пресвитера Иоанна», в существовании которого были убеждены просвещенные европейцы времен крестовых походов. Лежит, мол, где-то восточнее Киевского герцогства замечательная страна, где мудро правит пресвитер Иоанн. Страна та богата, благополучна и благонравна, а населяют ее сплошь добрые католики! О как! Да что там говорить, даже у Наполеона Бонапарта на картах восточнее Москвы была изображена «Великая Татария», а сам он был убежден в существовании в Российской империи бояр. Это при дворе-то Александра I! Каково, а? И ведь не идиотом был знаменитый корсиканец, а в такую чушь верил. Да, таков был, извините за выражение, «уровень научных знаний». Так что американцы с их белыми медведями, шляющимися по улицам русских городов, даже на продолжателей великих традиций глобального вранья не тянут — мелочовка![1]

Нет, конечно же историки и археологи постоянно добывают все новые и новые сведения, используя кроме традиционных методов и достижения других наук. Есть и

дендрохронологический метод, и радиоуглеродный, и анализ, проводимый по косвенным данным, и еще много всякого, но, увы, «совершенно точно» мы будем знать историю только после того, как будет изобретена машина времени, а пока приходится довольствоваться тем, что есть.

И не надо, любезный читатель, удивляться и огорчаться. Возьмите, для сравнения, подшивку газет двадцатилетней давности или поюзайте по Интернету, и попробуйте понять, что «на самом деле» происходило в нашей стране в конце 80-х — начале 90-х годов XX века. Если не всеобъемлюще, то хотя бы попытайтесь сформулировать ИСТИННОЕ значение таких терминов, как «перестройка», «департизация», «межрегиональная депутатская группа» или «Демократическая Россия». Попытайтесь и вы поймете, как нелегко приходится историкам, которые изучают период не двадцати-, а девятисотлетней давности.

И все же, любезный читатель, может быть попытаемся разобраться в том, что творилось на Руси в конце первой четверти XII века? Без подробностей, разумеется, ибо все равно они не запомнятся, но хотя бы так, чтобы представлять себе общую обстановку. На самом деле все не так уж сложно, как кажется на первый взгляд.

Упомянутые два десятка князей достаточно четко делятся на пять группировок — пять ветвей рода Рюриковичей. Родоначальниками четырех из них являются внуки Ярослава Мудрого, а еще одной ветви — сын Владимира Крестителя и полоцкой княжны Рогнеды Изяслав Владимирович. Вот с нее и начнем.

Вряд ли стоит здесь повторять летописное сказание о том, как еще совсем юного Владимира женили на полоцкой княжне, предварительно взяв Полоцк штурмом и перебив родню этой самой княжны, а впоследствии, уже в зрелом возрасте, Владимир выгнал Рогнеду обратно в Полоцк, чтобы освободить брачное ложе для цареградской принцессы. Эта история довольно широко известна.

Важно другое — Полоцкий стол (владевший примерно теми землями, которые ныне называются Белоруссией) так и закрепился за потомками Изяслава Владимировича, а сама эта ветвь рода Рюриковичей оказалась в довольно двусмысленном, с династической точки зрения, положении. Изяслав, вроде бы и старший (из выживших) сын, а следовательно, родоначальник старшей ветви рода, но рожден-то «в блуде», ибо брак Владимира и Рогнеды не был освящен христианской церковью — оба они тогда были еще язычниками! Впрочем, это же относится и к другим сыновьям, появившимся на свет до принятия Владимиром

христианства, к тому же Ярославу Мудрому, например. Но Изяслав умер раньше отца, и, по лествичному праву, все его потомки утратили право на великое княжение, а Ярослав папашу пережил.

Налет полоцких князей на заприпятские земли Туровского княжества, который автор, честно говоря, выдумал, вообще-то не первый. Например, в 1116 году Глеб Минский сжег Слуцк и захватил огромный полон в северных областях Туровской земли. Ответом на это стал поход Мономаха с сыновьями. Мономашичи захватили Оршу и Друцк, а сам великий князь Владимир Всеволодович осадил Глеба в Минске, но когда тот покаялся и запросил мира, Мономах город штурмовать не стал, а ограничился формальными изъявлениями покорности Глеба.

Всего через три года — в 1119-м — неугомонный Глеб Минский снова схлестнулся с Мономаховым родом, но теперь уже ему пришлось иметь дело не с самим Мономахом, а с его старшим сыном Мстиславом. И это оказалось куда серьезнее! Мстислав взял Минск, разорил его почти до полного запустения, а самого князя Глеба вывез в цепях в Киев, где тот в заключении и умер.

Интересно, что при противостоянии Глеба Минского с Мономахом и Мономашичами позиция остальных полоцких князей постоянно менялась. Если в 1116 году они даже помогали великому князю Киевскому осаждать Минск, то об их помощи в борьбе против князя Глеба три года спустя никаких сведений нет, а еще чуть позже полоцкие князья в полном составе будут воевать против Киева.

Почему Мстислав оказался более жестоким, чем Мономах, зачем полоцким князьям понадобились заприпятские земли Туровского княжества? Одна из причин становится ясной, стоит только взглянуть на географическую карту. Путь «из варяг в греки» севернее Киева начинает ветвиться, разделяясь на четыре направления. Первое — через Припять, Западный Буг и Вислу. Второе — через Припять, Случь Северную и Неман. Третье — через Днепр и Западную Двину. Четвертое — через Днепр, Ловать, озеро Ильмень, Волхов, Ладожское озеро и Неву.[2] Две ветви — первая и четвертая — находятся под контролем Мономашичей, и две — вторая и третья — под контролем полоцких князей. Они конкуренты!

Не потому ли, что Мстислав долго княжил в Новгороде Великом и успел пропитаться там духом борьбы с конкурентами любыми доступными средствами, он и расправлялся с полочанами с такой жестокостью? Если так, то с восхождением Мстислава на Киевский стол (а его сына Всеволода — на стол

Новгородский) перспектива серьезных проблем стала для полоцкой ветви рода Рюриковичей вполне очевидной. Людьми же полоцкие князья были твердыми и решительными, а потому принять превентивные меры против киевской угрозы вполне были способны.

Если бы полочанам удалось захватить Пинск и закрепиться на северном берегу Припяти, то они могли бы напрочь перекрыть транзитный путь «Припять — Западный Буг — Висла» и перенаправить весь грузопоток через себя, любимых, а Мономашичам осталась бы лишь четвертая, новгородская, ветвь пути «из варяг в греки» — самая длинная и неудобная.

Разумеется, это была не единственная причина противостояния полоцких Всеславичей и Мономашичей, там целый комплекс причин имелся, но мы-то с вами, любезный читатель, договорились рассматривать проблему с высоты знаний людей XXI века! А нам Украина и страны Балтии очень хорошо показали, как выгодно «сидеть на транзите», получая нехилые дивиденды от «торговли географией». Поэтому нам удобнее всего будет понять и запомнить, что борьба между Всеславичами и Мономашичами велась за контроль над интермодальным коридором.[3] А остальные причины известны специалистам. Кому интересно, могут почитать специальную литературу.

Вот они, полоцкие соперники Мономашичей — князья Рогволд Друцкий, Ростислав Лукомский, Святослав Витебский, Брячислав Изяславльский с главой рода Давыдом Всеславичем князем Полоцким. Всего пять князей, имена которых донесли до нас летописи и другие сохранившиеся с тех времен сведения.

Остальные ветви рода Рюриковичей, правившие на Руси в 1125 году, ведут свое начало от внуков Ярослава Мудрого. Ничего удивительного в этом нет — в усобице 1015–1024 годов, начавшейся после смерти Владимира Крестителя, выжили всего трое его сыновей из двенадцати. Ярослав (позже получивший прозвище Мудрый), Мстислав и Судислав, правивший в Пскове и в борьбу за Киевский стол не влезавший. Однако Мстислав спустя несколько лет умер бездетным — по официальной версии, погиб на охоте. Сведений же о детях погибших в усобице братьев Ярослава Мудрого очень мало, во всяком случае, участвовать в борьбе за великое княжение Киевское они возможностей не имели. Больше так же активно, как после смерти Владимира Крестителя, Рюриковичи самоистреблением не занимались, поэтому клан их разросся, а родство стало столь отдаленным, что уже не препятствовало внутриклановым бракам, хотя православие относится к бракам между родственниками гораздо строже, чем католицизм.

Вторая группировка, которая тоже не питала нежных чувств к Мономашичам, это — князья перемышльские (позже эти земли получили наименование «Галиция»). Потомки старшего внука Ярослава Мудрого — Ростислава — так и стали называться Ростиславичами. Сели они на свои княжеские столы после смерти отцов всего за год до описываемых событий — в 1124 году — и разделили княжество Перемышльское на четыре удела: Перемышль, Галич, Звенигород и Теребовль. Резались между собой так, что приходилось вмешиваться Киеву, воевали с соседями — русскими князьями, болгарами, поляками, венграми — и все время поглядывали на Волынь, которая когда-то была дана их роду, но потом передана Киевом в другие руки. На Любечском княжеском съезде в 1097 году, разделившем Русь на владения отдельных ветвей рода Рюриковичей, Ростиславичам не удалось вернуть себе Волынь, что не прибавило им любви к Киеву.

Давайте, любезный читатель, не будем больше углубляться в то, кто у кого какой кусок оттягал, кто на ком женился и прочие подробности — только запутаемся и устанем. Лучше попробуем определить, чем ветвь Ростиславичей может быть понятна (а потому запомнится) человеку начала XXI столетия. Таких обстоятельств два. Первое — «из варяг в греки» можно было пройти не только по Днепру через Киев, но и по Днестру через владения князей перемышльских. Так что и они тоже «сидели на транзите», хотя товаропоток по Днестру был существенно жиже, чем по Днепру. Но кроме водного пути они контролировали еще и очень важный сухопутный маршрут: Киев — Краков — Прага — Регенсбург. Плюс к этому, Ростиславичи владели богатейшими соляными копями (по тем временам — просто золотое дно!). Киев, разумеется, желал иметь во всем этом свою долю, а Ростиславичи, вполне естественно, делиться не желали (и так у них Волынь отняли). Вот эти-то противоречия с Киевом и определили во многом второе обстоятельство — князей перемышльских, пожалуй, можно назвать предтечами «западенцев». Да-да, все начиналось отнюдь не с гетманов Мазепы и Скоропадского или со Степана Бандеры! Еще и «клятых москалей» в природе не существовало, за отсутствием самой Москвы, а «западенцы» уже начали образовываться и им ближе оказалась… Византия, чем Киев и Киевская Русь. Что ж, любезный читатель, разве не знакомы нам «деятели», для которых «светом в окошке», примером для подражания ВО ВСЕМ и надеждой на спонсирование является не собственная страна, а США или Великобритания? Так же, как в середине XX века кое-кто тянулся

подальше от Москвы и поближе к Берлину? Вот так же и тогда для князей перемышльских — в Киеве враги, а в Царьграде… ну, скажем, «добрый дядюшка».

«Незалэжный шлях» берет свое начало еще из тех времен! Потом Перемышльское княжество превратится в Галицкое, потом оно вберет в себя Волынь, потом примет униатство и подчинится власти Папы Римского, потом… кто только впоследствии не хозяйничал на этой земле! Для великоросского менталитета выглядит странным поиск повода для гордости в том, что твоя земля доступна чуть ли не каждому, но постоянно не принадлежит никому! Однако это есть…[4] Впрочем, американцы говорят: «Моя страна неправа, но это — моя страна!» Может быть, и здесь примерно то же самое? Так стоит ли смешить людей поисками «древних укров», если можно просто повнимательнее присмотреться к реальной истории? Начало же всему этому положили князья перемышльские. Осенью 1125 года их было четверо: Владимирко Звенигородский, Ростислав Перемышльский, Игорь Галицкий и Ростислав Теребовльский.

Так что, любезный читатель, есть на карте Киевской Руси 1125 года два пятна, где правят две старшие ветви рода Рюриковичей и где Киев, мягко говоря, не жалуют — княжество Полоцкое и княжество Перемышльское, а в привычных нам терминах — будущая Белоруссия и будущая Галиция.

Есть и еще такие пятна, но о них поговорим позже, поскольку сейчас у нас речь зайдет о третьей по старшинству ветви Рюриковичей — Святополчичах,[5] а она своего княжества не имеет.

Внук Ярослава Мудрого Святополк Изяславич получил великое княжение Киевское в соответствии с лествичным правом и главенствовал над Русью до самой своей смерти в 1113 году. А вот дальше начались неприятности. По старшинству рода на Киевский стол должен был взойти кто-то из троих братьев из следующей ветви — Святославичей, но… (ох уж это проклятое «но»!). В Киев без очереди влез Владимир Мономах, которому по правилам предстояло еще ждать и ждать! Утвердился и княжил целых двенадцать лет, а потом передал великое княжение не тем, кому было положено, а своему старшему сыну Мстиславу.

Для князя Ярослава (того самого, что по воле автора был другом молодости Корнея Лисовина) — старшего сына Святополка Изяславича — Мономах стал фигурой роковой. Получив в свое распоряжение Волынь, Ярослав претендовал еще и на Турово-Пинские земли, тем более, что в Пинске и Турове сидели его младшие братья Изяслав и Брячислав, правда, не полновластными князьями, а, по молодости лет,[6] лишь на

кормлении.

Что уж там произошло между Мономахом и Ярославом, сейчас сказать трудно — летописцы всю вину за конфликт возлагают на Ярослава, но это и неудивительно, историю-то пишут победители, а победителем был Мономах. Сначала он два месяца осаждал князя Ярослава во Владимире-Волынском, дабы принудить к повиновению, и, по свидетельству летописцев, принудил. Но через год «выбеже Ярослав Святополчичь из Володимеря в угры, и бояре его отступиша от него». Потом князь Ярослав пришел возвращать себе Волынь с польскими и венгерскими войсками, но при осаде стольного града был убит.

Конфликт между Владимиром Мономахом и Ярославом Святополчичем, надо полагать, был очень серьезным, вплоть до того, что Ярослав выгнал свою жену — внучку Мономаха, на которой он был женат вторым браком.

Для чего вам, любезный читатель, знать все эти подробности? Ну, во-первых, потому, что именно с этой ветвью рода Рюриковичей, по авторскому произволу, состоит в родстве Корней Лисовин, а значит, и его внук Мишка. А во-вторых… история, конечно, не знает сослагательного наклонения, но все же…

Ведь Ярослава Святополчича, так же как и князей перемышльских, тоже можно считать предтечей «западенцев» — первым браком он был женат на сестре польского короля Болеслава Кривоустого, а сам Болеслав женился на сестре Ярослава Сбыславе Святополковне; сочувствие своим бедам (вплоть до предоставления войск) Ярослав находил и при польском дворе, и при венгерском, а вот с Киевом дошло до вооруженных столкновений.

Представим себе на минутку, что победил в конфликте не Мономах, а Ярослав, и ему удалось бы сколотить антикиевскую коалицию из княжеств Перемышльского, Волынского и Турово-Пинского (вместе почти четверть Киевской Руси!). А не имели бы мы сейчас, вместо просто Западной Украины, самостоятельное государство типа Македонии или Словакии?

Что ж получается? Выходит, войска НКВД-МГБ СССР, шерстившие Западную Украину в конце первой половины XX века, были продолжателями дела Владимира Мономаха? А нам — солдатикам полка КГБ, засевшего в глубине Карпат, вовсе не случайно читали лекции по истории Киевской Руси да возили на экскурсии?

Вот таким, совершенно неожиданным, боком поворачивается порой история, а корни недавних вроде бы событий обнаруживаются в глубокой-глубокой древности. Казалось бы, какая связь между дружиной Владимира Мономаха и войсками

КГБ? Что общего между современным интермодальным коридором и путем «из варяг в греки»? А вот поди ж ты…

Итак, что же за родня досталась по авторскому произволу Мишке Лисовину? Во-первых, младшие братья покойного Ярослава Святополчича — князья Изяслав и Брячислав. Об обоих известно очень мало. О Брячиславе только даты рождения и смерти — 1104 и 1128 годы. А об Изяславе и того меньше — только дата смерти — 1127 год.

Остались после Ярослава Святополчича и два сына. Старший — от первой жены — Вячеслав Ярославич упомянут в летописях всего лишь один раз как владетель города Клецка. Младший — от второго брака — Юрий Ярославич. О нем известно чуть больше, но нет даты рождения и даже существуют некоторые сомнения в его законнорожденности. Однако княжил и прожил до 1167 года.

Вот такова третья по старшинству ветвь рода Рюриковичей — угасающий, потерявший влияние клан. Князья Изяслав и Брячислав Святополчичи еще сохраняют формальное право занять Киевский стол, но реализовать это право у них шансов нет, а их племянники Вячеслав и Юрий этого права уже лишились — их отец умер, на великокняжеском столе так и не посидев.

Четвертой ветвью рода Рюриковичей были Святославичи Черниговские. Ее родоначальник Святослав Ярославич (сын Ярослава Мудрого) оставил потомкам весьма скверное наследство — захватил Киевский великий стол при живом старшем брате Изяславе. После смерти Святослава Изяслав вернулся в Киев, и княжение Святослава расценивалось современниками как нелегитимное — не дающее его детям права на великокняжеский стол. Сами Святославичи с этим, разумеется, были не согласны, а уж когда Владимир Мономах утвердился в Киеве «не в очередь», так и подавно!

А народец в этой семейке подобрался лихой. Самым знаменитым из братьев Святославичей был князь Олег. На основе его биографии можно было бы написать авантюрный роман. После смерти отца князь Олег, княживший тогда на Волыни, затеял войну с Киевом, пытаясь заполучить себе Чернигов, и отбил-таки для себя стольный град, одержав победу над войском Владимира Мономаха. Однако через два года сам был разбит и бежал в Тмутаракань. Там он был захвачен в плен хазарами и увезен в Константинополь. В плену Олег женился на знатной гречанке, выкупился из плена и вернулся на Русь. Снова, в союзе с половцами, выбил Владимира Мономаха из Чернигова, но опять не удержался на Черниговском столе. По решению семейного

совета Рюриковичей должен был предстать перед княжеским судом в Смоленске, однако на суд не явился, а опять устроил войну, захватил Муром и Рязань. В сражении с ним был разбит и погиб сын Мономаха Изяслав. Потом Олег, вместе с братом Ярославом, захватил Суздаль и Ростов Великий.

И снова, как и в делах полоцких, старший сын Мономаха Мстислав оказался круче отца — разбил войско Олега и Ярослава, то есть, как принято сейчас выражаться, принудил их к миру. После этого, на княжеском съезде в Любече, князю Олегу отдали Северское княжество (лишь бы как-то успокоился наконец), но таков уж был характер у этого деятеля, что успокоиться он не мог никак — даже всего за несколько месяцев до своей кончины он умудрился устроить свару с Мономахом по поводу места размещения саркофага святых Бориса и Глеба.

В 1125 году Олег «Гориславич» (горящий славой)[7] был уже десять лет как мертв, но он оставил после себя четверых сыновей, характером пошедших в папочку. Однако пока в княжестве Черниговском относительно тихо — на Черниговском столе сидит последний из оставшихся в живых внуков Ярослава Мудрого, тоже именем Ярослав. Ведет себя в отношении Киева послушно, ибо сидит исключительно благоволением Мономаха и сына его Мстислава. Ничего удивительного, при таких-то племянниках! А Киев намеренно поддерживает уже немолодого и не претендующего (хотя и имеющего право) на великий стол князя Ярослава.

Такой вот «спокойный» период выдался в жизни княжества Черниговского. Но это не очень надолго! Сыновья Олега Гориславича — Ольговичи — крови Мономашичам еще попортят!

Пока же на Черниговской земле только три владетельных князя: Ярослав Черниговский, Всеволод Муромский и Всеволод Северский. Но слабость князя Ярослава сказывается и на том, что Черниговское княжество уже начинает расползаться на уделы. Всеволод Северский с братьями только терпят над собой главенство Чернигова (потому что за спиной у того маячит грозный Мстислав Мономашич Киевский), а молодая энергичная Рязань начинает оттеснять от главенства древний Муром. Княжество уже становится не просто Муромским, а Муромо-Рязанским, и недалеко уже то время, когда Рязань станет стольным градом самостоятельного удела.

И, наконец, пятая (только пятая!) по старшинству ветвь — Мономашичи. Они пока еще едины, им еще надо закрепиться, окончательно порушив обычаи лествичного права (и Мономах сел в Киеве не по праву, а уж Мстислав-то Мономашич и подавно!).

Под Мономашичами почти вся Русь, лишь в трех, выражаясь современным языком, регионах властвуют князья других ветвей рода Рюриковичей — в княжествах Полоцком, Перемышльском и Черниговском. А под Мономашичами великое княжество Киевское (Мстислав), Переяславское (Ярополк), Турово-Пинское (Вячеслав), Смоленское (сын Мстислава Изяслав), Суздальское (Юрий), земли Господина Великого Новгорода (сын Мстислава Всеволод), Волынь (Андрей).

Вот с этой-то, лишь пятой по старшинству, ветвью рода Рюриковичей и будет связана судьба русской монархии до самого последнего из Рюриковичей на троне — сына Ивана Грозного Федора Иоанновича. Все исторические имена, зацепившиеся в нашей, любезный читатель, памяти со школьных времен — Всеволод Большое Гнездо, Александр Невский, Иван Калита, Дмитрий Донской, — все они были потомками Владимира Мономаха!

Что же мы знаем о первом поколении Мономашичей?

Мстислав Владимирович великий князь Киевский. Историческое прозвище — Мстислав Великий. В 1125 году ему исполнилось 49 лет. Прекрасный политик и полководец, умен, крут, беспощаден. На великокняжеском столе ему — самое место. Способен руководить державой, гасить внутренние конфликты и противостоять внешней агрессии.

Ярополк Владимирович. 43 года. Лихой рубака, прирожденный воин, но как политик почти полный ноль. К тому же бездетен, а посему, в династическом смысле, совершенно бесперспективен. Переяславское княжение как раз для него — оберегать степные рубежи, держать в страхе кочевников, контролировать транзит по Днепру. Однако мечтает о Киевском столе, хотя совершенно для управления державой не годится.

Вячеслав Владимирович Туровский. 42 года. Серая, бесцветная личность, мало на что способен и почти ничего не хочет. Впрочем, как и все братья, хочет посидеть на великом княжении, но ни политическими, ни военными талантами подкрепить это желание не может. Единственная, пожалуй, примечательная черта его биографии — рекордное количество княжеств, которыми он хоть краткий срок, но поуправлял — более полудюжины! Похоже, что не сам перебирался с места на место, а более активные и целеустремленные родственники перемещали его туда, куда им было нужно. Вот и в Турове, скорее всего, посажен для того, чтобы Туровский стол числился за Мономашичами, а на деле Турово-Пинская земля так и осталась в области великого княжения — у Мстислава Владимировича не забалуешься!

Юрий Владимирович Суздальский, впоследствии получит прозвище «Долгорукий». 30 лет. Отчаянный властолюбец, бабник и интриган. Умен, энергичен, небесталанен как военный. В семье нелюбим, держится несколько особняком от братьев. Да и княжит он на отшибе — в тех местах, которые тогда назывались Украиной, — это нынешние Московская, Владимирская и Ярославская области.

Андрей Владимирович Волынский, впоследствии заслужит прозвище «Добрый». 23 года. Молод, смел, прямолинеен. Умеет показать зубы и ляхам, и князьям перемышльским, да и своевольному волынскому боярству окорот дать.

Ну и два сына Мстислава, уже имеющие свои княжества, — Всеволод Новгородский и Изяслав Смоленский. Всеволоду 30 лет, Изяславу — 28, но какие разные люди, просто не верится, что дети одного отца! Всеволод — прямо-таки «второе издание» дяди Вячеслава Туровского — бездарен и бесцветен. Все больше и больше упускает из рук власть в Новгороде Великом, не находя средств противостоять амбициям новгородского боярства — не княжьего боярства, а городского! Совершает одну глупость за другой, настраивая против себя население Новгорода. А бояре потихоньку превращают Всеволода из князя в просто командира наемного войска. В конце концов доиграется и его из Новгорода попрут. И это наследник великого князя! Какое разительное отличие от отца и от младшего брата Изяслава Мстиславича!

Изяслав — блестящий, выражаясь сегодняшними терминами, кризис-менеджер, талантливый военный… эх, ему бы наследовать Мстиславу Великому! Глядишь, и утвердилась бы на русском престоле династия Мономашичей еще в XII веке! А там…

Так вот, любезный читатель, и окинули мы Киевскую Русь образца 1125 года взглядом с высоты знаний человека XXI столетия. Все? Ах да! Есть еще два момента, которые необходимо упомянуть.

Во-первых, уже произошла первая существенная территориальная потеря — исчезло княжество Тмутараканское. То есть сама-то земля с населением никуда конечно же не делась, но территория эта уже принадлежит Византийской империи. Допрыгались князюшки — пока с собственными разборками кувыркались, империя тут как тут — было княжество, и нету!

А во-вторых, мы чуть не позабыли об еще одной ветви рода Рюриковичей — шестой. Веточка так себе, да и листочек на ней только один, однако помянуть следует. Князь Всеволод (Всеволодко) Городненский. Известно о нем очень мало. Места и даты рождения мы не знаем, считается, что отцом его был Давыд Игоревич, изгнанный за злодейства с Волынского стола и

умерший в ссылке, но даже и в этом полной уверенности нет. Известно, что Всеволод был женат на дочери Мономаха Агафье, но даты рождения детей нам неведомы, даже имена дочерей до наших времен не дошли.

Да и самого княжества Городненского в 1125 году официально еще не было, а был город Городно, стоящий на отвоеванных у ятвягов землях. Сам Всеволод считается родоначальником городненских князей, но после смерти его последнего сына княжество Городненское перестало существовать. С этим княжеством все настолько неясно, что даже оспаривается идентичность города Городно с нынешним Гродно. [8] В общем, все не ясно, а значит, есть простор для авторской фантазии.

Вот такая ситуация. Русью практически безраздельно владеют Мономашичи, представители других ветвей рода Рюриковичей оттеснены на окраины и либо сидят тихо, либо ищут союзников на стороне. И с чего бы, казалось, Руси колоться и дробиться? Вроде бы все наоборот, сложились вполне благоприятные условия для перехода к классическому престолонаследию — от отца к старшему сыну — и формирования уже не великокняжеской, а царской династии. Тем более что и формальный повод для этого имеется — в свое время патриарх Эфесский помазал Владимира Мономаха на царство, и Византийская империя готова была официально признать его русским царем.

Причин дробления Киевской Руси на уделы специалистами и теми, кто себя таковыми воображает, называется множество. Скорее всего, даже наверняка, процесс дробления определяла не какая-то одна причина, а целый их комплекс. Тем более что распад длился долго — столетия. Ничего не поделаешь, Средневековье жило совершенно иными темпами, нежели те, к которым привыкли наши современники, любезный читатель. Медленно все шло, очень медленно. Следовательно, мы можем говорить даже не о причинах, а об устойчивых тенденциях исторического процесса, а против этого не попрешь, будь ты хоть трижды великий князь или даже полноценный царь.

И все-таки, был ли у Мономашичей шанс сохранить державу? Ну интересно же! Особенно тем, кто своими глазами наблюдал распад другой державы — Советского Союза.

А давайте-ка, любезный читатель, попробуем оценить действия Мономаха и Мономашичей как действия управленцев, то есть попытаемся понять: какие цели они для себя ставили, какие средства использовали и каких результатов достигли?

Перво-наперво, сам Мономах.

Активнейший по тем временам публицист — постоянно

обличает и увещевает, призывает к наказанию порока. Общественный деятель — непременный участник (а зачастую и инициатор) всех княжеских съездов. В терминах XXI века, несомненно, ПОЛИТИК, причем успешный.

Воюет с переменным успехом (бывает бит, и даже крепко), но конечный результат военного противостояния всегда в пользу Мономаха. СТРАТЕГ!

Киев заполучил себе на волне народного восстания, именно в тот момент, когда «верхи не могли, а низы не хотели». АНАЛИТИК!

Не брезговал подчищать летописи и наводить на Русь степняков… Эх, чего там мелочиться! МАКИАВЕЛЛИ!

Мудро расставил кадры (сыновей) в соответствии с их деловыми качествами. Вояки Ярополк и Андрей берегут рубежи, бездарный и пассивный Вячеслав гарантирует своей никчемностью лояльность Турово-Пинской земли (не забываем: две ветви интермодального коридора!). Не в меру активный Юрий засажен в глухомань и при нужде может ударить в спину черниговцам. (Заметим в скобках, что и ударял — оттягал-таки у Чернигова земельку, на которой ныне стоит Москва.) Крутой и умный Мстислав (не публицист, правда, а так весь в папу) назначен наследником. Кадры решают все! УПРАВЛЕНЕЦ!

Не упустил возможности заполучить себе царский венец и подняться от высочества (Европа величала герцогом Киевским) до величества. МОНАРХ!

Цель несомненна — самодержавие и основание царской династии. Средства задействованы практически ВСЕ. Результат… увы, он зависел не только от самого Мономаха, а и от его потомков. Но им БЫЛА ДАНА ВОЗМОЖНОСТЬ!

Потомки же…

Вроде бы в своем политическом завещании Мономах и велел сыновьям слушаться старшего брата «отца вместо». Все как будто логично. Но тут же и указал сыновьям сидеть на Киевском великом столе поочередно! Где логика? Где? Я вас спрашиваю, любезный читатель! И вы, начитавшись, насмотревшись, наслушавшись всего того, что обрушивают на нас самые разные информационные потоки, не можете не задаться вопросом: «А не подчистили ли братики Мономашичи папино завещание?» А что? Вполне в духе времени — и сам Мономах «редакторских трудов» не гнушался! Однако не будем горячиться, любезный читатель!

Это мы с вами, натренированные детективами, способны углядеть в самых обычных событиях коварные многоходовки и сверхзакрученные интриги. Плюс нам, в отличие от людей XII века, кажется вполне естественным «классическое»

престолонаследие — от отца к старшему сыну. А вот для наших предков ничего естественного и привычного в этом не было. Как тогда осуществлялось престолонаследие в Византии? Да так, что сын почившего императора мог оказаться на троне скорее случайно, чем закономерно! Как тот же процесс шел в Скандинавии, с которой у Руси были теснейшие культурные и экономические связи? Да на основании того же самого лествичного права — от старшего брата к следующему! Да и во многих других местах происходило то же самое! Современник Мономаха польский король Болеслав Кривоустый так же по завещанию разделил Польшу между своими сыновьями.

Так что не ищите, любезный читатель, в действиях Владимира Мономаха логики — нашей, понятной нам логики — у него была своя! Привычная, понятная и ему, и его современникам. «Классическое» в нашем понимании престолонаследие в XII веке было бы не чем иным, как революцией! Поэтому подделкой надо было бы считать такое завещание, где Мономах НЕ НАПИСАЛ БЫ того, что там написано.

Вот тут-то и разошлись цели Мстислава и остальных Мономашичей, вот тут-то и прошла первая трещина по фундаменту проекта Владимира Мономаха «Русское царство»!

Цель Мстислава Владимировича — монархия с «классической» системой престолонаследия — от отца к старшему сыну.

Цель его братьев — сесть на Киевский стол в соответствии с лествичной системой.

Была ли у Мстислава возможность достичь своей цели? Что мы знаем о тяжких думах отца, сознающего полную непригодность старшего сына к продолжению отцовского дела? Понимал ли он, что братья взлелеяли «себя в державности, а не державность в себе»? Мы не знаем, но можем догадываться, потому что помним (кто лучше, кто хуже) отечественную историю. Помним, что Петр I насмерть запытал своего старшего сына Алексея. Помним, что Павел I не верил старшему сыну Александру и правильно делал! Помним, что Александр III перед смертью умолял старшего сына Николая отречься от престола, как только достигнет совершеннолетия следующий сын…

Длинная у нашей страны история — больше тысячи лет — и бывало в ней всякое. А еще, нет в науке управления (особенно государственного) понятий: «хорошо — плохо», «нравственно — безнравственно», «справедливо — несправедливо» — есть только «целесообразно — нецелесообразно». Было ли для Мстислава Владимировича целесообразным поступить с братьями так, как,

возможно, поступил в свое время Ярослав Мудрый? Нет человека — нет проблемы. И остаться один на один с князьями полоцкими, черниговскими, перемышльскими? «Разобраться» и с ними? А хватило бы сил? А если бы и хватило, то не пугали бы сейчас именем «Мстислава Грозного» так же, как именем Ивана IV?

Устроить резню по всей стране? Посадить на стоящий в кровавой луже престол сына Изяслава? А кто, собственно, сказал, что Мстислав не начал этот процесс? Полоцкое-то княжество он вычистил! Да, не убил полоцких князей, а выслал в Византию. Человеколюбец? Или расчетливый политик?

Что мы знаем о думах Мстислава Владимировича? Во всяком случае, ШАНС БЫЛ!

А вот у братьев Мономашичей шансов сохранить державу не было! Не было и быть не могло!

Они, под руководством отца, дружными усилиями разрушили прежнюю систему ротации на высшем уровне управления государством. Старую, утратившую актуальность, чреватую перманентными конфликтами, но ЕЩЕ РАБОТАВШУЮ. Они заменили лествичное право правом сильного. Долго такое длиться не может, потому что приводит к войне «всех против всех». Нужен был следующий шаг, он был необходим, ибо старый Закон рухнул, и на его место пришло беззаконие, а дальше — либо новый Закон, либо распад.

Очень любят у нас сейчас цитировать слова «Интернационала»: «…до основанья, а затем…», — приписывая эти намерения исключительно коммунистам и как-то забывая (или игнорируя) тот факт, что человеческая история буквально переполнена примерами применения именно этой технологии. Христианство рушило античный мир именно «до основанья, а затем…», централизация государств уничтожала феодальное самовластье «до основанья, а затем…», испанцы в Южной Америке и англичане в Северной тоже применяли к индейцам принцип «до основанья, а затем…». А Версальский договор после Первой мировой войны? А Бретонвудские соглашения перед окончанием Второй мировой? Да то же самое — прежнее мироустройство рушилось «до основанья, а затем…»!

С точки зрения управления ключевое слово здесь вовсе не «до основания»! Ключевое слов «затем»! «Затем» должно, обязано (!) создаваться нечто новое, а к разрушенному «до основания» возвратиться невозможно. Система, пардон, прошла точку бифуркации.

Мономашичи же захотели «вернуть все взад» — опять лествичное право, но только не для всех Рюриковичей, а для избранных — для Мономашичей. А вот фигос под нос, как

выражались в неинтеллигентных компаниях во времена детства автора! Рюриковичи уже приняли право сильного, сами же Мономашичи и вынудили их его принять! А теперь «ребята, давайте жить дружно»? Э-э нет! Не выйдет! Другие Рюриковичи тоже не в дровах найдены и «поискать великого княжения» считают себя просто обязанными (если представится возможность). И именно силой Мономашичи сами Закон и порушили!

Значит, Киевская Русь была обречена на распад? А что, собственно, вас так удивляет, любезный читатель, разве мы не наблюдали примерно то же самое в конце восьмидесятых годов XX столетия? Некто М. С. Горбачев тоже порушил прежнюю систему, а вот «затем» у него не получилось (откровенно говоря, даже не очень верится в то, что он сам четко представлял себе, что должно последовать «затем»), ГКЧП попытался «вернуть все взад»… результат нам известен. Нужны еще аналогии? Да пожалуйста!

Княжьи семейства, утратившие надежды заполучить когда-нибудь великое Киевское княжение, волей-неволей вынуждены были обустраивать и укреплять собственные уделы (отчины), чтобы не лишиться еще и их. И сразу же встал вопрос: «А на кой нам тогда Киев? Своим умом проживем!» И стоило только Киеву дать слабину…

То же самое и в СССР. За жизнь трех поколений при советской власти бывшие отсталые окраины обрели промышленность, вырастили национальную интеллигенцию, а кое-кто обрел то, чего не имел никогда, — собственную письменность и государственность! И что же, оставаться в роли «младшего брата», как в начале века? Стоило только Москве дать слабину…

Да, длинная у нас история, и ничто в ней не внове… хочешь не хочешь, а вспомнишь Екклезиаста: «Бывает нечто, о чем говорят: „Смотри, это новое“; но это уже было в веках, прошедших до нас». Жаль державу, слов нет — жаль до слез, но ведь был же в нашей истории великий писатель Алексей Толстой, и его роман «Хождение по мукам», и в том романе слова: «Уезд от нас останется, и оттуда пойдет Русская земля!»

А пока… сроку великому князю Киевскому Мстиславу Владимировичу было отпущено всего семь лет. За это время он должен был «решить вопрос» и с братьями, и с другими ветвями Рюриковичей, и с тем, кто из сыновей станет его преемником. Не решил… Не смог или не захотел? Мы не знаем, но «Русское царство» в XII веке не появилось.

Всего этого Михаил Ратников, пребывающий в теле Мишки

Лисовина, не знает. Не знает он даже того, что через два года Мономашичи обрушатся всей мощью на Полоцкое княжество, и старшая ветвь Рюриковичей лишится полоцкого княжения. Говорила мама: «Учи историю»…

Часть первая
ВЕРНЕТСЯ ТОЛЬКО ПОЛОВИНА

ГЛАВА 1

Сентябрь 1125 года, берег реки Припять

— Ну-с, мистер Фокс, давненько мы с вами не беседовали, все время кругом чужие глаза и уши, а общение наше, сами понимаете, дело сугубо интимное. Оба раза, если помните, стоило мне вас кому-то показать, обязательно это скверно оборачивалось. Один раз вы от меня по загривку огребли… да-да, только вот обижаться не надо, не надо! Сам виноват, скотина бронзовая! Управлять он мной вздумал! И нечего морду кривить, по заслугам получил!..

М-да… второй раз, конечно, вам сильнее досталось, и тут вашей вины нет… кто ж знал, что герр бургомистр так разгорячится? Хотя в образе Туробоя это для него, пожалуй, нормально. Хорошо хоть на куски не рассек! Я на следующий день чуть ли не целый час на карачках ползал, пока вас в траве отыскал. Столько всего за несколько дней произошло, даже не знаю, с чего и начать…

Боярич Михаил сын Фролов по кличке Бешеный Лис, сотник младшей дружины Погорынского войска, задумчиво покрутил в руке бронзовую фигурку лиса, попорченную двумя зарубками: одной — поменьше — на загривке, другой — побольше — на боку возле правой задней ноги. Фигурка изображала вздыбившегося в хищном прыжке лиса. Чеканка была исполнена настолько искусно, что обозначены были даже встопорщенная на загривке шерсть, когти на лапах и клыки в ощеренной пасти. А еще был в этой статуэтке какой-то секрет — в лунном свете либо при искусственном освещении при малейшем изменении положения фигурки тени на морде лиса играли так, что создавалось полное впечатление живой мимики.

— Ну что ж… начну, пожалуй, с радостного известия — ребята с купеческого отделения Академии нашлись. Не то чтобы совсем нашлись, но теперь уже ясно, что с ладьи они сумели убраться живыми и здоровыми… почти все.

Возвращались они из Пинска… Осьма, паскуда Спиридон, чтоб ему на том свете сковородка погорячее досталась, четверо гребцов и пятнадцать отроков. Гм, прямо:

> Пятнадцать человек на сундук мертвеца,
> Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Нет, это я куда-то не туда заехал, извиняйте, мистер Фокс.

Возвращались они, значит, из Пинска и повстречали две ладьи с ляхами. Впрочем, не то чтобы повстречали, а так — те у берега стояли и не то разгружали что-то, не то грузили… трудились, одним словом. Не понравились они Осьме сразу и скомандовал он гребцам: «Навались!», а отрокам: «К бою!» Опыт есть опыт, мастерство, как говорится, не пропьешь — увязались за ними ляхи… то есть они-то тогда еще не знали, что это ляхи, но… не суть! В общем, удалось нашим в устье Горыни завернуть, но там, против течения, ляхи соревнование по гребле выиграли, хоть ребята гребцам и помогали как могли. Осьма к берегу повернул, но тут так неудачно получилось, что ляхи сразу троих гребцов положили и Осьму в ногу ранили. То ли у ляхов лучники хорошие были, то ли так уж не повезло, но дело совсем кисло обернулось. Правда и наши, когда ляхи борт к борту свалиться вознамерились, тоже не лопухнулись — так из пятнадцати самострелов в упор врезали, что первая ладья больше никакого участия в событиях не принимала! А вот от второй пришлось на берегу спасаться — она и побольше была, потому и поотстала, и самострелы перестали сюрпризом быть… Одним словом, пришлось линять.

Когда на берег высаживались, их опять стрелами накрыло, только тем и спаслись, что щиты за спину закинуты были — почти у каждого по стреле в щите застряло, а у кого так и вовсе по две. Насквозь, правда, пробило только у троих — двое синяками отделались, а третьему и кольчугу с поддоспешником пробило, но рана неглубокая оказалась. Николе с пояса кинжал стрелой сорвало, Петьке как-то так сзади, да через бармицу, щеку почти до самых зубов просекло, еще нескольким кольчуги порвало да поцарапало малость. Хуже всех Осьме пришлось и последнему гребцу. Осьме, пока ребята его в кусты втаскивали, чем-то, похоже, арбалетным болтом, так по шлему врезало, что он обеспамятел, а гребцу стрела в спину вошла и через живот вышла. А паскуда Спиридон на берег с ними не сошел. То есть теперь-то мы знаем, что он при первой же опасности под носовой настил забился, да так там и сидел, пока его ляхи не вытащили, а отроки тогда подумали, что его вместе с гребцами убили.

В общем, попали ребята: двое взрослых — один без сознания, второй с разорванными кишками корчится, у урядника щека располосована, слова толком сказать не может, да и болевой шок. Хорошо хоть ляхи за ними в лес не полезли, видимо, все-таки впечатлил залп из самострелов.

И вот тут-то и показал себя Мефодий! Да, мистер Фокс, недооценил я этого торка, недооценил, каюсь. Все-таки разговоры о благородном происхождении, по нынешним временам, не такая

уж и глупость — элита формируется из пассионариев. Казалось бы, степняк, к лесу непривычен, хотя на занятия к Стерву ходил, конечно. Взял инициативу на себя, да так взял, что никто и пикнуть не посмел, хотя, как подумаешь…

Первое, с чего начал, добил раненного в живот холопа-гребца. Все понимаю: такое ранение ЗДЕСЬ — медленная и мучительная смерть, тащить его с собой — только усугубить его мучения, но… как-то это все… Представляю себе, каково было пацанам! Стоит этакое чудо над трупом, в руке нож, которым он только что гребца добил, и орет: «Слушай мою команду!» Клин клином вышиб — шок шоком.

В общем, привел ребят в порядок. Раненых перевязали, Осьме носилки соорудили, похоронили гребца и двинули пешим порядком через леса наугад, в юго-восточном направлении, в расчете добраться до первого попавшегося жилья.

Непросто пришлось, ребята-то все городские. Не такие, конечно, как жители мегаполисов, которые лес по телевизору чаще видят, чем там бывают, но все равно привычки по лесам шастать не имеющие. Да еще и дороги не знают — то в бурелом попадут, то к болоту выйдут. Но Мефодий молодец, носы вешать не позволял, еду луком добывал, порядок поддерживал, за Осьмой присматривал. Осьма, правда, плох был — то пластом без сознания лежал, то в бреду метался, стопа, стрелой пробитая, распухла.

Шли несколько дней, а потом двое ребят потерялись. Чтобы не попадать с носилками во всякие дебри, Мефодий велел по двое вперед уходить и путь разведывать, а остальные по их отметкам шли. Вот так Никола с Феоктистом однажды и шли вдвоем. Выбирали дорогу полегче, ветки заламывали, чтобы остальным путь указать… завечерело, выбрали место для ночевки, дров заготовили, а ребята все не идут. Еще подождали, нет никого! Представляете, мистер Фокс, как пацаны задергались?

Пошли назад по своим же отметкам, опять нет никого! Уже в сумерках наткнулись на медведя, болтами утыканного. Стали разбираться, получилось, что ребята вышли на зверя неожиданно, стрельнули все разом и рванули оттуда, не интересуясь результатом стрельбы. А зря, кстати сказать, не поинтересовались — медведю одним болтом позвоночник перебило, так что он только передними лапами перебирать мог, не догнал бы он ребят, но у страха-то глаза велики! Мальчишки все-таки.

Никола с Феоктистом зверя добили, а поиски отложили до утра — стемнело уже. А ночью дождичек прошел, так что никаких следов они не нашли. Двинули дальше вдвоем, сами того не ожидая, вышли к реке и решили ждать, не проплывет ли кто. С

одной стороны, стремно — вдруг ляхи опять попадутся, с другой — больно уж неохота было снова в лес забираться. Повезло — на следующий день увидали целый флот! Две ладьи и пять насадов — это мы были!

Десятник Глеб наших коней и обоз к Корнею увел — на правый берег Случи, а мои «курсанты», лесовики и огневцы, под командой десятника Егора и Семена Дырки, по воде пошли. Плыли-плыли и приплыли — Никола с Феоктистом на берегу глотки дерут да руками машут. Подобрали, накормили, расспросили. Стерв было в одиночку ребят и Осьму искать собрался, но я ему Николу с Феоктистом все же навязал — незачем купчишек с собой в боевой поход тащить. Предложил еще и Якова в помощники взять, но Стерв отказался, а я не настаивал — кто разведчиками-то командовать будет?

Оставили им один насад, чтобы до Княжьего Погоста легче добраться было, небесплатно, конечно, — Дырка еще тот жук. Никаких разговоров про то, что насад берем с возвратом, и слушать не захотел, пришлось обещать расплатиться из добычи. Так и то, зараза, мне на слово не поверил, пока десятник Егор не поручился. Ну и родич у Лехи Рябого, туды его в загривок!

Да, разделяю ваше негодование, мистер Фокс, целиком и полностью! Сотнику младшей дружины Погорынского войска — и на слово не верить! Прямо можно подумать, что в XX веке живем, а не в XII, черт побери! Еще и возрастом попрекать взялся! Так хотелось ребятам мигнуть, чтобы уму-разуму поучили… нельзя, едрит твою, союзник, блин!

И с Мефодием проблема… да еще какая! Взять-то он на себя командование взял, и получилось у него поначалу неплохо, но вот эпизод с медведем и потерей двух отроков… совершенно непростительно! Ведь не за десяток же километров они убежали! Можно же было просто покричать, ночью Никола с Феоктистом обязательно бы услышали. С утра могли… да не просто могли, а обязаны были пройти по отметкам, которые отроки из передового дозора накануне оставили! Почему ничего из этого сделано не было?

Хреново, прямо скажем, мистер Фокс! Очень хреново. Нарушен один из главных принципов — «Младшая стража своих не бросает!» Да, да, чеканный вы мой, получается, что Мефодий бросил Николу и Феоктиста. А теперь добавьте, что Мефодия и без того, мягко говоря, недолюбливали. И что получается? А то и получается, что вполне возможен бунт против такого командира. Либо его самого зарезать могут, либо ему, чтобы сохранить за собой командование, еще кого-то замочить придется, и первый кандидат на это — мой кузен Петька. Запросто ведь разборки

устроить может. Правда, ранен Петька… но не на месте у меня душа, мистер Фокс, ох, не на месте…

М-да… А потом застукали мы ляхов на переправе добычи через Припять. Это, надо понимать, часть налетчиков решила не увлекаться и уходить с тем, что удалось урвать с ходу. Захватили они маленькую рыбачью весь, всего в четыре дома, мобилизовали рыбачьи челны, задействовали две ладьи, которые у них были, и принялись переправлять шмотки, людей, скотину и прочее. Под верховых коней и скот даже паром сварганили и буксировали его ладьей.

Когда мы подошли, они уже почти закончили — на этом берегу оставалось человек двадцать ляхов, стадо всякой мелочи, вроде овец и коз, да с десяток пленных, чтобы за скотиной следить. Я с ребятами высадился на берег для удара с тыла, а Егор и Семен Дырка решили продемонстрировать на припятских волнах свои флотоводческие таланты.

Я, если помните, мистер Фокс, хотел использовать тактику стрелкового взвода Советской армии, с поправкой на скорострельность самострелов. Вот, думаю, здесь и попробуем. Велел ребятам снять доспех, оставив только шлемы, и достать из вещмешков маскировочные плащ-накидки с капюшонами. До полных маскхалатов у нас дело-то так и не дошло, да и плащ-накидки от лорда Корнея прятать пришлось — чем-то ему это все не нравится. Арсений, которого к нам десятник Егор приставил, воспротивился было, но я ему объяснил, что в рукопашный бой нам лезть все равно нельзя, а от стрелы или болта подвижность ребят убережет лучше, чем кольчуга.

Вроде бы сделали все по уму — выдвинулись к населенному пункту, поставили задачи каждому десятку, по-пластунски и короткими перебежками вышли на рубеж атаки… нет визуального контакта с противником! Ну что ты будешь делать?

Выслал вперед разведку… ждал, ждал, извелся весь, а потом выходит Яшка на околицу — в полный рост, не скрываясь, да еще и машет, зараза, — быстрее, мол, сюда бегите. Оказалось, что в рыбачьей веси и нет никого — все способные передвигаться собрались на берегу и, разинув варежки, пялились на бесплатное кино про то, как Егор и Семен Дырка стяжают славу адмирала Нельсона и Фрэнсиса Дрэйка.

Посмотреть было на что! Насады за рыбачьими челнами гоняются, наши две ладьи ляшскую посуду на абордаж берут, а с парома, сломав перила, коровы в воду сигают — топлесс и позабыв надеть купальные шапочки. Абордаж вообще-то длился недолго — ляхов на ладьях человек по пять было…

Что, мистер Фокс? Почему коровы были топлесс? Даже не

знаю. Я подобное зрелище как-то раз еще ТАМ наблюдал, и почему-то пришло в голову, что коровы именно топлесс, а не ню.

Вот так, а моих полководческих талантов хватило только на то, чтобы не всех ляхов на берегу перебить, а только тех, кто позатрапезнее других выглядел, пяток же прилично одетых и вооруженных получили по ногам и были оставлены для допроса. Тут, правда, ничего особо сложного не было, только отрокам целеуказание правильно дать. Не конец двадцатого века, когда знаков различия издали не разглядишь или их вообще нет, из-за чего судить приходится по косвенным признакам — ЗДЕСЬ все напоказ, ошибиться трудно.

Потом решили было на тот берег десантироваться, но и тут облом вышел: ляхи так густо стрелами и прочей метательной гадостью встретили, что мы плюнули и решили не связываться. Семен Дырка, правда, завелся — орал, что на четырех ладьях и четырех насадах мы вдоль берега так разойтись сможем, что ляхи везде не поспеют, но Егор его быстро окоротил: ляхи-то конные, а мы пешие, много ли навоюем? Перебьют наши мелкие отряды по очереди. Все равно они никуда не денутся — подойдет воевода Корней, переправимся и догоним. С пленными и скотиной быстро уйти не смогут, да и следы стада не спрячешь.

На том и порешили, а под горячую руку допросили пленных, мягко говоря, с пристрастием. Один, правда, почти сразу помер — болтом ему какой-то крупный сосуд в ноге порвало, трое ничего толком не знали, а вот пятый… Тут-то кое-какие непонятки и разъяснились.

Оказывается, ляхи в наших палестинах не так просто от сырости завелись — их князь Всеволод Городненский не только через свои земли пропустил, но и сопроводил до самой Припяти! Дал тягло и телеги для обоза и вел свою дружину рядом, не то охраняя ляхов, не то присматривая, чтобы те севернее Припяти не хулиганили. Вот и думай! С чего вдруг Всеволод Городненский против Мономашичей пошел — ведь на сестре Мстислава Киевского женат. Пленный нам этого, конечно, объяснить не мог, да мы и не спрашивали…

Ночью послали разведку на тот берег. Я было с ними намылился, но Егор на меня так глянул… только глянул, но и этого хватило. Ушел Яков с четырьмя разведчиками, Арсений (вот уж на все руки мастер) и двое огневцев за кормщиков на челнах. А я остался ждать да слушать охи и ругань Семена Дырки. Ему во время неудачного десанта прямо по наноснику шлема угадало, скорее всего, керамическим шариком из пращи — что-то более серьезное, скажем, стрела или арбалетный болт, его наверняка убили бы или уложили с серьезным сотрясением мозга. Наносник

от удара согнулся, и уже к ночи у Семена нос стал величиной с кулак, а под обоими глазами такие синячищи — прямо «мистер Икс» в маске! И ведь надо же — ни убитых, ни особо сильно раненых не было, а именно «адмиралу Дрэйку» так не повезло!

Да, мистер Фокс, скажу я вам: лучше уж самому десять раз в разведку смотаться, чем вот так сидеть и ждать. Но ничего, ребята вернулись целые и невредимые, доложили, что ляхи обоз отправили, а примерно полсотни конных задержались берег стеречь. Оставалось только ждать воеводу Корнея. Лесовики против конных ляхов точно не вояки, мои ребята — туда-сюда, как сложится, а каковы в бою огневцы, — неизвестно. По-любому, вряд ли дотягивают до уровня ратнинцев. С таким личным составом форсировать Припять на глазах у противника… лучше не надо.

А на следующий день вышел у меня, мистер Фокс, интересный разговор с десятником Егором. Очень интересный, смею вас заверить, я бы даже сказал, интереснейший!

С утречка, чтобы время зря не терять, решил я ребят потренировать в высадке с ладьи на берег — десант вроде бы как. А «адмирал Дрэйк» мне и инструктора дал — огневского мужика, откликающегося на кличку Колоброд. Ничего так мужик, чувствуется, бывалый, только один недостаток — чувство юмора у него… даже не знаю, с чем и сравнить… с колуном, что ли? Такое же «вострое» и «изящное». Объяснял вроде бы толково, а как дело до практики дошло, принялся действия моих ребят комментировать на уровне: «Дывысь, Голопупенко, яка чудна хвамилия — Зайцив!» И сам же, зараза, над своими шуточками первый ржет, идиотина косорылая!

Народ собираться на развлекуху начал, я уж решил занятия в другое место перенести — подальше от посторонних глаз, — и тут мои опричники показали, что тоже не лыком шиты! Только Колоброд надумал усилить педагогическое воздействие за счет пинков под зад, как на втором пинке и нарвался! Никита, которого он пнуть вознамерился, так незаметно для публики извернулся, что подставил под удар ножны меча, да еще пыром! А Колоброд-то в поршни обут, считай, почти босиком! Ох, как он взвыл, да на одной ноге запрыгал!

Ну я ребятам тут же подыграл — приказал эвакуировать раненого на ладью. Эвакуировали, хе-хе, а во время эвакуации, разумеется, совершенно случайно уронили в воду. Конечно же кинулись спасать. Глубины-то там было меньше чем по пояс, но спасали так старательно, что чуть не утопили. Короче, детский утренник первого января: «Эскадрилья конных водолазов под куполом цирка на льду». Чуть бедолага Колоброд смерть лютую

не принял. Чей сапог у него на спине отпечаток каблука оставил, так и не выяснили — толкучку-то ребята организовали, как в метро в час пик!

Народ на берегу развлекался на полную катушку — «адмирал Дрэйк», кажется, даже про распухший нос позабыл. Ржали так, что ляхам за Припятью слышно было, что уж они там про нас подумали, даже не представляю. Повеселились, одним словом, прямо обидно стало, когда десятник Егор весь этот балаган прекратил.

Отправил он моих ребят сушиться да в порядок себя приводить, а со мной завел разговор о том, что надо бы Погорынскому войску свою ладейную рать иметь, и если взяться обучать ее так, как у меня в Академии отроки учатся, то он бы мог и наставником этого дела побыть. Только вот на Пивени никакой путной науки не получится — неправильно мы место для крепости выбрали — нужна для этого хотя бы такая река, как Случь.

И так, знаете ли, мистер Фокс, он это излагал, что появилась у меня уверенность: давненько Егор это дело обдумывал и только ждал подходящего момента, чтобы идею на благодатную почву посеять. Все предусмотрел: и то, что моя лесопилка доски для судостроения может гнать, и то, что баб-холопок теперь в Ратном много, и, если сейчас льняного и конопляного семени прикупить, а на будущий год поля, которые возле сожженного Куньего городища остались, льном и коноплей засеять, то за зиму те холопки запросто парусины наткать и веревок наплести могут, и Сучка расспросил, умеет ли его артель ладьи строить. Сучок, правда, оказался в судостроении некомпетентен, но Егор, как выяснилось, знает, где можно хорошего мастера нанять.

И тут я возьми да и поинтересуйся: а где это многоуважаемый десятник Егор столь нехарактерные для Ратного навыки умудрился приобрести? А в ответ мне сей достойный муж такой мемуар поведал… верите ли, мистер Фокс, Рафаэль Сабатини отдыхает!

Пиратом он, оказывается, был в молодости! Нет, вы представляете, мистер Фокс, где Ратное и где джентльмены удачи? А? И тем не менее факт налицо! Три брата, младший Егорка — шестнадцатый год парню шел, повелись на ярмарке, как последние лохи, на приглашение какого-то приказчика попробовать греческого вина. Дегустаторы, туды их, на чужую ладью поперлись, никого не предупредив, сомелье недоделанные! Надрались, конечно, до изумления, а когда проспались, ладья уже черт-те где плыла. Братья, конечно, скандалить. Как уж там

вышло, Егор не уточнял, но грохнули они кого-то в драке, так что к хозяину ладьи попали уже в упакованном виде. А тот им предъяву выкатил: или суд за убийство, или пять лет у него служить будут. Нет, ну классический же развод, мистер Фокс, вы ж понимаете? Три молодых здоровых парня, военному делу обученные — старший и средний уже новики в Ратнинской сотне — и, считай, за бесплатно пять лет на дядю вкалывать будут!

Вот и погуляли они, помахали острым железом! На Висле, на Немане, на Западной Двине, на Нарве, даже на Одере! По всей южной Балтике, считай, прошлись, по островам… Я прямо ушам своим не верил! В конце второго года «службы» правда нарвались они на каких-то серьезных мужиков, как я понял. Старшего брата убили, хозяина, надо понимать, тоже, потому что, по рассказу Егора, дальше они служили уже вдвоем, не «за так», а за долю в добыче и в другой команде.

Однако подумайте, мистер Фокс: хозяин-кровосос убит, долгом больше никто не попрекает, отправляйтесь ребята домой! Так нет, понравилась им вольная жизнь! Да еще новый хозяин псковичом оказался, а братья, во время зимовки в Пскове, невест себе присмотрели. Какой там дом! Хотя могли, конечно, и другие обстоятельства быть.

А еще года через два пошла «черная полоса» — и с «промыслом» чего-то не заладилось, и второго брата в шторм за борт смыло, а молодую жену Егора во время пожара на торгу толпа чуть насмерть не затоптала. Ну бывает в жизни такое, мистер Фокс, вам ли не знать? Да только полоса полосе — рознь, случается, что и черная полоса на пользу. Так и тут — пошел Егор к попу, а тот, надо полагать, знал, какой такой «торговлей» сей беспутный прихожанин занимается, и провел среди него разъяснительную работу. Типа: переполнил ты, раб божий Егор, чашу терпения Господня, и только по заступничеству Богородицы кара тебя постигла не сразу, а дано тебе два знака — гибель брата и несчастье с женой. Третьего же знака не дожидайся, ибо чревато!

Егор внял. Завязал с преступным промыслом, собрал манатки и рванул в родные пенаты. Родители не знали: радоваться или плакать. Нашелся Егорушка — сам из себя весь богатырь, мошна серебра полна, подарков аж двое саней привез, да еще и красавица жена-псковитянка с полуторагодовалой внучкой! Однако пропали-то три сына, а вернулся лишь один!

Вот так, мистер Фокс, теперь понятно, почему Егор так лихо плавсредством в бою командовал? Приврал, разумеется, бывший «джентльмен удачи» изрядно, но то, что военно-морской опыт у

него имеется, сомнений не вызывает. А также можно догадаться, отчего Егор с лордом Корнеем в контрах. По всему видать, что, вернувшись в Ратное, наш «джентльмен удачи» тут же влип во внутренние разборки, причем на стороне «твердых христиан». А вот что непонятно, так это то, зачем лорд Корней меня и моих ребят все время с десятком Егора стыкует? Ладно, на переправе, скажем, мы невзначай сошлись, так уж вышло, но в рейд-то по землям Журавля дед меня с Егором вполне преднамеренно отправил! И сейчас тоже. Есть же Алексей, есть Глеб, они наставники в Академии, казалось бы, их к нам в походе приставлять и надо, а лорд Корней приставляет Егора.

Совершенно с вами согласен, мистер Фокс, их сиятельство граф Погорынский ничего просто так не делает. Думаете, лорд Корней собирается обзавестись собственным флотом? Что ж, предположение смелое, но имеет право на существование, особенно если вспомнить, что граф Погорынский имеет обыкновение держать в памяти нестандартные навыки и знания своих подчиненных. Однако не кажется ли вам, бронзовый друг мой, что эта версия как-то… на поверхности, что ли, лежит? Нет ли тут чего посерьезнее? Чего именно? Ну не знаю, не знаю… однако воспоминаниями о боевой молодости десятника Егора наш разговор тогда не кончился. Даже наоборот: воспоминания были отнюдь не главной частью.

Я-то, в безразмерной гордыне своей, вообразил, что один-единственный соображаю, какой в Ратном кадровый резерв имеется, и вдруг такой облом! Егор мне так прямо и заявил: то, что ратники своих сыновей в твою Младшую стражу не отдают, для тебя не оправдание! Есть семьи обозников и есть семьи повзрослевших детей холопок, которые вольную получили за то, что их ратники обрюхатили. Оказывается, операция прадеда Агея по повышению рождаемости в Ратном никакого особого успеха не имела! Нет, детей-то настругали, это дело нехитрое, а вот потом выучить их качественно да снарядить для службы смогли далеко не все «производители». Короче, в строй-то их, когда время пришло, поставили, но вот выжила едва половина: плохо обученные да с второсортной снарягой… Хорошо еще так, могли бы и все полечь. А потом и у них дети выросли, а кого плохо учили, тот и сам… понятно, в общем. То-то лорд Корней на качество обучения молодняка сетовал. Почти все на той проклятой переправе, где Данила облажался, и угробились. Да ладно бы только сами, они же и лучших воинов с собой уволокли, которые молодняк спасать пытались!

Так что, мистер Фокс, привычка холопок юзать никуда не делась, а детей от них к воинскому делу приучать перестали,

даже вроде бы как дурным тоном это считаться стало. А когда я у Юльки поинтересовался, она уверенно сказала, что десятка два ребят, духовно и физически здоровых, но которым не светит «призыв», в Ратном насобирать можно прямо сейчас. Правда возрастной состав в этих двух десятках примерно от 12 до 20 лет. И Илья подтвердил, что некоторым родителям сына в ратники определить было бы в радость. Но Егор этого не знает, он же упертый — традиции превыше всего! По старине, как от пращуров заповедано… тьфу, едрит твою, простите на грубом слове, мистер Фокс. В сотню «второсортных» ребят брать нельзя, а вот в ладейную рать можно попробовать. Вот и все, на что у него гибкости ума хватило. Хотя… если учесть, что природного, во многих поколениях, ратника можно рассматривать как рыцаря, определенный резон в его позиции есть. Есть, не отнимешь.

Я, бронзовый друг мой, еще до знакомства с вами принял одно принципиальное решение — не переть против исторических процессов, а вписываться в них, ну, может быть, чуть-чуть забегая вперед. Сейчас ведь по всей Европе десятки, если не сотни тысяч таких же Корнеев династии основывают, а в кильватере у них тянутся свои Лехи Рябые, Игнаты да Егоры. Вот и здесь, на Руси, тоже процесс пошел. От военной демократии, когда князь без совета с дружиной ни одного серьезного решения принять и реализовать не мог, постепенно осуществляется переход к феодализму, проще говоря — единовластию. И происходит это не только при княжеских дворах, но и на более низких уровнях управления — вот хотя бы и у нас в Ратном.

Были у нас десятники, был «совет ветеранов», был сход. И сотнику без учета их мнения никуда! То есть они, конечно, и сейчас есть, однако воеводе Погорынскому не указ. Нет, так прямо он их конечно же не посылает, но… вы же наблюдали, мистер Фокс, как лорд Корней меня в сотники Младшей дружины произвел и с десятниками Ратнинской сотни уравнял? И никто не пикнул! Еще недавно такое возможно было? Вот именно, вот именно — в кошмарных снах никто не видел! А теперь? Я же не зря про идущих в кильватере Игнатов и Лук… или Лукей? Как будет множественное число от «Лука»? Неважно! Короля играет свита! Не будь у деда новоиспеченных бояр, которые его, хочешь не хочешь, во всем поддерживать должны, никогда бы он на такое не решился!

Это, так сказать, смена приоритетов в аспекте государственного и муниципального управления. Но и в аспекте идеологическом то же самое происходит! Ратнинскому сотнику на четыре стороны оглядываться приходилось: на Православную церковь, на Перуново братство и на Макошино влияние —

всепроникающее, между прочим — женский фактор со счетов не сбросишь, а уж про Нинею — то и вовсе говорить нечего — без нее мира в Погорынье не добьешься. Их сиятельство Корней Агеич разруливал, конечно, эти заморочки просто виртуозно: церковь — инструмент подчинения и управления, на Перуновом капище — друг детства заведующим пристроен, а Настена… не то чтобы подруга — разница в возрасте все-таки, — но «своя баба». С Нинеей же пришлось договариваться, соблюдая прямо-таки дипломатический протокол.

Да, цинизм, я и не спорю… Что ты сказал, скотина бронзовая?! Я те сейчас покажу цинизм, светоч нравственности! Общечеловек гребаный, защитник прав секс-меньшинств! Нет в управлении понятий «нравственно — безнравственно», «прилично — неприлично», «хорошо — плохо», есть только «целесообразно — нецелесообразно»! И цель не оправдывает средства, а требует задействования всех доступных средств! Спасти же от управленческого беспредела может только идеология, которая одни средства признает приемлемыми, а другие нет. Понятно? А какая на хрен идеология в Ратном, если там сразу три набора нравственных императивов во все дыры пихают? Нет, не два, а именно три! Рассматривать все только через призму борьбы христианства и язычества — непростительное упрощение. Вы только представьте себе, мистер Фокс, что бы сказала Настена в ответ на Аристарховы откровения после визита к Нинее! Даже и представлять себе не хотите? Напрасно, напрасно, я бы послушал — очень занимательно и поучительно получиться могло бы.

И попробуй тут не стань циником, пока между всем этим маневрируешь. Да еще и ваш, мистер Фокс, шеф, вкупе с региональным менеджером с ранге Великой волхвы. Только Корней все эти сдержки и противовесы и мог разыграть, не хватаясь за оружие, на манер своего папочки Агея.

Вы думаете ТАМ не так? Ошибаетесь! Борьба с коррупцией, борьба с коррупцией… Какая, к черту, борьба, если чиновник не уверен: а не встанет ли все завтра-послезавтра опять с ног на голову? И как тут не попользоваться возможностями и не подготовить себе «запасной аэродром»? Не думают о будущем только идиоты. Если перспективы понятны, цели четко сформулированы, а ресурсы есть, чиновник горы свернуть способен! А если власть, пусть теоретически, может меняться раз в четыре года, какие к хренам собачьим перспективы? Еще Никита Кукурузник показал, как все можно с ног на голову ставить, а уж про Горби и не говорю.

Вот и у нас в Ратном — поди угадай, кто, когда и за какое место тебя схватит? А христианство перспективы дает! Дает, и не

спорьте! «Нет власти аще не от Бога», «Един Бог на небе — един царь на земле», «Помазанник Божий». Источник феодального права!

Знаете, мистер Фокс, что такое «источник права»? Нет? А что вы вообще знаете? Еще и рассуждать беретесь… Ладно, объясняю для узких специалистов в иной сфере деятельности. Источник права — корень, из которого растет все законодательство. Это какой-нибудь неоспоримый авторитет, на который опираются и к которому апеллируют, обосновывая решения, порождающие далеко идущие последствия, а также, в затруднительных случаях, когда готового рецепта нет. Источником права могут быть: обычай, прецедент, закон, религиозная норма. ТАМ, правда, кое-что новенькое изобрели: «единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ», но ЗДЕСЬ это неактуально совершенно.

Итак, обычай. А обычаи-то разные, несмотря на схожесть. Варяги свои с собой приволокли, туточки тоже всякое разное: перунисты, велесовцы… поближе к степи — воины в почете, подальше — все еще старейшины, в Новгороде торгаши под себя все загибают, да мало ли… А христианство одно! Везде!

Теперь закон. С законодательством у нас на Руси проблемно. «Русскую Правду» Ярослав Мудрый писал применительно к конкретным обстоятельствам, чтобы защитить служивших ему чужаков от наездов местных ребят. Это когда князь Ярослав еще в Новгороде княжил, приходилось разруливать конфликты новгородцев со шведами, служившими в его дружине. Потому-то в изначальной «Русской Правде» все больше про драки, увечья и убийства написано.

Дополнения к «Русской Правде» Мономах сделал по горячим следам бунта в Киеве, приведшего его на великокняжеский стол. У него другие заботы были — бунт-то случился из-за беспредела ростовщиков. Точнее говоря, начался из-за ростовщиков, а дальше пошло… «бессмысленный и беспощадный», как говорится. Как следствие, добавления Мономаха, превратившие изначальную «Русскую Правду» в «Пространную», касались главным образом вопросов кредита, процентных ставок и взаимоотношений заимодавцев и должников.

Чего ж удивляться, что в законодательстве дырка на дырке? И как судить, если случай в «Русской Правде» не описан? А христиане знают! В Писании есть про все! Если не напрямую, то в толковании! Заведи себе хорошо образованного попа, и он тебе под любую ситуацию пример найдет, а следовать примеру библейских и евангельских персонажей христианину не только не зазорно, но и надлежит!

То же самое и с прецедентом. До тебя никто таких вопросов не решал, ты первый, потому и называется «прецедент». Думаете, мистер Фокс, беспримерное решение так просто выдумать? Вот именно, непросто. А еще могут спросить: «Как посмел?» или «Ты что, дурак?» А тут железная отмазка: не сам выдумал, а в Писании вычитал! Примеров там множество, и при должной ловкости можно подобрать отрывок под любое угодное тебе решение. В крайнем случае ткнут носом: «Зри не сюда, а сюда!» И все.

Да, и наконец, религиозная норма. А тут уже и говорить нечего — все сказано выше. Теперь понимаете, чеканный вы мой, какой мощной подпоркой для власти является христианство? Какое множество проблем единым махом снимает? И с легитимностью, и с нормотворчеством, и с унификацией нравственных императивов, детерминирующих поведенческие реакции… Что? Нельзя ли по-русски? Да, извините, увлекся. По-русски это будет так:

Мальчик радостный пошел,
И сказала кроха:
«Буду делать хорошо
И не буду — плохо».

То есть понятия «плохо» и «хорошо» у всех одинаковы, поэтому в сходных обстоятельствах все действуют одинаковым образом, что, согласитесь, любезнейший мистер Фокс, сильно облегчает работу управленца. Да и сам управленец чувствует себя увереннее, так как его власть освящена силой божественного авторитета.

Вот так-то! Без хорошо проработанной идеологии управление есть не что иное, как крышевание, если не сказать проще: бандитизм. Желаете примеры? Да пожалуйста! Когда приказала долго жить государственная идеология Российской империи — архаично феодальная, да еще и покореженная Петром Великим, ни у какой из политических сил не оказалось хорошо проработанной идеологии. А у большевиков была! Да еще и на научной основе! Они и выиграли. Потом, правда, она закоснела и перестала развиваться, утратив актуальность, но на смену-то не пришло ничего! Осталось голое управление! Вот вам и бандитизм в полный рост: от парада суверенитетов и приватизации «заводов, газет, пароходов» до вытрясания калыма с ларечников. Так и пригребли к миллениуму. Что-то у них там дальше будет?..

Однако, мистер Фокс, вернемся к нашим баранам. Теперь, с высоты приобретенных знаний, оценим действия лорда Корнея.

Создал свиту, играющую короля, заявил претензии на феодальное право и (обратите внимание на железную последовательность действий) декларировал намерение стопроцентной христианизации подведомственной территории! Каков дед! Ни бум-бум в теории, но интуиция трехдюймовой бронебойности — управленец от бога!

Ну а ваш покорный слуга, чеканный вы мой, тоже подсуетился. Паскуда Спиридон, в отсутствие надлежащей статьи в «Русской Правде», приговорен на основе религиозной нормы — предателю болтаться на осине. Плюс — сам суд предотвратил расправу по языческим обычаям. И с этой позиции я перед кем угодно ответ держать могу: хочешь, перед епископом Туровским, хочешь, перед князем Вячеславом. Кроме того, заметьте, мистер Фокс, создан прецедент — местное население впервые получило от боярского суда заступничество и справедливость.

М-да, опять отвлеклись. Чуть больше чем через сутки после купания Колоброда прибыл лорд Корней с главными силами и так мне позицию Егора откомментировал, что у меня глаза на лоб полезли: «Кхе! Ты, Михайла, главного не понял! Егорка через тебя в бояре пролезть нацелился! Вот и ладно, пусть у тебя свой боярин образуется, который тебе боярством обязан. Но только ему крепко постараться придется, ой как крепко!» Видели бы вы, мистер Фокс, как дед после этих слов на мою рожу смотрел! Видать, было на что посмотреть — наверняка дурак дураком сидел.

А ларчик-то просто открывался! Егор с Лехой Рябым с самого детства за первенство боролись, примерно так, как мы с Ерохой. Во всем соперничали! Леха потому и лучником отменным сделался, что Егора на мечах победить никогда не мог. В какой-то момент Егор соперника опередил очень здорово — вернулся из дальних стран возмужавшим опытным воином, богатым да с красавицей женой. Очень быстро вокруг него молодежь гуртоваться стала, и сделался он десятником. Леха, на фоне всего этого, увял. Кто ж знал, что потом все так обернется? Жена-то у Егора порченой, как здесь говорят, оказалась — сказалось на бабе несчастье в Пскове. И до сих пор, если вокруг нее хотя бы человек пять-шесть собирается, то она сразу уйти норовит, а если они еще и на повышенных тонах говорить начнут, то и вовсе бегом убегает. А еще она ему только девочек рожает. Нет, мы-то с вами, мистер Фокс, знаем, что тут дело не в ней, а в… Как? Вы не знали? Какой пробел в образовании! Впрочем, зачем вам, бронзовому-то?

Короче, обидно Егору. Леха Рябой в бояре залетел, трое сыновей уже, а у самого Егора наследника нет, от десятка рожки

да ножки остались, и вообще все плохо. А тут такой шанс! По всему видать, быть Егору погорынским адмиралом… если не угробится раньше, ну, и командиром морпехов, естественно… или речпехов? Через это и в воеводские бояре проскочить возможность есть. А кадровая база — Академия. Запросто Леху Рябого догнать и перегнать можно… Вот разве что с сыновьями проблему не решить. Однако у него племянников набралось аж шестеро, и трое уже по возрасту в Младшую стражу годятся, быть им первыми «морпеховскими» офицерами Погорынья, чует мое сердце!

Впрочем, все эти умные соображения появились уже потом, а сначала меня Дмитрий в такой депрессняк вогнал, что хоть на луну вой: на правом берегу Случи мы разом целый десяток Младшей дружины потеряли! Прищучил лорд Корней отряд ляхов, в котором оказалось довольно много бойцов в хороших бронях да на справных конях. И вот эти-то бойцы, поняв, что дело пахнет керосином, бросили добычу и остальных своих подельников да рванули на прорыв! И надо ж такому сложиться, что поперли они прямо на тот самый десяток пацанов, в который я после бойни у Ратного назначил урядником Власия!

Блин, сколько учили их от удара конницы уворачиваться, сколько объясняли, что в прямую схватку со взрослыми бойцами лезть нельзя!.. И говорил же мне Дмитрий, что Власий неловок! Нет, соблазнился на то, что в парне способности организатора проявляются… вот и результат — из десяти мальчишек только двое выжили, да и те тяжелораненые! И сам Власий… Царствие ему Небесное…

На Роську так и вовсе смотреть страшно было — похоже, пару последних ночей он и вовсе не спал, десяток Власия ведь ему подчинен был. Но характер у парня все же железный, вывод из произошедшего он сделал весьма радикальный — учить ребят надо жестко, и не жалеть, потому что жалость наставника потом, в бою, кровью обернется! Вот тебе и «святоша»! Впрочем, своему «религиозному экстремизму» он тоже должное отдал — объяснил остальным курсантам, что именно этот десяток к обучению грамоте и Закону Божьему с небрежением относился, за что кара их и постигла! Причем в таких выражениях объяснял, что даже взрослых ратников пробрало, да еще и пообещал, что того, от кого еще хоть раз услышит, будто воину грамота без надобности, своими руками прикончит и греха на душу взять не побоится. И вы знаете, мистер Фокс, поверили ему! Очень убедительно, по словам Дмитрия, мой крестник высказался, очень убедительно…

Впрочем, могло все еще хуже обернуться — не десяток отроков мы могли потерять, а гораздо больше. Не знаю: то ли я

что-то с тезисом «Младшая стража за своих никому не прощает» перемудрил, то ли ребята, по-настоящему еще не битые, слишком много о себе воображать стали, то ли просто юношеская горячность… Короче, как только стало ясно, что всех, не сумевших слинять, уже задавили, ребята в погоню за прорвавшимися намылились. Без приказа! Самовольно! Видимо, сообразили, что они легче взрослых ратников и кони под ними меньше устают, плюс еще и заводные кони есть. Представляете, мистер Фокс, что было бы, если б они ляхов и впрямь нагнали? Стрельнули бы по разу, причем наверняка не меньше половины промахнулись бы — на скаку-то! А потом что? Спешиваться и заряжать? Так бы им и дали это сделать! В рукопашную лезть? Все бы там и легли… или большинство. Убегать? Ну разве что, да только вряд ли получилось бы.

Слава богу, Алексей сообразил, зачем они к заводным коням сунулись, да остановить сумел. Так они еще и хай подняли, мол за своих отомстить им не дают! Но тут уж лорд Корней вмешался — шепнул что-то ратнинцам, и как начали отроки от молодецких затрещин из седел вылетать! Кто-то, между прочим, и по паре затрещин огреб, если от первой на землю не слетел — показали пацанам, чего они по сравнению со взрослыми воинами стоят. А потом еще и гоняли моих чудо-богатырей древками копий по кругу, пока с тех семь потов не сошло. Сами понимаете: отношение взрослых ратнинцев к Младшей страже, мягко говоря, неласковое, а тут такой случай… и душу отвели, и высказали, что хотелось, ну, и педагогика, конечно, в ЗДЕШНЕМ понимании.

А потом лорд Корней для поручиков и урядников обряд «удара милосердия» провел. Живых ребята кололи копьями или уже мертвых, бог весть, но слабины никто из них не дал — настроение подходящим было.

Вот такие дела, мистер Фокс. Правобережье Случи воевода Погорынский от ляхов очистил, да по ходу дела войско себе собрал — иному удельному князю незазорно было бы, по крайней мере, по численности — около четырех сотен! А по качеству… сборная солянка, конечно: ратнинцы, моя неполная сотня, погостные ратники, огневцы, лесовики. Это уже было, а потом еще кое-кто прибавился. Двое бояр со своими дружинами. Одного из них дед выручил — снял ляшскую осаду с его усадьбы, а второй… и не боярин еще — пацан лет шестнадцати, но дядькой при нем опытный воин. Вдова дедова знакомца — мать этого парня — попросила взять сына да воинской науке поучить.

Еще сотня с лишним «охочих людей» из Давид-Городка и окрестностей… Тут, правда, проблема поначалу образовалась.

Ляхи-то Давид-Городок на щит взять попытались, и получилось у них… почти. Посад пограбили и сожгли, а детинец… да какой там детинец, так — острог на возвышенном месте… взять не вышло. Да оно и понятно — не головы класть пришли, а пограбить. Короче, сунулись разок, получили отлуп, да и пошли окрестности шерстить, с укрепленным местом не связываясь. Только, вот беда, посадник давидгородский при этом погиб, а достаточно авторитетного человека, чтобы всех, способных воевать, под свою руку подобрать смог, не нашлось.

Короче, есть сотня воинов, а единого командования нет. Особенно один там вредный оказался — все пытался доказать, что он, по каким-то там причинам, второй человек после покойного посадника, да только даже и сами давидгородцы с этим не согласны были, а уж наши-то… В общем, довыеживался этот тип — Алексей решил проблему быстро и радикально — просто вызвал его на поединок и тупо грохнул, снеся ему голову с плеч на втором выпаде! Народ от такой разъяснительной работы охренел по полной программе, а дед тут же назначил Алексея командиром «охочих людей», начисто проигнорировав наличие у них еще одного мелкого боярчика и каких-то предводителей мелких групп. Но они, надо сказать, и не выступали особенно: Алексей на них только покосился да ус подкрутил, и никаких дискуссий!

Еще нескольким крикунам ратнинцы по-простецки морды начистили да выгнали к чертовой матери, остальные после этого с назначением Алексея смирились. Оно и понятно: Корней показал себя воеводой удачливым, значит, есть вполне оправданная надежда на добычу, а Алексей сумел внушить к себе уважение с первой же встречи. «Охочие люди» не за славой в поход идут, а за добычей… кто-то и за местью. По-любому, крутой мужик во главе отряда — лишняя гарантия успеха, а крутизну Алексей показать сумел весьма наглядно.

Дальше опять двинулись порознь — моя сотня, огневцы и лесовики составили ладейную рать, а лорд Корней во главе всех остальных начал переправляться на левый берег Припяти — ляхов догонять. Возглавил ладейную рать десятник Егор, а Семен Дырка, хоть и недоволен был, смолчал — Леха Рябой ему по-родственному разъяснил, что к чему. Вот так, мистер Фокс, я и заделался командиром роты «морпехов» или «речпехов», если угодно.

На второй день плавания Егору опять свои флотоводческие таланты показывать пришлось. Встретился нам целый караван из пяти ладей, нагруженных, что называется, под завязку. Война есть война — заорали, чтобы остановились для проверки, а в ответ —

стрелы. Ну мои ребята сгоряча переднюю ладью и утопили — как дали из самострелов, так у тех несколько весел с левого борта сразу и провисли. Остальные весла за них цепляться стали, а кормщик вовремя команду не отдал и гребцы правого борта в один гребок ладью бортом к течению и развернули. А дальше, похоже, сработал эффект сложения многих мелких причин, каждая из которых к катастрофе привести не может, а в сумме…

Надо понимать, ладьи грузили в спешке и груз не закрепили (оно и понятно — не в море же выходить собирались) да для увеличения грузоподъемности выкинули балласт (дурь, конечно, но бывает, особенно если начальство на глотку берет и никаких возражений слушать не желает). Плюс что-то там с течением не то было — то ли отбойная струя, то ли еще завихрение какое… Короче, накренилась ладья, сильно накренилась, и началось…

Груз сместился на правый борт, придавливая гребцов, убитые и живые латники туда же посыпались, вместе с грузом. Кое-кто в воду слетел и конечно же за борт цепляться начал (в доспехе-то не поплаваешь). Черпанула ладья бортом и поминай, как звали. Кто б сказал, не поверил бы — залпом из трех десятков арбалетов ладью утопить! Хотя, мистер Фокс, при дурном командовании да незакрепленном грузе и не такие корыта тонули, что в двенадцатом веке, что в двадцатом.

План у каравана, надо полагать, был простой — по течению, да поднавалившись на веслах, быстренько разойтись с нами на встречных курсах под прикрытием лучников, а потом уходить, отстреливаясь. Не вышло. Как передняя ладья на борт легла, остальным пришлось скорость снижать, да в стороны сворачивать. Ход потеряли, строй рассыпался, тут мы им и устроили «танцы под радиолу».

Одна ладья все-таки проскочить сумела, за ней насады Семена Дырки погнались, а остальные три мы одним и тем же маневром взяли — мои ребята с одного борта их болтами засыпали, а Егор с лесовиками с другого борта на абордаж шел. Впрочем, там и абордажить особо нечего было — охрана вся на первой ладье была, а на остальных, кроме гребцов, только по десятку воинов было, да и те раненые. Последняя ладья так и вовсе без боя сдалась — после первого же залпа из самострелов лапки подняли.

Досмотрели груз, допросили пленных. Оказывается, полоцкое войско Пинск взять не смогло, и по приказу князя Давыда Полоцкого на захваченных у пинских причалов ладьях начали вывозить раненых и добычу. А добычи много — купеческие склады за городскими стенами стоят, у речного порта, торговый сезон в самом разгаре, началась торговля хлебом нового урожая.

Хлеб, как водится, со всей округи свозят для продажи в ближайшие города, а здесь уже купцы приготовили товар, который крестьянам нужен в обмен на хлеб. И от товара того склады как раз и ломятся.

Увезти все это на обозных телегах полочанам просто нереально, потому-то и вывозят водным путем. Так и захваченный нами караван должен был идти по Припяти, потом по Случи Северной до Слуцка, который, по словам пленных, уже взяли на щит полоцкие князья Святослав Витебский и Рогволд Друцкий. А потом — переволоками в Березину и дальше в Полоцкие земли.

И тут, мистер Фокс, впервые в нашем сборном войске начал намечаться конфликт. Пристали мы к берегу, чтобы разобраться с трофеями да переночевать. Пока пленных допросили, пока то да сё, уже вечереть начало, и тут подходит ко мне Роська и докладывает, что Семен Дырка воду мутит. Надо, мол, не переться неизвестно куда, а засесть где-нибудь здесь и перехватывать все ладьи, которые будут спускаться по Припяти от Пинска, а чтобы время зря не терять, понырять за товаром, затонувшим вместе с ладьей, да за доспехом утонувших воинов, благо глубина в этом месте небольшая. Потом Дмитрий с тем же самым подошел, мол, надо что-то делать, потому что приказ-то воеводы совсем другой был!

Понятно, что Дырку «жаба душит» — у нас уже семь ладей в трофеях, а у него только одна — но приказ-то воеводы Корнея идти к Пинску действительно никто не отменял. Хотел я было скандал устроить, а потом задумался. Приказ этот только для меня и Егора непререкаем, а Треска и Семен Дырка у нас вроде бы как вольноопределяющиеся. Да и приказ, сам по себе, не догма, поскольку сопровожден дополнением «действовать по обстановке». А кроме того, если не соглашаться с «гениальным» планом «адмирала Дрэйка», то ведь надо что-то свое предложить. А что? Просто дожидаться в условленном месте прихода лорда Корнея? Но у нас же собственная сила имеется, и если ее с умом применить… Легко сказать «с умом», а где этого ума взять-то? Попробовать что-то на воде сообразить? Выйти на берег и попартизанить?

Ну-ну, поухмыляйся скотина бронзовая, поухмыляйся… чтоб тебя… в переплавку пустили! Сам знаю, что сотник! А вот что делать — не знаю! С десятником Егором, конечно, можно посоветоваться, но как-то это… не вдохновляет. Единственное, что в голову приходит, — попробовать угнать у полочан коней, почему-то, в читанных ТАМ книгах, это — чуть ли не дежурный пункт. У Якова, кстати, волчья шерсть есть свежая, и выть он умеет — от живого волка не отличишь. Если ночью подобраться к

табуну с наветренной стороны, да пугнуть коней, да завернуть их в нужную сторону, а с утра сесть на следах в засаду да долбануть тех, кто в погоню пойдет, из наших самострелов да из луков лесовиков…

Но как-то это все… по-киношному, что ли? Герои пионеры-партизаны взрывают немецкий штаб и выкрадывают генерала прямо из сортира… Неужто полочане такие идиоты и коней своих уберечь не способны? Нарвемся, едрена-матрена, так, что все хором на луну завоем… Но, даже если все и получится, это все равно разовое мероприятие, и к тому же какое-то само собой разумеющееся, а мне понимание общей ситуации нужно, чтобы смысл и последствия своих действий представлять. Стратегия, блин…

Именно что стратегия! Я ведь с чего начинал ЗДЕСЬ? Сформулировал цель — создать благоприятные стартовые условия для достижения боярского достоинства. Для ее достижения первоначально решал три задачи: собственное физическое развитие, формирование команды единомышленников и повышение социального статуса семьи. Все задачи решены, промежуточная цель достигнута. Я — сотник Младшей дружины Погорынского войска, боярич, хозяин строящегося городка. Семья — самый крутой и влиятельный род не только в Ратном, но и в Погорынье, у деда совершенно реальные шансы для достижения местного аналога статуса графа.

Короче говоря, управленческая классика — структура есть, кадрами она наполнена, ресурсов полно, перспективы радужные, планы… А вот с планами как раз и затык. Для дальнейшего упрочения своего положения надо «окучивать» сразу два направления: внутреннее — окончательно нагибать под себя Погорынье, и внешнее — каким-то образом встраиваться в исторические процессы, идущие на Руси.

С внутренним направлением все более-менее ясно. Тут две задачи: окончательное решение «проблемы Журавля» и создание системы управления Погорыньем в целом. С Журавлем время терпит — лорд Корней перед походом пообщался с Великой волхвой Градиславой Всеславной и получил заверения, что Журавль из отлучки еще не вернулся. Судя по тому беспределу, что сейчас творится на Припяти, вернется он не скоро — ни по воде, ни по берегам свободного хода никому нет. Выгоднее где-то переждать, чем рисковать влипнуть в разборки между Полоцком и Туровом. Так что наезда Журавля на Ратное, пока мы в походе, можно, пожалуй, не опасаться.

С системой управления Погорыньем тоже не горит, и имеются некоторые соображения. Не зря мы честного мужа Треску с собой

таскаем — к моему проекту превращения старейшин дреговических родов в воеводских бояр лорд Корней отнесся вполне благосклонно. Получится с Треской, дальше легче пойдет. Так что, пригласить дреговичей к участию в решении «проблемы Журавля» — идея плодотворная.

А вот с внешним направлением все сложнее и опаснее. Матушка правильно сказала: «Возле князей — возле смерти». Наступает период лихих княжеских междоусобиц, и промахнуться в этих делах — не сносить головы. Но и отсидеться в сторонке не получится, поскольку Погорынье, нашими стараниями, мистер Фокс, начинает превращаться в заметную силу, которую одни попытаются использовать в своих целях, а другие уничтожить.

Вот тут и думай! Классический случай необходимости принятия решения в условиях дефицита информации. Например, сколько еще проживет Мстислав Киевский, мне неизвестно. Кто придет ему на смену, кто-то из Мономашичей или князь из другой ветви Рюриковичей — тоже не знаю. Про Вячеслава Туровского я и вовсе узнал только ЗДЕСЬ, так же, как и про нашего родича Вячеслава Клецкого. Попробуй тут просчитай, на кого ставку делать, чтобы не проиграть?

А соображать что-то надо — мы выходим, что называется, на новый уровень — из пределов Погорынья на простор Туровского княжества. Можно, конечно, поступить радикально — выбрать кого-то из князей и начать помогать ему изо всех сил, наплевав на то, что там было в реальной истории, но риск… выше всяких разумных пределов. К тому же дед шифруется, зараза, — так и не обозначил мне, кого он выбирает в качестве патрона — Вячеслава Туровского или Вячеслава Клецкого. Первый — сюзерен и член мощного клана Мономашичей, второй родич, но принадлежит к угасающей ветви Рюриковичей, хотя его дядья — Изяслав и Брячислав Святополчичи — одни из немногих Рюриковичей, которые еще сохраняют формальное право на великое Киевское княжение. Так кого же выбрать — Мономашичей или Святополчичей? Не знаю!

Что будет с полоцкой ветвью Рюриковичей? Не знаю! Не знаю даже того, что будет в Турове через несколько лет! А события втягивают меня в разборки между различными группировками Рюриковичей помимо моей воли!

Ох и не люблю я, мистер Фокс, когда события тащат меня куда-то, а сам я не только не могу в сторону дернуться, но даже и не знаю, в какую именно сторону! Есть у меня на этот случай красочное сравнение — лодочка, которую несет течение подземной реки! Кругом темно, что впереди и по сторонам — не видно, а впереди уже слышен шум падающей воды. Что там?

Просто порог или водопад?

Вот-вот, мистер Фокс, совершенно с вами согласен — как только наш отряд войдет в соприкосновение с полоцким войском, тут-то эта моя воображаемая лодочка в буруны подземного течения и попадет, и назад не повернешь! Волей-неволей призадумаешься: а не стоит ли последовать совету Семена Дырки? Но приказ-то лорда Корнея никто не отменял!

Есть, правда, бронзовый вы мой, одно армейское правило, которое, как говорят, выручало очень и очень многих: «Если не знаешь, как поступить, — поступай по уставу». В соответствии с этим правилом, надо исполнять приказ лорда Корнея, а хитромудрые предложения «адмирала Дрэйка» пускать побоку. Вот я и думаю: если из-за дефицита информации я ничего в стратегическом плане придумать пока не могу, то надо максимально добротно действовать в плане тактическом, а эксперт в этих вопросах у меня имеется только один — десятник Егор. С учетом выяснившихся особенностей его биографии, которые весьма значительно расширили его кругозор, есть надежда, что совет он может дать весьма дельный.

В общем, мистер Фокс, решил я свой Совет созвать. Во-первых, когда другим что-то объясняешь, то и самому понятнее становится, во-вторых, ребята мои тоже не идиоты — могут что-то путное предложить, в-третьих, на Совет и Егора позвать не западло — это совсем не то, что я сам к нему пойду: «Дядька Егор, ничего путного измыслить не могу, помоги!»

Вот, сижу, жду, когда ребята поужинают, да с вами, чеканный мой, беседую… Ага, идут уже! Марш в подсумок!

ГЛАВА 2

Сентябрь 1125 года, берег реки Припять

Мишка рисовал угольком на куске парусины политическую карту Киевской Руси, а сам искоса посматривал на рассаживающихся у костра отроков. Вот так же собирались они вокруг костра после того, как дед разжаловал Мишку из старшин Младшей стражи в походе за болото. Но какое разительное отличие! Там были обиженные, растерянные, рефлексирующие мальчишки, а здесь и сейчас… Мишке невольно вспомнилось, как еще ТАМ он каждый раз отмечал перемены, происходившие с сыном за время летних каникул, проведенных им в пионерском лагере или в деревне у деда. Эти ребята — его ближники и соратники — ставшие родными не меньше, чем оставшийся ТАМ уже взрослый сын, тоже переменились за прошедшее лето. Да и лето было совсем не простым — своя и чужая кровь, смерть, учеба под руководством наставников (очень и очень непростых мужиков), ответственность не только за себя, но и за подчиненных отроков… Как много всего спрессовалось в эти три с небольшим месяца!

Нет, эти, сегодняшние, уже не предложат сбежать из Погорынья и стать пиратами — даже и сами не заметили, как кончилось детство, хотя у половины из них детства, в сущности, и не было. И тема обсуждения: «Как разумно применить имеющуюся у них силу да убить побольше народу» — не вызовет у них ни удивления, ни протеста. И если так сложится, что придется обернуть оружие против недавних союзников — огневцев Семена Дырки или лесовиков Трески, — колебаться не станут, а просто вспомнят, как подавляли бунт в Ратном и убивали мужей из Ратнинской сотни. Понадобится идти в бой — вспомнят, как брали острог на Кипени и Отишии, как защищали Ратное от ляхов. Начнется колебание или неповиновение среди отроков — вспомнят повешенного Плоста и расстрелянных Германа и Филимона. Возникнет нужда спросить совета — все они господа советники Академии Архангела Михаила. А уж спину прикрыть — каждому довериться можно, не подведут и себя для того не пожалеют!

И ведь дети же еще, совсем мальчишки — большинству и пятнадцати нет! Как легко рассуждалось когда-то: меньше живут, быстрее взрослеют! А чего стоит им это быстрое взросление? Через что приходится пройти при этом, какую цену заплатить? Роська, Демьян, Кузьма, Дмитрий, Артемий, Матвей…

«Да, сэр Майкл, не сочтите за прикол, но иначе как

многодетным папашей вас теперь не назовешь. Хоть и не зачали вы их, но сказать, что не вы их породили, пожалуй, нельзя, и отцовские чувства ваши в отношении этих мальчишек вполне естественны, вполне, сэр, вполне… Хороших ребят, по чести сказать, вырастили, поводов стыдиться нет, хотя забот и хлопот, конечно… а сколько их еще впереди! Года через два женить их пора придет, потом дети пойдут… тоже, между прочим, как к внукам относиться станете! Станете, станете, не сомневайтесь!

Большой род получится, сильный и влиятельный. Клан! То, к чему вы, собственно, и стремитесь. Только, ради всего святого, поберегите вы их, не угробьте ненароком. Какие бы планы и амбиции вами ни руководили, не стоят они крови этих мальчишек. Случись что с кем-нибудь из них, ведь не простите же себе! Вот они — сидят все рядом с вами у костерка, попробуйте представить себе, что кого-то, хоть одного, вдруг не станет! Невозможно, нестерпимо, страшно! Тем самым большим страхом, от которого жить не хочется! А ведь собираетесь их против реального войска, против всамделишних, а не киношных или компьютерных воинов вести! Может быть, не так уж и неправ „адмирал Дрэйк“? Зачем голову-то под топор подставлять? Ради чего?

Подумайте еще разок! Вы же толком и не представляете себе, что в нынешних обстоятельствах надо предпринять, но и это ведь не самое страшное. Страшно то, что на любое ваше действие, которого вы еще не придумали, у противника почти наверняка найдется готовый рецепт эффективного противодействия! Там же опытные профессионалы, с детства приученные к военному делу, руководят. И командовать они умеют не десятками воинов, как лорд Корней, а сотнями и тысячами. Полковники и генералы, выражаясь в принятых ТАМ терминах, а вы — не более чем сержант, да и то…

Ну, подумайте, сэр, а применимо ли в военном деле управленческое правило: „лучше ошибочное действие, чем бездействие“? За ошибку-то придется кровью и жизнями рассчитываться, а представится ли потом возможность скорректировать ошибочное управленческое воздействие?»

Мишка еще раз обвел взглядом ребят — Роська, Демьян, Кузьма, Дмитрий, Артемий, Матвей…

Роська, он же поручик Василий… Заметил, что его крестный не ужинал, притащил краюху хлеба, шмат сала и сейчас нарезал сало ломтями, сооружая бутерброд, хотя слова такого никогда и не слыхал. Самый преданный из ближников. Нет, и остальные преданы тоже — любому можно без сомнений спину доверить, но Роська еще и заботлив.

Что-то в крестнике, пока ходил он по правому берегу Случи

во главе трех десятков отроков да под командой воеводы Корнея, изменилось. Впрочем, и не могло не измениться — потерять в бою сразу треть своих подчиненных единым махом… но ведь не сломался, не заистерил. Какое-то в нем ожесточение, что ли, появилось. Корней сказал, что Роська и бровью не повел во время прохождения обряда «удара милосердия». А ведь не мог не понимать, что обряд из языческих обычаев пришел. Вот тебе и святоша.

Все то время, что прошло с момента прибытия в рыбачью весь отряда воеводы Корнея, Мишка присматривался к крестнику и понял наконец, что цепляет его в выражении Роськиного лица. Вспомнилось, как подходил он в узком переулке к раненому татю, покачивая кистенем в правой руке… Тогда, в Турове, это выражение у него на лице лишь мелькнуло, а сейчас стало почти постоянным. Похоже, поручик Василий перешел на новый уровень своего развития — там, где раньше, в полном соответствии с требованиями христианского милосердия, он был склонен к увещеваниям, теперь, не смущаясь, готов применить силу. Слышал Мишка, как отдает он распоряжения оставшимся у него двум десяткам… изменился Роська, ни малейших сомнений, изменился всего за несколько дней.

«Принуждение во благо». Предвидеть, что подросток, столь безоглядно принявший православие, станет приверженцем этого принципа, было не трудно — юношеский максимализм в сочетании с религиозной восторженностью ничего иного породить и не мог. В общем, за крестником нужен был глаз да глаз — запросто дров наломать может.

К противоположному полу, как стало в последнее время заметно, Роська не то чтобы равнодушен (странно было бы в этом возрасте), но как-то неоднозначен. И дело не в том, что явной избранницы у него нет, а в том, что слишком уж он буквально воспринимает христианский тезис о «сосуде греха». Мишка прекрасно понимал, что, проведя несколько лет в составе экипажа ладьи кормчего Ходока, побывав во множестве городов, Роська начинал знакомство с любым населенным пунктом с причалов речных портов и ближайших к ним «развлекательных заведений», которые являлись «охотничьими угодьями» дам вполне определенной профессии, поэтому насмотрелся и наслушался, мягко говоря, всякого. Так что вышеозначенный тезис, что называется, упал на подготовленную почву.

Однако Мишкину мать — боярыню Анну Павловну — Роська буквально боготворил, а к сестрам Аньке-младшей и Машке относился с подчеркнутым и неподдельным почтением. Остальные же девицы… создавалось такое впечатление, что

Роська так и вглядывается в каждую из них, выискивая взглядом некую «печать дьявола», и, не обнаружив таковой, впадает в недоумение. По поводу «блуда» Сучка и тетки Алены, мастера Нила и поварихи Плавы, и прочих романтических приключений населения Михайлова городка Роська совершенно искренне возмущался, даже что-то там такое высказывал Мишке, но включить в категорию блудниц боярыню Анну Павловну, почти открыто состоявшую в греховной связи со старшим наставником Алексеем, он был категорически неспособен, и это обстоятельство начисто ломало ему всю «генеральную линию». Короче, маялся парень, и маяться ему, как сильно подозревал Мишка, предстояло всю оставшуюся жизнь, поскольку он, как и всякий идеалист, постоянно пытался впихнуть реальную жизнь в жесткие рамки идеологических догм.

Раньше у Мишки были планы вырастить из крестника ректора Академии Архангела Михаила, больно уж хорошо у него получалось воспитывать отроков — его десяток постоянно был лучшим практически по всем показателям — и набожность Роськи в этом смысле была только плюсом, но вот теперь, с появлением проекта создания ладейной рати… Егор может мечтать о чем угодно и планировать, что заблагорассудится, но адмиральский кортик в Мишкином воображении размещался именно на Роськином бедре, а не на чьем-либо другом.

Дмитрий… старшина Младшей стражи, первый зам Мишки по военным делам. Теперь — первый зам сотника Младшей дружины Погорынского войска. Командовал половиной Младшей дружины на правом берегу Случи, и по всему получалось, что вполне дозрел до звания полусотника. Хотя звание старшины Младшей стражи (ведь будут же еще новые наборы молодежи), пожалуй, получается и повыше, чем просто полусотник. Дмитрий, было заметно, тоже переживал по поводу гибели целого десятка и, как ни странно, изменился примерно в том же ключе, что и Роська. Собрал после того боя всех урядников и сообщил, что если бы урядник Власий не погиб, он его собственной рукой порешил бы. И остальным пообещал то же самое — если кто-то своих подчиненных так же под убой подставит. Пусть лучше сам зарежется или бежит на все четыре стороны — пощады ему не будет! Мишке же доложил так: вины поручика Василия в гибели отроков нет — команду отдал вовремя и правильную, а вот урядник Власий замешкался. Ни словом не напомнил Мишке о том, что предупреждал его о непригодности Власия для командования десятком, но по глазам было видно — помнит тот разговор и виновником приключившейся беды считает в том числе и Мишку.

Как совершенно случайно выяснилось, Дмитрий запал на Аньку-младшую точно так же, как и несчастный Никола, но виду не показывал, а когда Мишка устроил Николе по этому поводу выволочку, выводы сделал, как воистину прирожденный военный — нельзя так нельзя. Контакты с Анькой свел к минимуму и был при этом подчеркнуто вежлив и официален, чем приводил Мишкину старшую сестру буквально в бешенство. Кажется, и это тоже свидетельствовало о наличии в его натуре «военной косточки», Дмитрий, было заметно, даже испытал облегчение от того, что все между ним и Анькой стало ясно и понятно. По крайней мере, перестал стесняться своего жуткого шрама, наискось проходившего через весь лоб, и стал более легок в общении с девицами.

Правда, несмотря на всю рассудительность и дисциплинированность Дмитрия, юношеская горячность в нем тоже играет — он и не подумал останавливать отроков, вознамерившихся идти в погоню за прорвавшимися ляхами, только приказал заводных коней взять. Впрочем, именно задержка с заводными конями и позволила Алексею тормознуть это авантюрное предприятие в самом начале.

Сейчас Дмитрий сидел рядом со своим сотником и, по всей видимости, пытался понять: что же тот такое изображает угольком на куске парусины? В том, что Дмитрий ни слова не сказал Корнею о своем предупреждении насчет Власия, Мишка не сомневался — не тот парень. И самого Мишку, можно было быть уверенным, никогда этим случаем не попрекнет…

С будущим Дмитрия все было кристально ясно — какие бы карьерные взлеты и падения ни ждали впереди Мишку, по правую руку от него всегда будет Дмитрий, командуя всеми имеющимися в Мишкином распоряжении вооруженными силами — от одного человека и вплоть до целой армии. Если Роське — адмиральский кортик, то Дмитрию — маршальский жезл, и никак не меньше!

Артемий… Тоже, как и Роська, новоиспеченный поручик. Десятков у него только два — третий десяток оставлен в крепости, поскольку состоит из мальцов под командованием Сеньки. Командира для того десятка, в котором он был урядником, так и не подобрал, командует сам. Впрочем, и народу там осталось всего шестеро. Дударика по малолетству в поход не взяли, да двое были ранены за болотом. Так что имеет он сейчас под своей рукой только половину от тех трех десятков, что положены поручику.

Дирижер им же сформированного «оркестра народных инструментов» (собственноручно Артемием же и изготовленных), регент церковного хора, не единожды вызывавший слезу

умиления у покойного отца Михаила, восторженный поклонник «композиторского таланта» Мишки. Как пленился напетыми Мишкой мотивами еще в Турове, так и до сих пор воспринимает Мишкино «творчество» на уровне божественного откровения. А уж когда Мишка с горем пополам объяснил Артемию принцип нотной записи (хотя Артемий знал уже существующую «крюковую запись»)… да когда первый раз тренькнул струнами созданный Артемием и Кузьмой по невнятным объяснениям Мишки некий инструмент (Мишка прямо-таки с содроганием смотрел на этого внебрачного отпрыска домры и мандолины)… Артемий окончательно утвердился в мысли о снисхождении на Михаила Фролыча Лисовина божественной благодати.

Вместе с тем был Артемий храбр в бою, совсем неплохо командовал своим десятком и обладал не меньшими, а может быть и большими, педагогическими способностями, чем Роська. Если Мишкин крестник брал в основном харизмой, непоколебимой убежденностью в своей правоте и страстностью, то Артемий… Было у него какое-то интуитивное понимание гармонии. Причем во всем, а не только в музыке. Он умудрился превратить рукопашный бой в танец и выдать несколько замечаний, одобренных самим старшим наставником Алексеем. Он что-то такое посоветовал Сучку насчет резьбы по дереву, от чего старшина плотницкой артели долго ругался, скреб в бороде, сбивал шапку на затылок, хлопал себя по бедрам, но не отверг предложения. И это Сучок, для которого вообще не существовало авторитетов и который любой совет воспринимал как оскорбление! А еще Артемий надоумил зануду Прошку учить лошадь плясать под музыку и тайно репетировал с ним в любое свободное время. А еще… да полноте, до чего только не способен додуматься талантливый подросток, если не сдерживать его фантазию запретами, а, наоборот, поощрять!

Ну и, само собой разумеется, Артемий стал предметом воздыханий чуть ли не половины девичьего населения крепости и посада. А как же? Играет, кажется, на всех существующих на Руси музыкальных инструментах, весел, говорлив, эмоционален, свет повидал — чуть не половину Руси обошел, пока в «ансамбле» Свояты трудился. В отличие от других отроков, каким-то образом умудрился избежать прыщавости и прочих атрибутов «гадкого утенка», свойственных его возрасту. Девки млеют, да и он не теряется. Вот и сейчас — надыбал на трофейной ладье костяную фигурку обнаженной женщины с огромными грудями (похоже, какой-то языческий амулет), показывает ее Кузьке, что-то шепчет, и оба ухмыляются.

Именно Артемию, так уж все складывается, и предстоит в

будущем возглавить Академию Архангела Михаила. Как ни крути, сейчас Мишка другой кандидатуры не видел, да и представить себе не мог.

Кузька… Оружейный мастер Младшей стражи, а по факту, считай, главный инженер Академии Архангела Михаила, директор ПТУ, начальник опытно-экспериментальных мастерских и вообще на все руки мастер. Ни секунды не может высидеть спокойно, вот и сейчас щелкает орехи изобретенной приспособой для их раскалывания, угощает ядрышками Артемия и Демьяна, хихикает над тем, что нашептывает ему Артюха, тянет шею, заглядывая на Мишкин рисунок, пихает локтем сидящего рядом брата и, кажется, способен одновременно заняться еще кучей дел.

Тоже пользуется успехом у девиц, вроде бы получает от этого удовольствие, но Мишка как-то услышал разговор материных воспитанниц о том, что девки Кузьму интересуют исключительно в целях изучения их устройства и, если получится, усовершенствования.

В ином месте и в иное время, несомненно, обессмертил бы свое имя, поскольку изобрел (с Мишкиной подачи) наперсток, утюг, манекен и прялку с ножным приводом. За сей выдающийся научно-технический подвиг удостоился (единственный из мужчин!) постоянного допуска в пошивочную, и теперь был изрядно терзаем расспросами отроков о том, что в этом загадочном помещении творится.

Насчет педагогики не силен, скорее наоборот — в мастерских постоянный шум, гам, вплоть до скандалов, «творческий беспорядок», чреватый травмами, пожарами и прочими неприятностями, — но как магнитом притягивает к себе ребят с технической жилкой. Никакой субординации — помощники лаются по техническим вопросам с Кузькой на равных, порой чуть не до драки доходит. И ничего — Кузька как-то умудряется оставаться начальником! Творческая атмосфера, одним словом.

По всему видать, быть Кузьке ректором Высшего Технического училища!

Демьян… Этот изменился не так сильно. Все такой же мрачно-язвительный, злой и, кажется, становится жестоким. Тоже поручик, и тоже имеет под рукой только два десятка вместо трех. Третий, по возвращении из похода, будет собирать из тех, кто остался в крепости по ранению или болезни. Городовой боярин Михайлова городка. Вообще-то для звания боярина еще молод, слово «комендант» как-то не прижилось, а попытка Мишки предложить Корнею назначить Демьяна воеводским посадником в крепости была прокомментирована дедом исключительно нецензурно. Так и осталось все в неопределенном виде. Но за

порядком в крепости и на посаде Демьян следит дотошно и жестко. Каким-то образом сумел внушить если не уважение к себе, то некоторую робость даже такому скандалисту, как Сучок. На «воспитательные» затрещины не скупится, благо равных ему в рукопашке без оружия среди ровесников нет. Впрочем, умудрился дважды подраться и со взрослыми мужиками — работниками, присланными Нинеей. Один раз отметелил своего противника, а во второй, крепко получив по морде, выхватил засапожник, и быть бы крови, если бы не вмешательство мастера Нила, выбившего у Демки оружие подвернувшимся под руку дрыном. Пришлось потом Мишке долго с Демкой беседовать, иначе мог затаить зло на Нила… Да, от нынешнего Демьяна можно ждать всего, чего угодно, в том числе и самого неприятного. Мишка все больше и больше склонялся к мысли отвести двоюродного брата к Нинее для сеанса психотерапии.

Кузька и Демьян… близнецы, еще недавно бывшие настолько одинаковыми, что даже на вопросы отвечали дуэтом, а теперь — два разных человека! Кузька — копия отца, только более весел и легкомыслен, а вот Демьян… неужели братья повторяют разницу в характерах Лавра и Фрола? ЗДЕШНЕГО своего отца Мишка не помнил совершенно, тот погиб еще до «вселения», но неужели Фрол Корнеич был таким же мрачным типом, какой вырастает из Демьяна? Мать как-то обмолвилась, что кулакам волю давал, и среди ратников не слышно разговоров о покойном десятнике Фроле — ни добром, ни злом не вспоминают. Не любили его, что ли? Как он тогда десятником стал? Дед поспособствовал?

И к отцу братья относятся совершенно по-разному. Кузька, когда Лавр приехал навестить сыновей в Михайлов городок, засел с ним в мастерских (даже ночевали там), да так увлек своими техническими делами, что Лавр вместо намеченной пары дней пробыл в Михайловом городке почти неделю. А у Демьяна отношения с отцом явно не складываются — похоже, не может простить Лавру отношения к матери. За время визита отца и парой слов с ним не перемолвился, только поздоровался да попрощался. Зато во время приездов в Ратное практически все время проводит с матерью.

Похоже, такое несовпадение характеров двойняшек — тоже семейная лисовиновская черта, вон и Анька с Машкой совсем разные. Анька вся в эмоциях и страстях, убеждена в том, что весь мир обязан крутиться вокруг нее, все, что непосредственно не касается ее особы, как бы и не существует, а все, что касается, истолковывается только с точки зрения «нравится или не нравится». Машка же суховата, деловита, выглядит старше и умнее сестры-близняшки. Да уж, лисовиновский корень…

Матвей… Вот уж кому досталось! Бурей — урод гориллообразный — уже после соединения в рыбачьей веси надумал учить Мотьку прекращать муки безнадежно раненных, как это только он один умеет. Выбрал в качестве «учебного пособия» одного из пленных и… не смог Мотька — то ли силы в руках нужной не оказалось, то ли что-то неверно сделал — но что он при этом пережил! Хорошо хоть хватило у обозного старшины ума после этого «урока» напоить парня вусмерть чем-то хмельным. Но… слыхал Мишка шепоток про то, что у него самого порой глаза стариковскими бывают, а у Матвея они, похоже, такими насовсем сделались! Бурей, угребище страхолюдное! Исполнить, что ли, пророчество? Руки так и чешутся… но Юлька, Настена… да и к Мотьке этот урод, похоже, какие-то теплые чувства испытывает. За неимением собственных детей, что ли? Или Настена наворожила?

Матвей тоже изменился за прошедшее лето, да и не удивительно — сколько больных, раненых и умирающих через его руки прошло? Теперь это уже не тот Мотька, который брякнулся в обморок, после того, как Мишка «расколдовал» его на первом заседании Совета Академии. Все больше и больше проглядывает в нем такая же лекарская одержимость, как и у Юльки, но спрятанная под маской склонного к черному юмору врача-циника.

Помощницы Юльки — Слана и Полька — влюблены в Мотьку, что называется, наповал, а он воспринимает это как должное и помыкает обеими без зазрения совести. Это — на первый взгляд, а на самом деле… Рассказывала Юлька, что заботится Матвей о девчонках как о младших сестрах, а однажды, когда кто-то из отроков обидел Слану, вдруг выяснилось, что приемами рукопашной схватки лекарь Матвей владеет чуть ли не как Демьян — отделал обидчика по первое число, да еще и пообещал, что никто, кроме обиженной Сланы, его лечить не станет. Обидчик потом, исходя кровавыми соплями и перекосившись на вывихнутое плечо, в голос молил Слану о прощении.

А вот от Юльки Матвей готов был стерпеть все что угодно. Будучи однажды пойманным на том, что «полечил» двоих симулянтов лошадиной дозой слабительного, по приказу лекарки безропотно выпил то же самое лекарство, которым попользовал симулянтов, да еще и тост произнес: «О здравие премудрой благодетельницы Иулии!» — а потом, отвесив Юльке поклон, вальяжной походкой направился в сторону нужника.

«М-да-с, ближний круг… Даже странно как-то — ни одной заурядной личности или посредственности. Каждый в чем-то талантлив или по меньшей мере нестандартен. Впрочем, это-то

как раз и прекрасно — с этими ребятами, сэр Майкл, вам предстоит… черт его знает, что вам предстоит. Вдуматься только: на изменение истории замахнулись! Все, что вы, досточтимый сэр, вытворяли в Погорынье, могло бы, пожалуй, пройти для реальной истории бесследно, не оказав сколько-нибудь заметного влияния на будущее. Все-таки с бабочкой уважаемый Рэй Брэдбери, пожалуй, преувеличил — воздействие требуется более существенное. Придет Орда и кровавой метлой выметет все, что вы тут успеете создать, и всех, кто благодаря вам получил „несвоевременные“ знания и навыки. Это, если вы не выйдете за пределы Погорынья, но вы уже вышли! Пусть не по собственной воле, а по приказу лорда Корнея, но вмешательство в конфликт Мономашичей и полоцких Всеславичей — вмешательство в большую политику, а значит, вполне заметное воздействие на реальную историю. Ну а если продолжите? Если у вас получится задуманное?

Хватит! Решение уже принято! Россия стоит того, чтобы потратить ради ее будущего доставшуюся по случаю вторую жизнь! Если хоть часть русских не попадет в ярмо кочевников, если хоть на несколько лет или десятилетий раньше погибнет Золотая Орда, может быть, это поможет сохранить в душах тот самый свет, об утрате которого говорил на смертном одре отец Михаил. А даже если и нет — все равно попытаться я обязан!

Вот прямо сейчас и начнем. Не ради славы, не ради добычи, хотя и это все — тоже ресурс, но ради получения новых ВОЗМОЖНОСТЕЙ влиять на события. Помнится, в самом конце восьмидесятых вдруг, на краткое время, стала очень популярной фраза: „Хватит что-то строить, давайте просто жить“. А вот хрен вам всем! „Просто жить“, как скотина в хлеву, мы не будем! Мы будем строить… что строить? А Россию! Вот так, не больше и не меньше! Пусть это будет даже и не фундамент будущего здания, а всего лишь котлован под него. Ничего, поработаем землекопами! И вот эти мальчишки из „ближнего круга“ станут… ну, не знаю, может быть, и никем не станут, а возможно, окажутся основоположниками нового государства или персонажами легенд, вроде рыцарей Круглого стола, или святыми, или…

Но сейчас… сейчас надо ребятам объяснить, что, выйдя за пределы Погорынья, мы автоматически встреваем в такую серьезную и опасную вещь, как политика. Если в Погорынье сотня пацанов с самострелами представляют собой какую-никакую силу, а воевода Корней является если и не всесильным владыкой, но субъектом, к этому статусу приближающимся, то в межкняжеских разборках Младшая стража практически никто и

ничто, а Корней — мелкая сошка, стоящая заметно ниже княжеских бояр.

Вот и попробуй совместить несовместимое — чтобы и место свое правильно поняли, и энтузиазма не растеряли… ведь пацаны же, ни масштабов событий не понимают, ни опасности по-настоящему не сознают…»

Мишка критически осмотрел получившуюся у него «политическую карту Киевской Руси». Получилось не то чтобы плохо, а вовсе из рук вон… Если взаимное расположение княжеств он еще как-то себе представлял, то их размеры и конфигурацию границ не помнил совершенно! Перемышльское, Северское и Городненское княжества изобразил по наитию, а из рек начертил только Припять, Днепр и Неман. Но аудитория и таких-то карт никогда не видала! Более того, Мишка был уверен, что отроки не видели вообще никаких других карт, кроме «Карты мира», изображенной им на коровьей шкуре. Поэтому… сойдет и так — для того, что задумал Мишка, вполне годилась и такая «карта».

— Мить, а Илья-то где?

— Сейчас подойдет, Минь, он десятника Егора с собой привести захотел… Я не знаю, можно или нельзя?

— У нас Совет или не Совет? — тут же влез в разговор Демка. — Чего чужих-то тащить?

— Совет-то Совет… — Мишка и сам еще не решил, стоит ли Егору слушать их разговоры, — но приглашать на него нужных людей нам же никто не запрещает. К тому же мы сейчас не о делах Академии рассуждать будем, а о том, что и как дальше делать. Думаю, присутствие десятника Егора нам не помешает, да и подсказать что-нибудь полезное он может. И вообще, господин советник Илья Фомич — старейшина нашей Академии и сам может решать, кого приглашать на Совет, а кого не приглашать!

— Ну-ну… — Демьян больше ничего не сказал, но всем своим видом изобразил недовольство.

— Вон, идут уже! — прервал дискуссию Роська. — Только он, глядите, еще и Треску с Дыркой позвал!

Действительно, к костру, вокруг которого расположились отроки, приближалось сразу четверо мужчин: обозный старшина Младшей стражи, он же старейшина Академии Архангела Михаила Илья, десятник Ратнинской сотни (а теперь уже Старшей дружины Погорынского войска) Егор, командир отряда огневцев Семен Дырка и командир лесовиков-дреговичей Треска.

«А вот это он, пожалуй, зря, но не гнать же! Так, быстренько корректируем текст политинформации с учетом вновь прибывших слушателей… блин, хоть бы предупредил, старейшина, туды

его…»

— Встать, вежество не забывайте! — негромко предупредил Мишка отроков. — Взрослые мужи к нам пришли.

Подавая отрокам пример, сам первый поднялся на ноги и, дождавшись, когда мужчины войдут в световой круг костра, отвесил пришедшим вежливый поклон. Отроки повторили его действия, а пришедшие отреагировали на приветствие каждый по-своему.

Илья поклонился в ответ, умудрившись при этом хитро подмигнуть Мишке. Егор тоже ответил на приветствие, но ухмыльнувшись, мол, знаем, знаем ваши хитрости. Семен Дырка явно подобного не ожидал и, как-то непонятно шевельнув вместо поклона своим объемистым чревом, пробормотал любимое присловье «Дырка сзаду!», а Треска, солидно огладив бороду, ответил снисходительным кивком, но при этом смотрел настороженно, словно ожидая внезапного нападения.

— Здравы будьте, честные мужи! — вымолвил Мишка «протокольным» тоном. — Гостям место!

Роська, Дмитрий и Матвей, правильно поняв последние слова Мишки, освободили гостям место на стволе поваленного дерева. Егор, Семен и Треска с достоинством уселись на бревно, а Илья не чинясь устроился прямо на травке — на подстеленном пустом мешке.

— Итак, господа Совет, — дождавшись, когда все усядутся, произнес Мишка все тем же официальным тоном, — Совет Академии почти в полном сборе, недостает только Петра и Николая Никифорычей. Бог милостив, будем надеяться, что наставник Евстратий их вместе с остальными отроками уже в лесу отыскал. Опричь того, нас изволили почтить своим присутствием честные мужи: Егор, Семен и Треска. Господин старейшина, благослови начинать!

— Э-э… — Илья явно не ожидал от Мишки такого выверта и несколько растерялся. — Значить, это самое… зачнем помолясь!

Первым на слово «помолясь» отреагировал, конечно, Роська — вскочил, обнажил голову и начал:

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий…

— Молитв ради, — дружно подхватили отроки, а чуть позже и Илья с Егором, — Пречистой Твоей Матери и всех святых, помилуй нас.

Семен Дырка сначала изумленно выпучил глаза, потом спохватился, но присоединиться успел только к заключительным словам:

— Аминь. Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе.

Треска, в то время, пока остальные молились и осеняли себя

крестным знамением, сидел неподвижно, с каменным лицом, словно вокруг него не происходило вообще ничего. Только рука его дернулась к висящему на поясе мешочку (видимо, внутри был какой-то оберег), но дреговический старейшина сдержался. Так и сидел истуканом, игнорируя недоуменные, а то и враждебные взгляды отроков. Роськин-то взгляд уж точно был враждебным.

«Как, любезнейший, почувствовал, что значит быть чужим? Еще и не раз почувствуешь, коли за нами в поход увязался, а уж я-то постараюсь, чтобы тебе очень и очень захотелось стать своим! Во время суда над Спирькой ты рядом со мной на крыльце стоял, и приговор на подпись тебе дали. Когда в рыбачьей веси дед задачи нам всем ставил, он несколько раз твою ватагу лесовиков дружиной назвал. Не боярской, но все-таки дружиной, а лорд Корней ничего случайно не делает и не говорит, тем более в подобной ситуации. Вот ты и надулся — как же, за ровню держат! И тут тебе облом — пока ты язычник, по-настоящему своим тебе не быть! Возрасту твоему ребята почтение выказали, а насчет чего-то большего — извини-подвинься.

И это еще не все! Мы тебе, Бог… гм, даст, еще не раз покажем, как неудобно и невыгодно быть в нашей компании язычником, и придется тебе это проглотить, никуда не денешься, а когда впоследствии узнаешь, что Егора в воеводские бояре поверстали… Вот тогда-то и задумаешься. Ну и аз, многогрешный, тоже на нужные мысли тебя навести попытается…»

— Итак, господа Совет, — Мишка взглядом «собрал внимание» сидящих вокруг костра, — сейчас нам надлежит осмыслить сведения, полученные от пленников, и принять решение о наших дальнейших действиях. Да, приказ воеводы Погорынского остается в силе, но он, отдавая его, еще не знал того, что мы узнали при допросах пленных, а потому и решение о том, как нам наилучшим образом исполнить свои обязанности, мы примем самостоятельно. Для того же, чтобы по молодости лет нам чего-то не упустить, не понять превратно и не поступить опрометчиво, на наш Совет приглашены умудренные жизненным и воинским опытом мужи. — Мишка отвесил легкий поклон в сторону сидящих на бревне. — Мнения их и советы нам надлежит выслушать со вниманием и благодарностью…

— А чего тут рассуждать-то? — перебил Мишку Семен Дырка. — Переть на полоцкое войско нам нельзя, а вот засесть туточки да ладьи их перехватывать — в самый раз будет! И ворогу ущерб, и нам прибыток! И немаленький прибыток-то!

— Благодарствую! — Мишка дополнил словесную благодарность вежливым склонением головы в сторону «адмирала Дрэйка». — Итак, господа Совет, честной муж Семен

Дырка из Огнева мнит целью нашего пребывания здесь добывание прибытка себе и нанесение ущерба полоцкому войску. Правда, полочане об этом ущербе узнают еще не скоро…

— Да нам-то что с того? — снова перебил Мишку Дырка. — Пускай хоть и вовсе не узнают…

— Не перебивать боярича! — злобно оскалившись, рявкнул Демьян.

— Чего ты сказал, цыпленок? Ты как со старшими…

Договорить Дырке не дали. Во всей красе проявились в ребятах последствия обучения у Андрея Немого — научились они выражать свои чувства и намерения не только голосом или выражением лица! Лица господ советников мгновенно окаменели, по ушам присутствующих скребанул звук кольчужных рукавов, проехавшихся по подолам кольчуг, руки отроков легли на рукояти оружия, а тела подались вперед, готовые мгновенно распрямиться во весь рост. Вся эта пантомима была исполнена так слаженно и красноречиво, словно ребята долго и тщательно ее репетировали.

Подействовало! Зрачки глаз Семена Дырки суматошно метнулись туда-сюда, тело дернулось, зацепив локтем сидящего рядом Егора, рот приоткрылся… да так и остался открытым, не выпустив из себя ни звука. На командира огневской дружины глянула Смерть. Именно так — с заглавной буквы! Причем глянула сразу со всех сторон, разве что не сзади!

Мишка уже набрал в грудь воздуха, чтобы крикнуть «отставить!», но Илья успел раньше:

— Хе-хе, Семен, а я ить тебя упреждал: «Хочешь на Совете Академии быть — не рушь наш уряд!» Ежели отроки вежество блюдут, это и не значит вовсе, что они… как ты сказал? Цыплята? Хе-хе, а цыплятки-то эти уже под две сотни ляхов уложили, да и до того… тоже всякого попробовали — не впервой им, не впервой. И сам боярич Михайла Фролыч… ты ж видал, как он суд и расправу чинит? Видал, видал… и стоял молча. Ведь молча же? Про цыплят-то и не вспоминал? — Илья выдержал паузу, расправил усы и, вдруг сменив тон с издевательски-ласкового на угрожающий, скомандовал: — Вот и сейчас не вспоминай! А коли невтерпеж, ступай от греха… к своим, пока куда подальше не послали!

— Кхгрым… — прокашлялся Егор прямо Семену в ухо, хоть и невнятно, но весьма красноречиво поддержав высказывание Ильи.

Единственное действие, которое смог воспроизвести в ответ «адмирал Дрэйк» — захлопнуть раскрытый рот.

«Ох, бли-ин! Они, что же, и вправду себя такими крутыми воображают? Мы же их этому не учили! А что вас удивляет, сэр?

Зубки щенки испытали в деле, кровушки попробовали, силу стаи своей ощутили, а битыми… по-настоящему битыми не были еще ни разу! Чего ж им не воображать-то? Мужи воинские, хозяева жизни и смерти! И никак не меньше… пока из них это приятное заблуждение какой-нибудь добрый дядя не вышибет вместе с зубками… а то и вместе с мозгами! На скользкую тропку вы своих пацанчиков завели, сэр Майкл, на очень скользкую! Хреново кончиться может… и для них, и для вас, досточтимый сэр!»

— Поручик Демьян! — Мишка постарался обозначить голосом максимальную строгость. — Ты что себе позволяешь? Хочешь, чтобы честные мужи наше вежество притворным посчитали? Самому не совестно, так хоть о господине воеводе подумай: что люди скажут? Что Корней Агеич внуков невежами воспитывает?

— Виноват, господин сотник! — отреагировал на выговор Демьян, всем своим видом демонстрируя, что виноватым себя не считает.

— То-то, что виноват! Ты еще и старейшине нашему сгрубил — высунулся поперек него! Или тебе неведомо, что только ему по возрасту возможно зрелым мужам указывать? Или ты себя умнее Ильи Фомича почитаешь?

— Виноват, господин сотник, не подумал, дурака свалял! — Демьян, хоть и не считал Илью светочем мудрости, но, кажется, понял, что при посторонних этого показывать нельзя. — Винюсь!

— Не держи зла, дядька Семен! — Мишка, в очередной раз склонил голову в сторону «адмирала Дрэйка». — Ребята молоды еще, горячатся не в меру.

«Задолбал, угребище речное, кланяюсь тебе, как болванчик! На хрен Илья тебя на Совет притащил?»

— Это… да… — Дырка потрогал распухший нос. — Понятно, в общем. Учить вас еще не переучить! Ладно… прощаю.

— Продолжаем, господа Совет…

Мишка запнулся, наткнувшись на оценивающий взгляд Трески. Похоже, дреговический старейшина прекрасно понял смысл разыгранной Мишкой сцены.

«Блин, и этот еще пялится… психоаналитик хренов! Да-а, Илья, туды тебя поперек, устроил нам заседание Совета… вместо того, чтобы делом заниматься, политесы разводим… как в Версале».

— Одно мнение у нас уже есть! Честной муж из Огнева предлагает остаться здесь и перехватывать полоцкие ладьи. Другие мнения есть?

— Приказ был идти к Пинску! — подал голос Дмитрий. — Значит, туда и надо идти, а уж там искать, как и чем ворогам

навредить! О прибытках же думать… не на торг приехали, сие воинам невместно!

«Еще один идеалист… или притворяется? Э-э, сэр Майкл, а заместитель-то ваш не прост! Похоже, он вознамерился уравнять огневцев с погостными ратниками — не воины, а торгаши!»

— Ну обычай «что с бою взято, то свято» еще никто не отменял! — поправил Мишка Дмитрия. — Однако старшина Дмитрий прав — мы сюда не ради добычи пришли, но, в первую голову, ради чести и славы, как честным воинам быть и надлежит!

— Господин сотник, дозволь спросить! — Артемий поднял руку, словно ученик в классе.

— Слушаю тебя, поручик Артемий.

— Вот ты сказал, что полочане об ущербе узнают еще не скоро. Я понимаю: ушли ладьи от Пинска и ушли, и что с ними дальше сталось, полочанам неведомо. Так, может быть, это и хорошо? Мы свое дело делаем, а ворог об этом и не знает!

— Во-во! — оживился Семен Дырка. — Верно мыслишь, парень!

— И об этом подумаем! — Мишка покивал головой. — Должно ли полочанам о нашем приходе знать, или лучше дела свои нам в тайности творить. Еще кто-то сказать чего желает?

— Я желаю! — Роська вскочил на ноги и обличающе простер руку в ту сторону, где, по его мнению, располагался Пинск. — Они… это самое… князья полоцкие! Они с Киевом ряд заключали! Потому великий князь Владимир Мономах им жить и позволял! Они крест Киеву целовали, а ныне то крестное целование порушили! Клятвопреступников карать надлежит! И не отъемом имущества, тем более разбоем добытого, а кровью и смертью! И не прятаться, а послать полочанам весть: «Покайтесь и смиритесь, не то кара настигнет вас волею Божьей и рукой человеческой!» Мы справедливость творить пришли — какая тайность? Открыто и в назидание остальным, зло умышляющим, ибо, если грех остается безнаказанным…

— Все, все, все… — Мишка успокаивающе выставил в сторону Роськи раскрытые ладони. — Мы тебя поняли, поручик Василий. Твое мнение — идти к Пинску.

— Да! И не медля!

«Ну прямо комиссар! „Идеологическая подкладка“ в лучших традициях! И с судом над иудой Спирькой перекликается, и в рамках официальной идеологии, и на злобу дня, и в тему совещания… Политрук, да и только!»

— Еще мнения есть?

— Зажигательные болты бы в деле испробовать… —

неожиданно выдал Кузьма. — Это я к тому, что если к Пинску пойдем, то там ведь у полочан стан должен быть. А если стан, да не первый день… то есть обустроенный, так в нем и шатры, и навесы какие-нибудь, и телеги с поклажей, и… прочее всякое. Днем все высмотреть издалека, а ночью подойти, да зажигательными болтами ударить! Вот и выясним, дело мы измыслили или игрушки пустые…

— Ага! — подхватил мысль брата Демьян. — Вот тогда-то они про ущерб сразу узнают! Да и в городе с заборол углядят и поймут, что к ним подмога подошла! Артюха, какие тайности? Пинчанам важно знать, что их в беде не бросили, а полочане же наверняка опасаются, что князь Вячеслав вот-вот из Степи возвратится, да всей силой по ним ударит! Вот мы им это и покажем… Кузька, сколько у тебя болтов зажигательных? Надо, чтобы много было, чтобы подумали, будто большое войско на подходе!

— Значит, идти к Пинску?

— Да! — хором, совсем как в прежние времена, отозвались Кузьма и Демьян.

— Матвей, а ты что скажешь?

— Я лекарь… — Матвей пожал плечами и, видимо, собрался ограничиться сказанным, но неожиданно продолжил: — Если пойдем к Пинску, будут убитые и раненые, а если засядем здесь… тоже будут, но меньше. Я за то, чтобы убитых и раненых было бы поменьше.

— Понятно…

— Да ничего тебе не понятно! — неожиданно повысил голос Матвей. — Кому еще, как Исидору, тебя своим телом прикрывать придется?

Мишка дернулся, как от пощечины, и на несколько секунд растерялся — такого он от Матвея никак не ожидал! А Матвей распалялся все больше:

— Честь, слава, добыча! Как вы в глаза Анне Павловне посмотрите, если с Минькой что-то случится? А если с ним или с ним? — Матвей по очереди ткнул пальцем в сторону Кузьмы и Демьяна. — Нас в род приняли, родней назвали, хлеб и кров дали! А мы что? Миньку на Княжьем Погосте только чудом не убили! Вам этого мало? А если в этот раз его некому прикрыть будет…

— Молчать! — Окрик Егора ударил по ушам, как дубиной, а сам десятник Ратнинской сотни, наступив ногой прямо в костер, метнулся к Матвею и врезал ему так, что лекарь, лязгнув зубами, отлетел от костра сразу на пару шагов. — Молчать, примочка сраная! Встать! А ну, встать!

Матвей валялся на земле, не шевелясь, и Егор, поняв, что обращаться к нему бесполезно, обернулся к костру и обвел бешеным взглядом остолбеневших отроков:

— За такие разговоры у нас убивают! Сразу и не раздумывая! Если взял в руки оружие — будь готов принять смерть! Поняли? Я спрашиваю: поняли?

— Так точно, господин десятник! — Что-что, а эту-то науку отроки усвоили прекрасно, проорали ответ четко и дружно, Егор даже удивленно вскинул брови.

— Сопляки, щенки, недоноски, дерьмо свинячье… — У десятника Ратнинской сотни явно пошел отходняк, и того, что он надумает добивать валяющегося в нокауте Матвея, можно было уже не опасаться. — Для чего доспех нацепили? Перед девками красоваться? Что о себе надумали? Вы только стреляете, а вороги только падают? А вот хрен вам всем в зубы, чтобы голова не шаталась! Они тоже стреляют, а мы тоже падаем! А еще они колют и рубят! Воевать без потерь вознамерились, баклуши необтесанные? Даже и не мечтайте! Из этого похода вас вернется только половина! Так себе и разумейте! А кто собрался жить вечно, того я своей рукой прибью! Будете умирать! Будете кровью блевать! Будете в собственных кишках ногами путаться! Но пойдете туда, куда прикажут, и что приказано, исполните!

Егор развернулся в сторону Семена Дырки, тоже застывшего с выпученными глазами, и пнул сапогом край кострища так, что зола и искры полетели тому прямо в лицо.

— А тебе, боров огневский, если еще хоть раз заикнешься о том, чтобы приказ не выполнять, я еще десяток дырок наковыряю, и не только сзаду! Или будешь делать, что прикажут, или… вон отроки еще не обучены живому человеку глотку резать. На тебе и твоих обормотах как раз и поучатся!

Семен, видимо, почувствовал, что Егор только угрожает, а делать ничего такого прямо сейчас не будет, и уже собрался ответить (поскандалить-то он, чувствовалось, был мастер), но опять из этого ничего не вышло — Демка, зловеще ощерясь, вдруг каркнул как-то по-вороньи:

— Этого, для учебы, нам с Кузькой дайте!

Если поведение взрослого мужчины было огневцу понятно, то чего можно ожидать от этих необычных пацанов… Семену сразу же расхотелось спорить и скандалить, но глянул он на отроков так, что Мишка сразу вспомнил высказывание: «Ненавидят того, кого боятся».

Егор, не обращая ни малейшего внимания на все эти тонкости, ткнул указательным пальцем в сторону Артемия и рявкнул:

— Встать, погремушка бестолковая!!! Ты что тут про тайность тарахтел?!!

— Да я только спросил…

— Ты спросил, как ПРИКАЗ НАРУШИТЬ! И после этого ты хочешь воином быть?!!

«Сэр, а ведь это же в ваш огород камень! Именно вы допустили на заседании Совета обсуждение, как не выполнять приказ лорда Корнея! Вместо того чтобы пресечь подобные разговоры в корне, проявили, как выражались в советские времена, гнилой либерализм!

Блин! Где я и где либерасты? Но и возразить-то нечего — Артюха сейчас вместо меня вздрючку получает — Егор мой авторитет бережет… Ох, мать честная, так он, что же, вспышку бешенства только изобразил, а сам спокойным оставался? А вы что, сэр, еще на срочной службе не убедились, что офицерье по любому поводу и без повода умеет матерные арии исполнять? А ЗДЕСЬ еще и рукоприкладство в отношении сопляков не возбраняется — ни тебе уставов, ни правозащитников, ни комитета солдатских матерей… а если бы даже и были, то телесные наказания нынешняя педагогика признает вещью нормальной и даже полезной».

— Воин живет, чтобы побеждать! — продолжал орать Егор. — Воины, неспособные победить, никому не нужны, а неисполнение приказа — то же самое поражение! Назвался воином — победи или умри, а спасешься неисполнением приказа — свои убьют!

— Так точно, господин десятник! — вклинился в паузу Артемий. — Дозволь исполнять?

— Чего? — опешил Егор.

«Ага, а этого-то военного прикола вы, господин десятник не знаете! Ну Артюха, ну артист!»

— Дозволь подать голос, как советнику Академии Архангела Михаила! — пояснил Артемий. — Я же только спрашивал, а теперь должен свое мнение сказать, так же, как и остальные!

— А?.. Тьфу, чтоб вас всех с вашими игрищами… Мнение у него, понимаешь… советник сопливый…

— Господа Совет! — Артюха сделал вид, что воспринимает ругань Егора как разрешение высказаться. — Считаю нужным идти на Пинск, дабы создать беспокойство для полоцкого войска, ободрить осажденных горожан и отвлечь полочан от подходящих ратников воеводы Корнея! Пускай ворог опасность сразу с нескольких сторон ощутит! А над ними, — Артемий указал на Семена Дырку, — чтобы дурных мыслей больше не возникало, поставить бы начальником ратника Фаддея Чуму! Он им быстро покажет, что к чему!

Кто-то из отроков фыркнул, Егор тоже, видимо вообразив, что может «показать» огневцам Чума, с трудом сдержал улыбку и ответил уже почти добродушным тоном:

— Но-но! Ты меня не учи, кого над кем ставить, молод еще… — Десятник обернулся на начавшего шевелиться Матвея. — А этого убрать отсюда! Лекарей послушать, так и вовсе воевать нельзя, на военном совете им делать нечего!

— Антон! — окликнул Мишка маячившего неподалеку своего адъютанта. — Помоги лекарю Матвею, отведи его и устрой где-нибудь!

— Слушаюсь, господин сотник! — донеслось в ответ.

— Вот так, значит. — Егор снова занял свое место на бревне. — Давай, Михайла, излагай, чего ты сказать хотел, вижу же, что приготовился.

«Перетопчешься! Еще не хватало, чтобы ты, как председатель, мне слово предоставлял! А вот хрен тебе!»

— Еще один советник не высказался, — напомнил Мишка. — Илья Фомич, что скажешь?

— Э-э… Мысля Семена Варсонофьича, конечное дело, неправильная, и приказы исполнять мы обязаны. Но! — Илья назидательно вздел указательный палец. — Мысля его полезная! Полезная именно для воинского дела, хотя сам он этого, по всему видать, и не разумеет! — Илья хитро прищурил один глаз и, выдерживая артистическую паузу, оглядел удивленных слушателей.

— Это чего это я, дырка сзаду, не разумею? — пробурчал Семен Дырка.

— А того, Семушка, что ныне-то у нас сентябрь, а еще совсем недавно июль был!

— Да неужто правда? Вот удивил!

— А ты не спеши, Семушка, не спеши. Я тебя сейчас еще больше удивлю! Июль-то у нас чем примечательным выдался? А тем, что мы в поход удачно сходили, и в добычу взяли немалое число людишек да коней! А сентябрь чем интересен? Тем, что хлеб с полей уже убран, и та часть его, что на продажу пойдет, у хороших хозяев уже и обмолочена! Понятно?

— Больно витиевато излагаешь… советник, — недовольно пробурчал Егор. — И при чем тут дела воинские?

— А при том, — Мишка, для экономии времени, решил ответить вместо Ильи, — что холопов и коней в зиму кормить надобно! А товары, кои в обмен на зерно нового урожая купцами приготовлены, лежат на складах и в ладьях возле Пинска!

— О! — Илья снова ткнул указательным пальцем вверх. — Мудёр у нас сотник! Враз все прозрел! Товары надобно отбить, да

на зерно и сторговать! А для того, само собой, надобно к Пинску идти, что приказу господина воеводы никоим образом не противоречит! Фаддея же к огневским нашим… гм, друзьям я бы приставлять поостерегся — не дай бог кого убьет или покалечит ненароком. А вот, скажем, ратника Арсения… Семушка, да ты не боись, Сюха муж смысленый и не злой совсем, но при случае совет дать или, скажем, приободрить очень даже способен. Ведь так, Егорушка?

— Знаю я ваши приободрения, дырка сзаду! Сами управимся! Ишь, учить меня они будут…

— Арсений пойдет с тобой! — безапелляционным тоном перебил его Егор. — И не где-нибудь, а рядом с тобой, на твоем насаде!

— Да у меня там и места нет…

— Найдешь!

— Да что ты мне тут…

— А может, и несколько отроков Арсению в помощь дать? — прервал препирательства Мишка. — Вот, вместе с поручиком Демьяном? Для ободрения, так сказать, и во избежание? Демьян ободрять тоже умеет!

— Тьфу, дырка сзаду! Едрить тя вдоль хребта…

— Вот и договорились! — миролюбиво «согласился» Мишка. — Демьян, как только ратник Арсений знак подаст, или сам непорядок заметишь, будь готов и команды от меня не дожидайся.

— Слушаюсь, господин сотник! — Демьян плотоядно оскалился в сторону Семена Дырки. — Сделаем в лучшем виде!

«Адмирал Дрэйк» в ответ ограничился лишь бурчанием — ругательным по интонации и неразборчивым по содержанию.

«Не забыть бы ночных караульных проинструктировать. Дырка запросто может попытаться своих людей втихую увести — дисциплина, подчинение и риск ему поперек горла, он за добычей с нами поперся, а не воевать. И что делать, если огневцы и впрямь дезертировать намылятся? А то и делать, что положено делать с дезертирами! Блин, союзнички, спи теперь вполглаза из-за них!»

— Итак, господа Совет, подведем итог! Советник Дмитрий Лукич — за то, чтобы идти к Пинску, ибо таков приказ. Советник Василий Михалыч — за то, чтобы идти к Пинску, ибо клятвопреступников надо карать. Советники Кузьма Лаврович и Демьян Лаврович — за то, чтобы идти к Пинску, ибо это укрепит стойкость пинчан и смутит полоцкое войско. Советник Артемий Исидорыч — за то, чтобы идти к Пинску, ибо так можно отвлечь внимание ворогов от подходящего к Пинску воеводы Корнея. Советник Илья Фомич — за то, чтобы идти к Пинску, ибо добыча,

там взятая, не только нам будет полезна, но и всему княжеству Туровскому — осенний зерновой торг состоится, несмотря на войну.

— О как! — изумился Илья Мишкиной интерпретации собственного высказывания.

— Мнением советника Матвея Корнеича пренебрегаем, ибо к обсуждению воинских дел он, по своей лекарской сути, неспособен!

— Угу, верно сказал! — согласился Егор.

— Предложение Семена Варсонофьича отвергаем как противоречащее полученному нами приказу! Понеже оный Семен из села Огнева, — Мишка перешел на «протокольный» тон, — от предложения своего явственно не отказался, того ради приказываю поручику Демьяну с его людьми за огневцами надзирать и при неповиновении поступать без жалости и сомнений, вплоть до лишения живота…

— Да ты что?!!! — вскинулся Семен Дырка.

— Молчать!!! — гаркнули в три голоса Мишка, Дмитрий и Демьян, а Егор молча так двинул «адмирала Дрэйка» локтем, что тот слетел с бревна.

— Поднять! — скомандовал Мишка.

Дмитрий и Роська, поднатужившись, вздернули задыхающегося от удара в грудь Семена в сидячее положение.

— Вплоть до лишения живота, — продолжил Мишка с того места, на котором его прервали, — буде огневцы дадут к тому явный повод! Уцелевшие после того будут привязаны к скамьям для гребцов и понуждаемы к бодрой гребле кнутами, по примеру того, как сие делается на греческих ладьях!

— Вот, вот… именно! — снова поддержал Мишку Егор. — А не умышляй зловредного!

— А теперь глядите сюда! — Мишка выставил для всеобщего обозрения карту, нарисованную им на куске парусины. — Здесь изображены земли, пребывающие ныне под рукой великого князя Киевского, и то, как они поделены на княжества. Вот, глядите: это мы — княжество Туровское, а вот здесь сам Туров. Вот так протекает Припять, и вот здесь стоит город Пинск. Понятно?

— А Погорынье наше где? — поинтересовался Кузька.

— Вот тут! — Мишка провел угольком две кривые линии. — Это Горынь, а это Случь, а между ними наше Погорынье. Мы сейчас прошли вот так: от впадения Горыни в Припять, против течения, в сторону Пинска. Сейчас мы сидим где-то вот здесь. Если ветер все так же будет противным, нам до Пинска еще дня два выгребать, а может, и больше… Семен, что скажешь?

«Адмирал Дрэйк» ответил не сразу — сначала, потирая грудь

и зло косясь на десятника Егора, поднялся на ноги, потом потоптался на месте, видимо, раздумывая: ответить на вопрос, обидеться и устроить скандал или вообще уйти. Неизвестно, к чему привели бы его эти размышления, но Егор поймал Семена за полу рубахи и вполне миролюбиво произнес:

— Ты, Семка, ладейщик изрядный, Совет твоего слова ждет. Объясни: сколько нам еще до Пинска выгребаться?

— Слова, слова… то «молчать», дырка сзаду, то объясняй им…

Мишка понял, что Семена удерживает только угроза часть его людей перебить, а остальных превратить в галерных рабов, видать, знал он, каково приходится гребцам на византийских судах, и в Мишкину угрозу поверил, но подчиниться не позволял характер. Надо было срочно изобразить что-то такое, что позволит ему «сохранить лицо».

— Семен Варсонофьич, ты ладейное дело лучше любого из здесь находящихся знаешь, выслушаем со вниманием и уважением, и никто… — Мишка предостерегающе обвел взглядом отроков, — и НИКТО тебя перебивать не станет! В этом деле твое слово — первое!

Семен скривил рожу и, кажется, собрался ответить какой-то грубостью, но в последний момент передумал. Пришлось продолжить уговоры.

— Такой уж у нас навык, Семен Варсонофьич. Каждый советник в ответе за какое-то свое дело, и когда он об этом деле говорит, его не перебивают и слушают со вниманием, потому что он это дело лучше других знает. Вон, Илья Фомич у нас главный по обозным и хозяйственным делам, а Кузьма Лаврович по делам оружейным, и, если речь об этих делах заходит, их слово — главное. Но и они других советников слушают с уважением, когда те о своих делах говорят. Так и ты — сейчас на нашем Совете — главный по делам ладейным. Слушаем тебя!

— Ну… дырка сзаду, — Семен снова уселся на бревне и с достоинством оправил бороду, — гребцы-то из вас аховые… да и ладей захватили много, на все гребцов не хватит… опять же ладьи перегружены. Не, с таким караваном мы и за неделю до Пинска не догребем! Опять же если часть ладей здесь где-нибудь оставить, то их охранять надо, а людей у нас и без того немного. Пленные еще… тоже охранять надо.

Семен на несколько секунд задумался и вдруг встрепенулся.

— Э! А про ляхов-то забыли!

— А что ляхи? — не понял Мишка. — Их воевода Корней догонит, они же с полоном и стадом быстро идти не могут…

— Да в том-то и дело, дырка сзаду! — Семен звонко шлепнул

себя ладонью по колену. — В том-то и дело, что со стадом! Они что же, к себе в Мазовию, пешим ходом добираться собрались? В такую-то даль? Это ж половину полона потеряешь, да все стадо по дороге съешь! А по воде — самое милое дело! По Припяти, переволоком в Буг, а по нему прямо в Вислу! Или у них где-то ладьи припрятаны, или они к Пинску пойдут, чтобы там добычу погрузить и домой уйти! Да и в войске, которое Пинск осадило, тоже ляхи могут обретаться! Значит, нам выше Пинска подниматься надо, чтобы их перехватить… Итить твою, дырка сзаду… а здесь как же? Я про тех, что вниз по течению пойдут… Хоть пополам рвись!

— И что ж ты предлагаешь?

— Дык, это… подумать надо! Вот, дырка сзаду, добыча сама в руки прет, а не взять… Нет, что-нибудь мы придумаем. Ты не торопи меня, все равно до утра ничего делать не будем, а за ночь что-то придумается… Я еще со своими переговорю… — Семен, видимо, так увлекся решением поставленной перед ним задачи, что перешел на невнятное бормотание: — Если пленных на весла посадить… которые не раненые… а на насадах мы любую груженую ладью догоним… против течения даже еще и лучше…

— А кто их по Бугу в Вислу пропустит? — прервал бормотание Семена Егор. — На Буге Берестье стоит, а Берестье крепость сильная и дружина там сидит немалая. Опять же, дружина супротив ляхов и так настроена, ведь ляшский же рубеж стерегут. И, по-твоему, тати мимо Берестья на ладьях с добычей проскочить собираются? За дураков их держишь?

— Ну-у… они могут, не доходя Берестья, на левый берег выйти, а там до Люблина…

— Чуть не сотня верст! — снова перебил Семена Егор.

— Э… да, не получается, дырка сзаду… — Семен поскреб в бороде. — Выходит, ляхам единственный путь — туда, откель заявились, то есть через Городненские земли, а это — в сторону от Пинска! Во! Вспомнил! Можно же по Ясельде подняться, она как раз недалеко от того места, где они переправлялись, в Припять впадает, а потом переволоком в Нарев, и все — считай ушли. Я через тот переволок не ходил никогда, потому и не сразу вспомнил. Но тут такое дело… Сколько у ляхов в Ясельде ладей может быть? — Семен оглядел собравшихся, словно кто-то из них мог ответить на его вопрос.

— Да неважно сколько, — уверенно заявил Егор. — Важно, что они не у самого впадения в Припять находятся, иначе бы помогли с переправой, и мы бы ляхов в той рыбачьей веси уже не застали. Значит, до места ожидания ладей им еще сколько-то идти придется, вот Корней их на этом пути может и настигнуть.

— И не только это! — включился в обсуждение Илья. — Даже если у них там столько ладей, что всю добычу и полон погрузить можно, все равно стадо-то в ладьи не запихнешь, по берегу гнать придется, а стадо медленно идет.

— И еще: неизвестно, чьи это ладьи, — добавил Мишка.

— Как чьи? — удивился Илья. — Ляшские. То есть конечно, они их могли с собой привести, а могли и где-то тут добыть, но все равно они сейчас ихние, как же иначе?

— Да в том-то и дело, что иначе, — взялся объяснять Мишка. — Вы заметили, что у ляхов единого командования нет? Они же отдельными ватагами рассыпались на нашем берегу Припяти. Каждая ватага за себя. Запросто может быть, что ладьи принадлежат вовсе не тем ляхам, которые от нас на тот берег ушли. Если, конечно, эти ладьи вообще есть, а не нами выдуманы. В любом случае, воевода Корней их догнать может и…

— Ох, тудыть-претудыть! — опять перебил Мишку Семен. — Их же там Всеволодко Городненский встречать может, а Корней прямо на них и напорется!

— Не тот человек Корней, чтобы НАПОРОТЬСЯ, и не болтай, если не знаешь! — осадил огневца Егор. — Если сможет, так порубит ляхов вместе с городненцами, а если поймет, что не по зубам добыча, так дуром не попрет. И вообще, не наше это дело — приказано идти к Пинску, значит, идем, а там воевода сам разберется.

— Ладно, — не стал спорить со специалистом Мишка, — смотрите далее. Вот Киев и Киевское княжество, оно южнее и восточнее нас, а севернее нас как раз княжество Полоцкое. Вот здесь Полоцк, а вот здесь Минск. С востока к Туровским и Киевским землям примыкает княжество Черниговское. Вот здесь сам Чернигов, здесь Рязань и Муром. С юго-запада к Туровскому княжеству примыкает Волынь, вот Владимир-Волынский, а южнее Перемышльское княжество. На восток от Киевского княжества и на юг от Черниговского лежит княжество Переяславское, вот здесь Переяславль. Понятно?

— Эк ты все разрисовал-то… — Егор, нагнувшись вперед, всмотрелся в Мишкин рисунок. — А вот это, надо понимать, Днепр?

«Эге, а вы, уважаемый, карту-то не впервые в жизни видите — так, с ходу, разобраться… М-да, пиратство, как выясняется, ЗДЕСЬ еще и общеобразовательный уровень поднимает. Кто бы мог подумать!»

— Верно, господин десятник, Днепр. Смотрим далее. Вот тут княжество Городненское… Маленькое оно, видите? Дальше: к востоку от Полоцких земель находится княжество Смоленское, а

еще дальше — Залесская Украина, ныне зовущаяся княжеством Суздальским. Вот: это Смоленск, это Ростов Великий, а это Суздаль. А далее на север — все сплошь земли Новгорода Великого. Вот сам Новгород, рядом Ладога, а здесь Псков…

Для чего я вам это все сейчас показываю? А для того, чтобы вы поняли, что, вступаясь сейчас за наше княжество Туровское, мы влезаем в большую политику…

— Во что, во что? — повел распухшим носом Семен Дырка.

— Так, господа Совет, вспоминайте! Я вам про древнего мудреца Аристотеля не единожды рассказывал. Помните?

— Помним! — отозвался за всех Артемий. — А при чем здесь…

— Именно Аристотель придумал слово «политика»! Снова вспоминайте! — Мишка обвел глазами отроков. — Я вам рассказывал про греческие города — полисы.

— Им-то ты рассказывал… — опять попытался встрять «адмирал Дрэйк», но заткнулся на полуслове, получив локтем в бок от Егора.

Сам Егор восседал на бревне с таким видом, словно был самым аккуратным посетителем Мишкиных «лекций». Треска же вообще ни словом, ни жестом не проявлял интереса к происходящему, хотя Мишка видел, что слушает он очень внимательно. Короче, в полном соответствии с высказыванием Петра I: «Дабы дурость каждого видна была» — собственное невежество открыто демонстрировал один Семен Дырка.

— Так вот, — продолжил Мишка. — Политикой Аристотель назвал искусство брать власть в таком городе-полисе и управлять им с пользой и выгодой, чтобы полис богател и усиливался. Позже, уже римляне, стали называть политикой управление всеми подвластными им землями и городами, а также ведение дел с соседними державами. Так политика разделилась на внешнюю и внутреннюю.

Ныне же нам придется поучаствовать в политике внутренней. Война между Полоцким и Туровским княжествами — политика внутренняя, ибо оба они находятся под властью великого князя Киевского Мстислава Владимировича, сиречь лежат в пределах одной державы.

— Э нет! Тут ты, Михайла, соврал! — перебил Мишку Егор. — Пленные показали, что вместе с полочанами под Пинск и литвины тоже пришли! Опять же, ляхи! Ни те, ни другие под рукой Киева не ходят. Получается, что это… как ты сказал… политика внешняя!

«Ну прямо до слез умилиться можно, сэр Майкл! Один в один, кухонные беседы о политике! Еще бы пивка…»

— Верно, господин десятник! — Мишка согласно склонил голову. — Однако об этом поговорим позже, а сейчас давайте разберемся с политикой внутренней, поскольку корень зла лежит именно в ней, а литвины и ляхи просто во внутреннюю междоусобицу влезли… вернее, полочане пригласили их в помощь себе, в одиночку справиться не надеясь.

— Гм, да-а… тоже верно. Давай, вещай далее.

— Давайте, господа Совет, посмотрим, насколько дружественны между собой те земли, которые я перечислил, то есть те княжества, которыми правят Рюриковичи, принадлежащие к разным ветвям этого великого рода.

Собственно, сейчас у нас война случилась не просто между Туровом и Полоцком, а между Мономашичами и Всеславичами. Мономашичи сильны — за ними княжества: Киевское, Туровское, Переяславское, Смоленское, Волынское и Новгород Великий. У Всеславичей только княжество Полоцкое. Но любви между Киевом и Полоцком нет еще со времен княгини Ольги Святой, а сейчас все и вовсе жестоко складывается.

Мстислав в Новгороде воспитан, а у новгородцев с Полоцком вражда давняя — еще Владимир с новгородцами Полоцк на щит взял и княжий род истребил, потом уже Брячислав с полочанами и варягами Новгород разграбил. Потом сын его Всеслав не просто разграбил, а вывез иконы и колокола с Софии, город же спалил. Теперь те колокола и иконы в Полоцкой Софии пребывают, а полочане и по сей день постоянно на Новгород литву науськивают и дани перенимают. А куда подати идут из Новгорода? В Киев, в великокняжескую казну! Так будет великий князь Мстислав соперничество со стороны Полоцка терпеть? И в Полоцке не дураки сидят, понимают, что столкновение с Киевом неизбежно, вот и готовятся…

— Да откуда ты это все знаешь-то? — не выдержал Семен Дырка. — Мужам смысленным и половины того, что ты наболтал, неведомо! Не можешь ты этого знать…

Мишка уже хотел было привычно сослаться на хороших учителей, но неожиданно Семена оборвал Илья:

— А ты еще скажи, что боярич выдумывает, вот тебе ребятки сразу голову и открутят! И правильно сделают — тебе от такой дурной головы только вред! Запомни, балаболка огневская: Лисовины с князьями беседуют и с княжескими боярами за одним столом сидят! Вон весной князь в Турове с Михайлой, как со смысленным мужем разговаривал, да золотым перстнем с самоцветом одарил! Ты бы так смог? Нет! Не смог бы! Так и не кукарекай, а то мигом перья с хвоста у тебя надергаем!

Мишка удивленно глянул на Илью и на опешившего от такого

наезда Семена, но решил скользкую тему не развивать и вернулся к тому, о чем говорил:

— В одиночку полоцким князьям с Мономашичами не справиться, а потому ищут они себе союзников. Вот, привели с собой литвинов, как-то договорились с ляхами и с князем Всеволодом Городненским. А ведь могут у Всеславичей и еще союзники быть! К примеру, Святославичи Черниговские, что на великокняжеский стол зарятся, Святополчичи, что ныне без своего княжества обретаются…

Мишка сделал паузу и оглядел слушателей.

«Знают о том, что Вячеслав Клецкий лорду Корнею племянником приходится, или нет? Треска и Семен точно не знают, а вот Илья с Егором… но не реагируют никак — просто сидят и слушают. Впрочем, они все все-таки от политики далеки. Слушают с интересом, а в тонкости не вникают, однако, сэр Майкл, аудитория у вас не всегда будет такой, так что, как говорил Жванецкий: „Тщательней надо, тщательней“».

— Да и в Новгороде Великом не все так гладко, как хотелось бы, хотя княжит там сын великого князя. Родня и друзья тех новгородских бояр, которых Владимир Мономах в киевских порубах гноил, обиду не забыли, да и вообще Новгород подчинением Киеву тяготится. Понятно, конечно, что Новгороду победа Киева над Полоцком выгодна, но то — всему Новгороду, а отдельные, отнюдь не мелкие и не бедные людишки, про общий интерес и позабыть могут, ради собственной мести.

— Не скажи, — не согласился Егор. — Я в Новгороде бывал, твердо сказать могу: да, людишки, конечно, разные случаются, но, ежели выяснится, что кто-то из бояр, ради чего-то своего, во вред Новгороду нечто удумал… Не-ет, такому даже его собственные люди подчиняться откажутся. Разве что в сугубой тайности да чужими руками…

«Блин! Это ТАМ „свободные личности“ могут только на свои интересы ориентироваться, а ЗДЕСЬ человек не мыслит себя вне какого-либо сообщества — примат общественных интересов над личными ЗДЕСЬ норма, а не исключение».

— Ну хорошо… Но есть же еще подвинские племена, с Полоцком торгующие: селы, латгалы…

Мишка запнулся, припоминая названия, и Егор ему помог:

— Ливы… да и с Чудью у Новгорода которы.

— Вот и получается, — подхватил Мишка, — что при желании да при умном подходе полоцкие Всеславичи могут из тех, кто не любит Мономашичей, бо-ольшую силу собрать! Об этом нам, как бы дела наши ни пошли, помнить надлежит постоянно!

— А нам-то что с этого? — удивление Семена Дырки было вполне искренним. — Ну наплодили себе Мономашичи врагов где можно и нельзя, так это дела княжьи, нам в них входить невместно, да и не по силам…

— Не скажи, Семен Варсонофьич, не скажи… — по-стариковски неторопливо отозвался Мишка, и тут же спохватился, что подобный том ему не по возрасту. — Коли Мономашичей одолеют, война и по нам пройдется! Придут полоцкие Всеславичи или черниговские Святославичи нашего Вячеслава Владимировича с Туровского стола сгонять, думаешь, нам не достанется? Еще как достанется! Мы-то, может быть, в лесах отсидимся, а вот твое Огнево прямо на берегу Случи стоит, по вам первым в Погорынье удар придется!

— Так уж прямо и придут… хотя… вот, дырка сзаду…

— А теперь, господа Совет, самое главное! — Мишка чуть повысил голос. — Как Полоцк может всех недовольных Киевом вместе собрать, чтобы единой силой на Мономашичей навалиться? Нет, конечно, можно послов с подарками заслать, ряд заключить, но станут ли с Полоцком договариваться, если еще недавно он Владимиром Мономахом бит был, а до того земгола с куршами полоцкое войско наголову разбила? Сомнительно. Сначала надо силу свою явить, показать, что с тобой стоит дело иметь! Вот полоцкие князья и решились прийти вооруженной силой в Полесье. Во-первых, Минск себе обратно отобрать, а то ныне там киевский посадник сидит, а во-вторых, отторгнуть от Турова Заприпятские земли. Тем самым и силу свою возможным союзникам показать, и барьер между Туровским княжеством и Полоцким воздвигнуть — договориться с заприпятским боярством, в городах своих посадников поставить… Опять же, коли уже осень, можно подати с захваченных земель собрать — тоже не последнее дело.

Но не получилось — Пинск взять не удалось, ни изгоном, ни приступом, а без Пинска Полесье — не Полесье. Что же теперь полочанам делать? Ведь великий князь Мстислав Владимирович нынешнего разбоя Полоцку не простит! Будет война и, может быть, такая война, что и сам Полоцк судьба Минска постигнуть может.

— М-да… — Егор задумчиво поскреб в бороде. — Если Мономашичи все разом навалятся, да Мстислав, по отцову примеру, еще и степняков призовет… И впрямь вся сила Всеславова корня сокрушится. А городов-то сколько освободится для сыновей Мономашичей! А ведь прав ты, Михайла, черниговским Святославичам такое усиление Мономашичей не по нутру придется, могут и прийти на помощь Полоцку… если не

явно, то тайно.

— О том и речь! — Мишка согласно кивнул. — Но это интерес черниговцев, а чем привлечь ту же литву или ляхов, а может быть, и еще кого-то? Давайте-ка прикинем, чем их соблазнить можно?

Перво-наперво ляхи. Вот вы все на меня поглядывали, когда я пленных расспрашивал: давно ли в Мазовии обосновался, да кто соседи, да каково у соседей достояние, да что в их краях творилось раньше, а что сейчас… и прочее всякое. Небось удивлялись, зачем мне это?

— Я думал, ты выспрашиваешь, чтобы выкуп правильно определить, — не стал спорить Егор. — Да какой с них выкуп? Голодранцы!

— Нет, я хотел понять, с чего их к нам понесло и чего можно впоследствии ждать. И получается по их рассказам, что восточнее Вислы, в Мазовии, сейчас пусто, хоть шаром покати. Король Болеслав там бунт усмирял, пруссы туда набеги постоянно устраивали, да еще мор и голод — пуста земля. Села и веси в запустении или вовсе сожжены, поля лесом зарастают. Болеслав несколько лет на западе занят был — Поморянию покорял. Да, победил, да, соратникам своим земли захваченные раздал, но хватило-то не всем! Вот тем, кто менее ловким и удачливым оказался, Болеслав выделил земли в Мазовии. А на что нужна земля без людишек?

Самые близкие места, где полон набрать можно, — Перемышльское и Волынское княжества. Но Ростиславичи на юге к набегам польским привычны и врасплох их не застать, да и народ опытный, бережется. Князь Андрей Волынский в Степь с другими Мономашичами не ушел, рубежи свои бережет, значит, особо на Волыни не ополонишься. Идти прямиком в Туровскую землю? Так там Берестье рубеж стережет, сколько раз уже об него ляхи зубы обламывали!

И тут полочане предлагают: пропустим вас через Городненские земли в Туровское княжество! Кто же откажется? Более того скажу: если у ляхов в этот раз все удачно выйдет — хотя бы треть или четверть из них с добычей до Мазовии доберутся, то и в другой раз они на призыв Полоцка откликнутся. Да и не только те, кто сейчас к нам приходил — еще желающие найдутся!

Смотрите, — Мишка потыкал пальцем в нарисованную карту, — вот здесь Литва. То, что литвины раз за разом устраивают набеги на Волынь да на Полесье, вы и сами знаете. Но еще чаще, тем же Полоцком науськиваемые, ходят они в Новгородские земли. Считай, те же половцы, только и разницы,

что не из Степи, а из лесов набегают. А коли набег удачен, жди нового — к добычливому вождю людишки сами собираться будут, вдвое, а то и втрое против прежнего.

Как показали пленники, вместе с полочанами под Пинск пришел литовский князь Живибунд с сотней конных и с ним несколько уж и вовсе мелких князьков или бояр, кто их там разберет. Но если они вернутся на Литву с богатой добычей и полоном, то в следующий раз к Живибунду и другие князьки присоединиться могут.

Теперь Новгород. Господин десятник, — Мишка повернулся к Егору, — ты в Пскове, пригороде Новгорода, долго жил, дела тамошние понимаешь. Скажи, найдутся в Новгородской земле люди, которые, если и сами не пойдут, то могут мошной тряхнуть, чтобы кого-то со стороны на помощь Полоцку подослать?

— Ну если из тех, кто на Киев злобы затаил, то да. Есть среди них люди с достатком, и немалым. Помогут снарядиться селам, латгалам и прочим. Конников, правда, не будет, ухватка у них иная, но ладейная рать может получиться сильной. А идти им будет просто — с Двины переволоками в Днепр, а там уже… понятно, в общем. Может, вполне может быть!

«Да, чувствуется „стажировка“ у купцов-разбойников — и о финансировании предприятия намек сразу понял, и пути следования ладейной рати помянул…»

— Благодарствую, господин десятник. Сами теперь видите, господа Совет, что Давыду Всеславичу Полоцкому есть кого соблазнять и улещивать — врагов у Киева много, и на возможную богатую добычу охотников найти можно. Но!

Мишка сделал паузу и оглядел слушателей. То, что отроки слушают его хоть и не раскрыв рот, но очень внимательно, стало уже привычным; если Егор, по всей видимости, уже начал привыкать к тому, что от Корнеева внука можно ожидать чего угодно, то на Треску и Семена Дырку «политинформация» явно произвела серьезное впечатление. Такого анализа военно-политических раскладов, закрутившихся вокруг рядового в общем-то конфликта между двумя ветвями рода Рюриковичей, им слышать, тем более из уст мальчишки, не приходилось.

Нет, не зря Мишка копил крохи информации, выуживаемые из разговоров Корнея, боярина Федора, Нинеи, дядьки Никифора, Осьмы, отца Михаила! Ни Треска, ни Семен Дырка, ни десятник Егор, ни Илья не дураки — каждый из них вполне зрелый муж и мастер своего дела, но жизнь никогда не заставляла их особо задумываться над вещами, о которых сейчас говорил Мишка. Скорее всего какую-то (возможно, совсем небольшую) часть

фактов, упомянутых в разговоре, они знали, но сложить их вместе и рассмотреть с точки зрения того, чем им придется в ближайшее время заниматься на практике… нет, такого навыка у них не было! Эта область знаний и умений была доступна только князьям и их ближникам, вынужденным постоянно решать проблемы государственного управления, с детства или с ранней юности учившимся разбираться в хитросплетениях политики, просчитывать мотивации и интересы не только отдельных людей, но и племен, княжеств, королевств. «Простым людям» двенадцатого, да и более поздних веков подобные знания и навыки представлялись чем-то таинственным, доступным лишь избранным, осененным благодатью свыше.

Если десятник Егор уже знал, что Корнеев внук — мальчишка, мягко говоря, необыкновенный, а Семен Дырка и Треска уже начали об этом догадываться, то сейчас все они получили весьма и весьма эффектное подтверждение «чудесных способностей» отрока Михаила! После того, как Мишка произнес свое «Но!», возле костра повисла, что называется, мертвая тишина — все ждали продолжения Мишкиной речи, словно какого-то откровения.

«Однако, сэр Майкл, эффект от „политинформации“ получился не слабее, чем от сдирания шкур с „демонов“!»

— Но! — снова повторил Мишка. — Пинск взять Давыду Полоцкому не удалось, и подати собрать с Полесья у него тоже не выйдет! Однако союзников-то ему все равно как-то привлекать надо! И не просто «как-то», а щедрым дележом нынешней добычи! Пусть даже себе в убыток, но так, чтобы слух разошелся, и люди, готовые ради добычи оружием позвенеть, к Полоцку потянулись! Значит, теперь самое время ему распустить своих людей в зажитье! Причем грабить подчистую, оставлять после себя выжженную землю! Во-первых, тем самым Туровское княжество ослабить, во-вторых, добычи набрать столько, чтобы союзников удоволить полностью.

— Но еще же и на складах купеческих товары есть! — напомнил Илья.

— Да! — подтвердил Мишка. — То, что полочане взяли в складах и на ладьях, да то, что удастся ободрать с Полесья, и даст Давыду Полоцкому возможность явить себя как князя удачливого и щедрого! Вот этому-то нам помешать и надлежит! Если Давыду придется уйти из Полесья без добычи и славы, будущему его союзу с врагами Киева и Турова не быть! Это значит, что и будущая война Киева с Полоцком не так тяжела будет, и народу в ней мы меньше потеряем и… да понятно, в общем. Вот что мы с вами, господа Совет, сотворить способны! А раз способны, значит,

и должны!

— Эй, придержи-ка язык! — впервые за все время совещания подал голос Треска. — Славу и удачу он у князей переять надумал! В своем уме-то? Ты на что замахиваешься, щенок? Ладно, обычаев древних не чтишь — дурь в тебе по малолетству играет, но хотя бы ваш же христианский грех гордыни вспомни!

Треска говорил, не повышая голоса, но предельно жестко и тоном человека, в последний момент удерживающего слепца на краю пропасти. Он мгновенно замкнул на себя внимание присутствующих, как отроков, так и зрелых мужей, чеканил фразы, ни в малейшей степени не опасаясь быть прерванным или не понятым.[9]

— Я так понимаю, — продолжал вещать Треска, обращаясь к Илье и Егору, — что Корзень вас поставил за сопляками надзирать, так куда же вы смотрите? Почему дозволяете?

«Ах, орел наш, мэтр Треска! Как момент уловил! Как разговор повернуть сумел! Сидел, помалкивал — ЖДАЛ и дождался! „Ниши“ Ильи и Егора ясны и понятны: Илья — старейшина, Егор — военспец. Семен Дырка сам не сообразил, так ему его место указали — спец по вопросам водного транспорта. А вот Треска сам себе „нишу“ нашел, да какую! Как говорится, „если нечего „шить“ — „шьют“ политику“. Если оказался неспособным первенствовать ни в одном из практических вопросов — бери на себя роль блюстителя обычаев, нравов и благонамеренности! И сразу же — обличительный тон, и сразу же — претензии на носителя истины в последней инстанции, одним словом: „Вы все дураки, слушайте меня!“ Да, не зря, видать, он в старейшины у себя выбился — не прост мужик, ох как не прост!

Блин, ну ничего в мире не меняется! Во все века аутсайдеры так на лидирующие позиции и прорываются. И совершенно неважно, что именно такие типы „оберегают“: правильность веры, чистоту расы, благонравность поведения, преданность какой-либо идеологии или соответствие „общечеловеческим ценностям“. Важно другое — все они присваивают себе право судить окружающих, а самим быть неподсудными.

Да, мэтр Треска, похоже, вы этому искусству научились у кого-то из волхвов или жрецов, так вы в старейшины и пролезли — усвоили науку и сумели применить ее на практике! Но сейчас у вас хрен чего выйдет, потому что не знаете вы еще одного непременного правила завоевания позиций нравственного лидерства! Для успеха вашей задумки требуется очень хорошо знать политическую и идеологическую конъюнктуру, иначе ни черта у вас не выйдет, а сами вы подпадете под определение Остапа Бендера: „Таких, как вы, девушки не любят. Они любят

молодых, длинноногих и политически грамотных“, а у вас, любезнейший, из трех названных качеств наличествует только длинноногость, да и то в неявном виде! А политически вы неграмотны, за что сейчас и огребете».

Мишка терпеливо дождался паузы в монологе Трески. В том, что таковая пауза возникнет, он не сомневался — рано или поздно дреговическому старейшине придется переходить от «констатирующей» части выступления к «постановляющей», а предложить аудитории что-то путное он вряд ли был способен. Так и вышло — уличив аудиторию в небрежении обычаями и правилами, напророчив ужасные последствия, Треска на несколько секунд умолк и обвел победным взглядом присутствующих. Основания для торжества у Трески были — если одна часть слушателей просто обалдела от неожиданного поворота разговора, то другая часть слушателей (и это были отнюдь не отроки) откровенно перепугалась.

— Внемлите и запоминайте! — громогласно заявил Мишка, ломая Треске весь кайф от минуты торжества. — Запоминайте, потому что ныне такое услышишь редко, а в скором времени услыхать такое будет и вовсе невозможно! Запоминайте и благодарите честного мужа Треску за то, что дал вам возможность узреть, как в прежние времена такие дела осмысливались язычниками!

Треска дернул головой и зло ощерился — очень неприятно, практически нестерпимо в момент, казалось бы, полного захвата внимания аудитории вдруг увидеть вместо внимательных глаз затылки и профили! Единственный выход в такой ситуации — заставить оппонента заткнуться, причем любыми средствами: от крика «молчать!» до физического устранения. Дрегович уже было набрал в грудь воздуха, но Мишка опередил его, заорав в полный голос:

— Но мы-то с вами христиане!!!

И все! Внимание аудитории снова оказалось в его власти! Во-первых, не обратить внимания на крик во всю мощь глотки собравшиеся у костра не могли, во-вторых, выкрикнутое утверждение было бесспорным, в-третьих, аудитория мгновенно была разделена по принципу «мы и они», а то, что «они» — язычники — были представлены в единственном лице, значения не имело. Мы — христиане — знаем истину, а он — язычник — может болтать, что угодно, он для нас не авторитет!

«Вот так, мусью Треска, ни хрена-то вы, любезнейший, про предвыборные митинги и дискуссии не знаете, варитесь в своем „родоплеменном котле“ и даже о таких примитивных „политтехнологиях“, какие ЗДЕСЬ применяются в рамках вечевой

демократии, представления не имеете, а туда же… „Кхе!“, как изволит выражаться лорд Корней, а ведь результат применения подобных приемов ЗДЕСЬ тоже может проходить по разряду мистических способностей!»

— В чем смысл золотой гривны, которую князь Туровский Вячеслав Владимирович воеводе Корнею пожаловал? — продолжил Мишка уже тише, но с напором в голосе. — В чем смысл присяги и целования креста, которые свершают православные воины? Да в том, что князь Туровский той гривной даровал воеводе Корнею право нести волю княжью — вершить дела княжьим именем! В том, что присягнувший воин волею Божьей становится перстом десницы княжьей! Мы целуем крест воеводе, но через него и князю, и становимся вершителями воли княжьей. Посему деяния наши — суть деяния княжьи! И если мы сейчас заставим князя Полоцкого бежать из Полесья без добычи и славы, это будет значить, что славу и удачу у Давыда Полоцкого переял Вячеслав Туровский, и никак иначе! Вот в чем сила веры Христовой, вот на каком стержне держится твердость войска православного!

«Что, мэтр Треска, заскучали? Привыкли, понимаешь, жить в родоплеменном обществе, переполненном неформальными и горизонтальными связями, а о властной вертикали и понятия не имеете. Отстали вы от жизни, наступают времена построения властной вертикали, основанной на нормах феодального вассалитета, и тот, кто будет цепляться за прежние порядки, обречен!

Ну-с, кто как на сказанное реагирует? Роська — понятно: православное, значит, единственно правильное, и никаких сомнений! Дмитрий — тоже понятно: порядок и подчинение сверху донизу. Кузька, Демьян, Артюха — еще понятнее: раз я так сказал, значит, так оно и есть. Илья… этот откровенно напугался, а сейчас испытал облегчение, хотя сути, кажется, не понял. Семен Дырка… гм, помрачнел. Оно и понятно — у тех, кто не сам по себе, а княжью волю исполняет, не забалуешься! Наверное, уже жалеет, что за нами увязался. Треска… держит удар мужик — по лицу ничего и не поймешь, но за оберег все-таки ухватился. Понял или не понял свою ошибку? Егор… опаньки!»

— Понял теперь, что значит «православное воинство»? — Егор уставился на Треску, словно собирался уличить того в каком-то преступлении. — МЫ ВСЕ исполняем здесь княжью волю, а передал ее нам воевода Корней! Ты что ж думаешь, он в боярство возводит своей волей? Нет, княжьей! На то ему право дано! Так же, как и право нас в бой вести, хоть против князей, хоть против кого угодно!

«Ага! У кого чего болит, тот о том и говорит! У Егора „болит“ боярство! Все! Кончилась его оппозиция лорду Корнею! Он теперь не только против ничего не гавкнет, но еще и обоснование найдет для любого действия воеводы! Мотивация, блин!»

Все-таки умел Треска владеть собой, не отнимешь! Ничем не проявил своих чувств, лишь пробурчал:

— Ну глядите… я предупредил.

И снова замер на бревне с ничего не выражающим лицом.

Мишка немного помолчал, ожидая, не захочет ли кто-то еще что-нибудь сказать, и продолжил:

— Значит, главную для себя задачу мы уяснили — не дать полочанам вывезти из-под Пинска уже захваченную добычу и не позволить им набрать еще. Вот давайте и подумаем, что мы для этого сделать можем.

— Так это… вывозить мы уже не даем! — тут же оживился Семен Дырка. — И дальше не дадим! Не хотите здесь ждать, так давайте выше поднимемся и встанем где-нибудь напротив устья Пины. Как ладьи из Пины в Припять будут выходить, так мы их — хвать!

— Опять ты за свое! — досадливо перебил его Егор. — Что здесь торчать, что там засесть, велика ли разница? Ты обещал придумать, как с захваченными ладьями и пленными поступить, да как к Пинску побыстрее добраться. Придумал уже?

— Это… дырка сзаду…

— Вот и помолчи! — приструнив Семена, Егор повернулся к Мишке. — Давай-ка, Михайла, вот как помыслим. То, что на складах под Пинском лежит, никуда не денется. Попробуют полочане водой вывезти — мы перехватим. Так что это решать нам не к спеху. До ляхов, которые от нас сбежать успели, нам, надо понимать, тоже дела мало. Догонит их Корней — хорошо, не догонит… мы все равно ничем помочь не можем. Другое дело — Пинские земли от разора уберечь. Если князь Давыд разрешит своим в зажитье идти, везде не поспеем. Большими отрядами в зажитье не ходят — самое большее полусотней, и только конные, а пешцы остаются город в осаде держать. Давайте-ка прикинем, какие силы могут в зажитье уйти, что там пленные о войске полочан рассказали? Перво-наперво, дружины Давыда Полоцкого и Ростислава Лукомского — у Давыда две с небольшим сотни, у Ростислава меньше сотни — и они привели с собой около двух тысяч ополчения, в котором есть сотни три конницы. Итого, считаем, пять сотен конных. Еще Брячислав Давыдович Изяславский вместе с отцом пришел — тоже что-то около сотни дружины может быть.

Есть еще литовский князь Живибунд с сотней конных.

Сколько-то народу они при двух неудачных приступах потеряли, но сколько именно, пленные не знают. И про князя Городненского пленные тоже почему-то не слыхали — не появлялся он с дружиной у Пинска. Во всяком случае, сотен семь-восемь конных у полочан под Пинском есть, но в полном доспехе среди них, дай бог, только половина.

Все они в зажитье пойдут вряд ли — сколько-то дружинников придется под Пинском держать — и среди пещев порядок поддерживать, и дозором по округе ходить… Значит, в зажитье по большей части пойдут конники из боярского ополчения и литвины. И те, и другие против ратников, которые имеются у воеводы Корнея, слабы. Литвины и вовсе легкая конница почти бездоспешная, а у бояр — где густо, а где пусто. Да и ходить будут небольшими отрядами. Так что, кто Корнею на зуб попадется, считай, сразу конец… легкоконные, а у воеводы кованая рать… сбегут, пожалуй. Литвины, кстати сказать, если удачно пограбят, могут в стан осаждающих и не возвратиться — делать им там нечего, домой двинут. Хотя… возможно, им обещана доля в товарах, которые захвачены на складах речного порта?

— Присовокупи к тому, господин десятник, недовольство! — добавил Мишка. — Город не взяли, значит, добычи для пещев нет, а в зажитье их не пустят. Получается, что зря ноги топтали да кровь на приступах лили. А теперь еще и придется сиднем сидеть, пока другие обогащаться будут!

— Тогда уж и страх присовокупить надо! — отозвался Егор. — Корней мудр: если побьет тех, кто в зажитье пошел, то обязательно постарается, чтобы хоть несколько человек сбежать сумели да весть осаждающим принесли — подходит, мол, кованая рать, видать, князь Вячеслав Владимирович из Степи вернулся! А что побьет тех, кто ему попадется, сомнения нет — столько доспешных… Ха! Да он же еще наверняка и полесских бояр поднимет! Как пить дать еще сотню войска себе добавит, к тому же местные все дорожки и тропинки тут знают! Да он полочанам дыхнуть не даст! Там, где он пойдет, никакого зажитья не получится!

— Ага! — подхватил Дмитрий. — И мы тут их пугнем! Стан подожжем, еще чего-нибудь напакостим! Вот! Хорошо бы так устроить, чтобы полочане вообще забоялись из стана малыми силами выходить, тогда никакого зажитья вообще не будет.

— И пропадет всякий смысл под Пинском сидеть! — поддержал Дмитрия Мишка. — Уходить придется! А нам это и требуется!

— Ишь, распелись, соловьи! — недовольным голосом прервал

отроков Егор. — Пугнем, забоялись… Что вы такое сделать можете, чтобы вас забоялись? А? Вот ты! — Егор ткнул пальцем в Дмитрия. — Можешь сказать, чтобы не просто «пугнем», а «сделаем то-то и то-то? Пойдем туда-то, сотворим так или эдак». Можешь?

— Могу! — Дмитрий подобрался, как перед прыжком. — Первое советник Кузьма Лаврович уже сказал — высмотреть днем, что у полочан в стане творится, а ночью закидать их зажигательными болтами. Второе: пока они будут суетиться и пожар тушить, подобраться и пострелять их, сколько выйдет, из темноты. Третье: урядник Яков берется полоцких коней вспугнуть и, сколько получится, угнать. У него все для этого надобное имеется. Поблизости от стана полочане наверняка уже все пастбища потравили, значит, коней далеко от стана уводят. Управимся. Четвертое — когда полочане за угнанным табуном пойдут, устроить засаду и побить, если не всех, то многих. Пятое…

Дмитрий прервался, разглядев насмешливую улыбку Егора.

— Что-то не так, господин десятник?

— Все не так! Где пастбище? Сколько народу его охраняет? Как стан устроен? Как полоцкие дозоры службу несут? Сколько народу уже в зажитье ушло? Что будет, если полочане уходить соберутся, а Корней еще не подойдет? Как с пинчанами договориться, чтобы вместе дело делать? Можешь на эти вопросы ответить? А я ведь и еще спросить могу!

— Так разведать сначала…

— Вот! — Егор утверждающе хлопнул себя по колену. — Сначала разведать, а уж потом выдумывать! А то запросто может получиться, что не мы полочан, а они нас крепенько пугнут! Так пугнут, что от вас, молокососы, и половины не останется! Вы что же думаете, что раньше вас никто не придумывал стан поджигать да табуны угонять? Или надеетесь, что полочане средства от такого не знают? Или у них воины неумехи, а воеводы дураки?

— Н-нет, не думаю…

— А раз так… ну-ка, вообрази себя десятником или полусотником, которому табун оберегать поручено. Что делать будешь?

— Заранее объеду пастбище, прикину, как к нему незаметно подобраться можно и в какую сторону коней угонять вороги будут. Опять же, посмотрю, куда табун отгонять в случае опасности. После этого найду места, где воинов спрятать можно, где путь дозорных проходить должен. Ночью побольше людей поставлю с той стороны, откуда ветер дует — коней-то запахом пугнуть можно… А еще возьму опытных воинов, подумаю с ними,

как мы сами на табун напали бы, если б довелось, и на опасных направлениях засады… Вот… еще о сигналах бы договорился, еще пастухов из местных взять можно… которые с собаками… Еще коней можно на ночь поближе к стану перегонять…

— Хватит! — Егор махнул рукой, как машет учитель хорошо ответившему ученику, давая знак сесть на место. — Ну и как? Угнал бы табун сам у себя?

— …Ну-у…

— Вот-вот, а полочане не дурнее. Так же и с пожаром. Самое меньшее, что полочане сделали, это засадные дозоры на удалении от стана устроили. Сунетесь высматривать, тут-то вам и врежут — либо побьют, либо повяжут. Да скорее всего и еще что-то измыслили. Вот вам Стерв наверняка показывал, как веревочку в траве спрятать, которая к снаряженному самострелу ведет? А ведь она и не к самострелу идти, а к пальцу воина, в засаде сидящего, привязана может быть. Ты попрешься в незнакомое место и сам его за палец и подергаешь: «Здесь я, бери меня тепленького!» Что? Не может быть, по-вашему?

«Так их, так их, лейтенант Егор, „фейсом об тейбл“ — лучшее средство от излишнего самомнения! Так, а это что? Не понял…»

Мишка поймал на себе косой взгляд Егора… кажется, вопросительный.

«Чего ему надо-то? А-а! Ждет: отвечу я ему что-то, или самому все объяснять придется? Блин, и верно — бережет мой авторитет… или ему самому интересно? Ну ладно».

— Все поняли? — Мишка хмуро оглядел отроков. — Или дальше объяснять надо? Это вам не учения — за каждую ошибку кровью платить придется! В дружинах у князей полоцких воины опытные и умелые, даже и не думайте, что вам их легко переиграть получится! Поэтому слушай приказ! Без тщательной разведки ничего не делаем. Пока не выясним все о вражеском стане и войске, ни пугать, ни поджигать, ни чего-либо еще даже и не думайте!

— Вот-вот! — неожиданно поддержал Мишку Семен Дырка, покосился на него и Демьяна, но поняв, что его слушают, продолжил: — На первый взгляд Егор вас верно окоротил, но если присмотреться, так он и сам того… дырка сзаду… — Семен опять прервался, глянул на Егора и предупредил: — Ты руки-то придержи, я знаю, что говорю.

— Ну и говори! — отозвался Егор. — Тебе ж объяснили: коли по делу, которое лучше других разумеешь, то выслушаем со вниманием.

— Угу… а то ты так сразу и прозрел, что по делу, что не по делу, коли того самого дела и не разумеешь!

— А вот это не по делу! Ворчать на жену будешь! — тут же окрысился Егор. — Давай сказывай, чего ты там хотел?

— Гм… дырка сзаду… Вот я и говорю: на первый взгляд вы не правы, а как присмотришься, так и вовсе дурь распоследнюю несете. Никакого зажитья Корней не пресечет и никого не напугает — нету там никакого зажитья! И Корней ваш, ежели не дурак, левым берегом Припяти к Пинску не пойдет. Да и боярства полесского там нет… или же очень мало и далеко от Припяти.

Семен оглядел собеседников, убедился, что перебивать его не собираются, и продолжил уже бодрее:

— По левому берегу Припяти ходу нет, там сплошные дебри и болота. Местные, конечно, тропки какие-то знают, но и местных-то там почти и нет никого. Не пройти Корнею без проводников, а если даже и найдет провожатых, медленно и трудно идти будет. Вдоль Ясельды, я слыхал, вроде бы пройти можно, но тоже непросто и путь этот далеко в сторону от Пинска уводит. Так что, про зажитье в тех местах даже и думать не приходится, если и будут грабить, то только к западу от Пинска — там селищ много… ну, может, еще к северу… не знаю. Да и неважно это, важнее другое. Какого хрена полочане на ладьях по Припяти поперлись? Есть же более удобный и короткий путь! От Пинска проще всего идти на Ясельду, потом по Шарье подняться вверх через озеро Зьято и к Воруте, а там в Березину к Минску. А они по Припяти рискнули к Турову приближаться, с чего бы это? Сами ж говорите, что полочане не дураки!

«Здрасте, приехали! Ни малейшего понятия о театре военных действий! Ну-ка, вспомните, сэр, что вы у графа Игнатьева читали про офицеров Генерального штаба. Они-то как раз и нужны были полководцам, чтобы такие вещи учитывать. Вот и ЗДЕСЬ князьям воеводы со знанием местных условий требуются, тем паче что карт нет, все в голове держат, а князья, с места на место таскаясь, естественно, в региональной географии ни бум-бум. Это что же, выходит, лорд Корней, не просто вражеское нашествие отбивает, а еще и местность изучает? Или знает, уже бывал здесь? Тогда, в случае большой войны с Полоцком, он князю Туровскому ой как полезен может оказаться, а это прямая дорога если не в ближники, то уж в военную элиту, запросто! Ай да дед! Силен!»

— На! Рисуй! — Мишка перебросил Семену Дырке кусок парусины, на которой была изображена «карта». — На обороте рисуй Припять и реки Полесья… что ты там называл: Ясельду, Нарев, Шарью… озеро еще… забыл, как называется. Переволоки укажи, возле них наверняка какие-то селища есть… вообще все селища, которые знаешь…

— Дык… вот, дырка сзаду… — было похоже, что Семен взялся рисовать впервые в жизни. — Ну скажем, это у нас будет Припять. — «Адмирал Дрэйк» провел толстую, почти прямую линию (явно русло Припяти таким ровным быть не могло), но не успел довести ее до края парусины — уголек в его пальцах раскрошился. — Да ну тебя! Жили мы без всяких этих… и дальше проживем!

— Что, не хочешь тайными знаниями делиться? — Мишка приготовился к тому, что огневец потребует оплаты за карту.

— Да какие тайные? Купцы тут туда-сюда шастают, как мухи над дерьмом! Куча народу все это лучше меня знает!

«Так, дядька Никифор говорил, что таких кормщиков, как Ходок, еще поискать. Не это ли он имел в виду? Должен же Ходок все реки и переволоки знать, обязательно должен, раз он кормщик такой редкой квалификации! Вот кто у меня офицером Генерального штаба будет! Уж на карты-то, хоть какие, я его разведу!».

— Погоди, так у нас, пожалуй ничего не выйдет, — прервал Мишка Семена. — Дядька Егор, дай-ка я рядом с Семеном сяду. Он мне показывать будет, а я чертить.

Мишка устроился на бревне, положил на колени щит, на него «карту» и принялся «переводить» путаные комментарии «адмирала», сопровождаемые тыканьем пальца в парусину, в изображение водных путей Полесья. Сзади над головой заинтересованно сопел Егор, а остальные члены Совета пялились на происходящее как на некий таинственный ритуал.

Результатом совместных стараний стало некое изображение, назвать которое картой можно было бы, лишь обладая буйной фантазией, однако, глядя даже на это, было понятно, что Семен Дырка прав — полоцким ладьям незачем было лезть в Припять, уйти восвояси можно было более удобным и безопасным путем.

Объяснение этому Мишка смог придумать только одно — между союзниками, осаждавшими Пинск, начались серьезные разногласия. Настолько серьезные, что вывозить добычу по внутренним рекам Полесья полоцкий князь опасается — «союзнички» могут перехватить на переволоках. Эту мысль Мишка и озвучил.

— А что? Вполне может и так быть, — согласился Егор. — Своя рубашка ближе к телу… Да и от поражения любовь друг к другу у союзников крепче не становится. А то, что Пинск не взяли, как ни крути, поражение. Всегда так. Пока надежда на добычу есть — друзья не разлей вода, а как дело до дележа доходит… а тут еще и уйти надо, добытого не растеряв! Литва, к примеру, может и без дозволения князей полоцких в зажитье уйти

да назад к Пинску и не возвратиться. Вот и гадай: то ли они с добычей сразу восвояси отправятся, то ли захотят полоцкие ладьи на переволоках подстеречь. Если уходить через переволоки, то охрану надо давать сильную, а что тогда под Пинском останется? А если уходить по Припяти и Случи Северной — кругаля давать, то литву точно не встретишь. Конечно, к Турову приближаться — тоже риск, но князь-то Туровский с дружиной в Степи, а ладейной рати у него нет… да и была бы — наверняка бы на Днепр ушла. А на нас они точно не рассчитывали. Вот так, значит, получается.

Спорить с Егором никто не стал, только Семен Дырка, похоже, лишь для того, чтобы оставить за собой последнее слово, добавил:

— А у нас… хе-хе… ладейная рать теперича есть! То есть гм… ладьи имеются, а рать… ну, ежели захотим, то и рать будет.

«„У нас“, говоришь? Так-так, понравилось, значит, на реке разбойничать? Погоди, дед тебе объяснит, какое может быть „у нас“ под рукой воеводы Погорынского. А без воеводы никакого „у нас“ тебе не светит, даже и не мечтай».

— Ну вот мы самое больное место у полочан и нашли, господа Совет, — подвел итог Мишка. — Трудности с вывозом добычи. А если вспомнить о том, что Всеславу Полоцкому надо чем-то союзников привлекать, то место это уж и вовсе болезненным оказывается. Значит, в него и бить надо!

Семен! Ты отдаешь нам свои насады с кормщиками. Если у тебя есть люди, которые хорошо знают воды возле Пинска…

— То есть как это «отдаешь»?..

— Демьян!

Молниеносный взмах руки, и Демкин кинжал воткнулся в бревно прямо между раздвинутых ног Семена Дырки.

— Еще вякнешь, воткну выше! — прошипел Демьян, вытягивая из-за голенища засапожник.

— И я еще добавлю! — пообещал Егор.

— Д-дырка…

— Будет тебе дырка! И не одна!

— Отдаешь нам насады с кормщиками! — повторил, повысив голос, Мишка. — А сам ведешь ладьи к Пинску. Там выбираешь место, где укрыть ладьи и стережешь устье Пины, чтобы полочане водой никуда ничего вывезти не могли. Старшим над этим делом будет ратник Арсений. С вами пойдут поручики Василий, Демьян и Артемий, старшим над ними — старшина Дмитрий.

Я и господин десятник Егор идем на насадах к Пинску. С нами идут разведчики урядника Якова и опричники. Ты, Семен, даешь нам тех из своих людей, которые знают воды возле Пинска, а Треска тех, кто промышляет охотой и умеет скрадывать зверя.

За пару дней мы там все разведаем и тогда снова соберемся, чтобы решить, что и как делать.

Илья и Кузьма! Пока будете нас дожидаться, поставьте всех, кто будет свободен, на ремонт болтов, выдернутых из убитых ляхов. Снасть у Кузьмы для этого есть, и чтобы не меньше двадцати выстрелов на самострел…

— Восемнадцать! — перебил Мишку Кузьма. — Больше чем восемнадцать выстрелов на самострел не выйдет, я уже подсчитал.

— Хорошо, восемнадцать, — не стал спорить Мишка. — Но чтобы восемнадцать было точно!

— Будет.

— Демьян, напоминаю: за тобой остается надзор за огневцами!

— Да помню я… Слушаюсь, господин сотник!

— Артемий, за тобой пленные. Тех, кто может грести, сажаешь на весла, кто не может… порасспроси-ка ты их — узнай: за кого выкуп получить можно, кто каким ремеслом владеет и прочее в том же духе. Надо знать, с кого какую пользу можно поиметь.

— Слушаюсь, господин сотник.

— Десятник Василий! Вместе с Ильей пересмотришь весь груз на добытых ладьях и сделаешь опись. Разберите: что на торг оставить, а что в Ратное отправить, если надо будет, то перегрузите с одной ладьи на другую. И весь груз как следует закрепить, ты это умеешь!

— Слушаюсь, господин сотник.

— Вопросы есть?

— Есть! — Семен Дырка все никак не желал угомониться. — Ты обещал за насад из добычи рассчитаться! Добычу взяли! Плати!

— Другого времени для торга не нашел?

— Ага, дырка сзаду! Ты к Пинску уйдешь, а тебя там убьют! С кого спрашивать?

— Отставить! Он прав! — прикрикнул Мишка на отроков, снова дружно дернувшихся в сторону Семена. — На ладье, которую мы захватили, был раненый боярин с сыном. Возьмешь его себе. На выкуп с боярина не один насад оснастить можно!

— Да когда еще тот выкуп получишь… — начал было огневец, но уловив рядом с собой шевеление Егора, умолк.

— Господин десятник, — обратился Мишка к Егору, — что-нибудь добавишь?

— Гм, разве что… Треска, сколько у твоих людей стрел в колчанах?

— По-разному. У тех, кто с ляшским оружием, — немного. У кого-то и вовсе лука нет. А те, кто из дому со своим оружием пришел, — не меньше десятка на человека, но стрелы охотничьи.

— Значит, посмотришь с Ильей, какое оружие на ладьях взяли, и если найдете граненые наконечники, раздашь своим лучшим стрелкам.

— Добро.

Господа советники разошлись, у Мишкиного костерка остался один Егор. Роська и Дмитрий тоже было хотели о чем-то потолковать, но, правильно истолковав повелительный жест Егора, удалились, остановив попутно сунувшегося к Мишке Антона.

— Давай ругай, дядька Егор. Что не так сделано?

— Да ничего вроде бы, совсем уж дурака не валяли, а что захотели сунуться без разведки… так сопляки же еще… рано вас в дело пускать, рано, но что ж поделаешь, если так все обернулось.

— Насчет того, что лишь половина вернется, ты только пугал или правда?

— Ну… — Егор немного помолчал, ковыряя веточкой в углях костра. — По-всякому может статься, но так легко, как за болотом, точно не обойдемся. Ты заранее-то не казнись, война есть война… да и везунчик ты, и кто тебе только так ворожит-то? Семь ладей! Одну-то добудешь, так и то радость, особенно если с товаром, а тут семь!

— Да хрен с ними, с ладьями! Ребята любого товара дороже!

— Ребят новых наберешь и как раз на этот товар выкормишь и выучишь, а вот тем, кто в этом походе выживет, действительно цены не будет! С ними-то настоящую Младшую дружину и воспитаешь. Запомни: не бывает таких дружин, где все воины одинаково выучены! Всегда есть более опытные, менее опытные и новички. А у тебя пока разве что опричники чуть получше других, да и то не сильно. Им друг у друга учиться почти нечему, да и гордыня у каждого — ничем хуже других быть не хотят. А вот когда разница появится, тогда и начнется настоящая учеба — в каждом разговоре, в каждом, даже совсем мелком, деле. Этого никакие наставники не заменят. У рядового воина, не единожды в деле побывавшего и выжившего, всегда есть чему поучиться. И для урядников твоих каждая смерть или ранение подчиненного — тоже учеба. Такая, какой нигде, кроме как в бою, не бывает. Да и для тебя самого, конечно, тоже. Короче, как говорит Корней, ничего зря не бывает! Вот потеряли вы целый десяток… обидно, конечно, жалко, но зато ни поручики твои, ни старшина больше такого не допустят — заранее опасность углядят и предотвратят.

— Легко как-то у тебя выходит, дядька Егор, — плата-то за науку жизнями получается…

— Но-но! Поскули мне еще! Жизнями… Да, жизнями! Попы болтают, мол, язычники жертвы человеческие Перуну приносят! Вранье, конечно… однако приносят!

— Как это?

— Да, приносят! Но не на алтаре, а вот так — в бою! А он им за это воинский опыт и мудрость дарует! Неужто не понимаешь… Окормля?

— Да понимаю я… — Мишка сначала ответил, а потом сообразил, что Егор назвал его дружинным именем.

— Вот и не скули! Да, может быть, и потеряем половину твоих сопляков, зато те, которые вернутся живыми, втрое, вчетверо сильнее станут! И каждый, запомни, каждый из них, смерть соседа в бою познав, в другой раз новичка от такой же смерти убережет, потому что ЗНАТЬ будет!

— Но мы же христиане…

— Не суесловь! Найдешь христианский способ того же достичь, честь тебе и хвала, да только не тебе чета люди его искали… все без толку. А вот мысль о том, что мы здесь и сейчас можем будущую войну менее кровавой сделать… это ты молодец, это ты верно придумал! Отец Михаил, Царствие ему Небесное и вечная память, такие мысли одобрил бы.

ГЛАВА 3

Сентябрь 1125 года. Реки Припять и Пина, окрестности города Пинска

Погодка выдалась лучше не придумаешь — хороший хозяин собаку на улицу не выгонит. На небе ни звездочки, все обложено тучами, моросит мелкий дождичек из тех, что могут длиться часами и днями, пропитывая влагой всё и вся, порывы ветра время от времени шумно треплют намокшую листву, забивая все остальные звуки. Прекрасная ночь для диверсии, прямо как по заказу!

Правда, и проблем погода тоже подкинула. Доспех оставили на ладьях, впрочем, даже если бы и не всепроникающая сырость, способная почти уравнять вес мокрого войлочного поддоспешника с самой кольчугой, все равно, ввязываться в бой на причалах и ладьях с риском упасть в воду лучше, имея на себе поменьше железа. А вот шлемы не подвели. Мишка в очередной раз помянул добрым словом искусство кузнецов — стекающие со смазанного жиром шлема дождевые капли не попадали в глазницы полумаски, а падали вниз, минуя даже щеки и подбородок. Бармицу, прикрывающую нижнюю часть лица, все же пришлось откинуть — при резком вдохе висящие в ее кольцах капли воды могли попасть в горло, а закашляться в бою… недолго и до беды. За шиворот, правда, текло немилосердно, но «терпи, ратник, воеводой станешь!».

Все четыре насада Семена Дырки в кромешной тьме поднимались вверх по Пине к причалам Пинского речного порта. Следом шел самый большой челн, который Семен Дырка то ли по жадности, то ли просто из принципа увел из разоренной ляхами рыбачьей веси. Как кормщики умудрялись находить правильный путь, Мишка не представлял себе совершенно. Возможно, ориентировались на шум ветра в растущих на берегах кустах и деревьях, возможно, в чем-то им помогал слабый плеск воды, а может быть, еще что-то, но, как гласит народная мудрость, дело мастера боится — насады шли уверенно и почти бесшумно. Отроки Младшей дружины Погорынского войска набились в них, как шпроты в банки, стараясь сбиться поплотнее, чтобы не мешать гребцам. Весел огневцы отрокам не доверили — нашумят. Тряпками лопасти весел, как это описывается в приключенческих романах, не обматывали, а вот с уключинами «колдовали» весьма тщательно, и в результате гребля действительно получилась практически бесшумной.

Люди дреговического старейшины Трески тоже были заняты в

операции, но действовали на суше (хотя что можно назвать сушей в такую погоду?) — обнаружили еще днем, а с наступлением темноты перебили втихую два тайных дозора полочан, скрывавшихся у впадения Пины в Припять и у слияния Пины и Струмени. Ну не совсем втихую — в первом дозоре кто-то успел коротко вскрикнуть, но находился этот дозор так далеко от своих, что хоть во всю глотку ори, не услышат. Нет, что ни говори, а в лесу дреговичи Трески чувствуют себя как дома, куда там отрокам, несмотря даже и на науку наставника Стерва — учиться еще и учиться.

Пинск — «некоронованная» столица Припятского Полесья — стоял как раз в углу, образованном руслами Пины и Струмени. Когда Семен Дырка объяснял «диспозицию», чертя по земле веточкой, Мишка подивился про себя, насколько ЗДЕСЬ бедно с названиями рек. Под названием Случь две штуки, и обе в бассейне Припяти, Струменей тоже две штуки — одна возле Турова, другая возле Пинска…

— Тсс, — прошипел с кормы Семен Дырка, — подходим. Снизу, снизу гляди, пригнись к борту.

Мишка пригнулся к левому борту, и действительно, на, казалось бы, беспросветно черном фоне неба проступили контуры чего-то еще более темного. Тут же «заработал» и слух, сквозь шелест дождя донесся храп спящего человека, даже, пожалуй, не одного, а как минимум троих — вахта на стоящей у причала ладье, убаюканная монотонным шорохом мелкого дождичка по натянутому пологу, совершенно бессовестно дрыхла, пренебрегая служебными обязанностями.

— Одерживай, одерживай! — снова зашипел Семен.

Мишка вытянул руки и ощутил ладонями мокрое дерево корпуса ладьи. Встал в рост, поднял руки на уровень плеча и нащупал край борта. Тут же под руку попалась какая-то веревка.

— Первый пяток, товсь! — Этот свистящий шепот принадлежал уже не Семену, а десятнику Егору. — По-тихому, осторожненько… тудыть тебя… ножи! Режь растяжки!

Мачта на ладье была убрана и вся ладья накрыта от дождя кожаным тентом;[10] вахта, под музыку дождевых капель, дрыхла, как в палатке. Мишка правой рукой выдернул кинжал из ножен и тут же отдернул и левую руку, с трудом удержав рвущееся наружу ругательство — стоявший слева от него отрок, перехватив растяжку тента, еще и зацепил лезвием Мишку по пальцам.

— Приподнимай… — снова донесся шепот Егора, — пошли!

Мишка оперся ладонями на планширь и втянул свое тело под тент, внутрь ладьи. Неожиданно подвела уже много раз пострадавшая левая рука, которой Мишка оперся на что-то —

резко ослабла и подогнулась. Падение лицом вниз чуть не заставило ругнуться в голос, еле удержался. Пока изворачивался и поднимался на ноги, храп спящих сменился возней, звуками ударов, бульканьем и хрипами, означавшими не что иное, как насильственную смерть спящих полочан. Одновременно в темноте под тентом раздался показавшийся очень громким сдавленный мальчишеский вскрик, Мишка узнал голос Демьяна, на которого тут же зашикали со всех сторон. В ответ донеслась смесь мычания с невнятными ругательствами.

Протиснуться к Демьяну, чтобы узнать, что случилось, не вышло — через борт ладьи с насада полезли отроки второго пятка. Надо было действовать по плану, и Мишка торопливо принялся перебираться через сложенный в середине ладьи груз, забирая влево, чтобы добраться до носовой чалки.[11] Несколько раз стукнувшись в темноте о какие-то выступающие предметы, он, тихонечко ругаясь про себя, миновал наконец переднюю скамью для гребцов и нащупал канат, соединяющий нос ладьи с берегом. Извлек из ножен кинжал и принялся перепиливать им пеньковые волокна.

«Блин, книжки почитаешь, так там сплошь и рядом швартовые концы и якорные канаты перерубают одним ударом чего-нибудь острого, как бритва. Ага, сейчас! Пеньковый канат толщиной в руку топором перерубается с двух-трех ударов и то, если лежит на чем-то твердом, а если на весу (даже туго натянутый), так и вовсе намучаешься. А здесь-то еще и провисший — речное течение, толкая ладью в корму, натягивает кормовую чалку и ослабляет носовую. А не обтягивали чалки наверняка с момента окончания погрузки, вот кормовая намокла и растянулась, а носовая…»

Мишкины мысли прервал толчок в спину и злой шепот Семена Дырки:

— Не порть вещь! Я сейчас гашу[12] со столба скину.

Бормоча под нос почти точную цитату из анекдота:

«Сопляки, только б им резать…» — Семен поднырнул под кожаный тент и перелез с борта на причал.

«Вот куркуль, нашел время веревки беречь… стоп, а почему он здесь, ему же положено на насаде оставаться?»

— Первый пяток, на берег! — передали отроки шепотом команду Егора.

Мишка вылез на причал и припал на правое колено, настороженно поводя из стороны в сторону самострелом, рядом, в таких же позах, вглядывались в темноту отроки шестого десятка.

— Чего скрючился? — раздалось рядом кряхтенье Семена. — Помоги оттолкнуть, корму уже течением отвело!

Ветер, хоть и не постоянный, а порывистый, был прижимным, поэтому, чтобы течение «забрало» ладью, ее надо было хоть немного оттолкнуть от берега. Семен, видимо, опасался, что, если не оттолкнуть нос, ладью развернет бортом к течению и она станет неуправляемой. Упершись руками в борт, Мишка почувствовал, как корпус ладьи медленно отходит от причала, но при этом под действием речного течения еще и смещается вправо. Зазор между бортом и причалом начал увеличиваться и, чтобы не сорваться в воду, пришлось резко оттолкнуться руками и отшатнуться назад. Рядом Семен Дырка сначала так же отшатнулся, а потом сиганул с края причала на борт ладьи, словно кот на забор.

«Ловок, ничего не скажешь! Первая, считай, ушла, и вроде бы не нашумели. Как там остальные?»

В темноте разглядеть что-нибудь даже в нескольких шагах от себя было невозможно, но, судя по тому, что никакого шума Мишка не слышал, захват первых пяти ладей, причаленных ниже других по течению, прошел удачно. Оставалось еще шесть…

Днем люди Трески безошибочно вывели разведку через лес на берег Пины прямо напротив причалов. Мишка, Егор и Семен Дырка, охраняемые с тыла десятком лесовиков, затаились на противоположном от города берегу и долго наблюдали за тем, что творится в речном порту, вырабатывая план ночного налета.

Ладей было всего одиннадцать, и все они сидели глубоко, значит, были уже нагружены (а может быть, и вовсе не разгружались, оказавшись захваченными полочанами сразу по прибытии). Только на два самых больших судна что-то таскали из складов, довольно хаотично, явно без единого плана, расставленных на берегу. Мишке, еще ТАМ привыкшему к строгой линейной упорядоченности ленинградского порта, подобное устройство представлялось сущим безобразием.

Ладьи тоже были разнокалиберными — начиная с просто больших лодок, метров пяти — семи в длину, и кончая довольно солидными судами в десятки тонн водоизмещения. Экипажей, как удалось разглядеть, на ладьях не было, только по два-три человека, значит, сегодня днем суда уходить не собирались.

Склады и причалы находились на достаточно приличном удалении от города, да иначе их было и не разместить — земляные валы укреплений довольно близко подходили к берегу, начинаясь на таком расстоянии от уреза воды, чтобы их не подмывало в половодье. Порт между городскими укреплениями и водой просто не поместился бы. Мишка сильно опасался, что вместо складов они увидят только груду головешек — могли же

пинчане их поджечь, чтобы не достались врагу, но, видимо, укрывшиеся в городе купцы и экипажи ладей смогли убедить защитников Пинска этого не делать в надежде хоть что-то отбить при удачном стечении обстоятельств.

Семен Дырка и Егор, ссылаясь на приметы, уверенно предсказали дождливую и ветреную ночь, поэтому план угона ладей особых споров у них не вызвал, а Мишка, в таких делах не разбиравшийся, в дискуссию «специалистов» не встревал. Решено было подойти ночью на насадах и захватить первые пять судов (по числу собственных десантных средств — четыре насада и челн), потом оставить на каждой из захваченных ладей кормщика, пару гребцов из огневцев и пару Мишкиных отроков (этого должно было хватить для безопасного сплава по течению) и, отпихнув добычу от берега, заняться остальными ладьями. Это если все пройдет гладко, а если полочане всполошатся, то попрыгать в насады и смыться, удовлетворившись малой долей добычи. От плана поджечь оставшиеся ладьи пришлось отказаться — и погода дождливая, и полочане не лопухи, не дадут огню разгореться, и задерживаться, в случае тревоги, опасно.

Не то чтобы Мишка сомневался в квалификации Егора и Семена Дырки, но как-то все очень уж просто у них получалось: подошли, взяли вахтенных в ножи, отчалили… С другой стороны, чем проще план, тем меньше шансов, что что-то пойдет «не так». К тому же Мишка очень плохо представлял себе, как у полочан налажена охрана порта. Прежний опыт мало чем мог помочь — в XX веке наиболее тщательно охранялся периметр порта, по самой территории ходили редкие патрули пограничников, а суда охранялись силами экипажей (штатных или подменных), да и работал порт круглосуточно, так что народу там постоянно толклось довольно много. А ЗДЕСЬ… никакого периметра не было вообще, заходи, кто угодно, и ночью, разумеется, не работали. Ну будет по несколько человек на ладьях, возможно, кто-то заночует в складах (или склады охраняют?), а больше вроде бы никого быть и не должно.

Впрочем, когда уже собрались уходить, на пинском берегу произошла сцена, которая заставила призадуматься о том, какими силами будут охраняться ночью склады. В порт заявились десятка два всадников, вернее, какая-то важная персона в сопровождении двух десятков конных, и устроили, судя по жестикуляции, скандал. В чем заключалась суть конфликта, Мишка, со скрежетом зубовным, сожалея об отсутствии бинокля или хоть завалящей подзорной трубы, так и не понял. Вроде бы приехавшие остановили процесс погрузки и, спешившись, пошли инспектировать склады, такое, по крайней мере, сложилось

впечатление.

Семен Дырка выдвинул версию происходящего, полностью соответствующую его куркулистому характеру:

— Пришли проверить, не слишком ли много увозить собрались! Об своей доле пекутся, дырка сзаду! А эти, значит, недовольны, что их проверяют. Нет, точно разбегаться собрались и прикидывают, что и как вывозить придется.

— Угу, — поддержал огневца Егор. — Каждому охота не только свою долю урвать, но и чтобы она весом и размером поменьше была, а ценой подороже! На ладьях-то можно и то, что потяжелее вывезти, а тележным обозом или на вьюках еще подумаешь да в затылке почешешь.

«Та-ак, сэр, похоже разногласия между союзниками действительно имеют место быть. Сейчас имя как-то не вспоминается, но кто-то из исторических личностей утверждал, что для успешного ведения войны нужны три вещи: деньги, деньги, и еще раз деньги. Миллионных состояний ЗДЕСЬ, пожалуй ни у кого нет — сотня гривен уже серьезный капитал, а уж о тысяче и говорить не приходится. Так что товар, находящийся на этих ладьях, даже для князя весьма существенная ценность. Значит, наш удар придется в самое чувствительное место — по кошельку!»

— Дядька[13] Егор, они же тогда у складов охрану выставят… Ну чтобы «друзья» своей рукой не надумали долю в добыче отгрести.

— Так не сотню же в охрану поставят! И стеречься будут со стороны берега, а мы с воды налетим. Гм, а знаешь, так оно даже и лучше будет! Они же, поначалу не разобравшись, не на нас подумают, а на то, что кто-то из них своровать решил. Потом-то разберутся, но до того поругаются крепко, и косо друг на друга смотреть станут обязательно! А нам это только на пользу.

На обратном пути Мишка ломал голову над тем, кого из отроков взять с собой на ночную операцию и кого поставить надзирать за десятками, которые Семен Дырка взялся распихать по своим насадам. И вот тут-то, совершенно неожиданно (хотя мог бы и заранее об этом подумать) вылезло одно весьма неприятное обстоятельство — не всем десяткам Мишка мог одинаково доверять.

С тремя-то десятками все было понятно — опричники и разведчики. Насчет поручиков и старшины тоже никаких сомнений. С этими отроками Мишка общался чаще других, хорошо знал практически каждого. Но вот те десятки, к командирам которых были применены репрессии… один повешен, другого Демка убил, да еще и отроков некоторых… Нет, в спину не выстрелят, но брать их в рискованный ночной набег…

не лежала душа, и все тут!

«Что, сэр, уже любимчики и нелюбимчики появились? Впрочем, совершенно одинаковых подразделений не бывает. Есть надежные, есть серая масса, а есть… действительно, лучше не рисковать — будете оглядываться, уделять излишнее внимание и упустите что-то важное. Решено, тех, в ком сомневаемся, не берем, пусть ладьи и пленных охраняют! Блин, надо было не слушать Нинею, а переформировать подразделения с самого начала, глядишь, и казнить никого не пришлось бы…

А из поручиков оставим Роську. Он и за оставленными ладьями присмотрит квалифицированно, и пленным острастку, если понадобится, сможет дать».

Сам Мишка решил идти на том насаде, на котором пойдет десятник Егор, чтобы быть рядом, а Егор выбрал насад, которым правил Семен Дырка. Так Мишка и оказался в компании десятка, которому выпало захватывать первую ладью, стоявшую ниже других по течению.

Ладьи с огневцами и отроками бесшумно отваливали от причала и уходили вниз по течению, унося вместе с добычей погорынцев и тела полочан, заплативших жизнями за нерадивое отношение к своим обязанностям. Одна, вторая… пятая. На берегу и остальных судах так никто и не спохватился — ни огонька, ни голоса, ни какого-либо другого признака поднявшейся тревоги.

«Блин, как в кино! Ну не может же все идти так гладко!»

Мишка прошлепал босыми ногами по мокрому настилу причала к следующей ладье. Зрение смутно улавливало в темноте светлые пятна рубах отроков, и Мишка скорее догадался, чем рассмотрел, что они уже скидывают чалки с причальных столбов и упираются в борт ладьи отталкивая ее от берега.

— Э-к-к… навал-л-лись… т-туды т-тебя…

Негромкое натужное кряхтение издавал, похоже, Фаддей Чума. Мишка уже собрался идти дальше, как вдруг Фаддей охнул и с громким, показалось, что прямо-таки оглушительным, плеском свалился в воду. То ли руки соскользнули по мокрому дереву борта, то ли увлекся и не успел вовремя откинуться назад…

«Ну вот, сглазил…»

Мишка замер, сжимая самострел, и до боли в глазах всмотрелся в темный проход между складами — показалось или там действительно что-то шевельнулось? Изнутри ближайшего строения донеслось какое-то невнятное бормотание, потом сонный голос что-то гнусаво спросил, кажется: «Что там такое?»

«Охрана? Спали? А почему храпа не было слышно? Где у них вход?..»

Мишка так и не успел решить, что ему делать — то ли двигаться к складу, чтобы попытаться как-то заставить замолчать проснувшегося человека (убить, конечно, а как же еще заставишь-то?), то ли наоборот, бежать к воде и спрыгивать в ближайший к нему насад (еще ведь найти надо в темноте). Громкий голос ратника Арсения заставил его вздрогнуть так, что оружие чуть не выпало из рук.

— Раззява! По нужде сходить не можешь, чтоб за борт не сверзиться!

Фаддей Чума, громко отфыркнувшись, забубнил из воды что-то неразборчивое.

— Вот-вот! — продолжил скандальным тоном Арсений. — Купайся теперь, заодно и портки простирнешь! Погоди, я тебе еще и портянки твои кину — стирать так стирать!

— Чего разорались, обормоты?! — донеслось от склада. — Пос…ть и то толком сходить не могут… работнички…

— Тебя, дурня, не спросили! — отозвался Арсений. — Как хотим, так и с…м!

— А я вот щас выйду, так поглядим, кто тут дурень! — пообещали из склада.

— Эй, вы! — донеслось от ближайшей ладьи. — Хватит глотку драть, полуношники! Охота друг другу рыло начистить, так бейтесь! И нехрен тут орать!

— А я вот свайку[14] возьму, — продолжал блажить дурным голосом Арсений, — да как раз по рылу-то… а ну, высунься!

Судя по звукам, скандалист с ладьи действительно высунулся из-под тента — сначала раздался звук смачной затрещины и ругательства, потом какая-то возня, потом, уже из-под тента, шум драки.

— Да уймитесь вы, дуроломы, в конце-то концов? — снова заорали в складе. — Сейчас дружинников дозорных кликну!

Хозяин голоса явно не желал вылезать под дождь. Мишка просто не верил своим ушам — ратник Арсений прямо-таки с виртуозной артистичностью превратил смертельно опасную ситуацию в банальный скандал с мордобоем. Полочанам могло прийти в голову все что угодно, но только не то, что ругань и драку у них под носом устроили туровские воины. Из ступора Мишку вывел толчок в спину и шепот ратника Савелия:

— Не стой столбом!

Мишка побежал к следующей ладье. Там уже тоже дрались под тентом, а отроки скидывали чалки с причальных столбов. Дальше линия причалов прерывалась, и с полсотни шагов

пришлось бежать по дикому берегу, заваленному всяким мусором.

«Во, и ЗДЕСЬ то же самое, разве что мусор экологичный — ни тебе ГСМ, ни пластика, ни металлолома… Блин, о чем думаю?»

Третья ладья… Тут под тентом угадывались вспышки от кресала, кто-то пытался высечь огонь, а отроки, просунув верхнюю часть тела внутрь, стреляли из самострелов. Четвертая ладья. Край тента приподнялся и в щель ударил показавшийся ослепительным свет масляного светильника. Заспанная рожа с всклокоченной бородой недоуменно уставилась на Мишку и пыталась спросить:

— Э… парень, чего это…

Болт из Мишкиного самострела ударил мужика прямо в лоб. Мишка рыбкой влетел в ладью, извернулся, щурясь от света, уловил какое-то движение совсем рядом, торопливо вскочил на ноги и оказался нос к носу с молодым парнем, держащим в руке светильник. Тот как-то странно перекосился лицом, словно собирался заплакать, и начал заваливаться набок. Только тут Мишка понял, что держится за рукоять кинжала, вошедшего парню в солнечное сплетение — как ударил, сам не заметил. Светильник упал, разлившееся масло вспыхнуло, и Мишка в свете зарождающегося пожара торопливо оглянулся. Больше никого на ладье не было. Пока оглядывался, «на автомате» зарядил самострел, потом высунулся из-под тента и прикрикнул на щурящихся от света отроков:

— Здесь все! Давайте дальше!

— Никаких «дальше»! — рявкнул вынырнувший из темноты Егор. — Охрана всполошилась, уходим!

Мишка глянул направо — примерно в сотне шагов, там, где стояла последняя ладья, мелькали факелы и слышались голоса.

«Ага, княжьи дружинники опомнились! Пора линять, пока они не разобрались, в чем дело».

— Быстро, быстро! — Егор принялся пихать стоящих на причале отроков. — Все на ладью. Петруха, не зевай, чалку скидывай.

Ратник Петр скинул гашу с причального столба и, перебежав чуть ближе к середине корпуса, навалился на борт, отпихивая ладью от причала. Ноги его скользнули по мокрому настилу и он, так же, как недавно Фаддей Чума, рухнул в воду.

— У… туды тебя! — ругнулся Егор. — Да не лезь ты тут! Обплывай корму, с той стороны насад, вытащат! Да шевелись ты…

Дальше Мишка уже не слушал и не смотрел — в проходе между складов появился человек с факелом в руке, позади него

были, кажется, еще двое или трое. Мишка выстрелил, факел упал и по ушам резанул отчаянный крик:

— А-а-а!!! Убили, убили!!!

Тут же сзади раздался крик Семена Дырки:

— Пожар, дырка сзаду!!! Да гасите же, олухи, гасите!!!

Действительно, от разлившегося горящего масла уже начал заниматься с краю груз.

«Пожар в борделе во время наводнения. Еще и плывем. И „адмирал Дрэйк“ откуда-то вылез. Стопроцентный сюр, позвольте вам заметить, сэр».

Мишка растерянно оглянулся в поисках пожарного инвентаря и ничего не обнаружил. Рядом так же растерянно оглядывались отроки.

— Да рубахи, рубахи снимайте, копуши! Мокрые же, дырка сзаду! Накрывайте огонь!!!

Стянуть с себя липнущую к телу долгополую рубаху — задачка еще та. Мишка подергал за ворот, ничего не добился и по-женски ухватившись за подол, потянул его вверх, выворачивая рубаху наизнанку. Где-то на середине этого процесса Мишку толкнули, он не удержался на ногах, упал и окончательно запутался в мокрой одежке. Пока выпутывался и поднимался на ноги, пожар уже погасили и ладью вновь окутала темнота, заполненная движением, криками, ругательствами и бестолковой толкотней. И над всем этим царил раздающийся откуда-то с кормы командный голос Семена Дырки:

— Полог заворачивайте, дырка сзаду, грести мешать будет! Да не стаскивайте, а завертывайте края, товар же дождем подмочит! Весла разбирайте, они вдоль бортов лежат… Ай, едрить твою в грызло!

— Всем укрыться! — рявкнул Егор. — Стреляют! Семка, живой? Куда тебя?

— Живой, дырка сзаду, ох тудыть…

— Неужто прямо туда?

— Да почти… другого места не нашли, ироды!

Мишка почувствовал, что его начинает разбирать нервный смех, но тут рядом с ним болезненно вскрикнул кто-то из отроков, еще одна стрела свистнула поверху, а еще одна ударила в тент.

— Драть вас всех! Я же сказал укрыться!

Мишка поспешно пригнулся и тут понял, что кое-то все-таки видно. На фоне мелькающих на причале факелов можно было разглядеть головы и плечи отроков, уложивших самострелы на планширь и азартно отвечающих на выстрелы с берега.

— Прекратить стрельбу! — В голове у Мишки занозой сидела

мысль об ограниченности запаса болтов к самострелам. — Всем исполнять приказы кормщика! Разбирай весла, и головы ниже, не подставляться под выстрелы!

Отроки бестолково, но энергично закопошились в темноте. Откуда-то, чуть ли не из-под ног донеслось тихое тоскливое поскуливание.

«Блин! В кого-то же попали!»

— Эй, ты кто? Ранен?

— Лютоню убили-и-и… — отозвался плачущий мальчишеский голос.

— Какого Лютоню?

— Дементия…

«Дементий… четвертый десяток. Еще один… будь оно все проклято! „Вернется только половина“. А на других ладьях как? Демка! Он же тоже вскрикнул… еще на первой ладье! Не дай бог… что я тетке Татьяне скажу?»

— А тебя-то как звать? — Мишка склонился к плачущему отроку.

— Это… Тарас.

«Господи, даже имя христианское не сразу вспомнил… дети же еще!»

— Вот что, Тарас, давай-ка его поднимем. Я посмотрю, может быть, живой, только ранен.

— Не-а… ты же сам учил жилку на шее щупать…

— Давай, давай, все равно надо скамью для гребцов освободить. Ну-ка, взяли.

Обломок древка торчал у Дементия из спины. Мишка поискал пульс на шее, потом приложился ухом к груди отрока. Все было безнадежно — наповал.

— Тарас… ты посиди с ним… помолись за упокой души. Для воинов, в битве павших, райские врата открыты безвозбранно. Он — воин и пал в бою… душа его на нас из Царствия Небесного глядеть будет.

Мишка помолчал, не зная, что еще сказать. Кем был Тарасу отрок Дементий? Родичем, другом детства, просто односельчанином?

«Дела, дела… суета сует. Ведь собирался же поподробнее обо всех ребятах разузнать, картотеку сделать… так руки и не дошли. Вот когда убили… Вернется только половина… Неужели правда? Или Егор только пугал? Егор… блин, чуть не забыл!»

— Тарас, мне отойти надо… ты… ты поплачь, не стыдись, никто смеяться не будет. Посиди, посиди с ним, мы и без тебя управимся. Слышишь меня?

Отрок ничего не ответил, только шмыгнул носом. Мишке

захотелось погладить его по волосам, но пальцы натолкнулись на мокрое холодное железо шлема. Ладонь соскользнула по бармице и опустилась на плечо. Тарас всхлипнул и прижался к тыльной стороне Мишкиной ладони щекой.

ТАМ Михаилу Ратникову всегда казались жуткой фальшью сцены в кинофильмах про войну, когда герой или героиня склоняются над убитым товарищем, сразу же стихают выстрелы, начинает звучать грустная музыка и всякое действие вокруг как бы прекращается… но сейчас убрать руку показалось страшным кощунством.

«Много ли мальчишке надо? Немного сочувствия, незамысловатая ласка… но… надо идти. Провались оно все! Лучше б я в Крестах на шконке загнулся!»

Мишка похлопал Тараса по спине, осторожно высвободил ладонь и начал пробираться к корме, откуда доносились голоса Семена Дырки и Егора.

— Дядька Егор, не пора ли?

— А? Ты, что ли, Михайла?

— Я, господин десятник. Не пора ли стрелу пускать, спрашиваю.

— Ну… — судя по голосу, Егор повернулся в сторону оставшейся позади факельной суеты на причалах. — Да, до нас уже из лука не добьешь, можно пускать. Давай, что у тебя там приготовлено.

Мишка дернулся руками к талии и только тут сообразил, что пояс, со всем, что на него навешено, он сбросил прямо под ноги перед тем, как стягивать с себя рубаху. Где ж его теперь искать? Повернувшись к шевелящейся темноте внутри ладейного корпуса, крикнул:

— Внимание! Всем слушать меня! На правом борту, пошарьте под ногами, там мой оружейный пояс где-то лежит. Передать сюда!

После короткой паузы, откуда-то из носовой части ладьи донеслось:

— Здесь, боярич! Сейчас передадим!

Пока его амуниция путешествовала из рук в руки, Мишка спохватился, что не сделал самого главного и снова подал команду.

— Кто из урядников есть? Подай голос!

— Урядник шестого десятка Ксенофонт!

— Младший урядник шестого десятка Никон!

«Надо же, они что, через все причалы за мной тащились? Как умудрились-то в темноте?»

— Младший урядник четвертого десятка Сергий!

— Из других десятков кто-то еще есть?

— Отроки второго десятка Марк и Тимофей!

«Опричники? Эти-то откуда взялись? Блин, неужели опять прикрывали?»

Пояс с подсумками и оружием наконец-то добрался до Мишкиных рук, но он продолжал перекличку.

— Урядник Ксенофонт, доложить о потерях!

— Отрок Глеб ранен — ступню на берегу чем-то пропорол… сильно. Отрок Софроний обжегся, когда пожар тушил… тоже вроде бы сильно. Отроки Тихон… ой, да тихо ты с веслом-то! Отроки Тихон и Гавриил на первой ладье уплыли, еще двое здесь, со мной, целые, а младший урядник Симеон и с ним еще один отрок… потерялись. Темно же…

«Ну, может, на других ладьях ушли, но Ксюха молодец — в такой обстановке все под контролем держит и обо всех помнит! Не то что вы, сэр…»

— Младший урядник Сергий, доложить о потерях!

— Отрок Дементий убит… здесь еще отроки Пахом, Нифонт и Тарас… все целые, но Нифонт, придурок, самострел утопил. Про первый пяток не знаю — мы сразу разошлись.

— Опричники!

— Оба целые!

«Итого: двенадцать… сборная солянка из разных десятков, все поперепутались».

— Так… раненых обиходили?

— Перевязали… как вышло, посветить бы…

— Сейчас, будет вам свет, погодите немного…

Мишка залез в прицепленную к поясу сумку и достал оттуда два небольших свертка, в одном лежали два жгута промасленной пакли, в другом — две берестяных грамотки.

— Дядька Егор, вот, нашел.

— Погоди, сейчас огонь высеку…

Егор принялся чиркать кресалом, и в редких вспышках света Мишка разобрал, что Семен Дырка стоит скособочившись, правой рукой ворочая рулевым веслом, а левую прижимает к ягодице.

— Дядька Семен, крепко зацепило-то?

— Да не воткнулось, чиркнуло только, но что-то крови… прямо как с барана, перевязать бы.

— Кто-нибудь, у кого бинт сухой есть, ко мне! — выкрикнул Мишка в сторону отроков.

— Да иду, иду уже! — донесся с середины ладьи голос одного из огневцев. — Сейчас, сейчас уже, сопляков на весла рассадить надо было.

— Разобрались там… — начал было кормщик, но вдруг умолк на полуслове и пошатнулся.

— Сенька! — Егор подхватил оседающего на подкосившихся ногах Семена Дырку. — Что ж ты сразу-то не сказал… туды тебя…

Егор уложил кормщика лицом вниз и шуганул подсунувшегося огневца:

— Да сам я перевяжу! Ты вон бери правило да командуй, раз с веслами разобрались. Михайла, посвети-ка.

Пока Егор с Мишкиной помощью перевязывал Семена Дырку, огневец окриками, перемешанными с руганью, кое-как наладил греблю. Гребцы из отроков были совсем никакие, ладья двигалась не столько за счет их усилий, сколько за счет того, что ее несло течением.

— Дядька… — позвал нового кормщика Мишка. — Тебя как величать-то?

— Карасем величай, — то ли в шутку, то ли всерьез отозвался огневец. — Чего надо-то?

— К берегу поближе возьми, нам стрелу с грамоткой в город закинуть надо.

— Это можно… прямо сейчас стрелять будешь?

— Погоди немного, приготовить все надо… дядька Егор, ты сам стрелять будешь?

— Не… Петруха, ты лук-то не утопил?

— Да иди ты! — недовольно пробурчал невидимый в темноте ратник Петр. — Теперь до конца жизни попрекать будешь?

— А никто тебя купаться не заставлял. Дай Михайле две стрелы, он все приготовит.

— А чего две-то, с одного раза, думаешь, не докину?

— Да нет, дядька Петр, первую стрелу надо на вал уронить, вроде бы как не получилось у нас с первого выстрела, а вот вторую уже надо точно в город забросить. Я, кроме грамоток, еще и паклю горящую к стреле привяжу, чтобы видно было, что она летит.

— Ага! А в первой грамотке, значит, вранье какое-то написали? Для полочан, значит? Пусть читают, дураки, и радуются, что весть перехватили? Мудер ты, боярич, мудер… а только и полочане не дурнее тебя! Так они твоему вранью и поверили!

— А никакого вранья там и нет! — Мишка протянул ратнику Петру грамотку и посветил лучинкой.

Кусочек бересты с одной стороны обгорел и разобрать на нем можно было только первую строчку:

«КНЯЗЮ ИЗЯСЛАВУ СВЯТОПОЛЧИЧУ ОТ ВОЕВОДЫ…»

— Вот, дядька Петр, выглядит так, будто упала, не долетев,

да обгорела, а не сгорела вовсе, потому что от дождя намокла. И ничего мы не наврали — вторая грамотка точно так же начинается.

— Так зачем же посылать-то? Тут же, почитай, и не сказано ничего!

— Вот-вот, — согласился Мишка. — Раз не сказано ничего, то и верить или не верить тут нечему. Можно только догадываться о том, что было написано. А уж своим-то догадкам кто ж им помешает поверить? После того, что мы нынче учинили, полочане такого надогадываются… нам самим и не придумать никогда!

— Гы… хитр***о***!

По поводу содержания первой грамотки Мишке пришлось выдержать яростный спор с Егором. Сама идея дезинформации противника десятнику понравилась, но сначала он требовал написать явную «липу» — мол, князь Вячеслав Туровский вот-вот будет здесь с дружиной и ополчением — потом сам же соглашался, что полочане могут этому и не поверить.

— Ну ты сам подумай! — вдалбливал Егору Мишка, — если они догадаются, что про скорый приход княжьего войска мы врем, то значит, что мы сами полочанам и скажем: «Князя нет, и будет он не скоро»!

— Ну и что же писать, чтобы поверили?

— Ничего не писать!

— А грамотка зачем тогда?

— Чтобы только ДУМАЛИ, что написано, да гадали, что именно!

— Не, Михайла, мало ли до чего они догадаются? — Егор устремлял задумчивый взгляд куда-то вдаль, чесал в бороде и предлагал:

— А давай напишем, что самого войска еще нет, но от князя гонец прискакал…

И все шло по новому кругу…

В свое время Михаилу Ратникову довелось послушать лекцию одного американского профессора об альтернативной концепции истории развития человеческой цивилизации. Профессор делал упор не на разницу социально-экономических отношений в разное время, а на доминирующем в тот или иной период виде деятельности. Если традиционное общество использовало, главным образом, природный потенциал (земледелие, скотоводство, силу ветра, воды и животных), то в индустриальном обществе доминирующей стала деятельность по превращению одного вида энергии в другой (сначала пар и электричество, потом по нарастающей, вплоть до атомной энергии). В

информационном же обществе, естественно, доминирующей должна стать деятельность по созданию, сбору и переработке информации.

Вот эта-то теория и вспомнилась Мишке во время дискуссии с Егором. Еще ТАМ у него сложилось убеждение, что предки были не глупее нас — знали они не меньше, просто знали другое. Но в вопросах переработки и использования информации предки были откровенно слабы (потому-то и вспомнилась та лекция) — просто не было в средневековье материальной базы для работы с информацией и развития информационных технологий. Материальных носителей информации — всего ничего, да и доступны они не всем, а изустная передача данных и хранение их в человеческой памяти порождали искажения, легко достигающие критического уровня.

В этом Мишка, уже ЗДЕСЬ, убеждался неоднократно, а особенно ярко это проявилось во время попытки организации информационной войны с бунтовщиками в Ратном. Вот и десятник Егор, мужик, несомненно, очень неглупый и с богатым жизненным опытом, проявлял в вопросах информационной борьбы прямо-таки детскую наивность! Он никак не мог понять, что для ослабления противника вовсе не обязательно напрямую «впаривать ему дезу», достаточно всего лишь активизировать процесс принятия решений в условиях острого дефицита информации и времени. Ну отправили какие-то хмыри, вырезавшие дозоры и устроившие черт-те что в порту, в Пинск грамотку. А что в ней? Совершенно ясно, что там не было приказа открыть городские ворота и сдаться. Так же очевидно, что не рекомендовали пинчанам разбираться с проблемой своими силами, не надеясь на помощь извне. Но что-то же сообщали! Что?

И вот тут-то и должно начать работать воображение, а оно у каждого свое! И выводы все делают свои, зачастую очень и очень разные, вплоть до прямо противоположных. К примеру, что является главной задачей ночной операции для таких разных людей, как Семен Дырка, Егор, Треска и Мишка? Для Семена, несомненно, добыча. Для Егора — военный эффект: потери противника, угроза повторения нападений, сковывание дополнительных сил охранной и разведывательной деятельностью, ненадежность коммуникаций и линий снабжения. Для Трески — в первую очередь доказательство боеспособности его отряда и его полезности, то есть избавление от статуса младшего партнера. А для Мишки ключевым эпизодом операции является засыл добротной информации в Пинск и «пустышки» полочанам.

Так и у противника. Главная задача у князя Давыда Полоцкого — военно-политическая: формирование антикиевской коалиции, возвращение под свою руку Минска, создание буферной зоны между Минским и Туровским княжествами. У удельных князей задачи попроще — усилиться за счет добычи и, если получится, новых земель. У литвы и ляхов — откровенный разбой.

Ситуация и без того напряженная — Пинск не взят, князья Святополчичи на посулы не купились, стратегическая цель не достигнута, Киев содеянного не простит. И вот тут появляется некое вооруженное формирование и начинает вести себя нагло: вырезает дозоры, уводит из-под носа добычу в особо крупных размерах, перекрывает водный путь, да, вдобавок ко всему, договаривается о чем-то с гарнизоном осажденного города!

Какова должна быть реакция на происходящее? Ляхи и литва, разумеется, захотят побыстрее смыться с добычей. Удельные полоцкие князья — тоже, но не бросишь же старшего родича и сюзерена. Хоть пополам рвись! А этому самому сюзерену — Давыду Всеславичу Полоцкому — надо сохранить лицо и не испортить отношения с союзниками. То есть убегать, бросая обозы, никак невозможно! Конфликт интересов порождает конфликт кадров, а затем, с неизбежностью, и конфликт структур, этими кадрами наполненных! А наличие важной информации в сочетании с ее недоступностью все эти конфликты обостряет, при удаче — вплоть до открытого противостояния! Поэтому «пустышка» в данных обстоятельствах может нанести войску князя Давыда вреда больше, чем самая изощренная деза.

Все это Мишка и пытался объяснить десятнику Егору в доступных тому терминах, до тех пор, пока у Егора глаза не сделались как у мороженой рыбы. В конце концов боярич просто взмолился:

— Дядька Егор! Поверь мне, Христа ради! Просто поверь, вреда-то никакого не будет в любом случае, а польза великая может выйти!

Это почему-то убедило десятника больше, чем все приведенные Мишкой аргументы. Егор сплюнул, ругнулся (в одобрительном ключе) и перешел к обсуждению технических вопросов.

— Дядька Петр, ты закинь первую стрелу повыше, как будто бы ты побоялся через стену не перекинуть и слишком высоко взял, оттого она не за стену улетела, а перед стеной упала…

— Да, понятно, понятно, не суесловь под руку… Карась, ближе к берегу не надо, так хорошо будет. — Ратник Петр

немного помолчал, словно собираясь с мыслями, и уже совсем другим тоном произнес: — Ну Господи, благослови… Поджигай, Михайла.

Мишка поднес пламя лучины к жгуту из пакли, и стрела яркой звездочкой ушла по крутой траектории, казалось, к самым тучам. Достигнув верхней точки полета, она развернулась наконечником вниз и по красивой параболе упала к нижней части городского вала — лучник все рассчитал точно.

— Вот и ладно, как задумали, так и вышло, — удовлетворенно пробормотал Петр. — Давай вторую, парень.

— Рано, подождать надо, — не согласился Мишка.

— Чего ждать-то?

— А если б ты на самом деле промахнулся, то что бы мы сейчас делали?

— Гы… Егора бы слушали! Как ругается!

— А еще новую грамотку бы писали, новую стрелу готовили и… — Мишка поколебался, но все же продолжил: — Другого лучника искали бы.

— Это чего другого-то?

— А если б господин десятник тебе в ухо дал?

— Гы-гы… А тут промазал и ничего. Красота! Гы…

— Ладно, гыгыкало, ты только не привыкни мимо стрелять! — По голосу чувствовалось, что Егор улыбается. — Ишь, понравилось ему…

Выждав нужное время, выстрелили второй раз, и снова у Петра все получилось как надо — огонек горящей пакли скрылся за городскими стенами.

— Во, Егор, а ты говорил: привыкну мазать!

— Ну да, великий лучник! — язвительно отозвался Егор. — В такую мелкую и шуструю цель, как целый город, не промазал! Лука Говорун обзавидуется!

— Гы… А что? Мы могем!

— Х-холодно… — неожиданно подал голос Семен Дырка.

— Ты как? — Егор склонился к лежащему на животе раненому. — Михайла, посвети-ка… тудыть, повязка промокла, чего ж с тебя льет-то так? Или жилу кровяную порвало? Да не должно бы…

— Знахарка говорила, что полнокровный я, дырка сзаду…

— Ага, с нее и льется… а не размахивай задом под стрелами!

Мишку словно какой-то черт за язык тянул, к тому же вспомнился кинофильм «Батальоны просят огня»:

— Да не размахивал он! Просто полочане в главную ценность на нашей ладье целили! Хорошо, Семен Варсонофьич зад рукой придержал, а то рубанули срезнем и ищи ветра в поле!

— Хо-хо! — хохотнул Егор.

— Гы-гы-гы, — загоготал Петр.

— Хи-хи-хи… ой… хи-хи-хи, — вторил им тоненьким, совершенно несоответствующим его объемистой комплекции голоском Семен Дырка.

«С чего веселимся-то, сэр Майкл? Отходняк приплыл? Глядите, плакать бы не пришлось! О-хо-хо, жизнь есть жизнь — чего б там ни было, а молодой организм свое берет…»

— Со стен огонь мечут! — выкрикнул кто-то из отроков.

Все дружно обернулись на медленно уходящий назад темный силуэт городских укреплений. Действительно, в одном месте со стены вниз кидали что-то горящее, похоже, факелы. Кидали как раз туда, где упала первая стрела, выпущенная ратником Петром.

— Гляди-ка, Михайла, чего твоя задумка натворила! Полочане за стрелой к валу сунулись, а пинчане их отгоняют — светят и, надо понимать, стрелами бьют. — Егор, помолчав, хмыкнул. — Вот досада-то ворогу будет, когда ничего прочесть на грамотке не смогут… О даже как!

Последнее замечание, видимо, относилось к тому, что с городской стены слетел вниз клубок огня, значительно превышающий размерами факел — не то горящий бочонок, не то корзина.

— Ага! Сжечь стрелу с грамоткой хотят! — прокомментировал Петр. — Гы… Ой, не могу, такие страсти из-за… гы-гы-гы… из-за ничего совсем! А народу-то постреляют и пожгут! А самый ловкий-то стрелу добудет и загордится! А там… гы-гы, ой, держите меня… гы-гы-гы, а там и нет ничего-о-о!!! А он-то… гы-гы, он-то! Ну Михайла, потешил! Он-то, дурак, награ-а-аду получить… гы-гы-гы… награду получить надеется!!!

Петр согнулся пополам от хохота, не обращая ни малейшего внимания на то, что его смех никто не поддерживает. Мишка и раньше слыхал о том, что ратник Петр в общем-то очень неплохой боец, был нелюбим товарищами за прямо-таки дубовое чувство юмора, и постоянно влипал в мелкие неприятности из-за своих дурацких шуток и розыгрышей, но воочию наблюдал это впервые.

— Кончай кудахтать, яйцо снесешь! — недовольным тоном пробурчал Егор. Кажется, ему стало неудобно за своего подчиненного перед мальчишками. — Умолкни, я сказал!

Петр, явно делая над собой усилие, еще пару раз гыгыкнул, пробормотал что-то про «Михайла измыслил» и умолк. Похоже было, что Егор окорачивает его уже вполне привычно, и какие Петра ждут неприятности в случае продолжения смеха, тот прекрасно знает. Над ладьей повисла тишина, прерываемая только плеском весел, постукиванием в уключинах да мерными

командами Карася:

— И-и раз, и-и раз… На левом борту, не спешите, слушать меня! И-и раз, и-и раз…

— Зря суетятся! — подал голос огневец, сидящий загребным с правого борта. — Утром туман падет, тогда можно будет стрелу с грамоткой и забрать безопасно, а так только людей зазря губят… дуроломы.

— Мм? Верно? Туман будет? — переспросил Егор у кормщика.

— Угу. Гляди, дождик кончился и тучи разгоняет. Скоро совсем развиднеется, а к утру похолодает… Быть туману непременно.

Холодать, впрочем, начало уже сейчас. Мишка спохватился, что все еще стоит по пояс голый и тело уже давно покрылось гусиной кожей, но как-то не до того раньше было. Отроки-то на веслах согрелись, а вот ему…

— Кто-нибудь, гляньте… там рубаха моя валяться должна!

Через пару минут ему передали ком мокрой ткани, по которому, похоже, еще и как следует потоптались ногами. Надевать это на себя было просто страшно. Тут же вспомнилось, что Семен Дырка пожаловался на холод, значит, его знобило не только от потери крови.

— Эй, кто от гребли свободен! Покопайтесь в товаре, найдите полотно или мягкую рухлядь какую-нибудь! Раненого укрыть надо, да и сами укутайтесь, нам еще попростужаться не хватало!

«Отец рассказывал, что на фронте почти не болели. Мерзли, мокли, ночевали на морозе и под дождем, но никакая простуда не брала. Видимо, постоянная угроза смерти задействовала какие-то резервы организма… зато потом, через много лет после войны… Нет, не зря я ребят в любую погоду по утрам купаться заставляю, будем надеяться, обойдется, да и взрослые мужики тоже в мокрых рубахах щеголяют, и ничего, как будто так и надо…»

— Карась, дырка сзаду! — неожиданно вскинулся Семен. — Уши заложило? Я те прочищу!

— Суши весла! — мгновенно отреагировал кормщик. — Тихо! Не шуметь, не разговаривать!

Карась, приоткрыв рот, повел головой из стороны в сторону.

— Чего там… — попытался спросить ратник Петр, но тут же огреб затрещину от Егора.

— Лодки… две! — сообщил Карась после короткого молчания. — Большие… по две пары весел… или больше. Погоня! Семен, чего делать будем? С этими гребцами не уйдем!

— Не бзди, дырка сзаду! По-тихому к берегу и затаиться, не дышать. По стрежню идут, проскочат, не заметят.

— Весла на воду, тихо, не шуметь! — Карась пошевелил рулевым веслом. — Два раза гребанули… и-и раз… и-и два… еще два раза, да посильнее вы, задохлики… и-и раз… и-и два… все, суши весла. Тихо… не дышать!

Над ладьей снова повисла тишина, было слышно, как с лопастей весел падают в реку капли воды. Ладью сносило течением, ее движения совершенно не чувствовалось.

— Егор, — вполголоса обратился к десятнику Карась, — держи правило, мы с Гунькой подгребем по-тихому, а то детишки шумят сильно.

— Давай.

Карась согнал с места загребного левого борта кого-то из отроков, и ладья, под двумя веслами бесшумно двинулась к берегу. Шорох днища по песчаному дну показался таким громким, что у Мишки даже заломило виски.

«Нервы, сэр Майкл, нервы…»

Впрочем, нервы были не у одного только Мишки. Когда кто-то из отроков закашлялся, зажимая себе рот ладонями, Семен Дырка пообещал его удавить таким голосом, что невольно вспомнилось вычитанное где-то выражение: «Если в аду есть музыка, то она состоит наполовину из шипения змеи, а наполовину из шелеста денежных купюр».

Теперь уже и Мишка отчетливо различал звуки погони: плеск воды, стук в уключинах и размеренные команды:

— И-и… эх! И-и… эх! Навались! И-и эх!

Не заметив приткнувшуюся к берегу ладью, погоня проскочила ниже по течению.

— Наших предупредить надо, — озаботился Егор. — Михайла, у тебя еще осталось чего, чтобы стрелу с огнем соорудить?

— Нет, нету ничего больше.

— Ты же ладьи поджигать собирался, если угнать не выйдет!

— Так на насадах все осталось… кто же знал…

— Эх ты, тютя!

— Погоди! — влез Семен Дырка. — Ты чего делать собрался?

— Наших предупредить о погоне, не все ж такие ушастые, как ты…

— Да ты что? Заметят же нас, дырка сзаду!

— Они все вперед смотрят, не поймут, откуда стреляли…

— Да хрен бы с этими! Другие! Ты что, дырка сзаду, думаешь в Пинске всего две лодки нашлось? Да там их несчитано! Просто поотстали!

— Так… — Егор на секунду задумался. — Тогда нам прятаться не резон, все на последнюю ладью навалятся… ну, не

на последнюю, так на следующую, не все же у берега укрыться догадаются! Еще скольких-то пропустим, а потом остальным дорогу загородим. Петруха, есть из чего стрелу с огнем…

— А как же, господин десятник! — Слова «господин десятник» Петр произнес так, что стало понятно — передразнивает отроков. — Мы народ запасливый, господин десятник, уже и готово все, господин десятник! Господин сотник Михаил Фролыч, поджигай!

«Балабон, блин! Как тебе еще морду в лепешку не разбили, с твоими шуточками…»

Стрела с огнем ушла в ту сторону, где должна была находиться предпоследняя захваченная погорынцами ладья. Егор, проводив ее взглядом, скомандовал:

— Карась, Гунька, снимаемся с мели, на плаву воевать будем!

— Э! Погоди! — снова влез Семен Дырка. — Зачем на плаву? У берега сподручнее! Если что, в лес уйти можно, нас там хрен найдут, да и искать не станут…

— А зазывать погоню к берегу ты как будешь? — вызверился Егор. — Эй, люди добрые! Не гоняйтесь за другими, к нам идите! Так, что ли?

— Гы-гы-гы! — опять возрадовался Петр.

— Они же там все доспешные, — продолжил Егор. — У берега воды воробью по яйца, а на глубине они осторожничать станут, никому тонуть неохота.

— Ну уж нет! Я не согласный! — Семен тоже зло ощерился. — И вообще, я раненый, немощный… Карась, Гунька, тащите меня на берег, пускай сами плавают, без н…

— На хрен! Потому, что не хрен! — отрубил Егор.

Семен от такой аргументации даже примолк.

«Можете гордиться, сэр Майкл, вас уже и взрослые ратники цитируют. Хотя, скорее всего, все же не вас, а лорда Корнея. Помните, как ему сей лингвистический изыск понравился? Даже больше, чем „козлодуй“! От него и другие переняли».

— Петруха! Заткни Дырку! — прорычал Егор, извлекая меч из ножен. — Карась, Гунька, исполнять приказ!

— Урядник Ксенофонт! — подключился Мишка. — Дать людей в помощь! И присмотреть, чтобы не выкинули чего!

— Слушаюсь, господин сотник!

Мишка, машинально покосившись на Егора, уловил одобрительный кивок головой и только тут сообразил, что вокруг слегка посветлело — в разрыве туч засветился тонкий месяц. С носа ладьи доносился шум какой-то возни, потом раздался сердитый голос Гуньки:

— Да переверните вы весло-то! Вальком надо толкаться,

вальком, а не лопастью! Она же тонкая, поломаете. — Опять некоторое время слышны были только сопение, кряхтение и возня, а затем снова прорезался Гунька: — А ну переходите все на корму, нос вывесить надо! И вы тоже ступайте, не сбежим мы без кормщика, не бойтесь!

Спустя какое-то краткое время и после целой серии энергичных выражений с носа донеслась реплика Карася:

— Снимай портки, Гунька, придется вылезать и спихивать.

— Никон, к бою! — нарочито громко скомандовал Ксенофонт. — Глядите, дядьки, мы не промахнемся!

— Ой, напугал! Да сказано же тебе, что не сбежим, молокос-с-сос!

Огневцы с плеском соскочили в воду, натужно ухнули, и ладья свободно закачалась на поверхности реки.

— Эй, помогите влезть… вояки! Да на кой нам твоя ладошка сдалась! Весло подайте… ни хрена не соображают… самострелы из-под лавки…

Следующая группа погони шла не скрываясь, с факелами. То ли не нашлось кормщиков, способных обходиться лишь слабым светом месяца, то ли еще почему-то, но было хорошо видно, что погоня сильно растянулась. Скорее всего не потому, что гребли с разной скоростью, а потому, что загружались в лодки по мере того, как подходили новые люди из стана осаждающих. Да и лодки еще надо было отыскать…

«Однако, сэр, полочане вовсе не лопухи. Да, поначалу выступили не лучшим образом — и охрана стояла не там, где надо, и народ на ладьях дрых без задних ног, но сориентировались быстро, успели даже пострелять по последней ладье… и стрелу заметили, и поняли смысл выстрела. Нет, не лопухи. Ох и дадут они нам сейчас! На что же Егор рассчитывает?»

— Это… дырка сзаду… раз уж такое дело, Гунька, лук мой подай! Ох, етить тя в грызло! Значит, ты с Карасем загребными садитесь, а на правило пусть Егор встает. И сами там смотрите, как грести, не забывайте, что детишки на веслах. Что-то я еще хотел, дырка сзаду… А! Егор, ты, ежели припечет, от правила вниз соскакивай, мы уж сами тут разберемся, как загребать. Михайла, там на носу жернов лежит,[15] Карась отрокам покажет, как его скидывать. Если, значит, лодка или челн подвернется, так пусть твои ребята не зевают.

— Понятно, дядька Семен. Урядник Ксенофонт, выделить людей!

— Слушаюсь, господин сотник!

— Петруха! — Егор, видимо, тоже решил раздать указания. — Сколько стрел осталось?

— Двадцать две.

— Зря не раскидывай, выбирай, в кого бить…

— Понятно, не впервой.

— Пойдешь на нос, я отсюда, ты оттуда, а когда надо будет, ребятне поможешь жернов скинуть.

— Гы… во удивятся-то, когда каменюка на головы свалится!

— Так… ребятки, слушайте внимательно! — обратился Егор к отрокам. — Стрелять из самострелов не дальше чем на тридцать шагов — свету мало, целиться трудно. И учтите, на воде все кажется ближе, чем на самом деле, так что думайте, прежде чем выстрелить. Хотя… лучше вот что. Первый выстрел по моему слову, я так рассчитаю, чтобы вы успели зарядить и еще раз выстрелить. Выбивать в первую очередь гребцов — лодки остановятся или на месте закрутятся, а нам того и надо. Полог приспустите и закрепите так, чтобы не мешал стрелять. Все вроде бы… Михайла, добавишь чего?

— Без команды не стрелять, и вообще, слушать внимательно, не забываться, как в Ратном! Урядников особо касается! Никон, не забыл, как я тебя башкой об тын лупил?

— Не забыл, господин сотник.

— Вот и не доводи до этого в другой раз!

— Слушаюсь господин сотник!

— На левом борту старший — Сергий, на правом — Никон, уряднику Ксенофонту быть на носу.

Поначалу все вроде бы пошло хорошо. Пропустив три мелких посудины, в которых находилось по четыре-пять человек, Егор, несмотря на то, что гребцы из отроков были аховые, умудрился вывести ладью на таранный удар в борт насаду, в котором сидело человек десять — все в доспехе. Скорость была мала, и борт насада хрустнул, но удар выдержал, однако масса и инерция ладьи была таковы, что она просто подмяла под себя вражескую посудину, отправив на дно сразу всех, кто в ней находился. Отроки, побросав весла, принялись лупить из самострелов по подходящим к ладье лодкам и сумели-таки «привести ворога в смущение» — лодки шарахнулись в стороны.

А потом полочане доказали, что они действительно не лопухи и воевать на воде умеют, да и с чего бы, спрашивается, не уметь, коли держишь под своей рукой одну из ветвей пути «из варяг в греки»? Давно прошли те времена, когда викинги шастали по рекам, впадающим в восточную Балтику, как хотели, наводя ужас на славян и их соседей. Сами всему научились: и строить суда, и ходить на них, и кузькину мать показывать кому надо. И полочане в этом вопросе исключением не были!

Все переменилось как-то быстро, непонятно и самым роковым для экипажа погорынской ладьи образом. Мелкие челны убрались подальше, а насады и дощаники развернулись носами к противнику и прикрылись спереди составленными щитами — стреляй не стреляй, толку мало или вовсе нет! Образовав неровный круг, они по команде ринулись вперед, атакуя сразу со всех сторон — ни дать ни взять «звездный» налет торпедоносцев и топмачтовиков времен Второй мировой войны.[16]

— Весла, весла из уключин! — заорал, надрываясь, Семен Дырка. — Разбивай щиты! По двое хватайтесь, силы не хватит!

С правого борта получилось — сила удара весла в выставленный щит сложилась со скоростью лодки, и щитоносец вылетел за борт, в образовавшуюся брешь влетело сразу несколько болтов и стрела ратника Петра, ополовинив экипаж. К тому же убитые и раненые навалились на один борт, опасно накренив посудину, и полочанам в ней стало не до атаки. Вторым веслом вышло менее убойно — просто удалось отклонить лодку с курса и она ушла куда-то под корму.

А вот с левого борта не получилось вообще ничего — полочане не довели свои суденышки до дистанции удара веслом, а внезапно опустив щиты, дали по ладье залп из луков. Мишке аж взвыть захотелось, чтобы заглушить звук, с которым стрелы впивались в незащищенную человеческую плоть. Силуэты отроков в просвете между бортом и тентом исчезали один за другим.

— Слева, Ксенофонт, слева!!! — заорал он, пытаясь привлечь внимание находящихся на носу ладьи.

Там его не слышали — вываливали за борт жернов. Удар, треск дерева, крики… Мишке стало не до них — над левым бортом вылез по грудь человек и рубанул мечом по тенту, освобождая себе проход. Мишкин болт ударил его в грудь и опрокинул назад. Заряжая самострел, Мишка в бессильном отчаянии смотрел, как под потоком воды, выливающейся из завернутой части тента, разрубленной мечом, над бортом поднимаются сразу три головы в шлемах.

«Где опричники, почему не…»

Щелкнул лук в руках Семена Дырки, и голова одного полочанина исчезла, двое оставшихся полезли внутрь, но болт наконец-то лег на ствол Мишкиного самострела, и один из абордажников так и остался висеть, перегнувшись через планширь. Третьего завалил опять Дырка — из лука стрелять быстрее, но вместо троих убитых лезли… сколько, Мишка уже не разобрал. Вытаскивая из подсумка болт, он нашел глазами опричников и увидел, что оба стреляют в сторону кормы. Глянул туда и похолодел. На кормовом помосте Егор, прикрываясь

каким-то тюком вместо щита, рубился сразу с троими! Двоих завалили опричники, но снаружи уже лезли еще какие-то рожи с распяленными в крике ртами, а в тюке, которым прикрывался Егор, завязло копье. В одну из этих рож Мишка и выстрелил. Потом заряжать стало уже некогда и Мишка выхватил кистень. Первый удар достался полочанину, неловко топтавшемуся, привыкая к темноте под тентом, второй — по руке, схватившейся за планширь, потом Мишка ударил еще кого-то и тут же сам отлетел назад от удара по шлему.

Дальше все стало восприниматься как-то фрагментарно. Вот кистень бьет по ноге в сапоге (свои-то все босые), стоящей на кормовом помосте, вот — по шее полочанина, свалившегося вниз в обнимку с Егором… Потом непривычно толстое для рук древко копья скользит в ладонях, а наконечник скребет по чьей-то кольчуге… Жгучая и одновременно холодная боль в груди, прямо там, где левый сосок… Спина кого-то из огневцев, замахивающегося обломком весла, полочанин, уклоняющийся от удара этим обломком, а в руке уже не кистень, а меч, и этот меч рубит полочанина по ноге… Щека лежит на мокрых досках настила, на голове уже нет шлема, а прямо перед лицом мертвые глаза отрока и текущая из его рта кровь… И снова в руке меч, тело поет, переполненное силой боевого транса, ни боли, ни усталости, ни страха! Сейчас всех… но что-то бьет под колени, потом какая-то тяжесть наваливается сверху… Все, темнота!

— …Ить, как вышло-то, дырка сзаду! Мы-то стрелу с огнем посылали, чтобы вас упредить, а вы, ребятушки, решили, что на помощь зовем. А и верно решили! Без вас… а, дырка сзаду… Ну за мной не пропадет, вы меня знаете!

— Да ладно тебе, дядька Семен, Гунька рассказал: это ж вы нас от погони прикрывали, себя не жалеючи! Какие счеты?

— Да… гм, дырка сзаду… прикрывали, но и вы вовремя подоспели. Эх, Карась, Карась, Царствие Небесное… вдовцом был, теперь детишки совсем сиротами остались. И ведь не хотел же я его с собой брать, как чувствовал…

Мишка попытался приподнять голову и чуть не заорал в голос — все тело казалось одной сплошной раной… а где не раной, то синяком. Кто-то поддержал ему голову, и голос опричника Марка тревожно спросил:

— Минь… боярич, ты как?

— Живой вроде бы… помоги сесть.

— О, дядька Семен, гляди, очнулся этот! А как он на меня кинулся! Бешеный какой-то!

— Хе! Дырка сзаду, так его так и кличут — Бешеным Лисом…

как прадеда его, значит. Ну перепутал немного, так где ж там разбираться было, сам же все видел.

— Ничего себе «немного»! Чуть не зарубил! Хорошо, Пинька его вовремя…

— А ты тоже хорош, дырка сзаду! На хрена ж по голове было бить? У него и так… на-ка, вот, глянь шлем его. Усекаешь?

— Да, постучали…

— То-то, что постучали… но верткий, дырка сзаду! Ни одного прямого удара, все вскользь!

Мишка с помощью Марка сел и попытался открыть глаза. Уже рассветало, и свет показался нестерпимо ярким. Голова гудела, но ни тошноты, ни головокружения… даже странно.

— Воды дай. Что с ребятами?

— Четверо…

— Убитых?

— Живых. Остальные… — Марк не договорил, но Мишка все понял и так.

— Блин… мать… двенадцать было… Господи, дети же еще!

— Боярич… на, испей…

— Да пошло оно все! Суки!!! Детей!!! Всех… падлы! Огнем и мечом!!! Порох сделаю, все княжество напалмом выжгу!!! Пирамиды из голов…

Мишка кричал что-то еще, пока вода, выплеснутая на голову сразу из двух ведер, не прервала бессвязные крики, перемешанные с матерщиной двадцатого века.

— А ну, еще раз, дырка сзаду! Не жалей.

На Мишку снова обрушился холодный душ, он закашлялся и, кажется, начал успокаиваться.

— Еще раз! — опять скомандовал Семен.

— Не надо! Все уже, все!

— Ты гляди у меня! Колдовать он тут будет, дырка сзаду! Понабрался волховства, етить тя в грызло. Все равно не оживишь ребят, хоть весь исколдуйся!

— Да не колдовал я…

— А то я не знаю! Не колдовал он… пурамиды из голов… Тьфу!

Мишка отвернулся от Семена и обвел глазами ладью. Лучше бы не смотрел! Все было залито кровью так, словно ею поливали из шланга. Прямо напротив Мишки лежал ратник Петр с перевязанными головой и обеими руками. Чуть дальше один из огневцев что-то делал с животом Егора, а тот сиплым голосом не то ругался, не то давал советы. Под остатками изорванного тента лежали… Мишка не смог заставить себя смотреть, отвел глаза и снова наткнулся на взгляд Семена.

— Ну налюбовался? Говорил же я, на берег… гм, дырка сзаду…

Кормщик заткнулся, не договорив, и начал с преувеличенным вниманием рассматривать что-то на проплывающем мимо берегу.

— Марк, кто из ребят выжил?

— Никон, Сергий и мы с Тимофеем. Все раненые… Да, еще Глеб с Софронием, но они еще раньше ранены были, сидели под помостом, так им ничего… Еще Тарас дышит, но… не довезем, наверное.

«Так, выжили опричники и урядники. Случайность или все-таки показатель? Для опричников, наверное, да».

— С тобой что?

— Да мне ногу копьем прокололи, а потом ошеломили…[17] не помню ничего. Очнулся, когда уже все кончилось.

— А Тимофей?

— С ним плохо, но говорят, что может выжить. Ключица перерублена. Совсем бы зарубили, но он самострел успел подставить…

— А урядники?

— Не знаю. Отсюда не видно, а подойти не могу, мне же ногу…

— Понятно… Дядька Семен, а что с ратником Петром?

— А? Ах с ним-то? Ну двух-трех пальцев недосчитается, это точно, а с глазом не знаю, да и голове тоже досталось. Вот Егору, кажись, повезло. Тот бугай, которого ты кистенем приголубил, ему живот-то не сильно порезал — так, поверху только. Но потом его чем-то опять в то же место ударило… на вид-то страшно, а на деле неопасно.

— А Гунька?

— Гунька? Гунька молодец, дырка сзаду! Гунька витязь! Как размахался веслом, так к нему и подойти боялись! Из лука стреляли раз пять, наверное. Попали два раза. Ухо порвали и… хе, дырка сзаду, как у меня, только с другого боку! А я, хошь верь, хошь не верь, без единой царапинки. Сидел вот здесь на половине задницы да постреливал. Карась только вот… Эх, Карась, Карась… ведь не хотел же я его брать, как чувствовал…

«Вернется только половина… Откуда он знал?»

Туман, как и предсказывал покойный Карась, действительно пал на реку перед рассветом. Кормщики не решились идти дальше, и ладьи, собравшись в одном месте, приткнулись к берегу. Первым к Мишке явился Демьян. Левая рука у него была перевязана — укусил полочанин, которого Демка резал наощупь еще в первой ладье. Впрочем, это он объяснил Мишке уже потом,

а поначалу просто потерял дар речи, увидев, что стало с экипажем Мишкиной ладьи в результате абордажного боя. Такую же, даже еще более острую, реакцию продемонстрировал и подошедший чуть позже Артемий — когда он отвернулся от тента, которым были накрыты тела убитых отроков, лицо его было белым как мел, подбородок трясся, а правой рукой он судорожно делал жесты, в которых только с большим трудом можно было опознать крестное знамение.

Однако все это не шло ни в какое сравнение с тем, что испытал Мишка, когда из слов поручиков понял, во что Младшей дружине обошлась операция по захвату ладей. Из полусотни, которую он привел в Пинский речной порт, боеспособными остались меньше половины. Одиннадцать убитых, десяток раненых и пятеро пропавших без вести. И самое страшное — среди пропавших без вести был старшина Младшей стражи Дмитрий. Мишка чуть снова не сорвался в истеричный матерный крик с упоминанием пороха, напалма и боевых отравляющих веществ, но организм в последний момент почему-то выбрал в качестве реакции мрачное отупение. Ни голоса, ни движения, остановившийся взгляд… всему есть предел, в том числе и энергии молодого тела.

А потом… из каких глубин памяти всплыли давнишние, еще пятидесятых годов двадцатого века, строчки Булата Окуджавы?

Ах, война, что ж ты сделала, подлая:
стали тихими наши дворы,
наши мальчики головы подняли,
повзрослели они до поры.

На пороге едва помаячили
и ушли за солдатом солдат…
До свидания, мальчики! Мальчики,
постарайтесь вернуться назад.

Нет, не прячьтесь вы, будьте высокими,
не жалейте ни пуль, ни гранат
и себя не щадите… И все-таки
постарайтесь вернуться назад.

— Опять колдует, дырка сзаду…

— Да не похоже… молится… вроде бы… — неуверенно возразил Артемий.

— Какая молитва, етить тя в грызло? Молятся по-христиански, а тут половина слов непонятная… вообще все

непонятно!

— А может он… это… и не Христу вовсе? Он же…

— Заткнись! — зло оборвал Артемия Демьян.

— Совсем вы там, у себя в Ратном, охренели, дырка сзаду… Или… Господи, спаси и сохрани… воины… детишки еще, а поди ж ты… вот оно, значит, как…

«Дураки вы все! Поэзия сама по себе и есть волшебство. Просто потому, что выражает словами эмоции, которые большинство людей, сколь бы сильные чувства их ни обуревали, высказать или внятно описать неспособны. Стихи говорят больше, чем описывают составляющие их слова, в стихах есть еще и ритм, и мелодия звучания последовательности звуков и… да черт его знает, что еще и о чем надо спрашивать специалистов. Но и с точки зрения управления стихи — система, то есть нечто большее, чем просто сумма слов — элементов этой системы.

Так набор деталей, скажем, пистолета, сложенный в кучку, еще не является самим пистолетом, пока детали не собраны, не соединены между собой в определенном порядке — не установлены связи между элементами системы. Только после этого совокупность деталей превращается в оружие. Чудо? Да, можно сказать и так — кучка железок несложной последовательностью манипуляций превращается в машину смерти, зловеще прекрасную в своей функциональности и провоцирующую владельца своими красотой и удобством на ее применение. Недаром же очень многие относятся к оружию как к почти живому существу… Провоцирующую на применение, то есть порождающую мотивацию поведенческой реакции!

Но насколько более сложной системой, чем набор железок, является поэзия! Не только составленные в определенном порядке слова, но намеки, полутона, аллюзии, гиперболы… господи, сколько всяких терминов придумали специалисты, пытаясь поверить алгеброй гармонию! А поэт, даже не зная всей этой науки, творит чудо гармонии — создает систему, воздействующую на человеческое сознание столь мощно, что порой она способна породить мотивации, управляющие поведением миллионов людей! Да вот, хотя бы пушкинское:

Иль мало нас? От стен Китая
До потрясенного Кремля,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет Русская земля?

А еще через сто с лишним лет после создания этих строк, прозвучали другие:

Пусть ярость благородная
Вскипает, как волна!
Идет война народная,
Священная война.

Ни одного повторяющегося слова, но смысл-то один и тот же!

Что делает стихи бессмертными? Да то, что из года в год, из поколения в поколение, из века в век, они находят отклик в душах людей — выражают словами то, что сам человек не может не только высказать, но даже зачастую и понять. А еще дают радость, утешение, надежду, сопричастность к великому… позволяют вдруг обнаружить в словах никогда не виденного и даже давно умершего человека собственные мысли и чувства… И тогда поэту верят безоговорочно ВО ВСЕМ и находят в его строках рецепты поведения на любой случай жизни, как в… как христиане в Писании! Как там у Дольского:

Между явью и сном, как по лезвию,
ухожу на просторы великие,
где религия — только поэзия,
А Поэзия — это Религия.

О поэзии думалось хорошо. Возможно, профессиональный филолог счел бы эти мысли ересью, дилетантизмом или непроходимой глупостью, но они позволяли не думать об убитых мальчишках».

ГЛАВА 4

Сентябрь 1125 года. Берег реки Припять

Когда добрались до скрытной стоянки на берегу Припяти, работы у Матвея оказалось выше головы. Он сунулся было оказывать помощь в первую очередь Мишке, но молодой сотник шуганул его, велев заняться теми, кто был ранен наиболее тяжело, а сам отдался в руки Роськи и Антона. Оба с готовностью занялись Мишкиными ранениями, но Мишкин адъютант молча сопел, видимо, все еще переживая, что его не взяли в поход на Пинские причалы, а Роська ворчал под нос, словно классический седоусый дядька, хлопочущий над новиком:

— Эк тебя по титьке-то резанули… ну да ничего — не баба, дитё не кормить. А по плечу, видать, оголовьем двинули… пошевели-ка рукой.

— Да цела кость, цела… на, гляди. Шевелю, как видишь.

— Вот и ладно, вот и хорошо… я только ссадину смажу от греха. А тут что? Так больно?

— Уй!

— Нет, Минь, это ж как надо было дернуть, чтобы ремень кистеня лопнул? Слава богу, руку не оторвали… как ты меч-то после этого держал?

— Молча… Ну все уже?

— Сейчас, сейчас… О, Господи, у тебя по спине ходили, что ли?

— Ходили, даже подпрыгивали! А я подмахивал! Хватит, что ты, как баба, причитаешь?

— Да ладно, ладно… на вот, рубаху сухую надень. Поесть принести?

— Не надо.

— Тогда, может, поспать приляжешь?

— Ну да, мне сейчас только и разлеживаться… Значит, так: я пойду узнаю, как там с ранеными, а ты погляди, чтобы отроки в сухое переоделись, поели и…

— Так все уже, присматривают там…

— Тогда готовь одну ладью — раненых назад в Ратное отправить надо.

— Готовят уже.

— А грести кто будет? Надо с Дыркой…

— Уже договорились, он гребцов даст.

— А…

— И кормщика даст.

— Тьфу, чтоб тебя!

Мишка отчего-то еще больше разозлился, словно Роська ему перечил, хотя крестника, наоборот, надо было бы похвалить за распорядительность. Подумал немного, пытаясь сообразить, какие еще надо отдать распоряжения, ничего не придумал и поинтересовался:

— А кто там орет-то так? Вроде бы не отрок — голос взрослый…

— Не знаю… может, из огневцев кто-то… или из пленных…

Прямо на душе полегчало — наконец-то у Роськи не нашлось ответа.

— Мы что, и пленных взяли?

— Ага! Четверых, правда, все раненые. А еще один боярин…

На берегу, рядом с причаленной ладьей раздались торопливые шаги и какой-то, не то обиженный, не то удивленный мальчишеский голос спросил:

— Господин сотник, дозволь обратиться? Отрок Парамон!

— Обращайся.

— Господин сотник, ногу-то хоронить по-христиански или как?

— Чего?.. Какую ногу?!

— Так это… отрезанную… то есть отпиленную… это самое, лекарь Матвей пленному боярину ногу отъял и говорит: «Забирай». Я, значит, спрашиваю: «Чего с ней делать?», а он отвечает: «Можешь съесть или погреби с песнопениями».

— Шутник, блин…

— Чего, господин сотник?

— Закопай ее, где-нибудь… без песнопений.

— А…

— А крест ставить не надо!

— Ага… Слушаюсь, господин сотник!

Средневековая операционная (она же — перевязочный пункт) — зрелище не для слабонервных, впрочем, и для зрителя с крепкими нервами тоже не подарок. Дело даже и не в полном отсутствии анестезии — на худой конец, брыкающегося раненого можно и оглушить[18] — и не в почти полном отсутствии антисептики — людей со слабым здоровьем детская смертность прибирала еще до достижения ими «призывного» возраста. Наряду с хирургическим инструментом, своим видом вполне подходящим для пыточных застенков, и методиками, включавшими в себя такие, например, приемы, как прижигание каленым железом, было и еще кое-что, в исторических фильмах деликатно умалчиваемое.

Холодное оружие, как правило, наносило обширные ранения,

сопровождавшиеся обильным кровотечением и, как следствие, быстрым падением кровяного давления, приводившим к потере сознания. Разумеется, при этом у раненого опорожнялся мочевой пузырь, а зачастую и кишечник. Так что кроме непосредственно обработки ран приходилось еще и извлекать раненого воина из доспеха (тоже дело отнюдь не простое), обмывать и переодевать в сухое. И хорошо, если дело было летом, потому что зимой требовалось при всех этих манипуляциях умудриться не застудить и не обморозить пациента.

Вот во всем этом: среди крови, нечистот, криков, стонов, ругани и прочего, пребывал лекарский ученик Матвей. В заскорузлой от засохшей крови рубахе, с сосредоточенным, словно одеревеневшим лицом, он, казалось, не замечал ничего вокруг, кроме того раненого, который в этот момент был перед ним.

Руководил же всем остальным обозный старшина Младшей стражи Илья. Излучая каким-то совершенно непонятным образом уверенность и владение тайным знанием, он распоряжался громким голосом и гонял приданных в помощь отроков в хвост и в гриву.

Когда Мишка подошел к «операционной», устроенной под навесом, Матвей как раз заканчивал с одним из раненых отроков. Выпрямился, отстранился и уставился остановившимися глазами куда-то в пространство.

«Господи, да как же он держится-то? Ведь пацан же еще!»

— Все, забирайте! — скомандовал Илья. — Руку ему на шею подвесьте, а потом уже рубаху надевайте, пусть рука внутри будет. Давайте следующего и принесите сюда… песку, что ли, а то под ногами чавкает уже. И лекарю воды полейте, пусть руки обмоет!

Увидев подошедшего Мишку, обозный старшина, не дожидаясь вопросов, принялся объяснять, указывая в разные стороны рукой в забрызганном кровью рукаве:

— Тарас умер… еще до того, как нам принесли, этот и этот, — тычок в сторону пленных, — тоже помрут, не сделать ничего… Тимоху… не знаю, если в Ратное отправить, лекарка Настена, наверное, вытащит, но отправлять надо быстро. Остальные, ежели горячка не прикинется, будут жить, но Паисий служить уже не сможет — хребет поврежден, ноги отнялись…

— Так, сажайте его сюда… пальцами пошевели… ага, разогнуть руку можешь? Совсем хорошо. Голова не болит, не кружится, не тошнит? Коська, срезай повязку… раньше размочить не мог, остолоп? Видишь же, что присохла! Закрой глаза, пальцем до носа… Держите его, свалится же!

Дождавшись, когда Матвей закончит с очередным пациентом, Мишка спросил:

— Моть, может, помощь какая нужна?

— Отроков еще пришли, пусть на ладью вот тех перетаскивают, — ответил вместо Матвея Илья. — Мои помощники выдохлись уже…

— Может, еще чего нужно?

— Ну найдешь еще одного лекаря, приводи.

— Моть, а тебе-то нужно чего-нибудь?

— Нужно, — отозвался Матвей совершенно бесцветным голосом. — Уйди и не мешай.

Мишка отошел в сторонку, послал Антона за отроками для помощи Илье и задумался. Что-то важное он явно упускал, о чем-то надо было позаботиться в первую очередь… Голова гудела, все тело ныло, в ногах была какая-то неуверенность. Ничего, впрочем, удивительного — по шлему ему настучали добротно и неоднократно, синяков-шишек-порезов-ссадин насобирал тоже достаточно, плюс бессонная ночь на пределе моральных и физических сил, плюс депрессия из-за потерь… Пока рассеялся туман да добрались до места стоянки ладей, Мишка задремал, но этот сон не дал отдыха ни телу, ни нервам — стало только хуже.

— Да! Вспомнил! Роська, надо кого-то послать на тот берег Пины! Вдруг кто-то из пропавших ребят через речку переплыл и…

— Послали уже, Минь, прилег бы ты все-таки, и без тебя…

— Да когда ж ты все успел-то?

— А при чем тут я? — изумился Роська. — Егор с Арсением сразу же, как приплыли, как пошли тут всех гонять… ты-то не сразу проснулся.

— Так Егор же тоже ранен был… в живот вроде бы хотя сказали, что неопасно. А Арсений…

— Здесь я! Чего вы тут про Арсения?

Ратник Арсений, уже без доспеха, в чистой и сухой одежде, перепрыгнул на берег с борта ладьи, махнув для равновесия зажатым в руке небольшим мешком. Остановился, критически оглядел Мишку с ног до головы, покивал и понимающим тоном обратился к Роське:

— Что, есть отказывается, спать ложиться не желает и все о чем-то беспокоится?

— Ага.

— Понятное дело… Ну да это не самое страшное, Чуме так гораздо больше не повезло.

— А что с Фаддеем? — встрепенулся Мишка. — Тоже ранен? Тяжело?

— Хуже, господин сотник, га-араздо хуже! — Лицо Арсения

приобрело скорбно-озабоченное выражение. — Ему, понимаешь, когда он в воду с причала сверзился, ерш в портки заплыл. Прям, все что надо и не надо колючками своими истыкал. Ума не приложу: чего теперь с ним делать? А уж как его таким пред ясны очи супруги Варвары явить, так и вовсе подумать страшно.

Мишка тупо уставился на ратника, пытаясь сообразить: о чем, собственно, тот толкует и как на его слова надо реагировать. Арсений несколько секунд помолчал, словно дожидаясь Мишкиных комментариев, а потом снова понимающе переглянулся с Роськой.

— Да-а, был Михайла, да весь вышел… Гляди, простых вещей уже не разумеет.

— Так я ж и говорю, — подхватил Роська, — отдохнуть ему надо, а сначала поесть…

— А сначала, — перебил Роську Арсений, — на-ка, господин сотник, причастись.

Из мешка, который Арсений держал в руке, появились баклажка и деревянная чашка. Ратник набулькал в чашку чего-то явно хмельного и протянул ее Мишке.

— Ну-ка, давай! И без разговоров, а то насильно напою. Давай, давай, единым духом! Вот так! А то бродит тут, понимаешь, как мертвец неупокоенный — рожа синяя, глаза красные, мозги где-то по дороге обронил… На, закуси.

По сравнению с персонажем Владимира Высоцкого, который «пил из горлышка, с устатку и не емши», у Мишки было только одно преимущество — он пил из чашки, но это не помогло. Трофейный кальвадос обжег горло, перехватил дыхание и, пока Мишка, не ощущая вкуса, зажевывал чем-то, поданным Арсением, вдарил по мозгам, как кувалдой. Мишка еще услышал, как Арсений командует: «подхватывай» и «потащили», но больше уже не запомнил ничего — будто тумблером выключили.

Пробуждение было внезапным — словно кто-то толкнул, мысли ясными — будто и не спал, а настроение настолько отвратным, что хоть на луну вой, благо была как раз ночь. Совершенно четко и недвусмысленно Мишка понимал: в гибели и ранениях мальчишек виноват он и только он. Захваченные погорынцами ладьи уходили от Пинска вразброд, поодиночке. В этом-то и была вся беда.

Егор, несмотря на имеющийся в его биографии пиратский этап, массовым угоном водного транспорта из-под носа у хозяев никогда не занимался. Семен Дырка наверняка тоже. Шутка ли — девять ладей! В масштабе Киевской Руси, если вообще не в мировом масштабе — в натуре ограбление века! У Мишки, разумеется, подобного опыта тоже не было, да и быть не могло,

но знания-то имелись!

Сколько он читал, как во Вторую мировую войну бомбардировщики спасались от истребителей только плотным строем — у отставших шансов спастись почти не было. И пираты всегда нападали на отставшее от каравана судно. Да что там говорить! Даже в дикой природе хищники всегда стараются отбить от стада одно животное и только потом с ним расправляются. Ведь знал же, все знал, но не применил свои знания на практике! Можно же было договориться, чтобы ладьи не уходили от Пинска по одной, а собрались бы чуть ниже по течению, скажем, в две колонны. А насады огневцев могли бы прикрывать этот «ордер» сзади и с боков. И хрен бы чего погоня смогла сделать! И никаких «звездных» атак лодок на одинокую ладью!

А абордаж? Ладно, Семен Дырка запретил снимать тент, чтобы дождем не намочило груз, однако как угадал! Полочане после дергающегося пламени факелов не сразу могли адаптироваться к почти полной темноте, царившей под тентом. А еще нависшее над самой головой полотнище мешало им замахнуться оружием. Только тем и спаслись. Но если бы на последней ладье были не просто отроки, а опричники, обученные драться в тесноте и темноте? Да совсем другой результат был бы!

Ведь все просто. Незачем было Мишке самому лезть на ладьи — справились бы там и без него. Надо было во главе опричников выходить прямо на причалы и охранять со стороны берега тех, кто захватывал суда. Глядишь, и порядка было бы больше, и без вести никто не пропал бы. А уходить опричникам в полном составе надо было на последней ладье, вот бы тогда погоню и встретили… Впрочем, можно было бы и не торопиться так с бегством — охрана подбегала с зажженными факелами, появлялась возможность врезать по ней из темноты двадцатью самострелами… даже и не один раз, а два или три. Еще неизвестно, как быстро после этого они смогли бы погоню организовать.

И резерв можно было оставить. Раз уж в насады много отроков посадить было нельзя, то разместить на одной из захваченных ранее ладей два-три десятка никто не мешал. Оставить эту ладью ниже по течению, не доходя Пинска. С нее и пополнили бы экипажи угнанных ладей, особенно замыкающих. Тогда запросто можно было перестрелять всех, кто был в голове погони, а остальные и сунуться бы побоялись.

Сколько возможностей упущено, сколько жизней можно было бы сохранить! Почему же? Почему все эти соображения пришли в голову только сейчас, а не тогда, когда обсуждался план

нападения на речной порт?

Элементарная ошибка! Процесс анализа и планирования не был доведен до конца. Подобраться необнаруженными, захватить ладьи, суметь смыться без потерь и все. А что будет дальше? А дальше будет прекрасно и замечательно! Так часто случается — тщательно обдумываются самые сложные и опасные этапы планируемых действий, а потом, на практике, все рушится тогда, когда никаких неприятностей вроде бы не должно быть. Вот и вышло: самым опасным и кровавым этапом оказался тот, который фактически и не обсуждался.

Все надо было обдумывать до конца — вплоть до того, как будут швартоваться захваченные ладьи на тайной стоянке. Добрались до места, укрылись, посты выставили, и только после этого — все. Тогда-то и о возможной погоне мысли в голову пришли бы, и о резерве подумали бы, и… о прочем.

«А еще, досточтимый сэр, вы струсили! Ну самому-то себе врать не нужно — струсили, струсили! Будучи прекрасно осведомлены о собственной тактической безграмотности, вы приклеились к лейтенанту Егору и шагу самостоятельно ступить боялись. Куда уж тут отдельную задачу во главе опричников выполнять!

И не надо! Не надо, сэр Майкл, отмазываться операцией по дезинформации противника и установлению связи с осажденными! Это была ваша отдельная песня и пели вы ее, как глухарь на токовище — ничего вокруг не замечая и не задумываясь. Мало вам еще по голове настучали, покрепче стошло бы! Как там в фильме „Благочестивая Марта“ пелось:

Шарообразный сей предмет
Бывает нужен нам порою —
Ведь думать надо головою!
И способа другого нет.

Если уж у вас сей шарообразный предмет заполнен такой информацией, какая ЗДЕШНИМ и не снилась, так будьте любезны использовать ее, а не чахнуть над ней, как царь Кощей над златом.

В общем, не сочтите моветоном, сэр, но дерьмо вы, а не сотник, позвольте вам заметить тет-а-тет. Так вы и остались всего лишь сержантом Советской армии — техником дальней связи, имеющим опыт командования экипажем коммутаторной станции мобильного узла в составе пяти человек. Потому-то и тянет вас все время влезть в драку, как рядовому, а командовать в бою вы боитесь. И ратнинские профессионалы это интуитивно чувствуют, потому-то и прогнозируют пятидесятипроцентные

потери в Младшей дружине».

Размеренно покачиваясь из стороны в сторону, Мишка еще долго сидел в темноте, снова и снова вспоминая имена погибших отроков. У Корнея за четверть века его десятничества и сотничества набралось в этой «памятке» чуть больше сотни имен, а у Мишки, всего лишь с апреля по сентябрь, дело уже приблизилось к трем десяткам. И ведь это еще не конец! Нет, вовсе не конец — поход продолжается, и до главных событий дело еще не дошло!

А сам сотник Младшей дружины? Мало того, что пацанов загубил, так еще и сам-то! Куда подевался хладнокровный взгляд со стороны, будто в его распоряжении всегда имеется опция «new game»? Абордажный бой вспоминается только фрагментарно, а в боевой транс удалось уйти только через натуральную истерику, да и то не вовремя — чуть своих не порубил. Совсем ориентировку утратил. И за меч опять взялся в последнюю очередь, когда кистеня лишился… хотя кистень в тех условиях все-таки лучше подходил. Ну выполнил требование Алексея перестать раздумывать и дать телу действовать свободно… лучше стало?

Наконец, видимо, сработали какие-то защитные механизмы психики, и на смену тоске и самобичеванию пришли более практические мысли.

«Завтра ведь „разбор полетов“ проводить придется… Что говорить и о чем лучше помолчать? И стоит ли приглашать поручиков? А ну как Егор начнет вас, сэр, носом в ваше собственное дерьмо совать? Да еще и Семен Дырка… этому-то авторитет сотника Младшей дружины и вовсе пофиг. Вот дожил: от ближнего круга таиться приходится».

Так Мишка и просидел до самого утра, терзаясь разными (по большей части весьма неприятными) мыслями, а с рассветом… Да, в очередной раз довелось убедиться в справедливости древней пословицы: «Довлеет дневи злоба его» — у каждого дня свои заботы.

Сначала пришлось-таки отдаться в руки лекаря Матвея и во время перевязки в очередной раз выслушивать сентенции на тему «хорошо, что ты не баба — дитенка грудью тебе не кормить». И ведь даже послать Мотьку вместе с его черным лекарским юмором язык не повернулся — увиденное накануне в «операционной» заставило взглянуть на парня совсем другими глазами. Потом, во время завтрака, у Мишки пробудился прямо-таки зверский аппетит, у неудивительно — больше суток не ел. Обильная же трапеза с голодухи кого хочешь отвратит от

серьезных размышлений и самокопаний. А после завтрака ребром встал вопрос: чем занять отроков?

Надо было проводить развод, и пусть из вышедших в поход ста десяти человек в строю осталось около восьмидесяти, дела для всех найти было не так-то легко. Часть, естественно — в караул, еще сколько-то, но уже меньше, чем вчера, — в помощь Матвею, еще часть в помощь Роське — готовить ладью к отправке в Ратное и разбираться с трофеями. Но это — примерно половина личного состава, а остальные? Позволять бездельничать нельзя…

Все упиралось в проблему «что делать дальше?». Сходили под Пинск, взяли трофеи, понесли потери, а что теперь? Ждать ответных действий полочан? Самим предпринять еще что-то? Мишка проспал весь вчерашний день и часть ночи, поэтому решать что-либо, не имея свежей информации, не мог. А еще грызла мысль о пропавшем Дмитрии и еще четырех отроках, а еще рядом толокся Антон, прямо-таки по-собачьи глядя преданными глазами и ожидая распоряжений, а еще Семен Дырка со своими огневцами, а еще Треска с лесовиками…

От всех проблем единым духом Мишку освободил ратник Арсений:

— Михайла, пойдем-ка к Егору, поговорить надо.

— Погоди, мне отроков надо по делам расставить…

— Ничего, без тебя обойдутся! Роська твой вон еще вчера с Колобродом спелся — всех свободных запрягли: это выгрузить, то перетащить, это на солнышке подсушить… совсем задолбали! Дырка еще кверху задом на носилках за ними таскается, во все встревает… чтоб его… Бересты исписали — телегу нагрузить можно, все березы в округе ободрали, пис-с-сари! Кузьма тоже… этот хоть серьезным делом занят — болты вам чинит да лесовикам граненые наконечники на стрелы сажает… так ведь тоже: подавай ему помощников! Ни на что народу не хватает… хоть рожай!

— Вот я и хотел распределить…

— Ты бы лучше захотел Треску удерживать!

— А что такое?

— Да развоевался пень замшелый! Три тайных дозора со своими лешими вырезал, каких-то конных пострелял, сам по сопатке получил… Мало ему — еще хочет!

— Каких три дозора? Там же только два было…

— Да чего мы тут-то? Пошли к Егору, там и поговорим.

«Вот-вот: „Как хорошо быть генералом, как хорошо быть генералом…“ А то, что в затишье у командиров забот чуть ли не больше, чем в бою, ни одному умнику в голову не приходит! Хорош бы я был, если бы не Егор с Арсением…»

Десятник Егор сидел на кормовом помосте одной из трофейных ладей, обложившись со всех сторон принадлежностями для ухода за оружием и прищурив левый глаз, рассматривал лезвие меча.

— Здорово, Михайла! Как сам?

— Здрав будь. Бог миловал — все по мелочи…

— Ага! А то болтают, что тебе титьку начисто отхреначили. Хорошо, что ты не баба…

«Блин, да что ж такое-то? Они что, сговорились все?»

— Про тебя тоже болтают, что пузо распорото, — пробурчал Мишка недовольным голосом, — а ты вон, как огурчик.

Егор ощупывающим движением провел ладонью по животу.

— Ну… это тебе спасибо… — десятник явно делал над собой усилие, высказывая благодарность мальчишке, — …вовремя ты кистенем его по загривку…

— А ты в одиночку против многих на корме рубился, — не остался в долгу Мишка. — Если бы не ты, никому бы из нас не жить. И вообще…

— Ага! Вы еще поцелуйтесь! — прервал обмен комплиментами Арсений.

— Помолчи, Сюха! — Егор остался серьезен. — Ребята себя воинами выказали, гм… неумелыми, само собой, да и в силу еще не вошли… но дух воинский в них есть!

— Так я и не спорю… — пошел на попятный Арсений.

— Вот и помолчи! А ты, Михайла… Пока ты спал, мы тут распорядились… Да не в упрек тебе, не в упрек! Выспался, ободрился, и слава богу. — Егор упреждающе зыркнул в сторону уже было открывшего рот Арсения. — Распорядились, значит. Демьяна твоего я на дозоры назначил. Он у вас там городовым боярином трудится, ну и здесь я его тем же занял — охраняет он нас, за порядком следит. Ладьи мы переставили так, чтобы обороняться, в случае чего, удобно было, все люди, кто не ранен, места свои по тревоге знают. А десяток разведчиков в округе посматривает — мало ли где, что. К Демьяну я от себя Савелия приставил. Оба молчуны, оба мрачные… сойдутся, я думаю. Дальше… Артемия с его ребятами я в помощь лекарю отдал, да еще из огневцев… Сюха, как его звать-то?

— Панкратом вроде бы, но все Веревкой кличут.

— Угу, Панкрат Веревка. Он тоже что-то в лекарском деле разумеет. В общем, за ранеными догляд устроен. С товаром, что на ладьях, твой Василий разбирается, а с ним Колоброд, да и Дырка тоже суетится. Кстати! Дырка собрался прямо сейчас добычу делить, так я ему запретил. Дележ — всегда споры и ругань, а потом каждый только о своей доле заботиться будет. Ни

к чему это нам сейчас. Так что, если Дырка к тебе с тем же самым подъезжать вознамерится…

— Понял. Отошью, — тут же отозвался Мишка. — Скажу, что без воеводы Корнея ничего решать нельзя.

— Так! Верно понимаешь. Пленных охранять я твоих опричников наладил, а старшим над ними поставил Дормидонта. Он хоть и заика, но дело знает. Ну и Кузьма… ты с ним сам поговори — я его от болтов и стрел отрывать не стал, но дело у него, похоже, наладилось, помощники есть, так пусть теперь оторвется и разберет оружие из добычи, да и прочее железо посмотрит, что там найдется. Сюха, ты тоже этим займись!

— Я бы лучше с Треской… — Арсений под взглядом десятника прервался на полуслове и согласно кивнул: — Займусь.

— Конечно, займешься, а куда ты денешься? — Похоже, Егора разозлила попытка Арсения возражать в присутствии Мишки. — Оружие от остальной добычи отделить! Не хрен его чужим раздавать!

— А…

— А будут кочевряжиться — в морду без разговоров! Оружие пойдет только по слову Корнея!

— Да не о том я! — Арсений раздраженно отмахнулся. — У лесовиков и огневцев уже своей добычи набралось, там и оружие есть.

— Тут ничего не поделаешь. Что с бою взяли, то взяли.

— Да Треска же трех коней привел! — не пожелал успокаиваться Арсений. — Хорошие кони, строевые. На хрена они лесовикам? Я уже подкатывался с обменом, так они оружие требуют, ничего другого брать не хотят.

— Значит, ждем Корнея. С оружием без него решать не будем.

«Опаньки! Это что же, мистер Треска и впрямь свою дружину завести вознамерился? Похоже, намеки лорда Корнея упали на благодатную почву. Но Треска же не может не понимать, что без крещения ему воеводское боярство не светит… Выходит, „Париж стоит мессы“? А как на это Нинея посмотрит? Блин, или дед знает что-то, чего не знаю я, или он с огнем играет! Одно дело мальчишек учить — тут Нинеино воздействие еще как-то компенсировать можно, и совсем другое дело — вооружать взрослых лесовиков… А с другой стороны, через таких вот, как Треска, можно постепенно взять под себя все Погорынье без кровопролития. Сами поднесут на блюдечке с голубой каемочкой».

— Теперь насчет еды, — продолжал Егор. — То, что с собой из Ратного взято, надо бы поберечь — неизвестно, что еще дальше будет, но ораву-то нашу кормить надо. Рыбы огневцы взялись наловить, но одной рыбой сыт не будешь…

— Погоди, Егор! — прервал десятника Мишка. Тот поморщился, то ли от того, что его перебил мальчишка, то ли от того, что Мишка опустил уважительное обращение «дядька», но ничего говорить не стал. — Про еду я понимаю, но давай сначала с другими делами закончим. Откуда Треска коней добыл? Да и дозоров он должен был две штуки перебить, а Арсений мне сказал, что три.

— Скажи, Сюха, и это сотник? — Егор обратился к Арсению так, словно Мишки здесь и не было. — Да меня так и жена не перебивает! Только дочки, и то младшие, что поглупее.

— Да ладно, научится еще…

— Ну-ну… Так вот я и говорю: огневцы тут неподалеку место рыбное нашли, и сеть у них с собой небольшая есть, но одной рыбой сыт не будешь. — Егор говорил таким тоном, словно его и не перебивали, а Мишка почувствовал, что краснеет. — Надо бы мясца добыть. Лучше всего было бы это людям Трески поручить… И отроков им в помощь дать, того же Якова с разведчиками. Только вот самого Треску совсем другое интересует.

Той ночью они не только два дозора полочан вырезали, а еще, нас не спросясь, Треска десяток своих людей послал мимо Пинска вверх по Струмени. Там они еще один дозор взяли, но до рассвета убраться подальше от полоцкого войска не смогли и напоролись на конный разъезд. Там бы им всем и сгинуть, да больно уж они ловки из луков стрелять, если недалеко, да и полочане от неожиданности сплоховали. Короче, привезли они с собой двух своих убитых и раненого и трех добрых коней привели, да оружия всякого с доспехами натащили. Теперь Треска сам не свой — разохотился воевать! В открытом бою лесовикам счастья не видать, и он это понимает, а вот так, ночью подкрасться или засаду устроить, им в самый раз. И добыча — только их, ни с кем делиться не надо. Так что послать десяток охотников — свежатинки добыть — Треске вроде как не с руки.

— Так… дальше… — Егор поскреб в бороде, словно припоминая, что еще надо сообщить Мишке. — От людей Трески, которых послали ребят пропавших поискать, пока ничего. Так что ждем.

— Стыдоба, — проворчал Арсений. — Я уж и не упомню, когда такое было, чтобы пять человек пропали неизвестно куда.

— Да, Сюха… тут мы того… обделались по самы уши. Корней нам за это… м-да…

Оба ратника выжидающе уставились на Мишку, будто ждали, что он заранее предскажет им реакцию Корнея на столь удручающее обстоятельство, как пятеро без вести пропавших.

— Ну мне-то он точно второе ухо оборвет, мои же люди

пропали, — «обрадовал» Мишка собеседников. — А если еще и догадается, что все можно было ловчее сделать да с меньшими потерями… так и вовсе…

— Ловчее? — Егор переглянулся с Арсением, и Мишка готов был поклясться, что оба они ожидали от боярича «чего-то эдакого», сами не знали чего, но ожидали. — И в чем же это мы так неловки оказались?

Разочаровывать ратников боярич не стал и изложил им свои соображения относительно «походного ордера» захваченных ладей и ошибки при планировании операции. Про бомбардировщики Второй мировой он, естественно, упоминать не стал, а вот про пиратов, нападающих на отставшее судно (Егор при этом как-то странно пошевелил усами), и про хищников, отбивающих от стада одно животное, поведал как мог красочнее, получив в награду невнятное, но явно одобрительное междометие от Арсения и пару кивков от Егора. Ошибку в планировании, превратившую отступление в самый кровавый этап операции, Арсений попробовал было оспорить: всего, мол, не предусмотришь, но был прерван Егором, причем прерван с нескрываемыми злостью и досадой.

О своем же неправильном поведении Мишка умолчал. Вот не повернулся язык об этом говорить, и все тут. Да, его в последнее время часто и справедливо упрекали в том, что лезет в драку как рядовой. Да, именно его ошибка привела к пропаже пятерых отроков. Да, Корней, скорее всего, это поймет… Но что-то (и вовсе не страх или застенчивость) заставили его промолчать — почему-то разговор на эту тему показался ему совершенно неуместным.

После нескольких уточняющих вопросов Егор впал в мрачную задумчивость, а Арсений, наоборот, вдохновился:

— Это ж как получиться могло бы! Промеж ладей погоне не сунуться — веслами забили бы, спереди не зайти — там другая ладья, а сзади насады огневцев прикрыли бы. Выходит, что только с одного борта напасть могли, а уж с одной-то стороны мы отбились бы…

Егор что-то ответил Арсению, потом они заспорили о чем-то… Мишка не слушал. Бывают такие моменты: раз — и мозаика сложилась! Мгновенно стало понятно: и то, почему разговор о собственных ошибках сотника Младшей дружины был неуместен, и то, почему он не знал, чем занять отроков, хотя дел было невпроворот, и то, почему разговор сейчас идет в узком кругу без приглашения поручиков, Семена Дырки и Трески, и… то, какой он — Михаил сын Фролов из рода Лисовинов — дурак!

Все стало совершенно очевидно и, как это всегда в подобной

ситуации случается, оставалось лишь удивляться: как это столь явные вещи не были замечены раньше. Толчком послужило озарение: Егор ДОКЛАДЫВАЛ! Да, по форме это был разговор старшего с младшим. Младшим по возрасту, по боевому и жизненному опыту, но не по положению, не по статусу. Десятник Егор докладывал сотнику и старшему здесь и сейчас представителю боярского рода о сложившейся ситуации и происшествиях, имевших место во время отсутствия (дрых же без задних ног) боярича Михаила!

На свое положение первого по знатности Мишка сделал заявку еще на Княжьем Погосте, когда решалось, как и кто будет судить иуду Спиридона. СЛОВО БЫЛО СКАЗАНО:

«Господин воевода Погорынский на том берегу Случи, все бояре там же, а из бояричей старший я! Я буду судить, я буду и ответ держать перед воеводой, а доведется, так и перед князем Вячеславом Владимировичем! Ибо сказано: „В смерти волен только князь!“ И если он захочет узнать: был ли перед казнью суд, кто судил и как судил — отвечу! Князь меня знает, и роду я не худого!»

И Егор тогда эту заявку принял: «Верши суд… боярич».

Принял, и СЛОВО превратилось в ДЕЛО!

И Корней ведь все это утвердил:

«Кто главной воинской силой на Погосте в эту ночь был? Кому погостным ратникам подчиниться пришлось? Кто суд и расправу творил? Кто дела с добычей своей волей решал? Чье слово вятшие мужи четырех селищ слушали и по тому слову поступали?

Не думал он! А о чем ты вообще думал?! Ты что, позабыл, что в эту ночь на Княжьем Погосте никого боярского рода, кроме тебя, не было?! Ты почто перед десятниками позорился, будто извинялся за сделанное? Это же не просто право твое было, но обязанность!!! Они в тебе своего будущего начальника увидеть должны были!!!»

А сейчас Мишка, что называется, «дал петуха». На военном совете вроде бы соответствовал заявленному статусу — устроил «политинформацию», демонстрируя тайные, недоступные другим знания, добился недвусмысленной, четкой формулировки цели действий сводного отряда под Пинском, вычленения задач, которые надо было решать для достижения этой цели. То есть действовал, как и положено первому лицу, — сформулировал цель и распределил задачи, но вот потом… Фактически спрятался за спину Егора, сам себя «опустив» на уровень… десятника Младшей дружины, да и то… А в отношении дезинформации противника и установления связи с осажденными и вовсе повел

себя как нанятый эксперт, отвечающий лишь за локальный участок работы.

«Да, сэр, выражаясь формально, полное служебное несоответствие, а по сути: простите великодушно за повтор, но дерьмо вы, а не сотник! Судя же по тому, что вы озаботились только тем, чем занять отроков, а обо всем отряде даже и не задумались, в сей неприглядной позитуре вы продолжали пребывать и после того, как проспались. Да и потом: ну кто же прерывает доклад о событиях, произошедших во время отсутствия первого лица? Только тот начальник, который желает унизить подчиненного, сорвать на нем свое дурное настроение или доказать подчиненному его некомпетентность! Егор это заслужил?

Словом, если вы не мыслите как первое лицо, то и соответствующих действий от вас, само собой, ждать не приходится. Если бы перед вами стояла задача имитировать поведение природного Мишки Лисовина, то, конечно, все это было бы приемлемо, но вы же, если не ошибаюсь, совсем иные задачи перед собой ставите?»

Мишка сидел, как пришибленный, прекрасно понимая, что Егор своим докладом в узком кругу буквально насильно втаскивал его обратно в положение первого лица, а он, вместо того чтобы задуматься да быть благодарным… Спасибо, хоть хватило ума о своих ляпах умолчать — хорош начальник: вместо реакции на доклад перечисляет собственные ошибки!

— Благодарствую, господин десятник! — произнес Мишка официальным тоном. — Все сделано по уму и умело, нам такому еще учиться и учиться. — Помолчал секунду-другую и добавил, как можно более душевно: — И спасибо тебе за науку, дядька Егор.

— Гм… вот и ладно… — Егор подобного, похоже, не ожидал. — Как Треску с Дыркой вразумлять будем?

— С Дыркой-то все просто. — Мишка покосился на хитро подмигнувшего Арсения, почувствовал, что краснеет (вот зараза, будто мысли читает!), и попытался, отбросив эмоции, настроиться на деловой лад. — Как мы давеча порешили, чтобы Демьян за огневцами приглядывал, так все и осталось, — Демка о приказе не позабудет, да и ты его поставил здесь порядок блюсти. Самому же Семену, я думаю, не грех о том и напомнить. Дележом же добычи он, скорее всего, озаботился оттого, что понимает: он со своей раной больше не вояка, и прямой путь ему на ладье с ранеными домой возвращаться. Вот и хочет перед уходом свой интерес соблюсти да за справедливостью дележа проследить.

— Это-то понятно! — встрял Арсений. — А делать-то чего?

— Стоять на своем! — Мишка пожал плечами. — Без воеводы

ничего делить не станем. А если так хочет поторговаться, то пусть выбирает между своим здоровьем и прибытком.

— Угу… с Корнеем поторгуешься! — многозначительно прокомментировал Егор. — Лучше бы Дырке уплыть от греха, чтобы потом попреков от своих не слушать, что, мол, проторговался. Ну да его дело — хочет, пускай воеводу дожидается.

— Понимаете… есть тут одна… загогулина…

— Мм? — Егор заинтересованно шевельнул бровью. — Это ты про что?

— Нам, огневцам и лесовикам разные части добычи интересны, — начал объяснять Мишка. — Помните, как Илья толковал, что нам за счет добычи можно будет в зиму людей и коней прокормить… Э, погодите-ка! Егор, а чего ж ты мне про Илью ничего не сказал… и я его чего-то не видел… Случилось что?

— Можно и так сказать… — Егор переглянулся с Арсением. — Помнишь, мы боярина в плен взяли?

— Это которому ногу отняли?

— Нет, этот помер. Матвей сказал, что сердце не выдержало. Другого, которого еще на Припяти захватили. Ты его еще Дырке в оплату за насад посулил.

— Да, было дело.

— Так вот… — Егор немного помолчал, словно колеблясь: говорить или не говорить? — Казну он вез. В сундуке.

— И что? — не понял Мишка.

— Гм… — Егор полез скрести в бороде, а вместо него продолжил Арсений:

— Короче, заболел наш Илья. Тяжко и, похоже, чем-то заразным! И то сказать, Мотька-то ему рожу и руки чем-то украсил — ну весь пятнистый! А стонет-то как жалостно! Бредит э-э… ругательно, блюет! Глянешь — жуть берет! Мы его, от греха, в стороне устроили, в шалашике, чтобы, значит, зараза на других не перекинулась. Только Мотька к нему и ходит. Рот и нос, значит, тряпкой с уксусом закрывает, и ходит. А потом руки тем же уксусом моет и одежду дымом окуривает.

— Погоди, погоди! — прервал красочно-зловещее описание Мишка. — Так он на самом деле заболел или это его Матвей…

— А это — как поглядеть, — Арсений хитро ухмыльнулся. — Ежели на самого Илью глянуть… смертушка неминучая, а ежели на сундук, что под Ильей… Тяжелый, зараза! У нас чуть пупки не развязались, пока мы их двоих до шалаша доперли. Да еще ж надо было умудриться, чтобы постель так свисала, что сундук незаметен был. Ох и намучились! А Мотька еще заставил уксусом

после этого умыться, да дегтярным дымом чуть не удушил… Я уж испугался, что глаза выест напрочь!

— Та-ак… — Мишка откровенно не знал, как реагировать на рассказанное. — Кто, кроме вас двоих и Матвея, еще об этом знает?

— Мои ратники все знают, — принялся перечислять Егор. — Сундук-то с Ильей им тащить пришлось. Василий твой. Он же этот сундук и нашел. Хватило ума всякой рухлядью его закидать да Демьяна с известием ко мне послать. Ну и сам «болящий», конечно, тоже.

— Ага! — подхватил Арсений. — Илюха сам и придумал заболеть. Даже хотел обгадиться для вящей похожести, но наши сказали, что обосравшегося не понесут…

— Уймись, Сюха! — оборвал ратника Егор. — Все тебе хаханьки.

«Поздравляю вас, сэр Майкл! Рояль в кустах! А почему, собственно, рояль? Коли войско союзников встает перед перспективой если не поражения, то необходимости быстрого отступления, и есть проблема дележа имеющейся добычи, то желание втихую отправить подальше самое ценное — вещь вполне естественная. Караван из пяти судов в подобной ситуации должен был представляться полочанам транспортом более надежным, чем сухопутный обоз. Кто ж вообразить мог, что на Припяти его „Погорынская военная флотилия“ перехватит? Мы и сами, выходя из Ратного, себе такого представить не могли. Вот только почему большая часть охраны была на другой ладье? Хотя, если грузили казну в последний момент и с соблюдением конспирации…»

— А скажите-ка, боярин этот сильно ранен был?

— О! — Арсений назидательно поднял вверх указательный палец. — В корень зрит! А я говорил тебе…

— Нет, не сильно, — перебил Арсения Егор. — Мог бы и в войске остаться. А у сына его голова только для виду перевязана была. Верно мыслишь, Михайла: видать, все делалось в тайности даже от своих. Казна — такое дело… тишину любит.

— А что в сундуке-то? Не походную же казну князь Давыд на ладье в тайности отправил?

— Да нет, конечно. — Егор махнул ладонью, как бы отметая Мишкино предположение. — Похоже, боярин этот сам где-то изрядную добычу взял и утаил от князя. Только непонятно где. С одной стороны, мог богатое поместье обобрать — серебро, даже немного золота есть, оружие дорогое… очень дорогое! Но, с другой стороны, — книги, церковная утварь. Церковь, что ль, ограбил? Христианин все-таки. А еще… будто купца какого потряс — несколько отрезов тканей дорогих. Непонятно, в общем.

— А если… Припомни-ка, дядька Егор, а не попадалась ли тебе по молодости такая добыча, где все вот так же в кучу свалено…

— Хочешь сказать, что он другого грабителя ограбил? Ну если бы такое я на нурманской ладье нашел, то не удивился бы, а… едрить твою… Литвины! Как я сразу-то не подумал?

— Ага! — подхватил Арсений. — Им-то христианский храм ограбить не зазорно!

— Да погоди ты! — оборвал своего помощника Егор. — Выходит, что и верно — покусывают друг друга союзнички!

— Мне так представляется, — влез Мишка, — что какой-то литвин, добычи набрав, решил втихую из войска уйти, а наш пленник того литвина на этом словил, прикончил и его самого, и его людишек, но князю не доложился, а решил сам смыться — якобы ранен тяжко.

— Во как! — восхитился Арсений. — В третьи руки добыча перешла, но теперь уж в последние! У нас хрен отнимешь!

«Угу… Крысятничаем, значит. В тишине, разумеется. Или не крысятничаем? Ладью-то мы сами захватили — ни огневцы, ни лесовики в этом не участвовали, вернее, экипаж без боя сдался, но ведь нам же, а не кому-то другому. Интересно: а если бы сундук не Роська нашел, мне бы об этом сказали? Стоп! А не с того ли лейтенант Егор меня в статус первого лица так настойчиво возвращает? Ведь вся ответственность тогда на меня ляжет! Вот, значит, как. Я за Егора в бою спрятался, а он за меня — в этом скользком деле. Ну-ну, будем посмотреть».

— Дядька Егор, а как это все с обычаями согласуется? Мы в своем праве или… как-то это все… некрасиво, что ли…

Егор нахмурился, видимо, уже собираясь произнести нечто вроде: «Не тебе нас учить», но в разговор снова влез Арсений:

— А чего тут такого-то? Ладью мы взяли, без огневцев и лесовиков, и все, что на ней — наше!

— Ты лучше вот о чем подумай, — добавил Егор. — Боярин тот тобой Дырке обещан, а ну как язык распустит? Если огневцы о казне проведают… жадность и зависть… они ведь с людьми такое сотворить могут…

— Это не беда! — Мишка легкомысленно отмахнулся. — Тогда обещал, а сейчас он сам откажется.

— Почему? — чуть ли не хором удивились Егор с Арсением.

— А положим того боярина с сыном в тот же шалашик, что и Илью. Дырка и близко подходить не пожелает. Только боярин-то тот наверняка в ладье не с одним лишь сыном плыл — должен он был хоть нескольких своих людей с собой прихватить. А они тоже про сундук знать могут.

— Насчет этого мы с бояричем уже потолковали, — успокоил Мишку Егор. — Они сундук только видели, а что там внутри, не знают.

— Ну тогда и вовсе просто. Боярина упредить надо, что если язык распустит, то ему не жить. И первым под нож пойдет его сынок. А если все в тайности сохранится, то мы об уменьшении выкупа подумаем. О существенном уменьшении. Вот так. Надо только с Матвеем договориться.

— Сюха! Быстро к Матвею! — распорядился Егор. — И чтоб все так же, как с Ильей, правдоподобно устроил. Ступай.

— Погоди! — остановил Арсения Мишка. — Скажи Мотьке, чтобы измыслил какое-нибудь снадобье. Мол, понял он эту болезнь, и кто не заболел еще, тот, испив этого снадобья, уже не заболеет. Пусть подберет, чего не жалко и на всех хватит… или новое сварит. А то мало ли чего со страху натворить удумают — заразы-то все боятся.

— Да! — подтвердил Егор. — Так все и обскажи. Ступай!

Егор проводил взглядом уходящего Арсения и снова обернулся к Мишке.

— Что ты там толковал про разные части добычи?

— Помнишь, Илья объяснял, что на свою долю добычи мы сможем в зиму и коней, и людей в Михайловом городке прокормить? Значит, нам интереснее всего то, что можно у селян на урожай обменять. Треска, по всему видать, собственной дружиной обзавестись хочет… возможно, о боярстве возмечтал. Ему интереснее всего оружие и доспех, хотя и от чего другого не откажется, но воинская снасть для него самое желанное. А огневцы? Понять бы, что их сильнее всего интересует, тогда и торговаться легче будет.

Когда Мишка произнес «возможно, о боярстве возмечтал», лицо Егора не то чтобы закаменело, а как-то утратило всякое выражение, стало спокойно-безразличным. Умел десятник, когда хотел, не выдать свои чувства, однако само «отсутствие чувств» сказало Мишке не меньше, чем сказало бы их наличие. Прав был Корней: Егор тоже «возмечтал», да еще как! Длилось это «отсутствие выражения» не больше секунды, а потом десятник заговорил уверенно и даже с некоторой насмешкой:

— А чего ж тут понимать-то? Одно дело огневцы — им подавай всего и побольше, а другое дело сам Семен. Как ты думаешь, о чем он со свояком своим — Лехой Рябым — полночи толковал? Да о Лехином боярстве толковал!

— Что? И он тоже? — сделал вид, что сильно удивился, Мишка.

— А как же? — Егор глянул на собеседника так, словно

попрекнул: «Это тебе, щенку, все само собой достается, а другим кровью и потом». — Семен у себя в Огневе человек не из последних, и людишки его в походе слушаются. Ты хоть раз препирательства среди огневцев заметил?

— Ну… одно дело те, кого Дырка с собой в поход взял, и совсем другое — все остальное село…

— Вот! — Егор чуть подался вперед и уставился Мишке прямо в глаза. — В этом-то для нас и опасность!

Мишка насторожился. Похоже, десятник не шутил и говорил о чем-то весьма серьезном.

— Опасность? Ты о чем, дядька Егор?

— А вот сам посуди. Для Семена все вроде бы складывается хорошо: добычу взяли знатную, потерь особых нет. Позовет Семен в поход в другой раз — народ пойдет с охотой…

— Погоди, ничего же еще не закончилось…

— То-то и оно! — Егор махнул на Мишку ладонью, чтобы тот не перебивал. — Случиться может еще всякое, но Дырка-то ранен! Вернется домой с долей добычи, а если что-то дурное впоследствии с огневцами приключится, спрос будет уже не с него, а с того, кто его место заступит. Одна беда — ранение у него в больно уж «интересное» место, да присказка «дырка сзаду»… обязательно же насмешники найдутся! Так что, ежели у огневцев и дальше, уже без Семена, все удачно сложится, того уважения, которое могло бы быть, Дырке не видать! Вот и выходит, что прямой интерес нашего… «воеводы ладейного» в том, чтобы без него у огневцев все вышло хуже, чем с ним. Тогда и насмешникам можно будет ответить, что если бы не… хе-хе, дырка сзаду, то и потерь было бы меньше, и добыча богаче, и все такое прочее. Понимаешь?

— Неужто своим нагадить как-то попробует? Да ну, дядька Егор, не может такого быть, он же…

— Молод ты еще, Михайла. Не скажу, что глуп, но молод — мало чего в жизни видел. Был у нас… гм, давно, в общем, было… случай, значит, произошел такой. Выгнал один хозяин ладьи кормщика. Редкость это — хозяева за кормщиков обычно держатся, но тут, видать, что-то между ними совсем худое произошло. Рисковал хозяин сильно, народишко-то к прежнему кормщику привык, многие и сдружились… однако решился, нанял другого. И вот тогда прежний кормщик… как уж он умудрился, не знаю, но пробрался на ладью и расшатал распорные клинья в корме. Так вроде бы и ничего, но только до первого шторма, а там… сам понимаешь. Как задумал, так и вышло: в шторм открылась течь, да такая… только тем и спаслись, что новый кормщик хорош оказался, да до берега

недалеко было. Вот такой случай.

— А дальше что было?

— Дознались как-то… долго тот злодей помирал и тяжко, но не в том суть. Я тебе для чего это рассказал…

— Да понятно, дядька Егор. Кто вместо Семена-то останется, известно уже?

Егор поморщился от того, что Мишка его опять перебил, и ответил вопросом на вопрос:

— А кто сейчас от огневцев вместе с твоим Василием добычу пересчитывает? Думаешь, его сам Дырка назначил? А вот хрен! Колоброд — злейший соперник Дырки! Сюха, пока ты спал, среди огневцев пошастал да все и разузнал. Колоброд такой же, как и Семен, — из первейших хозяев Огнева. Когда-то отцы их на пару ладью содержали, а потом чего-то не поделили. Короче, примерно половина огневцев, что в поход пошли, в сторону Дырки тянут, а другая половина — в сторону Колоброда.

«Блин, интриги, как в Версале! Только этого нам еще не хватало для полного счастья, остальное-то вроде уже все есть! А чего вы хотели, сэр? Нормальная групповщина, как и в любом сообществе численностью более двух человек. На протяжении жизни нескольких поколений столько всякого накопилось…»

— Но не станет же Дырка ладьи портить?

— Не станет. — Егор согласно склонил голову. — Да ему и не нужно. Дырка умен, не отнимешь! Как он умудрился твоих ребят с Колобродом поссорить! Ни они не забудут, как он над ними насмехался, ни он — как они его у всех на глазах искупали. И ответ насмешникам у Семеновых людишек есть: да, Дырка стрелу в седалище словил, а Колобродовы портки отроки, не вынимая из них хозяина, в речке постирали. Прозорливец, туды его! Ведь все заранее прикинул — и то, что соперник его на дурную трепотню охоч, и то, что отроки у тебя с норовом. Вот и стравил. Теперь шепнет своим людишкам перед отъездом словцо-другое и… чем это все нам вывернется, хрен догадаешься.

— А чего тут догадываться? Под рукой у воеводы Корнея особо не повыкобениваешься. Случись что, он так двинет, что… Опаньки! Это что ж выходит? Колоброда опять стравят, но теперь уже не с моими ребятами, а с самим воеводой Погорынским? А Семен с воеводским боярином в родстве, значит, есть надежда, что мы ему в борьбе с Колобродом поможем и он в первые люди Огнева выйдет.

— Угу. Дошло наконец? А ты говоришь: «Дырка сзаду».

— Так это ж хорошо, дядька Егор! Замечательно просто!

— Мм? — Егор недоуменно уставился на Мишку. — Чего ж тут хорошего?

— А то, что первый человек в Огневе от нас зависеть будет! Воевода Корней собрался все Погорынье под свою руку принять, так будет ли нам лишней в этом деле помощь Огнева? Да и у самого Дырки интерес в укреплении воеводской власти прямо-таки кровный будет!

— Тьфу, туды тебя! И как у вас, Лисовинов, головы-то повернуты… ну прям все себе на пользу загнуть умеете!

— У тебя-то тоже, дядька Егор, забор, как у Пентюха, каждый год не падает.

— С вами свяжешься, не только забор упадет…

— Наоборот! Забор сам встанет… и не только забор!

— Трепло… — пробурчал десятник, но таким тоном, словно высказал комплимент.

На «совещание командного состава» Треска явился с видом гордым и неприступным, словно индейский вождь на переговоры с бледнолицыми. Прибарахлился он за счет трофеев вполне прилично, но, как это часто бывает, пытаясь что-то кому-то доказать за счет своего внешнего вида, не столько достиг желаемого эффекта, сколько обнажил для постороннего взгляда свои тайные слабости.

Доспех на нем был дорогой (видать, какого-то непростого всадника ссадили с коня дреговические лучники) — шлем по тулье украшен чеканкой, на груди чеканное же круглое зерцало, кольчуга по вороту, подолу и рукавам украшена медными кольцами. Все, казалось бы, замечательно, да только тощий и длинный Треска очень уж сильно не совпадал по фигуре с прежним хозяином кольчуги, по всему видать, мужем дородным и коренастым. Как говорится, «коротка кольчужка». Да и на трофейном воинском поясе пришлось не только новые дырки прокалывать, но даже и одну из серебряных бляшек оторвать, чтобы в пряжку ремень продеть. И носить доспех Треска явно не привык, так что сидело дорогое воинское облачение на нем воистину как седло на корове. Вдобавок ко всему париться в доспехе на совещании, где все остальные были в одних рубахах, было и вовсе ни к чему.

Кинжал с украшенными серебром рукоятью и ножнами смотрелся на поясе Трески вполне уместно, а вот носить меч старейшина явно не привык, к тому же и подвешен он оказался неудачно, а потому его приходилось придерживать рукой.

А украшениями-то обвешался дреговический старейшина — иной бабе под стать! Тут тебе и ожерелье из мутно-зеленых стекляшек, и перстни, и браслеты на обеих запястьях… только что в нос кольцо не вдел! И портки из какого-то дорогого материала с

нашитыми на них красными лентами, и сапоги, украшенные бисером, из-за которых Треска, похоже, стал хромать еще сильнее, и (совсем уж ни в какие ворота) ярко-зеленый плащ, удерживаемый здоровенной, витиеватой работы позолоченной запоной.

Десятник Егор, узрев это «чудо в перьях», негромко хрюкнул и весело переглянулся с Мишкой, которому от вида Трески вспомнилось из ТОЙ жизни.

Тогда учебное судно «Зенит» зашло в порт одной из североафриканских арабских стран, и курсанты, дабы хоть чуть-чуть улучшить свои финансовые возможности, позагоняли местным маклакам бязевые казенные кальсоны, которые не носили из принципа (ну, традиция такая). Береговые контрагенты оказались ребятами оборотистыми, и через день порт и прилегающие улицы заполнились местными щеголями, красовавшимися фиолетовым штампом «Ленинградская мореходная школа» на задницах.

Семен Дырка прибыл на совещание на манер римского патриция — лежа на носилках, влекомых аж четырьмя носильщиками. Правда, поза его отличалась от патрицианской очень и очень сильно — возлегал «адмирал Дрэйк» кверху пронзенным вражеской стрелой задом. Да и повел себя предводитель огневцев тоже отнюдь не как римский сенатор — еще с берега, не поднявшись на ладью, принялся ругаться:

— Михайла! Ты чего мне больного боярина подсунул?! Какой выкуп с покойника?!

— У меня он здоровый был! — парировал Мишка. — Это ты сам не уследил!

Потом, спохватившись, что получается как-то несолидно — собрались на совещание, а начали с базарного препирательства — сменил тон и, указывая на стоящего рядом с носилками Колоброда, спросил:

— А этот чего сюда приперся? Кто его звал?

Колоброд, игнорируя Мишкино замечание, полез было на ладью, но отиравшийся в пределах видимости Антон подскочил и ухватил его за рубаху:

— Куда? Не велено!

Огневец резко отмахнулся, явно собираясь заехать по уху наглому мальчишке, но Мишкин адъютант вовремя пригнулся, а когда Колоброда развернуло от собственного богатырского замаха, ловко пнул того под колено. Колоброд ойкнул и неловко сел на землю.

— Туды тебя, недоноска, так-растак…

На Антона эта тирада не произвела ни малейшего

впечатления. Он вопросительно глянул на своего сотника, уловил поощрительный кивок, отскочил подальше от взбешенного огневца, сдернул с плеча самострел, взвел его и наложил болт.

— Не велено! Стрелять буду!

— О как, дырка сзаду! — прокомментировал мизансцену Семен Дырка, хоть и удивленно, но не без затаенного удовольствия.

— Уйми своего сосунка! — вызверился на Мишку Колоброд, но подниматься на ноги или делать резкие движения поостерегся.

Мишка его опасения понял — кто его знает, а вдруг и вправду стрельнет — и повторил свой вопрос более решительным тоном:

— Так на кой он тут? На думу только начальные люди званы!

— Я вместо Семки здесь остаюсь! — снова подал голос соперник Дырки. — Он раненый, назад уплывает. Я теперь начальный человек!

— Семен, воевода Погорынский нам с тобой дела вести указал. — Мишка подчеркнуто адресовал свои слова только «адмиралу Дрэйку». — Других нам не надобно. Ежели ты немощен…

— Да клал я на то, что там твой воевода указал!!! — Похоже, Колоброд «закусил удила». — Совсем обнаглели щенки!!! Да мы вас…

— Кхгрм!!! — многозначительно прокашлялся Егор и принялся с преувеличенным вниманием рассматривать что-то в кроне ближайшего дерева.

На берегу возле борта «штабной» ладьи разлилась тишина. Антон умоляюще пялился на Мишку, ожидая приказа на выстрел, Семен Дырка переводил взгляд с Мишки на Егора и обратно, Треска торчал столбом с невозмутимым видом, словно происходящее его не касалось. Егор, наглядевшись на листья и ветки, склонил голову набок и принялся сосредоточенно ковырять мизинцем в ухе.

— Антон!

— Здесь, господин сотник!

— Ступай к поручику Демьяну. Скажешь, чтобы подошел сюда с десятком отроков, а то Колоброд по купанию, видать, соскучился. И напомни поручику Демьяну, что приказа доглядывать за огневцами никто не отменял. Исполнять!

— Слушаюсь, господин сотник!

Колоброд метнулся глазами вслед убегающему Антону, зыркнул в сторону Мишки, а потом уставился на Семена Дырку, словно требуя от того вмешательства и прекращения всего этого безобразия. Егор тяжело вздохнул, внимательно обозрел кончик мизинца и снова запустил его в ухо. Семен Дырка тоже глянул

вслед Антону, потом обернулся к ладье и собрался что-то сказать, но Мишка его опередил:

— Честной муж Семен из села Огнева! За хулу, прилюдно излитую на воеводу Погорынского ТВОИМ человеком, вира — гривна серебром! Разочтешься при разделе добычи. И образумь СВОИХ людей, иначе в другой раз за поносные слова на боярина Кирилла велю язык урезать!

На лице «адмирала Дрэйка» сменилась целая гамма выражений. Сначала он, видимо, собрался возмутиться — какая такая вира? Потом возмутиться еще больше — за союзниками, можно сказать, братьями по оружию, доглядывать? И лишь затем до него дошло не только то, ЧТО было сказано, но и КАК это было сказано: «ТВОЙ человек», «СВОИХ людей». Мишка, также, как недавно Егор его самого, вталкивал Семена в статус первого лица среди огневцев, и недвусмысленно указывал на отдаваемое ему погорынцами предпочтение перед Колоброд.

Носильщики-огневцы присутствовали при произошедшем, хоть и безмолвно, но явно небезучастно. Переглянувшись между собой, они, не дожидаясь указаний, дружно крякнули и вздели носилки с Семеном Дыркой над бортом ладьи.

— Э-э! Полегче! — забеспокоился Семен. — Не уроните, дырка сзаду!

— Не боись! — отозвался один из передней пары. — Как дитя донесем! — подхватил второй.

Они ловко пристроили переднюю часть носилок на планширь и сами перелезли с берега на ладью, чтобы принять «ценный груз». Колоброд глянул на «подъемно-транспортную операцию» со злобной тоской, сплюнул и, пробормотав под нос нечто ругательное, пошел прочь.

«Вот таким, значит, образом, сэр Майкл? Что ж, врага вы себе в лице мистера Колоброда, эсквайра, нажили, но это мелочь. А вот то, что у „адмирала Дрэйка“ образовалась в Огнево-тауне изрядная оппозиция — очень важно. Теперь „адмиралу“ без поддержки воеводы Погорынского никуда не деться. М-да-с, разделяй и властвуй… „Кхе!“ — как изволит выражаться их сиятельство лорд Корней».

Треска, сохраняя невозмутимо-величественный вид, тоже решил взойти на борт, но торжественного восшествия не получилось. Сначала, перекинув ногу через планширь, он умудрился сесть на край собственного плаща, отчего при попытке выпрямиться чуть этим же плащом и не был удушен. Затем ножны меча совершенно непонятным образом оказались у него между ног, а непривычное к тяжести доспеха тело повлекло вперед так, что, опершись на поврежденную ногу, Треска охнул от боли и

вынужден был опуститься на четвереньки. В довершение всех бед дреговичь, пытаясь подняться на ноги, ухватился обеими руками за планширь и не заметил, что зацепился ожерельем за утку.[19] Нитка, естественно, лопнула и стеклянные бусины дождиком просыпались Треске под ноги.

Мишка деликатно отвернулся, Егор продолжил увлеченно ковыряться в ухе и лишь один Семен «посочувствовал» дреговическому старейшине:

— Ребяты, помогите ему! Убьется же с непривычки, дырка сзаду!

Треска, раздраженно отмахнувшись от протянутой руки, поднялся на ноги, громко сопя, взобрался на кормовой помост и, красный, как свеклина, уселся рядом с Егором.

«Да-а, а ты ведь дикарь, честной муж Треска! У себя в Уньцевом увозе ты, может, и хорош, и авторитетен, но стоит тебе хоть чуть-чуть выпасть из привычного уклада, и куда что девается? И впрямь сущий дикарь! И побрякушками обвешиваешься, как папуас, и наряжаешься неуместно, в приятном заблуждении, что выглядишь „не хуже других“, и в смешное положение себя то и дело ставишь… Какое разительное несоответствие лубочно-благостному представлению потомков о далеких предках! Упрели вы начисто, уважаемые родовичи, в лесных дебрях сидючи, не работает, ей-богу не работает формула „по старине, как от пращуров заповедано“! Голимый консерватизм, переходящий в полную неадекватность, выходит.

Вообще, посмотришь — и хоть в петлю! Лесовики закоснели в неизменности так, что хоть за деньги на ярмарке показывай, Ратнинская сотня (уж на что, казалось бы, другой культурный уровень!) на корню гниет, Рюриковичи докрышевались, считай, до полного оскотинивания, православие слабо, язычество не находит ответов на „вызовы времени“… Что же происходит-то? Где инициатива, мать ее, где прогресс, где расцвет культуры? Пассионарность где, в конце концов? Почему-то все исследователи дружно восхищаются строительством храмов и произведениями ремесленников и делают из этого вывод о расцвете культуры. А что из всего этого доходит до низов, до глубинки? Да практически ничего! За то, что князья начнут обустраивать, а не только обирать свои уделы, придется заплатить развалом державы, а этим „Трескам“ и „Дыркам“ похрен — они и слова-то „держава“ не знают, и русскими себя не считают!

А так ли страшна была Орда, как ее малевали? Может быть, яблочко уже готово было свалиться в первые же подставленные руки? Вот эти самые „Трески“ и „Дырки“ пойдут класть головы, защищая Русь? Да ни хрена! Привычно засядут по своим медвежьим

углам в надежде, что до них не доберутся. Да и кого им защищать? Князей? А где это видано, чтобы „дойная корова“ защищала „крышу“? Города? То есть то, что, по понятиям того же Трески, только сосет соки из его рода, ничего не давая взамен? Страну? А ее, по тем же понятиям, и нет вовсе!

Ну уж нет, милостивые государи, если вам пофиг, то мне за Державу обидно! Я вас научу, блин, Родину любить! Не „малую родину“, охи да ахи по поводу которой начались с подачи писателей-деревенщиков, а вот так — с большой буквы! Хоть дерьмократы-либерасты это правило и отменили, но меня в школе учили писать именно так! Пусть и не доживу, но наизнанку, едрить вас через канифас-блок, вывернусь, чтобы Орда через сто лет по мордасам огребла! А вы, чтоб вам всем охренеть на рассвете, даже и не заметите, как я из вас, пеньков, людей делать буду. Вот прямо сейчас и буду, и ни одна падла не пикнет и ни о чем не догадается!»

Мишка подождал, пока носильщики-огневцы сойдут на берег, и обратился к Семену Дырке:

— Давай-ка, Семен Варсонофьич, пока суд да дело, до конца с тобой разберемся.

— А чего со мной разбираться-то, дырка сзаду? Я что, дитя малое, сам не разберусь…

— Чем мы еще можем помочь тому, чтобы ты Огнево мог под свою руку нагнуть и никакие Колоброды тебе в этом деле помешать не могли?

— Э? — Такой постановки вопроса «адмирал Дрэйк» явно не ожидал.

— Силой-то тебе, в случае нужды, и свояк подсобит, воеводу из-за этакой мелочи беспокоить невместно, — продолжил Мишка таким невозмутимым тоном, словно речь шла о делах самых обыкновенных. — Но думается мне, что для сего дела не только и не столько сила потребна.

— Чего-чего?.. Ну дырка сзаду… Ты… это… Для какого такого дела?

«Так, клиент, похоже, несколько подрастерялся, что, собственно, нам и требуется. Продолжаем „увеличивать насыщенность информационного потока на входе“ за счет плотной „упаковки“ подтекста».

— Для такого, что надобно нам точно знать: какое число людей ты в СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ сможешь выставить в СВОЮ ладейную дружину по призыву воеводы Погорынского? Скольких доспешных и оружных, скольких простыми гребцами да найдутся ли у тебя кормщики и для наших ладей?

— Кормщики?

«Ага!! Клиент дозревает — повторяет только последнее

слово, за которое зацепилось сознание, все остальное остается „непереваренным“».

— Или ты думаешь, что великий князь Киевский Мстислав Владимирович… — Мишка сделал паузу, любуясь, как в выпученных глазах Семена Дырки всплывает вопрос: «А князь-то Киевский тут при чем?», потом продолжил: —…оставит безнаказанным набег Полоцка и Литвы? Думаешь, не будет большого похода, дабы покарать злодеев?

— Ты… это… погоди…

«А вот хрен тебе! Я еще не закончил».

— Или нам не на тебя, а на Колоброда в таком разе рассчитывать? Так я велю его вернуть. Как миленький, вприпрыжку прибежит. Так что? Звать Колоброда?

— Да погоди ты!!! — Упоминание имени соперника стало последней каплей, Семена, наконец, прорвало. — Какой следующий раз?.. Тьфу, едрит тя в грызло… большой поход? А… это… какая ладейная дружина?

— Как у твоего свояка, только на ладьях.

— Так Леха боярином заделался… у него и дружина…

— Так ты отказываешься, что ли? — Мишка завертел головой, будто разыскивал своего адъютанта. — Антон, зови Колоброда…

— Стой!!! — громкостью и экспрессивностью вопль Семена был сравним только с криком «Пожар!!!». — Не отказываюсь!!! — Семен сгоряча приподнялся на носилках, охнул и схватился рукой за продырявленную ягодицу. — Да что ж ты так сразу-то? Уй! Дырка сзаду…

— Да не мучь его, Михайла, — вклинился в паузу Егор. — Видишь же: неподъемно ему. Не сможет…

— Смогу!!! — снова взвился Дырка.

— Тогда: сколько доспешных, сколько гребцов? — опять насел Мишка.

— Десять! — выпалил Семен, словно называя последнюю цену при торговле, только что шапку под ноги не швырнул.

— Мало! — «отрубил» Мишка.

— Мало? Да ты что…

— Ладья!

— Какая ладья?

— Которая утопла! Там и оружие, и доспех, и товар разный! И сама ладья тоже! И не вздумай врать, что поднять это все не сумеешь!

— А я и не вру! Сумею!

— Тогда сколько?

— Тогда… А пошел ты… — Семен Дырка осел на носилках, словно из него выпустили воздух, и спокойным, слегка

насмешливым тоном обратился к Егору: — Ну и борзые у вас ребятишки в Ратном. Ишь, как напер, безобразник!

— Так ведь сотник же. — Егор пожал плечами и ухмыльнулся.

— Так и меня тоже не в нужнике рожали, дырка сзаду.

«Все, опомнился. Но силен, ничего не скажешь! Быстро из захвата вывернулся. Однако главное сделано — спор идет уже о размере дружины, а не о самой возможности призыва под знамена лорда Корнея. Или все-таки передумает? А вот сейчас и выяснится».

— Хе-хе, сотник, говоришь? Дырка сзаду… а про плату за насад мой позабыли? Или думаете, что я позабыл?

— А эта мелочь имеет значение по сравнению со всем остальным? — небрежно поинтересовался Мишка.

— Мелочь? Хм, дырка сзаду… Как у свояка, говоришь, значит?

— А если нет, то зачем ты нам нужен? — Мишка насколько смог подпустил в голос твердости. — Семен Варсонофьич во главе Огневской ладейной дружины — одно дело, а Семен Дырка сам по себе… Ну разве что о цене насада поторговаться, не более того.

— Ишь ты, как подвел! Уже и о цене насада поговорить зазорно выходит. Сотник… едрить тя в грызло…

— Угу, — прогудел в бороду Егор. — И радуйся, что с внуком торгуешься, не с дедом.

— Да это-то понятно… — Семен поерзал на носилках, оправдывая этим паузу для размышления. — Значит, Леха у вас в бояре вылез. М-да… А скажи-ка, у вас это дело как вообще устроено?

Дальше Мишка слушал, не вмешиваясь, да и не очень внимательно. Нет, конечно же разговор двух немолодых, крепко потертых жизнью и незаурядных мужчин послушать было бы и интересно, и поучительно. К тому же «адмирал Дрэйк» явно собрался получить от Егора ответы на те вопросы, которые уже успел обсудить с Лехой Рябым, и сравнить их ответы. Но важнее сейчас было понаблюдать за реакцией Трески.

А Треске, в первую очередь, было жарко — сидели-то на солнышке, хоть и сентябрьском, но еще вполне теплом. Дрегович сначала закинул полы плаща за спину, потом завозился с дорогой и безвкусной запоной, удерживающей плащ на плечах, но непривычная застежка поддавалась плохо, к тому же основное внимание Трески было занято разговором Семена и Егора. Начисто позабыв о величественной невозмутимости, дреговический старейшина ловил каждое слово, вытянув шею и даже слегка приоткрыв рот. А послушать было что.

Егор довольно быстро сумел повернуть разговор туда, куда ему было нужно, а не туда, куда хотел Семен Дырка — принялся растолковывать огневцу (Мишка чуть не матюгнулся вслух от удивления) систему административного деления княжества!

То, что сотней называется не только дружина численностью около ста человек, а и некая территория, например, крупное село с соседствующими весями, хуторами и прочими мелкими поселениями, Семен Дырка и так знал. Однако пояснение Егора о том, что во главе сотни стоит староста только тогда, если население сотни не содержит собственной воинской силы, а иначе это будет уже не староста, а сотский, для огневца оказалось в новинку. Правда, Егор тут же пояснил, что сотский — это скорее для города, в военное время он командует сотней городского ополчения, а в мирное — частью города, например, концом. Тут Егор явно излагал обычаи Новгорода и Пскова, было ли так же устроено в Турове, Мишка не знал.

Рассуждение же о том, что город с округой должен именоваться тысячей, и вовсе повергло «адмирала Дрэйка» в задумчивость, но не сразу, а после того как Егор неожиданно «привязал» эту информацию к делам Погорынья. Мол, был бы у Погорынья свой главный город на манер столицы, сидеть бы там тысяцкому и именоваться междуречью Горыни и Случи Погорынской тысячью. А так пока выходит только Погорынское воеводство во главе с воеводой Корнеем Лисовином.

«Да откуда же он это все знает? Вот, как раз то, что „адмирал Дрэйк“ в этом вопросе „плавает“, ничего удивительного нет. Взять ТАМ среднестатистического обывателя и предложить ему разъяснить систему, в которую складываются всякие муниципалитеты, управы, префектуры, районные и прочие администрации, — тоже не сможет. И очень немногие смогут, несмотря на совершенно иной уровень информированности, создаваемый СМИ. Но Егора-то кто просветил? Хотя… он же довольно долго прожил в Пскове, а в Новгородских землях сейчас в самом начале процесс зарождения собственной государственности, и не монархической, а республиканской. Значит, все эти вопросы постоянно обсуждаются, осмысляются, дискутируются… да вплоть до скандалов и драк наверняка. Вот и нахватался. Но как к местным делам подводит ловко!»

А Егор продолжал гнуть свое. Если Погорынская тысяча должна состоять из сотен, то почему бы одной из этих сотен не стать Огневу? И во главе не с простым старостой, а с сотским? Но! Сотский этот должен «нагнуть» Огнево под свою руку сам. Только сам. На помощь воеводы, конечно, рассчитывать можно, однако не во всем, ибо воевода Погорынский за всех сотских

стараться не будет — у него и своих забот полон рот, — ему требуются такие, которые свои сотни держать в узде способны самостоятельно. И одного Огнева для этого будет мало, надо еще пригнуть под свою руку и окрестные селения, иначе дружину не прокормить.

— Сам, говоришь? — Семен снова повозился, устраиваясь поудобнее на носилках. — А на кой тогда мне ваш воевода? Да и вся эта суета для чего? Трудов много, риску… тоже немало, а навар каков? Это Корнею, дырка сзаду, прямая выгода — тысячу себе чужими руками собирать, а мне-то с чего стараться?

Егор покосился на Мишку, а тот в ответ лишь едва заметно отрицательно повел головой. Тогда десятник, уже не скрываясь, повернулся к бояричу и заявил:

— Ну вот! Я же говорил, что неподъемно ему, не сможет. Колоброд, по правде сказать, еще хуже будет, так что придется, наверное, со всем этим Лехе Рябому разбираться. Пускай боярство свое оправдывает… Опять же, Огнево — кусок жирный. Или, может, боярин Федор свою лапу наложит?

Мишка пожал плечами и развел руки в стороны.

— Что ж, господин десятник, наше дело было предложить да проверить годность, решать-то все равно воеводе. Так и доложим: «Не годен».

Треска быстро зыркнул поочередно на Мишку и Егора. Похоже было, что ему не только досадно от того, что разговор прервался на самом интересном месте, но и непонятно, отчего ратнинцы так резко его оборвали из-за, казалось бы, совершенно естественного вопроса Семена Дырки.

— Э, вы чего? — Семену поведение ратнинцев тоже не понравилось. — Что значит «жирный кусок»? Вы чего тут, дырка сзаду…

— Поручик Демьян! — крикнул Мишка двоюродному брату, появившемуся возле «штабной» ладьи в сопровождении Антона и десятка отроков. — Напомни-ка огневцам, что догляда с них никто не снимал, а то там Колоброд чего-то воду мутить принялся. Скажи, что замену Семену Дырке только с одобрения господина воеводы подбирать можно будет. А если не внемлют, так мы и вразумить не замедлим — боевой поход есть боевой поход — уговаривать своевольщиков не станем!

— Слушаюсь, господин сотник! Колоброда от Рось… от поручика Василия прогнать? А то лезет, во все встревает…

— Гони! И построже там, а то вовсе обнаглеют.

— Слушаюсь, господин сотник! Десяток! Кру-гом! За мной, шагом, ступай!

— Егор! — Семен Дырка злобно ощерился. — Вы чего

творите? Мы что, холопы вам, дырка сзаду…

Егор, словно к нему и не обращались, повернулся к Треске:

— Слушай, тут такое дело. Надо бы людей свежатинкой покормить. Мы с собой, конечно, запас взяли, да и на ладьях тоже не пусто было, но это все нам еще потом понадобиться может, а…

— Я к тебе обращаюсь! — возмутился «адмирал Дрэйк».

— А надо обращаться ко мне! — отозвался вместо Егора Мишка. — Так чего ты за свой насад просишь? От боярина пленного ты, значит, отказываешься, хотя на выкуп за него ты и не один насад снарядить мог бы. Тогда называй цену… только уж настоящую, без излишка.

— Да погоди ты с насадом-то! — Семен хрястнул кулаком по настилу так, что, кажется, самому стало больно. — Уй, дырка сзаду… Егор, Михайла! Да чего я такого сказал-то? Ну я просто не знаю… Вместе же, вот прямо на этой ладье чуть смерть не приняли!!! Что ж вы… как чужие-то?!

Мишка вдруг поймал на себе пристальный взгляд Трески, и не успел удивиться этому, как дреговический старейшина хитро подмигнул ему и шевельнул усами, явно сдерживая улыбку.

«Опаньки! Вот тебе, бабушка, и фейс во всю харю! Дикарь-то дикарь, а догадался, что спектакль не столько для Дырки, сколько для него играется! Как вы там, сэр, рассуждали о лихих ребятах, которые сейчас по всей Европе основывают графские, баронские и просто дворянские династии? И плевать, что немытые, неграмотные и сущие бандиты по образу жизни! Да мэтр Треска на их фоне гораздо приличнее смотрится — и грамотен, скорее всего, и моется каждый день. А насчет лихости… встать во главе рода, пусть даже и после эпидемии, выкосившей стариков, — тоже не пустячки! Коли вернется с добычей и при оружии, да с людьми, признавшими его своим командиром… Не-ет, не даст он больше в своем роду волхвам верховодить — сам хозяином захочет стать, и воевода с христианским попом ему в этом деле первыми помощниками будут!»

— Господин сотник, господин сотник! — прервал Мишкины размышления крик отрока. — Господин сотник, дозволь обратиться, отрок Астафий!

— Что случилось?

— Урядник Яков велел передать: по Пине от Пинска две лодки спустились!

Мишка дернулся встать, но Егор буквально пригвоздил его к месту предостерегающим взглядом.

«Тпру! Стоять, Зорька, покуда доят! Постыдились бы, сэр, сколько ж можно на одни и те же грабли наступать? А еще Дырку с Треской поучать взялись!»

— Поручик Демьян велел три насада на перехват готовить, — продолжал доклад Астафий.

— Гм… — Мишка сделал вид, что и не собирался вскакивать, а лишь поудобнее усаживается. — Сколько народу в лодках?

— По семь, по восемь, все оружные. Но с одной лодки четверых на берег высадили, там, где у них дозор раньше стоял.

— Что, так вот, на виду, все и делают?

— Нет, господин сотник, они думают, что их не видно, а мы видим.

— Передать поручику Демьяну, что его действия одобряю. Нападать на полочан разрешаю, только если они в Припять выплывут, да так, чтобы обратно в Пину они вернуться не смогли. Самим же в Пину не лезть! Запрещаю настрого — на засаду нарваться можете! Ступай.

— Погоди! — вмешался Егор. — Передай ратнику Арсению, чтобы ладью готовил, он знает, которую. На ладью моих людей, гребцов из огневцев и… — Егор вопросительно глянул на сотника Младшей дружины.

— И опричников! — быстро добавил Мишка.

— И от меня передай, — влез Семен Дырка, — чтобы гребцов и кормщиков невозбранно!

Отрок Астафий растерянно поморгал, но увидев поощрительный кивок сотника, бодро рявкнул:

— Слушаюсь, господи сотник!

Треске, чувствовалось, тоже хотелось добавить и собственные распоряжения, но повода не нашлось. Он вздохнул, провожая взглядом убегающего отрока, и как-то по-простому, уже не пытаясь ничего из себя изображать, обратился к Егору:

— Свежатинки добудем. Мои тут уже кабанье стадо выследили — с поросятами, голов в двадцать будет. Вечерком возле водопоя их и возьмем. Не велика хитрость, сделаем. А скажи-ка ты мне, к чему он, — дрегович повел бородой в сторону Семена, — негоден оказался? Как-то вы… больно уж смутно излагаете.

— Во-во! — встрепенулся «адмирал Дрэйк». — Негоден, негоден, дырка сзаду, а для чего негоден-то? И почему?

Егор опять полез пальцем в ухо, предоставляя Мишке возможность самому отвечать на заданный вопрос.

— Перемены грядут, честные мужи, перемены серьезные, а вот к добру эти перемены будут или к худу, во многом и от нас зависит. — Мишка оглядел собеседников и, убедившись, что те готовы слушать дальше, продолжил: — Избаловались мы за боярином Федором-то — ни князь в полюдье к нам не ездил, ни людей своих не присылал, да и некому это делать было — в

Турове-то Брячислав Святополчич только на кормлении сидел. Ныне же на Туровский стол сел полноправный князь, как-то при нем все будет? А ну как не удоволится тем, что ему боярин Федор собирает, да начнет сам в полюдье ездить? Или еще хуже — людишек своих посылать. Слыхали, наверное, как они себя ведут? Виры разорительные на пустом месте придумывают, новые подати измышляют, а то и впрямую грабят. В полюдье, как в боевой поход за добычей ходят. Но им иначе и нельзя — кормятся-то только с добычи да княжьими милостями, а жизнь в стольных городах дорога. Там не только прокорм требуется, но богатство напоказ выставить, гонор явить.

— А я-то тут при чем? Что мне, дырка сзаду, воевать, что ли, с князем?

— Ни в коем разе! Бунт князья давят жесточайше, да и за обиды своих людишек карают беспощадно.

— И что ж тогда?

— А то, что между простым селом и боярским — с дружиной — разница есть, и разница существенная. Да, за княжьего человека спрос суровый, но ему-то, ежели убили, уже все равно. Для грабителя, в случае гибели, смысл грабежа теряется начисто — награбленное уже не потратишь. Да и остальные при таком повороте дела предпочтут не рисковать, а поискать добычу полегче. У татей, хоть простых, хоть княжьих, ухватка всегда одинаковая — рвать в первую очередь с тех, кто сопротивляться не может.

— Угу, так они и утерлись, дырка сзаду, и князь смолчал. Да что ты мне тут…

— Нет, конечно! Не утерлись и не смолчал… если дело с боярином-одиночкой имеют. А вот если сотни в тысячу собраны, да тысяча та сильна…

— Опять, выходит, война!

— Совсем наоборот! Никакой войны, а даже любовь и согласие!

— Ну это ты заврался! Какая любовь, дырка сзаду, коли сила на силу? Не знаю, что ты такое в книжной науке превзошел, как о тебе болтают, а только жизни ты не знаешь — молод еще! Запомни: промеж жерновов уцелеет не самое твердое зерно, а то, которое ямку в жернове нашло и в ту ямку закатиться сумело! Так-то, дырка сзаду! А то развел тут: сотни… в тысячу собранные…

— Вот я и говорю: «Не годен!» — неожиданно вставил Егор. — Мы ведь не те зерна ищем, что в ямку закатиться норовят, да и не зерна вовсе, а камешки, что потверже жернова будут. Им-то ямка не требуется — так устоят, да еще и сам

жернов покорябают.

— А вы, значить, такие твердые? — язвительно ощерился Семен.

— А мы, значить, да — такие твердые, — передразнил Егор.

— И через это у вас, дырка сзаду, с князем любовь и согласие?

— И через это князь Вячеслав Владимирович нашему воеводе златую шейную гривну пожаловал.

— Э?.. Ишь ты, едрить тя в грызло…

Пока Егор с Семеном обменивались язвительными репликами, Мишка прислушивался к тому, что творится на Припяти. И понимал, что бесполезно — протоку, в которой были укрыты трофейные ладьи, отделяло от основного русла довольно приличное расстояние, да еще и заросшее лесом, но все равно не мог удержаться — прислушивался.

«Как там у Демьяна? Хотя Арсений, конечно, присмотрит, глупостей натворить не даст… А может быть, полочане в Припять и не вылезут, уйдут к Пинску? Погодите, сэр, какая-то у вас только что мысль интересная мелькнула… очень, между прочим, показательная. Да! Вы обратили внимание, как ваши собеседники отреагировали на ваш пассаж „У татей, хоть простых, хоть княжьих, ухватка всегда одинаковая?“ Вот именно! Никак не отреагировали — восприняли как само собой разумеющееся! Каково? Сказано „княжьи тати“, а народ безмолвствует! Вам, сэр Майкл, это ничего не напоминает? Ага! Совершенно справедливо, позволю себе заметить, — напоминает, практически копирует, ТАМОШНЕЕ отношение населения к ментам от так: девятьсот лет разницы и… никакой разницы! Простите великодушно за невольный каламбур. Но тогда… получается, что „адмирал Дрэйк“ Ваньку валяет — все ему известно и понятно… Хотя нет. То, что систему может победить только другая система, ему и в голову не приходит… как ТАМ — отмахаться от ментов можно фээсбэшной или депутатской ксивой или чем-то подобным — знаком принадлежности к другой системе, не менее сильной. Что ж, тогда дальнейший разговор понятен, никуда вы не денетесь, „сэр Фрэнсис Дрэйк с отверстием в интимном месте“».

— А как вы думаете, не тяготится ли князь своей зависимостью от мнения дружины? — спросил Мишка сразу всех собеседников, ни к кому конкретно не обращаясь. — Вроде бы полновластный правитель, землей повелевает, суд и расправу чинит и… все прочее, что князьям надлежит, но всегда приходится ему помнить, что дружина может сказать: «Без нас решил — без нас и верши». А по любому важному делу — пир

устраивай да мнение дружины выслушивай. И постоянно от людей своих слышать: «Дай, дай, дай!» Дай злата, дай власти, дай безнаказанности, дай гордыню потешить, и чем больше даешь, тем больше хотят…

— Ой, бедняжка! Нам чего теперь, дырка сзаду, поплакать над тяжкой княжьей долей?

— Плакать ни к чему, а вот подумать было бы полезно! — не принял Мишка язвительной тональности, раскрутившейся по ходу препирательств между Егором и Семеном. — Вспомнить, к примеру, что ты делаешь, когда у тебя ладья или насад при погрузке излишне на один борт кренится?

— Тьфу, балаболка! Ладья-то тут при чем, дырка сзаду…

— А все-таки, что делаешь?

— Чего, чего… груз перекладываю, чтобы…

— Чтобы, значит, противовес был?

— Нет, дырка сзаду! Чтобы за борт груз выпал! — Похоже, «адмирал Дрэйк» начал дозревать до аргументации типа «сам дурак». — Что ты дурь-то всякую…

— А что может стать противовесом, если дружина ладью княжьей власти на один борт кренит?

— Э?..

— Наша тысяча, — негромко, но очень весомо и неожиданно для собеседников вставил Треска. — Которая из сотен слагаться будет.

«Сэр, вы это слышали? НАША! Ай да мэтр Треска! То-то он род оседлал — политику сдержек и противовесов на интуитивном уровне сечет!»

— И этот туда же! — Семен шлепнул ладонью по доскам кормового настила. — Нам только и дела, что княжьи заботы разбирать, дырка сзаду! Своих собственных нам мало уже! Вы каким местом думаете-то?..

— Да уж, вестимо, не тем, в котором дырка! — не дал Семену договорить Мишка. — А чем мы, по-твоему, сейчас занимаемся? Набег на Туровские земли отбиваем! Как раз то, что должен был бы сам князь с дружиной делать. Но он же с братьями в Степь ушел.

— Ну и что?

Семен Дырка, несомненно, уже все понял и сопротивлялся только из упрямства, а может быть, просто хотел, изображая горячность, выжать из Мишки побольше информации, но разговор-то велся не только для него, а и для Трески, хотя и тот тоже, надо понимать, прекрасно видел, к чему клонят Мишка и Егор.

— Ну и то! — немного повысил голос Мишка. — Коли

дружина спросит Вячеслава Владимировича Туровского: «Кто ты без нас?», — он может смело отвечать: «Князь!», — ибо есть у него, кроме служилой дружины, земская — от земли Погорынской. Нет! — Мишка выставил ладонь в сторону собравшегося что-то сказать Семена. — Без ополчения, с одной только дружиной князь прожить не может — это значит, что его земля не приняла, «путь указать» могут, или другой князь со стола сгонит. Но у нас-то не просто ополчение получится, а ПОЛК Погорынский! Кованая рать, ни умением, ни оружием, ни доспехом служилой дружине не уступающая. Да еще пешцы. — Мишка ткнул указательным пальцем в сторону Трески. — Да еще и ладейная рать. — Указательный палец уставился на Семена Дырку. — А с этим у князя Вячеслава и вовсе кисло — нету у него ладейной рати, на купеческих ладьях дружину возит, если нужда приходит.

Насчет последнего пункта Мишка вовсе не был уверен в своей правоте, но собеседники-то были информированы еще хуже, так что особого риска не предвиделось.

— А коли есть у князя противовес дружине, власть его этим только укрепляется. Сразу же слабеют руки, которые его то и дело за полы хватают и свободно шагать не дают, ибо появилась этим рукам замена.

— Вот так-то, други любезные. — Егор пристально глянул поочередно на Семена и Треску. — И обижать нас в таком разе князь своим людям не даст — нужны мы ему. Любовь и согласие с нами князю требуются. Одна беда — с чего ему быть уверенным в нашей верности? А ну как вознамеримся ему «путь указать»? Одно дело — сейчас мы Туровские земли защитим, а другое дело — как бы не сказали: «Без тебя отбились, так зачем ты нам?»

— И что? — Вот теперь в голосе Семена зазвучала искренняя заинтересованность, а не желание раззадорить собеседника. — Как князя в том уверить?

— Да очень просто! — Егор ухмыльнулся и пожал плечами. — Показать, что воевода Корней Агеич держит тысячу Погорынскую под своей рукой твердо — без своевольства и пререканий. Воевода, который князем Вячеславом обласкан и златой гривной пожалован. Мол, ныне мы ту гривну отработали — земли твои от напасти защитили, а будешь с нами и далее по-доброму, отслужим не единожды и сторицей.

«Ничего себе! „Без своевольства и пререканий!“ И это звучит из уст сочувствовавшего бунтовщикам десятника, которому лорд Корней полбороды секирой отмахнул! Блин, что с людьми карьерные перспективы делают!»

— Так что думали мы посмотреть, получатся ли у нас две

сотни для Погорынской тысячи — Огневская и… — Егор вопросительно глянул на Треску.

— Уньцевская! — отозвался на невысказанный вопрос дрегович.

— Да, Огневская и Уньцевская. Но, не выходит… пока. Сказать воеводе с уверенностью мы ничего не можем, а коли нет уверенности… так и вовсе ничего нет. Вот так.

— Это почему же? — возмутился Семен. — Да что вы знаете, чтобы так вот судить?

— Знаем, Семен Варсонофьич, знаем, — отозвался Мишка. — Кабы не знали, не стоять бы сейчас Ратному на своем месте, да и вообще не быть. Ты не подумай чего плохого, мы к тебе со всем уважением. Ты и ладейщик изрядный, и не робкого десятка — не смылся же от Пинска на первой же ладье, до конца там был. Да и в бою себя выказал, хоть и ранен был… но мало этого. Не обижайся, но мало.

— Чего ж вам еще-то? Ну я прям не знаю… дырка сзаду! Ты что, смеешься?

Ответить было что. Мишка собрался процитировать Великую волхву — об умении сохранять достоинство в любых обстоятельствах, привести в пример Треску — в трудный час принял на себя ответственность за род, не торгуясь и не спрашивая, какая ему от этого выгода… да много еще можно было бы сказать. Мишка уже набрал в грудь воздуха, но с берега вдруг донесся крик Роськи:

— Минька!!! Ми-и-инь!!! Митька нашелся!!!

Вот тут его не смог бы удержать на месте не только предостерегающий взгляд Егора, но даже и попытка все троих собеседников хватать руками. Мишка сиганул на берег прямо с кормового помоста, упал, не удержавшись на ногах, поднялся и кинулся навстречу крестнику, продолжавшему орать, словно находился на другом берегу Припяти:

— Митька!!! Нашелся!!! Живо-ой!!!

Часть вторая
РОЖДЕНИЕ КОМАНДИРА

ГЛАВА 1

Сентябрь 1125 года. Полесье

Лес… Нет, это было не просто пространство, покрытое растительностью, это был ЛЕС — огромное, подавляюще могучее живое существо, мудрое какой-то своей, непостижимой для человеческого разума мудростью, беспощадное своими, им же порожденными и им же соблюдаемыми законами, спокойно-равнодушное отсутствием кого-либо или чего-либо, способного сколь-нибудь заметно поколебать или изменить предписанное его законами течение событий. Что ему было до нескольких десятков людей, воображающих, что они идут через лес, а на самом деле поглощенных ЛЕСОМ без всякой гарантии того, что когда-нибудь они будут им отпущены? Не смогут понять и подчиниться его законам — никогда и никуда из чащи не выйдут, а поймут и подчинятся — может быть, и выйдут, а может быть, и нет. ЛЕСУ для того, чтобы сбылось либо первое, либо второе, даже не потребуется обращать внимание на еще одну кучку людишек, затерявшуюся на его просторах, — все свершится само, в потоке событий, который перетекал из бесконечности в бесконечность до появления людей и который будет так же перетекать после их исчезновения.

«Вот так, сэр Майкл, и можете теперь засунуть себе в любое место по вашему выбору снисходительное презрение к невежественным предкам, в первобытной дикости своей обожествлявших явления природы. Туда же, кстати сказать, можете засунуть и ваши высокоумные рассуждения об адекватности христианства имеющим место историческим тенденциям. Что здесь делать христианскому богу? Рассказывать ЛЕСУ о том, что он создан в один из шести дней сотворения мира? Это ему-то, существовавшему за миллионы лет до появления богов, ибо без человека их не существует? Даже не смешно, сэр. Пугать ураганом, потопом, пожаром? Ну вот вам последствия очень и очень неслабого пожара. На какие мысли наводит?»

Мишка обвел взглядом раскинувшееся до самого горизонта пространство пожарища. Недавнего — прошло не больше пары лет. Пни непривычной формы, обугленные стволы, по большей части лежащие на земле, но иногда сохранившие вертикальное положение… Все уже почти скрыто молодой порослью, и как-то само собой появляется убеждение, что это вовсе не место трагедии, порожденной «буйством огненной стихии», а росчисть. Не человеческая — под пашню и посев, а естественная, такая, какая в общем-то и должна появляться в процессе обновления,

порождающем бессмертие через смерть — через смену поколений.

«На философствование потянуло, сэр? Не смущайтесь — нормальная реакция интеллекта на осознание собственной ничтожности в беспредельности бытия. Вот так задумаешься, проанализируешь, сделаешь выводы, пусть даже и самые идиотские, глядишь, и ты уже не тварь дрожащая, а мудрый, все понимающий сторонний наблюдатель — вроде бы и полегчало. Как говорится, „если вы не можете изменить ситуацию — измените свое отношение к ней“. А еще: „если насилие неизбежно — расслабьтесь и…“ гм… да, получение удовольствия в предложенных обстоятельствах как-то того… сомнительно».

Младшая дружина Погорынского войска под водительством сотника Михаила и десятника Старшей дружины Егора шла через полесские чащобы в сторону Городненских земель. Мишке и его отрокам не довелось принять участие в снятии осады с города Пинска. Вместо этого волей воеводы Погорынского Корнея Лисовина они были отправлены почти «туда, не знаю куда», чтобы добыть «то, не знаю что». «Почти», потому что место назначения было все-таки известно, если не Мишке с Егором, то хотя бы проводникам, ведшим их через лес, а добыча… добыча, конечно, была, но взять ее имеющимися силами представлялось делом совершенно невозможным.

* * *

Корней со своим войском прибыл к Пинску в оговоренные сроки, но зол он при этом был так… Мишка своего деда в подобном состоянии еще никогда не видел — на щеках (даже под бородой заметно) ходят желваки, в глазах совершенно очевидное желание кого-нибудь убить, но — ни крика, ни ругани, ни придирок, распоряжается короткими рублеными фразами, других выслушивает, с трудом сдерживаясь, чтобы не отмахнуться от всякой ерунды, с которой к нему лезут… На совместный доклад Мишки и Егора Корней не отозвался ни хулой, ни похвалой — просто принял к сведению и приказал готовиться к дальнему походу по суше.

Причины такого состояния воеводы разъяснил Лука Говорун, тоже пребывавший отнюдь не в радужном настроении, а потому изъяснявшийся на редкость кратко и без отклонений от главной темы. Первая неприятность случилась почти сразу после переправы на левый берег Припяти — полесское боярство главенство воеводы Корнея над собой не признало. В общем-то

ничего удивительного в этом не было — кто такой для них воевода Погорынский, если они уже давно привыкли иметь дело не с Туровом, а с Пинском, да не с князем (что с Туровским, что с Пинским), а с посадником великого князя Киевского.

Хуже было другое — объединенной дружины полесского боярства (уже исполчившегося ввиду угрозы от полоцкого войска) погорынцы даже не увидели. Просто явились к Корнею двое бояр с наглыми рожами и заявили, что раз уж он упустил ляхов с добычей на своем берегу, то теперь ими займутся те, по чьим землям злодеи уходят. Корнею же предложили отправляться к осажденному Пинску, пообещав догнать его по дороге, после того как разберутся с ляхами.

Корней попытался было объясниться с «коллегами» по-доброму, но надолго его не хватило, и разговор закончился руганью и хватанием за рукояти мечей, что, по всей видимости, полесских бояр вполне устроило — не придется ни с кем делиться отбитой у ляхов добычей. С тем и расстались: Корней — в ярости, бояре — довольные собой. Побушевав некоторое время, Корней плюнул и прервал переправу своих людей через Припять. Удобной дороги к Пинску по левому берегу все равно не было — сплошные болота да чащобы. Как и откуда сюда — к устью Ясельды — выбрались полесские бояре со своими дружинами, было совершенно непонятно, но они пребывали на своей земле, где знали каждую тропку.

Ляхи, надо понимать, собирались идти вовсе не к Пинску, а подниматься вверх по Ясельде, а потом, при полном попустительстве князя Городненского, через переволок в Нарев. А по Нареву они уже совершенно спокойно сплавлялись в свои земли. Впрочем, все это было лишь предположениями — совсем уж без отвлечения от основной темы Лука Говорун обойтись не мог.

После того как Корней немного поостыл и собрал на совет десятников, коллективным разумом решено было все же оставить на левом берегу Припяти давидгородских охочих людей во главе с Алексеем. Раз уж они в полном составе переправились, то пусть и проследят, что у полешан получится. Ну не могло у полесских бояр быть много народу — места здесь были совсем слабо заселенные. Ляхи же, сумевшие уйти с добычей за Припять, были отнюдь не мальчиками для битья, да и князь Городненский со своей дружиной где-то здесь мог обретаться. В общем, единственной надеждой на удачу для полешан было застать ляхов при погрузке добычи на ладьи, что могли ждать тех на Ясельде. А может быть, они и вовсе собирались, дождавшись, когда ладьи уйдут, отбить только стадо и ту часть полона, которая пойдет

берегом Ясельды.

Так это было или не так, выяснить не удалось. Не пожелавшие принять помощь погорынцев бояре схлестнулись с противником до того, как тот добрался до ожидавших его ладей. То ли сами погорячились, то ли в засаду угодили — бог весть. Когда Алексей с сотней охочих людей прибыл на «место действия», ляхи и городненцы уже прижали «горячих полесских парней» к болоту и приступили к заключительному акту драмы — добиванию деморализованного и дезорганизованного противника. Были ли к тому времени еще живы те двое с наглыми рожами, неизвестно, но если и были, то выбор им предстоял небогатый — либо быть убитым, либо утонуть в трясине. Ну не любят люди, независимо от национальной или конфессиональной принадлежности, когда у них пытаются отнять доставшуюся с такими трудами и опасностями добычу! Нервничают, в драку лезут, могут и убить ненароком. Или вполне преднамеренно.

Алексей со своими людьми в побоище, очертя голову, кидаться не стал и выручать полесских союзников не торопился. Дождался нужного времени, выбрал нужное место и врезал так, что от полного разгрома противника спасли только резвость да сгустившиеся сумерки. Вроде бы и победа: враг обращен в бегство, поле боя осталось за туровцами, заприпятские наглецы посрамлены, но спасены, хотя и не все — заметно меньше половины. Но победа победе рознь.

Сначала преследовать ляхов и городненцев было нельзя из-за наступившей темноты, потом, на следующий день, потому, что охочие люди занялись мародерством на поле боя, предварительно поскандалив с полесским воинством, тоже пожелавшим помародерничать. Не позволили — скажите, мол, спасибо, что живы остались, а о том, что Христос велел делиться, раньше думать надо было, когда все себе захапать вознамерились. Скандал, с разной степенью интенсивности (порой чуть до оружия не доходило) возобновлялся и затихал на протяжении почти всего дня — у полешан среди убитых оказалось довольно много родственников, и смотреть, как давидгородские «добровольцы» обирают их трупы, было нестерпимо.

Потом хоронили убитых — своих и чужих в одной братской могиле: христиане все-таки. И опять скандалы — кто-то из полешан захотел увезти тела погибших родственников домой. Потом, на ночь глядя, уже никуда не пошли, снова заночевали. Наутро новый скандал — подавленные всем произошедшим полешане вознамерились расползтись по домам и под Пинск идти не желали ни в какую.

Алексей от всего этого совершенно озверел: идти в погоню за

ляхами и городненцами — время упущено, надо торопиться на соединение с Корнеем, а тут еще спасенные наглецы кочевряжатся. Приказал окружить выживших полешан (опять прижали тех к болоту) и разъяснил, что уходить могут только раненые, а те, кто уцелел, но к Пинску идти не желают — мертвецы. Если же кто-то из них считает себя живым, то от этого приятного заблуждения их быстренько избавят добросердечные и милосердные туровские воины. «Заблуждающиеся» вняли и прониклись, а Алексей лично проверил всех раненых, выискивая симулянтов. Двоих нашел и тут же прикончил под одобрительные реплики своих подчиненных.

Обнаружил и одного из владельцев наглых рож, наносивших визит воеводе Корнею, и огорчился чуть не до слез из-за того, что тому даже морду набить было нельзя. И так чуть жив: ребра поломаны, одного уха нет, а плечо под тем ухом распухло так, что даже непонятно, целы ли там кости.

А потом Алексей проявил самовольство, да такое, что, в изложении Луки, Корнея это взбесило чуть ли не больше, чем то, что упустили ляхов. Он, прямо-таки как князь, устроил пир на месте победного сражения! Насчет выпить-закусить было не очень богато (все по-походному), но на том пиру Рудный воевода принялся одаривать из добычи понравившихся ему воинов, как полесских, так и давидгородских! И добился-таки своего — около полутора десятков справных воинов (знал, кого выбрать!) попросились под руку Алексея, признав его своим боярином и составив собой его боярскую дружину.

Это действительно был сюрприз! Что подобный обычай был у викингов, Мишка когда-то читал, но о том, что подобное практиковалось и славянскими боярами, услышал впервые. А Лука продолжал повествовать о возмутительном поведении «лисовиновского примака» дальше. Когда Корней прознал, что Рудный воевода сам себя сделал боярином, Алексей нагло (действительно ли нагло, или только в описании Луки Говоруна?) заявил, что земли-то Куньевого городища пустуют и заселить их можно будет холопами, добытыми в походе его (его!!!) собственной дружиной, поскольку в дележе добычи по обычаям Ратнинской сотни он все равно участвовать не может, ибо чужак. Заявлено это было в присутствии ратнинских десятников, и страсти накалились так, что стоило Корнею лишь бровью повести, и новоявленного боярина нашинковали бы в капусту вместе с дружиной — глазом бы моргнуть не успели. Корней (нет, все-таки он руководитель от Бога) резни между своими не допустил, но в том, что это самовольство Алексею еще икнется, Лука Говорун не сомневался — правило у ратнинского сотника всегда было

непреложным: жеребцу, которого не удалось объездить, дорога только одна — на мясо. Алексею придется очень и очень постараться, чтобы его чаша сия миновала.

Короче, поводов смотреть волком на окружающий мир у воеводы Погорынского было предостаточно! Фортель Алексея, поставившего Корнея, как говорится, «перед фактом», дурь полесских бояр, которая запросто могла повториться и в других местах (поселений на правом берегу Припяти, которые придется проходить по дороге к Пинску, было довольно много, и бояре там имелись), потери в Младшей дружине, хотя воевать по-настоящему еще и не начинали, трудности предстоящего пути (проводников, знавших оба берега Припяти, привел с собой Алексей — надо было бы похвалить, а Корней разозлился еще больше), вот и ляхов упустили. Обидно, конечно, но дело не только в обиде. Ну доведет князь Городненский ляхов с добычей до своих земель, ну отпустит в Мазовию, оставив себе часть добычи, или как они там между собой договорились, а потом что? Вдруг да не успокоится на этом, а объявится неизвестно где и неизвестно когда, встряв в войну между Полоцком и Туровом? И ведь наверняка не полезет лоб в лоб, а ударит по обозам или еще в какое-нибудь чувствительное место! Да еще, к гадалке не ходи, самое неподходящее для туровцев время выберет!

Так вот и родился приказ Мишкиной сотне и Егорову десятку: пройти коротким путем через леса и болота (вот и польза с проводников), догнать тех ляхов и городненцев, которые гонят стадо и полон по суше, вцепиться в них и изводить засадами и наскоками, не ввязываясь в серьезный бой.

* * *

Как нелегко бывает уйти восвояси с добычей, Мишка уже дважды наблюдал — после разгрома Куньева городища и в походе за болото. А если тебя еще и преследуют не пяток «людей в белом» или почти безоружные рыбаки, а около сотни, пусть и мальчишек, но конных, оружных и, худо-бедно, обученных… Если сделать все по уму, то можно начисто отбить у Всеволода Городненского желание «продолжить банкет». Именно «по уму». Егор по пути заинструктировал на эту тему Мишку, поручиков и урядников прямо-таки до изнеможения. Как-то у него получилось перейти от зловещего «вернется не больше половины» к почти причитанию: «ребятки, только не зарывайтесь, хрен с ней, с добычей, но не дайте себя перебить». Совсем-то уж такими словами десятник, конечно, не говорил, но настроение своими

речами навевал именно такое, хотя порой и проскакивало: «карать за непослушание буду беспощадно!»

А ЛЕС давил. И своей кажущейся беспредельностью, и настороженной тишиной, сменяющей обычные лесные шумы при приближении людей, и… да многим, зачастую даже и не осознаваемым, но подспудно действующим, вроде бы и незаметно, но постоянно. Видимо, не у одного Мишки появилось ощущение могучей и равнодушной силы, позволяющей людишкам оставаться живыми только потому, что они пока ничем особенным не привлекали к себе внимания. Даже Егор к окончанию второго дня пути прекратил ездить по ушам своими нравоучениями, даже Арсений утратил свою живость, а уж отроки-то… Мишка никак не мог придумать средства приободрить личный состав, вернуть воинскую строгость и четкость в общий настрой. Держать строй? Приказать петь? Сущая глупость, даже не смешно! Большую часть пути приходилось двигаться гуськом. Мишка попытался подсчитать, на какое расстояние растягивается при этом его сотня вместе с заводными и вьючными лошадьми, и сначала сам себе не поверил — получилось что-то около двух километров! Какой строй, какие песни?

Вообще-то одного из трех положенных ратнику коней можно было бы и не брать — отроки, даже в доспехе, весят чуть ли не вдвое меньше взрослого ратника, и кони под ними не так устают. Однако и Корней, и Егор, словно сговорившись, привели одни и те же аргументы: во-первых, отрокам надо учиться содержать в порядке во время похода нужное количество лошадей, во-вторых, сила и спасение Младшей дружины в подвижности — мало ли, как дело обернется? Может так статься, что именно свежий конь спасет кому-то из отроков жизнь.

У Мишки же, дополнительно к этому, были свои соображения. Как воюют степняки? Одним из приемов, причем эффективных, являются короткие наскоки на движущееся по степи вражеское войско. Хорошо зная местность, такими наскоками можно лишить противника покоя на всем протяжении пути, нанести ему достаточно чувствительные потери, заставить идти не самым оптимальным маршрутом, заманивать в засады… много еще всякого. А нельзя ли использовать подобную тактику в лесах?

Полученное Младшей дружиной задание как раз подходило для того, чтобы попытаться, хотя бы в первом приближении, продумать и опробовать на деле подобную тактику. Ляхи и городненцы движутся медленно — их сдерживает стадо захваченной скотины, да и пешие пленные тоже быстро

передвигаться не могут. Вот тут-то можно и попробовать отработать тактику коротких налетов, засад и ночных нападений.

Конечно же князья и воеводы не дураки — преимущественное передвижение войск по рекам (на ладьях или по льду) не блажь и не случайность, но если получится отработать, внедрить и закрепить в военном искусстве Руси тактику действий легкой конницы в лесной местности, то через сотню лет Орду можно будет накормить ее же собственными пилюлями «в русском исполнении», и при этом питать вполне обоснованную надежду, что ордынцы не дойдут не только до Игнача Креста, но даже и до Владимира…

Как говорится, «гладко было на бумаге», а прямо сейчас жизнь убеждала Мишку, что не так-то это все просто…

Когда-то, еще будучи школьником, Мишка, читая что-то из истории наполеоновских войн, зацепился за тот факт, что лес в те времена считался непроходимым для армии. Сильно удивился. Ладно, пушки там и прочие армейские прибамбасы, которым для передвижения требуется хоть какая-то дорога, но пехота, кавалерия? Потом разобрался, но вот сейчас впервые в жизни попробовал это все на практике. Всего три сотни лошадей растягиваются на полтора-два километра, а если через лес движется, например, кавалерийский полк? Тысячи коней и людей. И при вступлении передовых подразделений в соприкосновение с противником полк полностью сможет собраться в боевой порядок только через несколько часов! То есть полная потеря боеспособности!

И это — без учета неизбежных при перемещении больших масс людей и животных неурядиц и несчастных случаев! Неизбежных! Мишкина сотня за три дня пути потеряла двоих — один отрок упал со споткнувшегося коня и сломал себе шею (видимо, задремал в седле), а второй отошел за кустики по нужде и все — как не бывало! Проводники потоптались, рассматривая следы, отошли немного в глубь чащи и вернулись с известием, что искать бесполезно и, вообще, лучше отсюда побыстрее уходить. Мишка поверил им сразу и, ощущая на себе удивленно-растерянные взгляды отроков (Младшая стража своих не бросает!), дал команду продолжать движение. Егор молча одобрил.

А еще одного ужалила змея и рука распухла, как колода, еще один распорол щеку о сучок, еще одному «выстреливший» из костра уголек попал прямо в глаз, пятеро, а может, и больше, маялись животами, с лошадьми тоже постоянно что-то приключалось… и так далее и тому подобное. Хочешь не хочешь, а начинает потихоньку закрадываться мысль, что ЛЕС таким

образом берет с проходящих через него плату. Жизнями и кровью.

«Школа, сэр Майкл, школа. Тот самый бесценный опыт, который не приобретешь ни в одной учебной аудитории и не купишь ни за какие деньги. Да, обучение „платное“, и плата не деньгами… однако, если помните, был у писателя Джека Лондона такой персонаж — Дик Форест. Интересную фразу вложил мистер Лондон в уста этого самого Дика: „Не стой за ценой, если вещь тебе нравится, и все равно, чем платить — долларами или собственной шкурой“. Хотите сказать, что происходящее вам вовсе не нравится? А как насчет приобретения знаний и опыта? Ах, не своей шкурой расплачиваетесь? Ну это — ПОКА. Все, как говорится, под Богом, причем необязательно христианским… в этакой-то чаще. Именно, именно! Вам что в голову пришло при исчезновении отрока Дементия? Медведь или рысь? Ах, реликтовые гоминиды? С чего бы это? Вы же ТАМ только посмеивались над участниками экспедиций по поискам снежного человека. Впрочем, ладно — спасибо, что не динозавры или „зеленые человечки“, — ТАМ мусора в мозгах не меньше, чем ЗДЕСЬ. Какая на хрен разница между йети и лешим? Да не ёжьтесь вы, сэр, не ёжьтесь, это ЛЕС на вас так действует — бытие, как говорится, определяет сознание.

Ну же, сэр Майкл! На вас же подчиненные смотрят! Воспользуйтесь наконец собственным рецептом — ориентировочно-исследовательская реакция гасит эмоции, в том числе и иррациональные страхи. Подумайте о чем-нибудь этаком… высокоумном. Например о том, какова должна быть квалификация княжеских воевод, которые умудряются вести боевые действия при нынешнем состоянии путей сообщения. И это, слава богу, что нет у князей многотысячных ратей, а то и вовсе атас — попробуй их через все это пропихнуть без потерь и утраты боеспособности.

И, в связи с этим соображением: а так ли велика была Орда, как об этом потом рассказывали? Вы только попробуйте представить себе, как несколько сот тысяч всадников, да еще каждый с двумя-тремя заводными конями протискиваются (именно протискиваются!) через Русь от границ лесостепи до Игнача Креста — то ли в Тверской, то ли в Новгородской области. А были ли эти сотни тысяч? Давеча, вы, сэр, помнится, пришли к выводу, что Киевская Русь, аки перезрелое яблочко, сама готова была упасть в первые же подставленные руки. Присовокупите к этому тот факт, что на Калке всего два тумена[20] *устроили побоище Рюриковичам и их союзникам половцам. И на кой тогда Батыю сотни тысяч? На Руси же после Калки ничего принципиально не изменилось. Плюс, нет союзных половцев и экстремальные для степняков условия передвижения. Да больше*

четырех-пяти туменов просто смысла не было на Русь водить! Да, двигались по замерзшим рекам, а не ломились через чащи, но если двигаться по узкому пути без возможности свернуть в сторону, то как кормить сотни тысяч людей и лошадей?

А историю, позвольте вам напомнить, пишут победители. Да не татары, блин, а русские! Это им через несколько веков пришлось как-то объяснять причины падения Святой Руси. Пиар в чистом виде — „несметные полчища“, „дикая орда“, „задавили числом“… А что еще прикажете рассказывать подрастающему поколению? Что верхи вконец оскотинились, а низам было пофиг, потому что они даже и не подозревали, что являются гражданами этой самой „Святой Руси“?

Это что же надо было сделать с народом, чтобы через четыреста лет народное (народное!) ополчение пошло класть головы за то, чтобы вышибить поляков из Москвы? Да еще под лозунгом „Хотим царя природного!“. Блин, ощутить себя народом, нацией — единством, которому не все равно, что творится в другом регионе, которому ЗА ДЕРЖАВУ ОБИДНО! Поди разбери, какой вклад в это внесла Русская Православная церковь, какой эти самые Рюриковичи, а какой… татары. Да, татары, ибо общий враг сплачивает.

Значит, что? Вот именно, сэр! Вы сейчас не просто исполняете приказ воеводы Погорынского, а получили возможность начать отрабатывать методику обороны от Орды на ляхах и городненцах. И совершенно неважно, каким будет результат, — PR-методами вы будете вдалбливать всем, до кого дотянется ваша пропаганда, что это было начало великого дела — умения не выпустить живьем или добить в его же логове ЛЮБОГО агрессора, вторгнувшегося в пределы… ну там видно будет, как обозвать то, что в этих пределах будет находиться. Короче: „Кто с мечом к нам придет…“, или „Не ходите на Русь — там живет хазарская смерть“ или „Чужой земли мы не хотим ни пяди, но и своей вершка не отдадим!“ Но! НО! Основная идея: не князь вторжение отразил, а земля поднялась! Да, пусть пока только Погорынская земля, но зато как! Вместе с сотней зрелых воинов пошла в бой сотня мальчишек! И прямо в стиле „Слова о полку Игореве“: воевода Погорынский медведем ворога ломает, а внук его лисом по дебрям рыщет — не дает татям с добычей уйти!

В таком, значит, ключе. ЛЕГЕНДУ рожать будем — преднамеренно и с далеко идущими последствиями! Качество оружия — очень важно, тактика и стратегия — необходимейшие вещи, экономика и демография — и сомнений никаких быть не может, но наиглавнейшее — мироощущение и самосознание, которое заставляет любого, к тому способного, браться за топор

в случае угрозы общности, общности, которая простирается далеко за пределы его „малой родины“, но частью которой он себя считает! И тогда Орде придется поливать каждый метр дороги своей кровью, мостить каждую переправу своими трупами, а взятие каждого города будет превращаться в пиррову победу.

Красиво может получиться, сэр! Пока отцы и деды воюют, мальчишки организуют козью морду грабителям, пытающимся слинять с добычей! Чтобы мальчишки МЕЧТАЛИ в „лисью стаю“ попасть, как когда-то поголовно мечтали стать космонавтами! Если надлежащим образом расписать да распространить… А вы еще думали, кем запомнятся потомкам ваши ближники: то ли неким аналогом рыцарей Круглого стола, то ли…»

— А-а-а!!!

— Сюда! Скорей!

— Веревку давай, веревку!

— Да не толкайтесь вы, придурки! Только мешаете!

— Вон ту осину руби!

Донесшийся спереди гвалт носил явные признаки если не паники, то бестолковщины. Мишка заставил Зверя принять в сторону, чтобы объехать находящихся перед ним отроков, но под копытами коня тут же зачавкала жижа, а потом Зверь провалился передней ногой и сам, без команды, осадил назад.

«Так, похоже, болото рядом. Наверное, кто-то провалился. Ничего, вытащат… вон, уже и Митька распоряжается».

Действительно, впереди послышался голос старшины Дмитрия:

— Всем назад! Работает только восьмой десяток! Назад, я сказал! Не мешать! Тащите его! Коня я сам заарканю!

«Какого хрена? Яков что, приказа не исполняет? Ну я ему…»

Якову, чей десяток разведчиков шел впереди вместе с проводниками, был дан ясный приказ: оставлять в опасных местах по одному человеку из своих отроков, чтобы тот предупреждал урядников подходящих десятков. Урядники же, в свою очередь, обязаны были оставаться в опасном месте, пока все их подчиненные это место не минуют. Впрочем, когда Мишка добрался до места происшествия, выяснилось, что никакой вины Якова нет — от тропинки, которую уже натоптали прошедшие десятки коней, до края болота было шагов десять — двенадцать. Никакой опасности, но конь под отроком, наверняка утратившим внимание под воздействием монотонности движения, чего-то испугался и шарахнулся в сторону. Влетел в трясину и, провалившись передними ногами, чуть не перекинулся через голову. Обоих к Мишкиному приходу уже вытащили, но если отрок отделался только тем, что напугался, вымок и угваздался в

грязи с ног до головы, то для коня все закончилось гораздо хуже — сломал ногу. Дмитрий, без всяких ахов и охов, коня зарезал и приказал отрокам разделывать конскую тушу — на ужин сегодня будет конина.

Мишка глянул на отрока, переминавшегося с ноги на ногу с несчастным видом, и почувствовал прилив злости.

— Ну? Так и будешь стоять? Представься!

— Отрок восьмого десятка Киприан… господин сотник.

— В чьей пятерке?

— Младшего урядника Варлама!

«Ах ты, мать твою, ключницу Листвяну в межкрылье, вдребезги пополам! Да что ж такое-то? Как неприятность, так обязательно он тут как тут!»

Мишка только сейчас понял, что его так раздражает — Варлам стоял сбоку и пялился на него своими мутно-голубыми (почти как бельма) буркалами.

— А ты куда смотрел?! — вызверился на него Мишка.

— Дык… — Варлам удивленно вздернул белесые брови. — Не за хвост же его было держать?

«Ага! Тебя ж тоже тогда, за болотом, конь с дороги унес. И тоже угробился…»

— Старшина! — Мишка даже не обернулся на Дмитрия, продолжая сверлить взглядом Варлама.

— Здесь, господин сотник!

«Ну да, ты-то всегда на месте и при деле».

— По возвращении на базу наказать обоих за небрежение и невнимание!

— Слушаюсь, господин сотник!

— А ты… — Мишка ткнул указательным пальцем в сторону Киприана, — запомни: кроме всего прочего, ты теперь Академии Архангела Михаила еще и коня должен. И не какую-нибудь клячу, а строевого — какой у тебя был!

Киприан метнулся зрачками туда-сюда, словно надеясь на помощь окружающих, а потом уставился в землю.

— Не слышу ответа! — продолжил орать Мишка. — Язык проглотил?

— Слушаюсь, господин сотник.

— Седлать заводного! Бегом!

Киприан рванул с места, кажется, даже не соображая, в какую сторону надо бежать.

— Куда? Стоять! Стоять, я сказал! — Мишка цапнул свернутый кольцами кнут. — Куда без седла поперся?

Отрок замер, и по всему было видно, что он вообще перестал хоть что-то соображать. На выручку ему пришел Варлам, до того

торчавший чурбан чурбаном — сначала взбодрил подчиненного подзатыльником, потом сунул ему в руки седло со сбруей и наконец пинком под зад отправил в нужном направлении.

— Ну вот, раньше бы так. — Мишка принялся пристраивать кнут на место. — Глядишь, и в болоте бы не искупался, и коня бы сберег. Продолжать движение!

«Варлам… вот ведь наказание бог послал. Ну не лежит к нему душа, хоть ты тресни! А как младший командир хорош, ничего не скажешь. Вот и сейчас действовал в лучших сержантских традициях — убрал бестолкового подчиненного с глаз разгневанного начальства. Впрочем, не так уж и бестолков отрок Киприан, во всяком случае, никакой особой дуростью среди остальных отроков не отличается, однако так уж устроен человеческий организм — есть только два вида реакций на опасность. Первая — драться или убегать. При этом надпочечники впрыскивают в кровь адреналин, который возбуждает все и вся. Вторая — спрятаться и не привлекать к себе внимания. И тогда… м-да, не помню, но тоже что-то там вырабатывается и впрыскивается в кровь, отчего человек впадает в ступор. Киприан ни драться с сотником, ни убегать от него конечно же не мог, оттого и превратился в воплощенный тормоз. А вот Варлам… либо ему начальственный гнев вообще фиолетово, либо он возбудился — меня ни обругать, ни стукнуть, конечно, не осмелился и отыгрался на подчиненном, действуя при этом вполне осмысленно.

М-да, сколько в армии родилось анекдотов про старшин-сверхсрочников да про прапорщиков, как их порой ненавидят рядовые солдатики-срочники, какие клички у них — на флоте „сундук“, в армии „кусок“. Не без причин — пузатые завскладами этого вполне заслуживают, но вот строевые… Мужик, который понял службу „насквозь“ и при этом одинаково не боится ни своего начальства, ни вражеского танка. Вот такой и должен командовать рядовыми. Как говорил маршал Жуков: „В армии два командира — я и сержант“. Похоже, Варлам таким вот постепенно и становится. Тогда — в походе за болото — меня выручил, и на пинских причалах…»

* * *

Среди пропавших без вести во время угона ладей из Пинского речного порта был и Варлам. С него, по сути, все и началось. Отрок Прокопий, бежавший одним из последних, не заметил в темноте, что причальная линия прерывается и начинается

необорудованный берег, упал и сломал ногу. Варлам услышал его вскрик, вернулся (!), нашел Прокопия в темноте (!) и попытался волочь того на себе, но втащить на причальный настил не смог. Не бросил раненого, хотя уже поднялся шум и вот-вот могли нагрянуть полочане. Подал свистом сигнал о помощи, старшина Дмитрий этот свист услышал, правильно понял и пришел на помощь с еще двумя отроками. Тут, правда, Варлам сплоховал — чуть не пристрелил Дмитрия, приняв в темноте за врага. Однако «чуть-чуть» не считается — темнота, нервы. Главное — не бросил товарища и защищал его, что называется, «до последнего».

Пока разбирались, кто свой, кто чужой, пока втаскивали Прокопия на причал, опоздали — последняя ладья уже отвалила от берега, а факелы полочан приближались сразу с двух сторон. Дмитрий принял решение уходить вплавь на другой берег Пины. Как тащить вплавь парня со сломанной ногой, Мишка, откровенно говоря, представлял себе плохо, но ребята справились. Утопили три шлема и один самострел, чудом не были замечены с первых лодок погони, но до противоположного берега добрались. Варлам, кстати, и шлем, и самострел сохранил. Там добрались до опушки леса, прикрутили к сломанной ноге Прокопия пару палок (спасибо урокам Юльки), и остались, трясясь от холода, дожидаться рассвета.

Утром соорудили носилки для Прокопия и двинулись в сторону Припяти. Сначала залезли в какое-то болото, потом, пытаясь это болото обойти, застряли в буреломе… голодные, замерзшие, сутки не спавшие, ослабевшие. В середине дня Дмитрий (ну нет цены парню!) умудрился подстрелить зайца. Накопали съедобных корешков (спасибо урокам Стерва), плюнули на осторожность и зажарили заячью тушку на костерке. Подсушили одежду, обогрелись, наглотались полусырого мяса с корешками и… уснули — что возьмешь с мальчишек после таких-то приключений?

Проснувшийся первым Дмитрий, уже в сумерках, растолкал остальных, но таскаться в темноте с носилками по незнакомому лесу поостереглись. Утром на разведку отправили Варлама (опять Варлам!). Наразведывал он, правду сказать, немного — посланные на поиски пропавших отроков люди Тресни отловили младшего урядника, повязали, наградив в процессе парой тумаков, чтобы не рыпался (а рыпался Варлам очень активно), и только потом стали выяснять: кто таков, что здесь делает и где остальные? Дальнейшее уже было делом техники.

Пришлось Мишке благодарить Варлама перед строем, ставить его в пример другим, обнимать по-братски… Благодарности, разумеется, удостоились и другие отроки, спасавшие Прокопия, а

особенно Дмитрий. Довелось поклониться и Треске с его охотниками — за выручку. Но только однажды Мишке, выражая благодарность, пришлось преодолевать себя — с Варламом. Сколько в этой неприязни было «заслугой» самого Варлама-Вторуши, а сколько проистекло от его матери и старшего брата, пожалуй, и не скажешь.

Листвяна, Первак…

Весть о смерти Первака незадолго до налета ляхов принес Осьма, приехавший по каким-то делам из Ратного. Так уж вышло, что при пересказывании Осьмой ратнинских новостей Мишка оказался рядом с матерью, и, когда на естественное женское восклицание Анны: «Как умер?!» — Осьма ответил: «Листвяна сама Бурея к нему позвала» — чуть не брякнул: «Точно! Не сын он ей был!» Сдержался, промолчал, но по материному взгляду, брошенному на него после крестного знамения и приличествующих моменту слов, понял: боярыне Анне пришла в голову та же мысль.

Что уж там понял из их переглядываний Осьма — муж бывалый и очень неглупый, — зависело от того, насколько он сумел разобраться в хитросплетениях внутренних отношений в семье Лисовинов. Впрочем, и само происшествие было из ряда вон выходящим. Да, Бурей не боялся своими руками прервать мучения безнадежно раненых. За это ему были благодарны, но и относились… даже и слов-то не подберешь для описания отношения ратнинцев к обозному старшине. Однако Бурей помогал односельчанам «уйти» только в походе. Применение его «искусства» в самом Ратном было редчайшим исключением, и никогда, ни при каких обстоятельствах — по просьбе матери больного или раненого! Но ведь невозможно же матери просить о таком для своего ребенка! Более того, даже если родственники обреченного обещали увести или где-то запереть его мать, Бурей все равно отказывался.

Юлька как-то, когда зашел об этом разговор, пояснила Мишке это обстоятельство кратко и недвусмысленно:

— У дядьки Серафима и так-то жизнь — не мед, не хватало ему еще и материнское проклятье на себя накликать!

А Листвяна САМА! Нет, не может мать так поступить с собственным сыном!

Да, Первак после ранения в заболотном хуторе превратился в «овощ» — глотал только жидкую пищу, оправлялся под себя, почти не шевелился, не говорил и смотрел на мир совершенно пустыми — без малейшего проблеска мысли — глазами. Да, лекарка Настена на все вопросы о возможности его выздоровления отвечала одной и той же фразой: «Молитесь. Бог

милостив». Да, опытные люди, повидавшие на своем веку всякие ранения, говорили: «Не жилец». Но ведь сын! Кровиночка!

Мишка так и не произнес по поводу смерти Первака ни единого слова (хотя Осьма, похоже, чего-то от него ожидал), лишь поинтересовался, когда похороны, и, подозвав дежурного урядника, приказал, чтобы тот отыскал Варлама и велел тому ехать в Ратное.

На отпевании и похоронах Мишка, совершенно неожиданно для себя (мог бы и догадаться, если бы голова не была занята другим), оказался в роли главы родственников усопшего. Родней Лисовинов, что бы там ни болтали, семья Листвяны не являлась, взрослых мужчин в этой семье не имелось, Мишка же был командиром Первака, а у воинов это обстоятельство считалось не менее важным, чем кровная связь. Правда, сам Мишка зрелым мужем считаться не мог, и по идее рядом с ним, как во время суда над Роськой в Турове, должен был находиться кто-то из взрослых, но эта роль почему-то досталась не Корнею или Лавру, а старосте Аристарху.

«Сапоги всмятку, сорок бочек арестантов, бред сивой кобылы в похмельное утро после празднования дня независимости России от Советского Союза — Перунов потворник Туробой, кладущий поклоны в христианском храме. И отец Михаил — ни мур-мур. Хотя… староста же — должностное лицо, отвечающее за все невоенные стороны жизни села. Вот вам, сэр, блестящая иллюстрация „турбулентности“ общественных отношений в переходный период. Будь сейчас один из периодов устойчивого развития или застоя — в Ратном не было бы либо церкви, либо Туробоя, а так… должность вполне заменяет иные критерии оценки личности. ТАМ в начале девяностых творилось то же самое — во властных структурах запросто могли сидеть в соседних кабинетах бывший партаппаратчик и бывший диссидент. И, что характерно, считалось, что оба борются с пережитками тоталитаризма и насаждают общечеловеческие ценности.

Однако, сэр Майкл, вам следовало бы не удивляться или злословить по поводу данного обстоятельства, а воспользоваться им!»

— Дядька Аристарх, — шепнул Мишка, улучив момент, — поглядеть бы на Листвяну повнимательнее. Что-то мне кажется, что…

— Молчи, — буркнул в ответ староста. — Сам знаю.

Мишка, сколько ни пялился на Листвяну, так и не смог понять ее чувства. Ключница не выла и не причитала в голос, не кидалась на гроб, не падала в обморок — держалась твердо, но глаза были красными, а лицо осунувшимся и как-то враз

постаревшим. Так притворяться было невозможно, она действительно переживала. К тому же молилась она не то что искренне, а прямо-таки истово, будто ждала какого-то знака свыше, а это было уж и вовсе непонятным — чего просила вчерашняя язычница у христианского бога?

По дороге с кладбища Аристарх сам потянул Мишку за рукав, отводя в сторону.

— На поминки не пойду, пускай там Кирюха сам отдувается. Ты чего про Листвяну узнать хотел?

— Да… так получается… похоже, что Первак ей не сын был.

— Верно. Первак ей чужой, а раб божий Павел так и вовсе никто. Еще что?

— Но переживала-то она… — Мишка запнулся, затрудняясь описать свои ощущения. — Не притворялась Листвяна. Ни в церкви, ни на кладбище. Не убивалась, конечно, по покойнику, но люди-то себя на похоронах по-разному ведут…

— Молодой ты еще, едрен дрищ… не довелось тебе испытать такого. — Лицо Аристарха на секунду стало отсутствующим, словно он ушел в какие-то воспоминания. — Не с покойником она прощалась, а с целым куском жизни. Большим куском, важным. Не понять тебе… пока.

«Угу, не довелось. Посмотрел бы я на тебя, будь ты на моем месте, когда со стен Маршинского дворца[21] *обдирали текст указа о присвоении Ленинграду звания „Город-герой“. Тоже кусок жизни уходил, да еще какой! Небось, если бы твое капище, где ты предков славишь, так же поганили, без трупов бы не обошлось! Впрочем, и у меня, сложись чуть иначе, как говорится, „рука бы не дрогнула и совесть не мучила бы“. Не сложилось и… слава богу, что не сложилось. Но тебе, потворник, знать об этом незачем».*

— Но таилась же, камень за пазухой держала…

— А то мы не видели… самый умный, едрен дрищ? А мы, старые пердуны, значит, ослепли совсем? Что ты вообще знаешь? — На удивление, в голосе Аристарха совсем не было злости — одна насмешка. — Это для тебя Кирюха дед, а кое для кого так и сейчас еще… — Староста, совершенно неожиданно, блудливо ухмыльнулся и гусарским жестом расправил усы. — Он изо всех сыновей Агея самым мягким да ласковым был… девки да молодки от него… гм, едрен дрищ… Не видал ты деда в молодости! А он и сейчас еще! Короче, взнуздана и оседлана Листвяна, что кобылка игривая, да так, что и сама этому рада. Будет ходить под седлом по ниточке! Так себе и мысли! И не дай тебе бог… Сам понимать должен, не дурак.

— Так что же, ей дед приказал Бурея к Перваку?..

— Нет, ты все-таки дурак! — досадливо констатировал

Аристарх, но пилюлю все же решил подсластить: — Не от нехватки ума дурак, а от малолетства. Ничего он ей не приказывал! Просто сделал так, что ей САМОЙ захотелось прошлое от себя отринуть, а Первак — только часть ее прошлого, то, что на виду. Корнею же на это плевать с высокого дерева — он и так все видит и понимает.

Все, Михайла, как бы ты к вашей ключнице ни относился, впредь в дела между ней и Корнеем нос не совать! Уразумел?

— Так ведь…

— Я спрашиваю: уразумел?

— Да…

— Вот так, едрен дрищ, и матери то же самое накажи! И… и Лехе передай, а то полезет, понимаешь…

«Угу. Задернуть занавесочки и сидеть в купе, покачиваясь, как будто поезд едет. Знакомая песня. Ну уж нет! Ты-то, во благовремении, Богу душу отдашь… или что там тебе полагается, как потворнику Перунову, а мне с рожденным от Листвяны дядюшкой потом всю жизнь кувыркаться… Но политес соблюдать придется, блин, мало мне других забот…»

С поминками получилось как-то… мутно. Листвяна, конечно, не родня, но ключница-то не последний человек в усадьбе, да и некоторые «особенности» ее отношений с главой рода Лисовинов… И урядник Павел не просто умерший сын холопки, а «православный воин, принявший смерть от ран, полученных в бою». Короче, устраивать мероприятие только для холопов было как-то неудобно. Природным Лисовинам пришлось присутствовать.

Впрочем, Корней на поминках особо не задержался. Отсидел за столом приличествующее событию время, принял несколько чарок за упокой новопреставленного раба Божьего, нашел несколько добрых слов в адрес почившего и, игнорируя укоризненный взгляд отца Михаила, засобирался уходить, ссылаясь на какие-то неотложные дела. Вместо прощания или извинений лишь напутствовал Мишку и Лавра словами: «Вы тут особенно-то не налегайте…»

Мишка тоже сильно не задержался, ибо «не пристало отроку» (в кои-то веки польза от возраста обнаружилась), движением головы велев выметаться из-за стола и Варламу-Вторуше (Третьяка-Тихона, по малолетству, за мужской стол не пригласили). Лавр же остался, даже и не скрывая своего твердого намерения надраться под благовидным предлогом. Уже уходя, Мишка, как говорится, «всеми фибрами души» почувствовал, что с уходом его и Корнея присутствующих отпустила некоторая скованность — чуть ли не вздохнули с облегчением.

«Это что же? Лавра и за боярина не почитают? Дожили, едрена-матрена!»

За женским же столом главенствовала тетка Татьяна (Анна-старшая приезжать на похороны не пожелала). Вот там никакого напряга, на первый взгляд, заметно не было — Татьяна «вписалась в коллектив», хлюпая носом и утирая глаза, тянула хором с остальными женщинами нечто поминально-заунывное и чуть ли не обнималась с Листвяной. Однако, если присмотреться…

Дарена — старшая сноха Славомира, в Куньем бывшая в роду большухой[22] — сидела далеко от Татьяны, отнюдь не на почетном месте. То есть по сравнению с жизнью в Куньем городище все в женской иерархии встало с ног на голову — там Татьяна была почти никем, младшей незамужней золовкой, а потом и вовсе изгоем, в Ратном же Татьяна — жена наследника и, в отсутствие Анны, «первая леди» лисовиновской усадьбы. А Дарена, хоть и не холопка, но взята в род из милости, практически по капризу Корнея. Если же учесть, что таких «куньевских вдов», как Дарена, только помоложе, принято в род было немало, то вот вам и готовая оппозиция с уже готовым лидером.

«Мать с ключницей на ножах, а Татьяна, похоже, подружилась. Куньевские бабы, принятые в род, ни к Татьяне, ни к Листвяне никакой симпатии испытывать не могут… по-любому не должны бы, хотя кто их, баб, знает. Блин, неужели еще и с этим разбираться придется? Колонут ведь клан бабы, запросто могут… стоит только деду… гм, будем надеяться, еще не скоро, но когда Лавр останется старшим мужчиной… не справится, как пить дать не справится! Да и хрен бы с ним по большому счету — к тому времени Академия и без Ратного прожить сможет, но Демка с Кузькой! Их же обязательно во все эти разборки втянут.

Вот ведь ситуация! Ну как нас, едрена-матрена, в школе учили? Получалось, что есть отдельно отечественная история и отдельно история Европы, вроде бы между собой не связанные. Спросил как-то во время лекции у старшеклассников: „Что было в России во времена „Трех мушкетеров?““ — ответили: „Петр I“, а на вопрос: „Что было в России во времена Тиля Уленшпигеля?“ — и вовсе мертвое молчание. А когда рассказал, что Иван Грозный контрабандой поставлял оружие гёзам, слушали, будто я им новую серию Джеймса Бонда рассказываю.[23] *Шекспировские страсти, интриги, младшие сыновья, борющиеся за отцовское наследство, не выбирая средств, бабьи хитрости и пакости — это все там, на Западе! У нас же — тупые бородатые бояре выше средней упитанности, преющие в шубах да угнетающие крестьян —*

сонное царство. А тут вот, прямо в собственной семье, закручивается так, что и Шекспиру не снилось. И что прикажете делать? Ричарда III из себя изображать или принца Гамлета?»

Вопреки наказу Аристарха Мишка уловил момент, когда Листвяна поднялась из-за стола (то ли насовсем, то ли просто понадобилось ей зачем-то зайти в свою каморку), и направился следом за ней. Какой бы «железобетонной» бабой она ни была, процесс похорон и поминок должен был ее расслабить, и если как следует надавить… Михаилу Ратникову все и так понятно, а вот четырнадцатилетний мальчишка, своим умом доперший, что Первак не был Листвяне сыном, удержаться бы не смог — обязательно постарался бы уличить, разоблачить, обвинить и натворить еще массу глупостей. Вот такого мальчишку и следовало разыграть, попробовав под шумок выведать, что еще скрывает Листвяна, например, куда Первак увел семьи бунтовщиков.

Перед дверью задержался, «накручивая» себя соответствующим образом, — вполне могло быть, что Листвяна уединилась для чего-то, что постороннему глазу показывать незачем — беременная все же, но Мишка решил этим обстоятельством не смущаться — давить так давить. Рванул дверь на себя (не заперта!) и окинул помещение таким взглядом, будто ворвался куда-то во время штурма.

Не просторно и не богато — аккуратно застеленная спальная лавка, небольшой стол, два плетеных короба на полу у стены, над ними полка, какие-то вещи, висящие на вбитых в стену колышках, а над постелью на стене лук, два колчана и пояс с кинжалами — одним обычным, а другим большим, до размеров меча недотягивающим, но выглядящим очень серьезно.

Сама Листвяна сидела на постели, опустив голову, широко, по-мужски, расставив колени и опершись на них локтями. На вошедшего Мишку глянула так, будто именно его и ждала. Не вставая, сделала неопределенный жест ладонью и безразличным голосом предложила:

— Проходи, усадить, сам видишь, некуда, разве что…

— Семьи бунтовщиков Первак увел? — не дал ей договорить Мишка.

— Он, — легко согласилась Листвяна.

— Куда? К кому?

— Кто-то у него оставался… Кто, где — не ведаю.

«Блин, ну не умею я допрашивать, нет такого опыта!

Силу не применишь, а запугать… хрен такую запугаешь».

— Почему сразу не упредила?

— Холопкой была. — Листвяна слегка пожала плечами,

словно удивляясь, что бояричу надо объяснять столь очевидные вещи.

— Была? А теперь что изменилось? — Мишка почувствовал, что спокойствие, даже некоторая флегматичность ключницы начинает приводить его в бешенство. — Боярыней заделаться возмечтала?

— Сплетен наслушался? А еще говорят, что разумник…

— Ну ты… — Мишка поймал себя на том, что примеривается, как бы врезать Листвяне кулаком.

— Ударь, ударь! Повали, ногами попинай… вовсе насмерть забей, ты же умеешь! — В голосе Листвяны не было даже намека на страх, отчаяние или подступающую истерику, скорее она, описывая совершенно непозволительное, что может последовать за первым ударом кулаком, защищалась от этого самого удара. И это подействовало.

«Сэр! Опомнитесь! Беременная женщина! Ты что, совсем в Бешеного Лиса заигрался, долбо…б?!!»

— А коли разумник, — все так же негромко и спокойно продолжала Листвяна, — так пойми: все уже без тебя решилось: мое место теперь рядом с Корнеем и только с ним! А через это — и с Лисовинами! Навсегда, до конца жизни! В родню не набиваюсь, но за спину свою можешь больше не опасаться. Даже наоборот, уж поверь: спину я прикрывать умею.

— Тебе? Поверить? После всего?!

— А прикрывать придется. — Листвяна словно не слышала Мишкиных слов. — Рассмотрел, какой курятник-то в усадьбе квохчет? Для того, кто понимает, это не кудахтанье, а рычание. Бабьи войны для мужей невидимы, а сами бабы в тех войнах свирепы и безжалостны, так что бед принести могут…

Разговор явно не получался — Мишка явился уличать, обвинять, разоблачать, а Листвяна ни от чего и не отказывалась, просто взялась поучать сопляка. Сидящий же в теле подростка пятидесятилетний мужчина понимал, что она сделала свой выбор — осознанный и окончательный выбор в пользу Лисовинов. Она берет на себя неподъемную для мужчины задачу — держать в узде то, что она назвала «курятником», а Ратников назвал бы «серпентарием».

Однако роль пацана надо было доигрывать до конца. Пацану в данный момент положено было сначала растеряться, а потом разозлиться… Чем бы все это закончилось, неизвестно, но за дверью вдруг раздался стук дедова протеза по доскам пола.

— Кхе! Ты чего это сюда забрел, Михайла?

«Так, приехали. Возвращается муж из командировки, а…»

— Да вот, деда, соболезнование высказать…

— Высказал?

— Высказал…

— Ну и выметайся! Утешитель, едрена-матрена…

Разъяснение ситуации, к глубочайшему своему стыду, Мишка на следующий день получил от Юльки:

— Дурак ты, Минька! Да и все вы… сначала деревяшками друг другу по голове стучите, а потом ищете, каким местом, вместо отбитых мозгов, думать. Да влюбилась Листька в твоего деда, только и всего! Так влюбилась, что на все остальное наплевать и забыть! И не смотри, что он старый да увечный, сам говорил: «Любовь зла, полюбишь и козла». А Корней-то и не козел вовсе! Она его жизнь как свою приняла и защищать ее будет, как волчица. Бывает такое — влюбленная баба свою жизнь напрочь перевернуть способна.

— Тебе-то откуда знать?

— Да уж знаю… — Юлька смешалась под насмешливым взглядом Мишки и призналась: — Матушка объяснила. Она Бурею Первака «отпустить» велела, сам бы он не согласился. Надо было помеху между Корнеем и Листвяной убрать, чтобы она безоглядно могла… Бабы болтают, что слаще этого и быть не может… чтобы вот так — безоглядно, как в омут.

Юлька протяжно вздохнула и неожиданно накуксилась, будто собираясь пустить слезу. И так вдруг стало ее пронзительно жалко…

«Шестое поколение лекарок… а вдруг она уже неспособна вот так — безоглядно? Неспособна и сама это чувствует? И другим завидует? Но ведь всего лишь тринадцать лет, как бы рано ЗДЕСЬ ни взрослели! Ей бы сейчас только о принце на белом коне мечтать… исключительно платонически».

Кто сказал, что «безоглядно» могут только женщины? Мишка и сам не заметил, как притянул Юльку к себе и губами загасил ее не то недоуменный, не то возмущенный возглас. Как они целовались! Мишка, несмотря на весь свой прошлый опыт, и представить себе не мог ничего подобного! Даже и не догадывался, что такое может быть!

Ну и что с того, что Юлька занималась этим впервые и ничего не умела! Слияние!!! Такое же, как тогда, когда они вдвоем спасали на дороге тяжелораненого Демьяна. Или не такое? Юлькины эмоции захлестнули, смяли, растворили в себе Мишкино сознание. Удивление, испуг, стыд, радость, нежность… ВОСТОРГ и еще что-то, чему названия нет, как нет и не может быть аналогов в мужских эмоциях…

Мишка просто перестал БЫТЬ — самостоятельно мыслить,

чувствовать, ощущать. Да и на кой ему были сейчас собственные мысли и чувства — такие мелкие, бесцветные, безвкусные… топорные какие-то, по сравнению с тем океаном эмоций, который захлестнул его силой Слияния? Цвета и ощущения, которые невозможно не только описать, но и осознать, ширь, которую не охватить ни взглядом, ни разумом, глубины, в которых таится древний, как сама жизнь, ужас, непонятно как преодолеваемый и подчиняемый женским… нет, не разумом — ну нет нужного слова в человеческим языке! И радостное безумие, невероятным образом порождаемое этим самым ужасом.

Времени тоже не было! Не то что минут, лет или даже веков — самого понятия течения и последовательности событий. Было просто пребывание в… в чем? В том, куда мужчинам вход заказан самой Природой, в том, где мужской взгляд не просто неуместен или неприличен, а его вообще не может быть. Мишка не то чтобы понимал или ощущал — он просто ЗНАЛ, что растворяется и исчезает, да, собственно, уже исчез…

Но, как когти хищника в спину, в остатки разума вдруг вцепились, выдирая его из этого благостно-невообразимого и одновременно восторженно-ужасного НЕЧТО, всплывшие непонятно откуда слова Нинеи: «Рабом станешь! Что угодно отдать готов будешь за повторение этого! Себя потеряешь! Утратишь навсегда, и никому не нужен такой будешь. И ей тоже!»

Как вырвался, как освободился, против своего желания… ведь не хотел же! Даже и не заметил упирающиеся в грудь Юлькины кулачки, только проводил безнадежно-тоскливым взглядом убегающую девчонку да каким-то чудом удержал рвущийся из груди отчаянный вой — звериный плач по тому, что уже никогда не повторится. Сам себе не позволит, потому, что это страшнее, чем «сесть на иглу». Сам все порушит, потому что придется теперь закрываться от Слияния, и Юлька, рано или поздно, это заметит. А заметив… даже и думать не хочется, что тогда произойдет. И это теперь на всю оставшуюся жизнь. Вечная тоска и вечное сожаление о несбыточном, невозможном, напрочь запретном…

Он потом еще долго сидел на лавочке возле лазарета, все больше, как принято было писать в душещипательных романах, «погружаясь в пучину отчаяния и безнадежности» — на собственной шкуре ощутил правильность этой фразы, до того представлявшейся ему до приторности слащаво-идиотской. Мозг, натренированный в просчете вариантов и последствий, рисовал картины будущего одну хуже другой — будто боксер на ринге, беспощадно добивающий уже проигравшего бой противника.

Сейчас Юлька вырвалась и убежала — слишком неожиданно

для нее все случилось, и слишком сильные эмоции (уж теперь-то Мишка это знал!) обрушились на неподготовленное девчоночье (несмотря на лекарский опыт) сознание. Но потом… будут страх или просто робость-застенчивость, незнание, как теперь себя вести с Мишкой (и это при Юлькином-то ерепенистом характере!), но будет и непреодолимая тяга к повторению пережитого. Природа свое возьмет, какой бы лекаркой-ведуньей Юлька ни была. Будет… и оттолкнуть ее, не дать ожидаемого — непростительная обида, грех хуже преступления.

Поначалу-то она, захваченная новыми ощущениями и чувствами, даже и не заметит, как Мишка будет закрываться от Слияния, а потом… Ну допустим, он научится делать это незаметно или сумеет как-то «дозировать» Юлькино воздействие на себя (чем черт не шутит — а вдруг получится?). Тоже та еще пытка — целоваться, сохраняя бдительность минера. Все равно конец будет один — когда дело дойдет до секса, первый же Юлькин оргазм просто выжжет ему мозги, либо убив на месте, либо превратив в «овощ» на манер новопреставленного раба божьего Первака, во Христе Павла.

А потом, непонятно откуда, выплыла зависть к Корнею. К калеке, стоящему на пороге дряхлой старости! Практически к ровеснику, если считать прожитые ЗДЕСЬ и ТАМ годы. Он-то нашел себе свою последнюю женщину! Женщину до конца жизни! Не просто нашел, не девчонку какую-то охмурил и не сотворил, как Пигмалион Галатею. Листвяна не статуя и не мисс Элиза Дулитл, она — сильная, умная, с черт-те каким жизненным опытом, НАСТОЯЩАЯ ЖЕНЩИНА! А Корней сумел сделать ее СВОЕЙ ЖЕНЩИНОЙ!

«Да-а, сэр, вот тут-то и поймешь, что сотником Ратнинской сотни кто попало стать не может… И дело здесь не только в воинском искусстве или административном таланте. Корней — ЛИЧНОСТЬ! И из вас, сэр Майкл, он будет делать такую же ЛИЧНОСТЬ. Семь шкур сдерет, не единожды на грань жизни и смерти поставит, но сделает! Потому что понял — вы сможете! Когда-нибудь потом. А сейчас, что бы вы, любезнейший, о себе ни воображали… вот плоды вашего самомнения — загубили прекрасную девчонку. И не хрен дергаться — уже загубили! Еще ничего не произошло, она еще ни о чем таком не подозревает, но все уже предопределено!

Не поверили Нинее, что Юлия уже не совсем человек! Как же! Мыслитель рубежа второго и третьего тысячелетий и темные суеверия средневековой старухи! А вот и не суеверия! Мать Юлию всю жизнь, постепенно и осторожно, подводила к пониманию ее судьбы, а тут вы — или покажете, что боитесь ее, как мины,

установленной на неизвлекаемость, либо крякнетесь в ее объятия со всеми сопутствующими „удовольствиями“ — от предсмертных хрипов до опорожнения мочевого пузыря.

Как там Нинея говорила? Шестое поколение — это уже предел, дальше — либо уродство, либо безумие! Получается, что Юлька уже фактически превратилась в „черную вдову“. Только для меня или для всех остальных тоже? А не так ли они лечат — „прошибая“ своими эмоциями восприятие пациента? Только при лечении они себя контролируют, а во время секса… Господи, а Юлькин-то отец от Настены ушел ли живым? Или же… Нет, болтают же, что у Настены любовник есть… как его… Лукашик-гусляр. Правда говорят, что он сам признался, будто у него в голове постоянно гусли звенят. Может быть, это ему Настена такой блок поставила? Или Настена мужикам еще не до такой степени мозг выносит, а Юлька уже по максимуму?»

Было б в тот момент кого, убил бы. С особой жестокостью и цинизмом. Но никого, кроме себя любимого, под рукой не оказалось. Оставалось только одно — жить. И с этим тоже. До конца дней.

* * *

«Вот такие дела, досточтимый сэр. Прямо как по учебнику: разрешение одной проблемы, пусть даже и удачное, порождает целый букет новых проблем. „Проблема Первака“ разрешилась. Как хотела матушка — в первом же бою, и как рекомендовала Нинея — не своими руками. И что в итоге? Листвяна — женщина Корнея, причем настолько, что официальное оформление отношений как-то и не выглядит решающим моментом. Сильная, умная и опытная баба… плюс стреляет так, что в десяток Луки брать можно, и „ножичек“ над койкой висит очень и очень не слабый. Будь я проклят, если она им вполне квалифицированно пользоваться не умеет. А еще у нее под рукой больше десятка девок и молодых баб, которых она учит стрелять из самострелов. Это, допустим, раз. Два — сближение Листвяны с теткой Татьяной. В общем-то и неудивительно. Примерно одного возраста, обе сейчас беременны, обе „оставлены на хозяйстве“, поскольку мать бывает в Ратном только наездами… Плюс тетка Татьяна — баба внушаемая, а с мужем у нее нелады, Листвяна же женщина волевая и с лидерскими задатками. „Альфа“ в этой паре, несомненно, Листвяна. То есть в женской части клана образовались два „центра силы“ — мать с сестрами и девицами на обучении и Листвяна с Татьяной… тоже с девицами и бабами из Татьяниной

родни. Хотя с бабами из куньевской родни не так все однозначно, недаром же ключница о невидимых бабьих войнах намекнула…

А еще Листвяна заявила, что вам, сэр, за свою спину теперь опасаться не нужно. Заявила так и при таких обстоятельствах, что можно было бы и поверить, но… Черт их, баб, разберет! С матерью-то Листвяна отнюдь не в любви сестринской пребывает, а посмотришь на них — мирно беседуют, даже, бывает, улыбнутся друг другу. Ох уж эти бабьи улыбочки! Порой стопроцентный эквивалент мужицким матюгам и мордобою, а со стороны — все тихо, благолепно!

Чего тут можно ожидать? Да чего угодно, вплоть до раскола клана, на вашу, сэр Майкл, часть и часть Демьяна. Демка-то уже сейчас на отца скалится из-за Татьяны… Нет, раскол сейчас, пожалуй, не в интересах Листвяны — ей нужно ребенка в сильном роду вырастить, если получится (а у нее может получиться!), собрать ему свою команду… на манер ваших, сэр, ближников. Да и Корней не допустит, он им такой раскол покажет… морда в сенях, титьки на крыше, а задница за забором! Но вот потом, когда деда не станет…

Если у Листвяны родится мальчик (а Настена уверенно прогнозирует мальчика), да еще и у Татьяны тоже пацан будет, то пестун для них уже вырастает — Вторуша-Варлам. Да, это, пожалуй, проблема номер три. Парень матереет на глазах, причем заметно быстрее сверстников. Сегодняшний эпизод у края болота весьма показателен — вы, сэр, там изгалялись так, что отрок Киприан вовсе соображение утратил, а Варламу-то хоть бы что! Двух месяцев не прошло, а нынче-то вам вряд ли удалось бы заставить его веревку у вас на сапоге зубами развязывать! Помер бы, но не унизился! Ну не просто помер, а за оружие бы схватился, со всеми вытекающими… Листвянин характер выглядывает, не так ли, сэр?

А теперь представьте себе „тандем“ Демьян — Варлам. Да под руководством Листвяны, да со страстями по поводу Татьяны и Лавра. Каково-с? И ведь все это потихоньку да незаметно выращиваться будет, как это женщины умеют — по принципу „вода камень точит“ — по капельке, по капельке — и в самом прочном камне дырка.

М-да, Листвяна, Татьяна, Варлам, Демьян… и корень всего — Лавр, туды его вдоль и поперек, в тонко чувствующую, творческую натуру! Не замена он Корнею, ну ни в каком виде не замена! Значит, что? Значит, либо вам, сэр, надо успеть подняться до такого уровня, чтобы после деда взять под себя Погорынское воеводство, либо надо „уходить в автономное плавание“. В обоих случаях цейтнот — еще лет десять вам, сэр, ходить в статусе

молодняка. Пока не обзаведетесь семьей, пока не станет очевидным, что у вас есть жизнеспособное потомство мужского пола, полноценным мужем в глазах окружающих вам не выглядеть! Будь вы хоть трижды сотником, сидящим на мешках с золотом и владеющим тайными знаниями. Даже статус Окормли — не более чем бонус, но сам по себе и он проблему не решает. Надо что-то думать…»

— Господин сотник, дозволь обратиться? Отрок Елизар!

— Слушаю тебя.

— Урядник Яков докладывает: место для дневки нашли. Выпас для коней есть, водопой хороший, место, как сказали проводники, безопасное. Еще обещали тура добыть — людям на прокорм.

— Добро. Передай Якову: присмотреть места для дозорных, если понадобится помощь в охоте на тура, пускай идут разведчики, но тогда в дозор заступает первый десяток. В остальном — обычным порядком. Старшине Дмитрию передай: если мастеру Кузьме понадобится помощь — походную кузню устроить или еще чего, — заняться этим поручику Демьяну, то же самое, если помощь понадобится лекарю Матвею. Исполнять.

— Слушаюсь, господин сотник!

«Да, вот тебе и расстояние, деленное на среднюю скорость. Завтра целый день стоим, блин».

И это тоже был урок. Одно дело слушать рассказы или даже ходить в недалекие в общем-то походы, сопровождая торговые вылазки Осьмы, и совсем другое дело — вот так оказаться посреди дремучей чащи, в днях пути от человеческого жилища, которое еще надо и отыскать.

Сильный, здоровый конь может нести без ущерба для здоровья груз, примерно равный трети собственного веса. Это и есть вес ратника в полном вооружении. Мальчишки Младшей дружины, конечно, весят поменьше, но не настолько, чтобы это давало в дальнем походе какую-то принципиальную разницу. Утром, перед началом движения, и вечером, перед ночевкой, коня надо обиходить, поэтому само время движения у конницы в походе меньше, чем у пехоты. Место для стоянки тоже нужно выбирать тщательнее, чем пехотинцам — коням нужен подножный корм, удобный водопой, да и хорошо бы, чтобы хищники не беспокоили, иначе какой отдых? От прямого-то нападения дозорные и коноводы уберегут, но запах, вой, рычание… Лошадь — существо пугливое.

А еще надо на каждой стоянке проверять: не разболтались ли подковы, в порядке ли копыта, не впились ли где-то клещи, нет ли потертостей от седла и сбруи, да и саму сбрую — много

всякого прочего. И лишь потом всадник может заняться собой, как и любой воин в походе. Вот и выходит, что дневной переход тяжелой конницы примерно равен по расстоянию дневному переходу пехоты (разумеется, пехоты выученной, опытной и привычной к дальним походам).

И еще — лошадь не жвачное, как скажем, корова — одной травы, чтобы сохранять силы в дальнем походе, ей мало. Приходится подкармливать овсом или ячменем. Хорошо, если сзади за войском следует тележный обоз, а если нет? Тогда тащи с собой вьючную лошадь, на которой кроме фуража размещай и запас еды для всадника, да прочие необходимые в походе вещи, но тоже не более пяти-шести пудов.

Но и это еще не все! К концу дневного перехода кони устают, а ну как враг встретится именно вечером? Идти в бой на усталом коне — сродни самоубийству. Значит, нужен третий конь — заводной. Строевого коня в походе надо беречь, он нужен для боя. И это — минимум! Без этого минимума тяжелая конница утрачивает заметную часть своей боеспособности, а то и вовсе не может исполнить своей роли — главной ударной силы войска.

И все равно — даже если все складывается идеально (что практически недостижимо), если все, что требуется, имеется в достатке (что бывает редко), если не случается каких-то бед и неурядиц разного калибра (но об этом можно только мечтать), тяжелая конница движется день, два, много — три, а потом надо дать коням день отдыха, потому что усталость накапливается. Нет, можно, конечно (если воевода дурак или беспощадная военная судьба заставляет), и не останавливаться на дневки, но тогда день ото дня увеличивается вероятность неотвратимого превращения тяжелой конницы в тяжелую пехоту.

Устают и всадники. Езда верхом, пусть даже и неспешная, это не сидение на стуле, хотя и от этого устают, да еще как! Конь, разумеется, не автомобиль — в дерево не врежется, но и им надо управлять, да и в седле всадник не просто сидит, а реагирует своим телом на движения идущего или скачущего коня, а реагировать надо умеючи — так, чтобы не набить, не натереть коню холку или спину. Но вечером забудь об усталости — сначала обиходь всех трех коней, а потом уже занимайся собой. Или тем, что командиры прикажут.

Конечно, есть «адъютант» Антон. Он и спальное место приготовит, и об ужине для господина сотника позаботится, но это вовсе не оттого, что Мишка лентяй — сотнику есть чем заняться и без этого. Сколько раз вспоминал Мишка слова Алексея о том, что на войне десятник, если у него в десятке все исправно, спит и ест примерно столько же, сколько и его воины,

сотник — спит гораздо меньше своих подчиненных, а ест не когда все, а когда найдется время, воевода же спит уж и вовсе мало, а есть себя заставляет, потому что от недосыпа аппетит пропадает начисто. Но это были только слова (хотя и понятные, не вызывающие недоумения или возражения), а теперь он все это испытывал на собственной шкуре.

На стоянке у Припяти, когда Мишка некоторое время был недееспособным, а Дмитрий числился пропавшим без вести, десятник Егор взял все заботы на себя, а вот в походе через лес Мишке пришлось крутиться самому, Егор лишь время от времени подсказывал, да и то деликатно — чтобы другие не слышали. Впрочем, как Мишка приметил, ратник Арсений оказывал такую же помощь старшине Дмитрию.

«Наставничество, прямо как при советской власти. Тогда, помнится, за это даже доплачивали, помните, сэр, когда один из ваших „наставляемых“ пятый разряд получил, начальство почетной грамотой не ограничилось — еще и „тринадцатую зарплату“ вам на 25 % увеличило. М-да, все новое — лишь хорошо забытое старое. Надо будет перед дедом походатайствовать, чтобы Егору с Арсением премию какую-нибудь подкинул из добычи. А может быть, и другие ратники поручикам помогают? Хотя молчун Савелий и заика Дормидонт много не насоветуют, а Фаддей Чума так понаставничает, что Матвею запросто работы может прибавиться. Эх, жаль, Андрюха Немой в Михайловом городке остался — от ран еще не оправился. И ведь не говорил же вообще ничего, а посоветовать мог и уверенности как-то одним своим присутствием добавлял…»

Мишка проверил вместе с Егором караул, оглядел водопой и выпас, принял доклады поручиков и урядников, выслушал Матвея — о состоянии здоровья людей и коней, Илью — об убыли взятых с собой запасов, отдал необходимые распоряжения, заглянул к Кузьме, уже развернувшему походную кузницу, но доклада не получил, став вместо этого свидетелем ругани Кузьмы с помощником по поводу подковных гвоздей. Сути разногласий не понял, но убедившись, что работа идет, не стал встревать. Издалека послушал, как Демьян орет на кого-то из отроков: «А коли потерял, так найди, у Ильи выпроси… да хоть сам роди, а чтоб было!..» — тоже встревать не стал.

На ужин велел Антону пригласить старшего из проводников и десятника Егора. Это, за время перехода через лес, стало уже привычным — за едой обсуждали предстоящий на следующий день путь. Завтра, конечно, никакого движения не будет, но все равно переговорить требовалось — переход, похоже, подходил к концу, еще пара дней и Младшая дружина должна выйти к

переправе, которую, по утверждениям проводника, ляхи с городненцами миновать никак не могут. Самый удобный путь от Припяти к истокам Ясельды, и переправа для полона и стада легкая.

Так, собственно, и оказалось — старший из проводников даже предложил выбор: можно сделать один длинный переход и выйти к намеченному месту к вечеру, а можно сделать один переход покороче, переночевать, и выйти на место задолго до полудня. С молчаливого согласия Егора Мишка выбрал второй вариант. Да, полон идет медленно, и гонят его по более удобной дороге, так что Младшая погорынская дружина должна опередить ляхов и городненцев дня на два-три, но мало ли что? Выходить к незнакомому месту лучше на свежих конях. Да и разведку пустить вперед с утра удобнее, а основным силам двигаться не торопясь, дожидаясь сведений от разведчиков.

После ужина Мишка не удержался и пошел туда, где звучал голос Ильи, то и дело перекрываемый жизнерадостным ржанием отроков — обозный старшина Младшей стражи, хоть никто ему этого и не поручал, «поддерживал морально-психологическое состояние личного состава на должном уровне».

«Ну, прямо тебе офицер по воспитательной работе! Уставшие же все — самое время спать завалиться, а ведь палкой не отгонишь…»

— …И вот, значит, и выскочил тот бугай со двора на улицу! — вещал Илья. — Нет, народ-то у нас привычный ко всему, да и не робкого десятка. Опять же, на туров диких охотимся, и ничего, так что особо бояться домашнего быка вроде бы и не должно бы… средство угомонить всегда найдется. Но тут вся загвоздка-то в том, что убивать его или там калечить не с руки — больно уж хороший от него приплод у коров. А он и рад, скотина озорная… — Илья тяжело вздохнул и развел руками, демонстрируя затруднительность описываемой ситуации. — Ну бежим мы, значит, по улице, а он сзади… сопит так громко, даже всхрапывает слегка… веселье ему, понимаешь, удовольствие и развлечение! И нам тоже… вроде бы как пробежаться перед обедом — размяться, аппетит нагулять… и народу, кто в безопасности за забором, поглядеть в охотку — не каждый же день такое увидишь!

И я со всеми вместе, а сзади, значит, сопит и топает, сопит и топает… но пока не близко, так что бегу себе спокойно. Да… бегу… но начинаю замечать, что народу вокруг меня как-то пожиже становится — то один, то другой исчезают куда-то. То есть не куда-то, конечно, а в сторону заворачивают, а я, дурень,

все по прямой скачу, так, глядишь, и вовсе один останусь. И только я об этом подумал, как вдруг чувствую, что сопит-то у меня прямо за спиной! Догоняет, паскуда! Ну я, конечно, наддал — все равно сопит! Я еще, изо всей мочи! Сопит! Тут мне Бог поворот послал, я за угол… сопит, зараза, уже прямо в затылок дышит, почти на пятки наступает! Да что ж такое, думаю, чем же я этому бугаю так по сердцу пришелся, что он именно за мной увязался? Там ведь и молодки пригожие бегали, и мужи посолиднее меня… Одна баба так и вовсе лукошко с яйцами несла, а двое отроков какой-то короб перли — веселее же, чем за мной, пустым, гоняться. Так ведь нет — именно за мной и увязался, злыдень рогатый!

А тут еще, как на грех, за тем самым углом, куда я завернул, молодуха оказалась — визжит так, что в глазах двоится, да прямо передо мной мотается, бежать мешает. А сзади-то сопит, не отстает! «Дура, — кричу, — сдай в сторону, затопчу же!» И знаете, послушалась — шмыг, значит, в приоткрытые ворота. Я за ней, спасаться-то надо… сопит же! Она — на крыльцо и в дом, я за ней, но снова в задумчивости: щель-то между створками совсем узкая была — только-только проскочить — как же бугай-то в нее пролез? Но сопит, зараза.

Да-а… вот эта задумчивость меня и подвела… Не заметил, что молодуха за собой двери притворила, и со всего разбега ка-ак… Верите ли, среди ясного дня все звезды на своде небесном в единый миг узрел, хотя глаз вверх и не поднимал — на дверь пялился! На ней, значит и узрел… А дверь ничего, прочная оказалась — не проломил…

«М-да, что-то сегодня у Ильи сюжетец не очень… Но отроки веселятся. Ну и ладно, чем бы дитя ни тешилось…»

— Как я вслед за молодухой все-таки в избу залететь успел, сам не знаю, — продолжал Илья, — но оно и неудивительно: когда за спиной так сопит, еще и не такое умудришься сотворить… Но беды-то мои на том не кончились! Только я в сенях оказался, молодуха та как заверещит: «Ты что это надо мной удумал, аспид?!», и хрясь меня по сопатке не то ухватом, не то лопатой, не то еще какой хозяйственной снастью — не успел разглядеть… Да и не до разглядывания было — сопит-то тут! Прям в сенях!!!

Ну, думаю, смертушка пришла! Оборачиваюсь… — Илья выдержал драматическую паузу и оглядел замерших слушателей. — Оборачиваюсь и вижу: свекр той молодухи!!! А сопит точь-в-точь, как тот бугай! Это ж, выходит, он за мной бёг да в затылок дышал! Вот радость-то! Не бык!

М-да… — Илья опять примолк и почесал в затылке. —

Радость-то радость, но обрадоваться как следует я не успел — свекр молодухин ка-ак развернется, да ка-ак врежет мне… а кулачище-то у него — что твой кувшин на полведра! Нет, светил небесных, как на крыльце, я не узрел, но тоже не слабо вышло. А он опять руку заносит и интересуется: «Ты чего же, кобель блудливый, за чужими женами гоняешься?» Только я ответить собрался… оправдаться как-то… как молодуха меня сзади опять той самой снастью… меня на ейного свекра так и кинуло! А он меня опять… и сопит, сука бородатая!

Отлетел я, значит, на молодуху, чуть с ног не сшиб, а сам думаю: вот так полетаю по сеням, полетаю, да и забьют насмерть… или покалечат. И так мне обидно сделалось… И бежал-то я по-дурному, и не от того, оказывается, бежал, от кого надо, и блудодеем теперь ославят, а молодуха-то эта мне и не нравилась никогда, и об дверь расшибся, и тут месят… а все задумчивость моя… туды ее с левого краю… Да что ж я, виноват, что этот долдон сопит — от бугая не отличишь?

Подхватился я да как бодну молодухиного свекра чуть ниже ребер! Тот враз скрючился! Ну по правде говоря, не сам боднул… вернее, не только сам — молодуха мне сзади наподдать успела, так что боднуть у меня не хуже того бугая получилось… прямо так на голове я его на крыльцо и вынес. А там уже народ в ворота лезет — развлечение ему, понимаешь, веселье! И, хотите верьте, хотите нет, но озверел я! Как зареву с крыльца: «Му-у-у!!!» — наступил ногой на морду того свекра зловредного да и кинулся на людей! А сам чую — будто рога у меня выросли, и я, кого-нито на эти рога вздеть нацеливаюсь!

Народишко, конешное дело, из ворот порскнул в разные стороны. Кто правильно сторону угадал — спокойно ушел, а кто не угадал, за теми я погнался. Господи, вот она, волюшка-то! Ничего не страшно, нигде не болит, ног под собой не чую, тело будто бы само летит — свобода! Душа поет: «Му-у-у!!!» Людишки тоже чего-то верещат… наплевать! Хорошо-то как! Воля!!! Понял я, сколь сладостно было тому бугаю в облике человеческом мне в затылок сопеть! Еще наддал — эх, догоню! — они тоже шустрей ногами перебирать стали… Красота! Воздуху в грудь набрал и еще: «Му-у-у!!!». Хорошо! Истинное блаженство познал — чистое и незамутненное, да и в задумчивость ни вот ни чуточку не впадаю, наоборот, никакие мысли не угнетают! Опять: «Му-у-у!!!»… А из-за угла, мне навстречу, тоже: «Му-у-у!!!»… и ка-ак мы лоб в лоб…

Илья звонко шлепнул себя кулаком в раскрытую ладонь, вздохнул и прикрыл глаза, словно вспоминая нечто чрезвычайно приятное. Помолчал немного и продолжил свое повествование:

— Ну кончилось все хорошо. Бугай-то умнее, чем я думал, оказался — за той бабой, что лукошко с яйцами несла, побежал. Скотина скотиной, а разумеет, где веселее. Баба тоже не дурой оказалась — как приперло, так это самое лукошко ему на башку и надела, так что на меня он уже сослепу налетел — яйца-то размазались да глаза ему залепили… Видать на голос шел. Потом его собаками в речку загнали — охолонул, успокоился… А меня вчетвером с крыши снимали… и что самое обидное — никто не признается: сам я туда запрыгнул, или меня бык закинул? Так до сих пор в неведении и пребываю. Но волю истинную познал… да, познал. Придется ли еще когда? Бог весть…

Байка была, прямо сказать, не шедевр, случались у Ильи и гораздо удачнее, но отроки гоготали исправно — много ли ребятам надо? Мишка же остался совершенно равнодушен — еще ТАМ достаточно наслушался историй о легкоатлетических подвигах сельского населения, стимулируемого крупным рогатым скотом. Однако перед сном вспомнилось: «Ничего не страшно, нигде не болит, ног под собой не чую, тело будто бы само летит — свобода! Хорошо-то как! Воля!!!» И подступающий сон как ветром сдуло!

Снова, в который уже раз, всплыла неуверенность в себе, вернее, в собственном организме. Если когда-то приступы неконтролируемого бешенства еще была надежда как-то одолеть, а над диагнозом отца Михаила — берсерк — можно было втихомолку посмеяться, то после схватки на угнанной из Пинска ладье эта проблема предстала перед Мишкой в совершенно ином виде. Не до смеха, как бы слезами не кончилось, причем слезами кровавыми.

«Когда вы, сэр, первый раз „себя потеряли“? Помните? Именно, именно — на дороге в Кунье городище, когда убийцу Чифа „вычислили“! Тогда-то вы и дали ратнинцам повод вспомнить „Бешеного Лиса“. Потом… вспоминайте, вспоминайте! Да, когда вам не удалось догнать и зарезать Спиридона. Ножик тогда еще сломали. Ведь натурально на стенку кидались — дурдом, да и только. Дальше — больше. При штурме Отишия как вас скрутило, когда вам показалось, что Роську убили? Аки зверь лютый рычали, а потом и вовсе бред начался — десятки отроков, атакующие по крышам, вам собственными крыльями представились, птицей Стимфалидой себя почувствовали! Ну, и наконец, отражение абордажа. Вот тут уже совершенно классическая картина берсеркерства — почти ничего не помните, на своих кидаться начали, а потом полная прострация и бессилие. Разве что пена изо рта не шла да край щита не грызли. Выходит, не ошибался отец Михаил?

Сколько тут от возможных повреждений во время переноса информационной матрицы, а сколько от природного Лисовина? Что-то об экспериментах с переносом сознания вы, сэр, в депутатские времена слышали. Так, намеком, не очень достоверно, в рамках разглагольствований „общечеловеков“ о преступлениях „кровавой гэбни“. Дыма без огня не бывает, следовательно, какие-то эксперименты действительно имели место быть. Ничем хорошим, со слов тех же рассказчиков, эти исследования для пациентов не кончались. Допустим, Максим Леонидович сумел получить более приемлемый результат, но не могло же все пройти идеально! Какой-то брак проскочить должен был обязательно. Что именно оказалось не так? Какие изменения можно однозначно отнести к последствиям переноса, а не к свойствам организма-носителя?

М-да, блин… Задачка из серии „Познай самого себя“. Один аспект изменений, впрочем, выделить можно вполне уверенно — экстрасенсорные способности, которые ТАМ не проявлялись ни в каком виде. А ЗДЕСЬ… самостоятельно тоже ничего не можете (по-любому, до сих пор ничего такого не замечалось), а вот партнером экстрасенса у вас быть получается — в поединок Нинеи и отца Михаила вас буквально втянуло. Ну и Слияние с Юлькой… тут уж и вообще…

Интересно, что ТАМ вы были негипнабельны, а ЗДЕСЬ стали обладателем повышенной чувствительности к… К чему, как назвать это воздействие? Помнится, Максим Леонидович сказал тогда что-то вроде: „Это у других вы гипнозу не поддаетесь, а у меня… В этом-то я как раз специалист“. Выходит, профессор сумел сломать в вашем сознании какой-то барьер? Тогда вполне допустимым выглядит и предположение, что этот барьер так и остался сломанным, что и является причиной вашей восприимчивости к ментальному воздействию. Что ж, как версию можно принять, но это не объясняет ваше постепенное превращение в берсерка. Что еще можно предположить? Попробовать зацепиться за электромагнитную теорию?

Помните, сэр Майкл, как вы однажды здорово подпортили настроение одной из фанаток всяких паранормальных явлений? Собеседница ваша была, что называется, „чистым гуманитарием“ и в силу этого обстоятельства начисто пренебрегала некоторыми физическими законами. В частности тем, что человеческий организм является в том числе и „электрохимической машиной“. Циркулирующая в сосудах кровь — электролит, по нервным волокнам постоянно проходят электрические сигналы, деление клеток сопровождается электромагнитными всплесками… и прочее, и прочее в том же духе. Соответственно, важнейшей

составляющей пресловутого биополя является поле электромагнитное. Собеседницу вашу тогда прямо-таки покоробил такой „механистический подход“, поскольку она относилась к понятию „биополе“ как-то более романтично, что ли, или даже и вовсе мистически.

Окончательно же весь кайф вашей собеседнице вы, сэр, поломали, напомнив, что все мы живем между обкладками мощнейшего конденсатора — поверхностью матушки Земли и ионизированными слоями атмосферы, где присутствуют такие замечательные вещи, как озоновый слой, слой Хэвисайда и… много всякого другого, чем „чистые гуманитарии“ легко пренебрегают. А ведь если эти силы закручивают гигантские атмосферные вихри, двигают океанские течения, порождают магнитные бури и мощнейшие грозовые разряды, то не могут они не действовать на функционирование электрохимической машины, именуемой человеческим организмом.

М-да-с, „паранормальная дама“ тогда, если помните, сэр, оскорбилась в лучших чувствах и дальше общаться с вами не пожелала, но вы-то сейчас можете сделать из этих рассуждений весьма интересный вывод!

Да, за миллионы лет эволюции человеческий организм приспособился к существованию в подобных условиях — они для него нормальны, но ваша информационная матрица, перемещенная в XII век, оказалась в совершенно иных физических условиях! Опустим, за невозможностью проверки, разницу уровня солнечной активности и градиенты различных физических полей, которые могли за 900 лет измениться весьма существенным образом, но обратим внимание на то, что вокруг вас совершенно нет рукотворного электричества. Ну буквально — ни вольта, ни ампера, ни кулона, ни… всего прочего! Это ТАМ вы жили внутри бытовой электрической сети частотой 50 Герц, в атмосфере, пронизанной электромагнитными колебаниями, начиная со станций общефедерального вещания и кончая мобильными телефонами, среди переплетения металлических конструкций, в которых каждая электромагнитная волна наводит электрические токи…

Надо ли продолжать описание этого электромагнитного хаоса, постоянно воздействующего на электрохимическую машину вашего организма? Ведь наверняка же организмы двух поколений ваших предков — горожан, живших в эпоху развития электричества, и ваш собственный организм приобрели под воздействием этого рукотворного электромагнитного беспредела некие свойства… Какие? А хрен его знает, но что-то быть должно обязательно. А ЗДЕСЬ — ничего! Вообще! Разве что молнии во

время грозы, да еще, скажем, залежи железных руд.

А теперь подведем итог, досточтимый сэр Майкл Лисовин. Некий защитный барьер в вашем мозгу сломан при переносе, а помех от рукотворного электричества ЗДЕСЬ нет, следовательно:

Первое. Любой человек, обладающий „нестандартными“ способностями, может ЗДЕСЬ оказывать на окружающих гораздо более существенное воздействие, чем ТАМ — помехи-то не мешают. Отсюда и повышенное количество всяких ведьм и волхвов на единицу площади… плюс религиозное сознание, естественно.

Второе. Вы стали весьма чувствительны к подобного рода воздействиям, но, в силу почти абсолютного атеизма, не пугаетесь, не подчиняетесь безропотно, а и сами, пожалуй, кое-что можете. Во всяком случае, если не воздействовать на других, то весьма эффективно защищаться. Вспомните замечание Нинеи: „Эх, был бы ты девкой!“ Тогда вы отнеслись к нему с юмором, а сейчас? Она явно почувствовала в вас нестандартные способности, и неважно, чем они вызваны — методами Максима Леонидовича, последствиями переноса или тем и другим вместе взятым. Почувствовала, но… вспомните ее высказывание о мужчинах: „Половины не видят, одним глазом на мир смотрят!“ Тогда вы этого тоже не поняли, но сейчас-то, после того как вас чуть не лишил рассудка поток Юлькиных эмоций во время первого поцелуя!

Теперь-то вам понятно, что с холодным рациональным разумом вы в этой сфере ничего путного добиться не способны? Вот вам еще один аргумент в пользу необходимости Веры. Нет, не христианской, мусульманской, языческой или какой-либо еще! Просто ВЕРЫ как таковой. Знать и верить — две стороны одной медали, знание — сборник информации, вера — прибежище эмоций. Доминирование одного над другим — несовершенство, отсутствие гармонии, а отрицание одного из этих компонентов — уродство, причем уродство нежизнеспособное. А верить можно… да хоть в коммунизм, если уж вас жизненные обстоятельства к этому привели. И наплевать, что коммунизм — концепция изначально материалистическая! Все равно: „Нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики“! — и все тут! По расчетам не должно получиться, а на эмоциях или, как говорил один ваш знакомый фронтовик, „на психе“, получается — вера сработала!

Вы спросите: а какое это все имеет отношение в „проблеме берсерка“? Да самое прямое, сэр! Ваше сознание после переноса более двух лет тихонько сидело в теле Мишки Лисовина, никак себя не проявляя. Возможно, было угнетено резким изменением среды обитания, возможно, еще по какой-то причине. Хотя… ведь был же толчок! Накануне вашего „прозрения“ ночью была сильнейшая гроза! Возможно, всплеск электромагнитного поля от

близкой молнии и стал своеобразным „спусковым крючком“ начала процесса осознания себя в новой ипостаси? А потом и понеслось…

Кстати, вы, сэр Майкл, отнюдь не сразу стали доминировать в общем сознании. Вспомните: сильные эмоции природного Лисовина поначалу загоняли вас в некий „темный уголок“ и заставляли помалкивать. Это потом вы верх взяли, однако…

Давайте-ка вспоминать. Ведь не всегда же, не в каждом бою в вас берсерк просыпался! Бунтовщиков вы мочили в ясном сознании, заболотный хутор и Острог брали тоже на ясном глазу. Бой под Яругой так и вообще — образец хладнокровия и здравомыслия, если бы не глупость, совершенная в самом конце. В чем разница? Что, какое событие, факт, эмоция спровоцировали уход в „священное безумие“? Мухоморов-то, на манер викингов, вы не жрали.

Отчаяние! Безысходность! На дороге в Кунье городище у вас на глазах убили Чифа, который был единственным существом, с которым вам не приходилось притворяться, в Отишии вам показалось, что убит Роська, к которому вы относитесь практически как к сыну, а на ладье, когда на борт полезли полочане, вы решили, что все — „песец пришел“. И во всех трех случаях пока ваше сознание пребывало в… даже не знаю, как и назвать такое состояние… в прострации, что ли, управление перехватывал природный Лисовин! Никуда он не делся — туточки, но вылезает только тогда, когда Михаил Ратников оценивает ситуацию как безнадежную и безвыходную! И… да, „рацио“ выхода не видит, а „на психе“ можно как-то выкрутиться!

Потомок Агея Бешеного Лиса! Нет для него безвыходных и безнадежных ситуаций — рубить, резать, зубами рвать! Если не вышло спасти, так отомстить, и отомстить страшно — многократно! Все резервы организма в дело, как говорится, „Все для фронта, все для победы!“. Оттого и полное бессилие после схватки, оттого и воспоминания главным образом фрагментарные.

Так что, досточтимый сэр, появление берсерка есть не что иное, как ваша слабость, утрата контроля и… как хотите к этому относитесь, но смертный грех. Да, да! Уныние, оно же отчаяние, в христианской концепции — один из семи смертных грехов. Смертных, понеже порождают они множество иных греховных мыслей, намерений, деяний, что мы с вами и наблюдаем. Вот так.

Можете сколь угодно скептически относиться к битью лбом в пол перед иконами или к помазанию идолов кровью жертвенных животных, а грешить воздержитесь, ибо чревато! А если рационалистическая часть вашей сущности так уж сильно восстает против этого, то воздерживайтесь от греха хотя бы из

уважения к памяти вашего друга и наставника отца Михаила. Потому что прав был покойный: и берсерка в вас прозрел, и „противоядие“ указал — Веру. Христианскую веру, ну так православный пастырь ничего иного предложить и не мог, но в главном, в самой сути, он был абсолютно прав — эмоциональная составляющая должна уравновешивать холодный рационализм, иначе… циничная расчетливость, БЕЗДУШНОСТЬ, может оказаться пострашнее любого берсеркерства.

Да, сэр, и справедливо это во все времена! Думаете, ненароком у вас в памяти сейчас всплыло, как вы гордо явились из школы домой с октябрятской звездочкой на школьной гимнастерке, а ваша бабушка — человек в общем-то не очень-то и религиозный — сказала: „Вот и хорошо, хоть какая-то вера, а должна быть, иначе, если милиционер не видит, то все можно“. Это потом, много лет спустя, вы поняли, что она почти процитировала Достоевского про карамазовское „все дозволено“.

Значит, не грешить? Ну надо же! Явился в средневековье засланец, „свободный от религиозных предрассудков“, и пришел к выводу, что грешить нельзя! О как! А если еще учесть, что к подобному выводу вас, сэр, привели рассуждения об электромагнитных эффектах… Вообще обалдеть, причем с двумя „б“! Хотя… Был же гениальный физиолог Павлов глубоко религиозным человеком, но резать собачек ему это совершенно не мешало! А может быть, познание тайн природы и должно приводить к мыслям о допустимом и недопустимом?

Интересно, как чувствовал себя „отец атомной бомбы“ Оппенгеймер? Не знаете, сэр? А о его коллеге профессоре Сахарове? Кем он для вас был, кроме создателя водородной бомбы? Антикоммунистом, антисоветчиком? И все? Нет, вы же понимали, что психика человека, создавшего оружие, способное уничтожить жизнь на всей планете, не может никак на этот факт не отреагировать. Вы же видели, сколь разительно он отличается ото всех этих дерьмократов-либерастов, которые просто использовали его, его имя, его известность…

Что он хотел сказать, какие мысли донести до захлопывавших его участников Съезда народных депутатов СССР? До Власти, черт побери! Только нечто антисоветское? Или же он пытался объяснить, что для тех, от кого зависят жизни множества людей, для Власти, ДОЛЖЕН быть предел допустимого, иначе говоря, понятие греха?

Почему эти мысли приходят вам в голову ЗДЕСЬ, но даже не проклюнулись ТАМ? Потому что вы тогда чувствовали, как рушится Держава и „Кто не с нами, тот против нас“?[24]*А сейчас вы решились вмешаться в исторический процесс и… вот именно:*

„Ох, тяжела ты, шапка Мономаха“,[25] *и мысли в голове начинают рождаться соответствующие. До царского венца вам, сэр, еще как до Луны на самокате, но уже и в ипостаси сотника… сами признаете: убитые ребята — на вашей совести.*

На практике же… как завещал В. И. Ленин: „Учиться военному делу настоящим образом“. Тогда, глядишь, и безвыходные ситуации пореже образовываться будут. Да и с мисс Джулией… а все ли так безнадежно, как вам это представляется? Может быть, стоит как следует подумать?»

ГЛАВА 2

Сентябрь 1125 года. Полесье

Ситуация у переправы словно специально напоминала о пословице: «Человек предполагает, а Бог располагает». Со слов проводника, постоянных жителей там было всего четыре человека — пожилой мужчина прозвищем Кривой, ибо был слеп на один глаз, его десятилетний внук и две бездетные женщины, не то родственницы, не то приживалки.

Еще несколько лет назад стояла на этом месте весь, и была та весь вполне благополучной, потому что жили местные не только тем, что и все — лесом, полем, огородом и рекой, но был у них и неплохой приработок. Через переправу ходили обозы, а значит, проезжающим требовался ночлег, услуги кузнеца, колесного мастера, шорника, да и прочее. Все это жители веси проезжим предоставляли (небесплатно, конечно), да еще и приторговывали по мелочи.

Короче, росла весь потихоньку, богатела и даже сумела как-то раз показать зубы некоему боярину, пожелавшему взять ее под свою руку. До крови, правда, не дошло, но острое железо друг другу издали показали и стрелами слегка покидались, хотя и без толку. Боярин в этих местах был пришлым, дружину имел небольшую, по уму бы, так следовало ему с селянами по-доброму договориться, но, видать, уж человек такой попался — сразу попробовал силой взять. Сказать, что разошлись миром, было нельзя, но и подчинить себе весь пришлый боярин больше не пробовал.

Долго бы длилось такое состояние — ни мира, ни войны — неизвестно, потому что грянуло моровое поветрие. Ударила болезнь в первую очередь по самым слабым — старикам и малым детям. И надо ж такому случиться — одна из женщин, схоронившая разом троих детишек, окаяла пришлого боярина колдуном, наславшим на непокорную весь смертельную хворь. Кто его знает, то ли ума лишилась баба от горя, то ли прозренье на нее снизошло, да только настроение у сельчан в тот час было такое, что поверили в боярское колдовство и порешили гнездо зловредного колдуна очистить огнем.

Усадьбу свою пришлый боярин обустроить как следует еще не успел, сельчане числом превышали боярскую дружину более чем вдвое, но вооружены они были кто чем, а дружинники — все оружные, доспешные, да и воинским умением не обделенные. Так на так и вышло — усадьбу сожгли, сам боярин лютую смерть в огне принял, но и сельчан полегло чуть не треть, а еще больше

оказалось раненых. Самое же страшное — часть боярских дружинников сумела вырваться и уйти.

Уйти-то они ушли, да, как выяснилось, не совсем. На третью, считая от разгрома боярской усадьбы, ночь, загорелась весь сразу с нескольких концов, поскакали по единственной улице всадники, поражая стрелами тех, кто выскакивал из загоревшихся домов, а потом спешились и… Была весь, и не стало ее! Никого не пощадили мстители, всех перебили. Утром пограбили, что от огня уцелело, да и подались куда-то… больше о них ни слуху ни духу.

А место то с тех пор стало считаться дурным. То кто-то ночью видел бесшумно скачущих всадников с обгорелыми до костей лицами, то вроде бы стоны какие-то прямо из-под земли раздавались, то утопленники из реки лезли — всякое рассказывали. И с бродом что-то не то происходить стало: повылазили из дна реки камни, зашибая ноги лошадям и ломая колеса возов, ямы какие-то образовались — на всем броде кони только-только брюхо мочили, а тут всадник с головой проваливался.

Пользоваться-то переправой по-прежнему пользовались — больно уж место удобное — но ночевать поблизости путники не решались, старались поскорее проскочить брод да уйти от него подальше. Так все и было несколько лет, пока в одном обозе, переправлявшемся в том месте, не оказался священник. Как обозники ни торопились, но заставил он их задержаться. Отслужил молебен, покропил остатки развалин святой водой, уговорил обозников предать земле то немногое, что осталось от жителей погибшей веси. И подействовало!

Подействовало, хотя и не так, как ожидалось, — поселился в этом дурном месте Кривой с внучком. Кто такой этот Кривой, откуда взялся, кем раньше был — ничего не известно, да только стал он водить обозы через брод так, что ни один камень, ни одна яма ни под копыта, ни под колеса не попадались. Плату брал совсем невеликую — больше не серебром, а едой, одеждой или иным припасом. Заночевать не предлагал, да и негде было — не в лачуге же самого Кривого? Чуть позже появились там и две бабы, тоже немолодые. Какая уж злая судьба их в те места закинула, никто не ведал, а Кривой не рассказывал, но появился на берегу реки огородик, Кривой принялся заготавливать сено, окашивая ближние заливные луга, даже новый сруб — попросторнее и подобротнее — начал подниматься рядом с лачугой Кривого.

Нет, что ни говори, а по-настоящему место обжитым становится только тогда, когда там баба заводится! Еще бы коровой Кривому разжиться да какую-нибудь из баб обрюхатить

(а можно и обеих) и, считай, вернулась весь к жизни!

Всю эту историю Мишка слушал вполуха, кривясь от раздражения. Во-первых, явное вранье, вернее, какая-то имевшая место давняя история, искаженная десятком-другим пересказов — чего только стоят одни крестьяне, явившиеся «с лопатами и вилами» и разгромившие засевших в пусть и недостроенной боярской усадьбе оружных и доспешных воинов. Во-вторых, пользы от информации, выдаваемой проводником, не было ни малейшей. Ну разве что какое-то оправдание для самого проводника, мол, вел, как и договаривались, в место спокойное, где из четырех человек населения только один мужчина. А вот получилось совсем не то, что ожидали, — на невеликом подворье Кривого обнаружились два десятка дружинников, судя по раскраске щитов, князя Всеволода Городненского. Да и само подворье… чего угодно можно было ждать, но не такого. Сам дом — халупа халупой — превращался (и видно, что умелыми руками) в здание, пригодное для обороны. В стенах, вместо волоковых окошек, прорублены вертикальные бойницы — по паре в каждой стене. Камышовую крышу накрывают от поджога пластами дерна, нарезанными на лугу, что-то делают с входной дверью (издалека не понять, что именно). И стоящий рядом с домом жердяной сарай укрепляют — тоже бойницы и дерн на крыше. А изнутри на пробиваемые стрелами и самострельными болтами стены, видимо, вешают щиты. Взгорок, на котором находится подворье Кривого, уже окружен с трех сторон рогатками — конный не перескочит, пешему — лезть и материться.

Чувствуется, что работы ведутся уже второй или даже третий день. Сами дружинники трудятся как муравьи, и семейство Кривого припахали — бабы режут дерн, сам Кривой тешет какие-то колья. Однако служба за работой не забывается — на противоположном берегу маячит парный дозор конных копейщиков, на этом берегу четверо таких же конных приглядывают за пасущимися на лугу конями, а внутри огороженного рогатками пространства стоят под седлом два десятка коней. Все дружинники, несмотря на то, что заняты работами, в доспехе, единственное послабление — без шлемов, но те висят у седел «дежурных» коней. В общем, как говорится, «готовы к труду и обороне», причем в буквальном смысле.

«Однако, профессионалы, позвольте вам заметить, сэр Майкл! Собираются пробыть здесь всего несколько дней, противника в окрестностях не наблюдается, а укрепляются почти как римские легионеры. Si vis pacet, para bellum,[26] *одним словом. Похоже, нам тут ничего не светит — слишком разные „весовые категории“,*

хоть и при соотношении один к четырем в нашу пользу».

* * *

Когда посыльный от урядника Якова привез весть, что на переправе сидят два десятка воинских людей, Мишка было решил, что это от сопровождающего полон конвоя выслали вперед отряд для укрепления опасного места или из Городно вышли встречать своих. Второе предположение, правда, было маловероятным — откуда в Городно было знать, что конвой на подходе?

— М-да, с великим бережением идут, — прокомментировал увиденное десятник Егор. — Оно и понятно: с одной стороны, полон охранять надо, с другой стороны… ну вот что хотите со мной делайте, а не верится мне в великую любовь между городненцами и ляхами! Не может у князя Всеволода не быть соблазна ляхов побить, а добычу себе забрать! Вот, может, для этого тут так и укрепляются.

— Ага! И мы тут как тут! — язвительно отозвался Илья. — Здравы будьте, други любезные! Какая встреча неожиданная! Не бывает таких совпадений! Это ж надо СОВЕРШЕННО СЛУЧАЙНО выйти к тому месту, где князь Всеволод сечу устроить решил!

— Ну… тоже верно, — не стал спорить Егор, — но нам-то от этого не легче.

Поручики, приглашенные на «военный совет», помалкивали, поглядывая на Мишку, а тот и сам не знал, что сказать. Как-то постепенно, из рассказов бывалых ратников, да и исходя из собственного невеликого опыта, у него сложилось убеждение, что переправа — самое опасное место для войска на марше. Тем более отягощенного полоном, обозом и стадом домашней скотины. Была мысль устроить ляхам и городненцам здесь крепкую неприятность, даже с Егором эту возможность обсуждали, и вот на тебе! А сказать хоть что-нибудь было надо, а то выходит: как «политинформации» проводить, так — пожалуйста, соловьем боярич разливается, а как до дела дошло — куда что подевалось?

Пришлось задействовать много раз использованный еще ТАМ штамп — когда от тебя ждут какого-то высказывания (предполагается, что умного), а сказать нечего, надо упирать на неполноту информации или на некорректность формулировок. Тогда участники совещания или дискуссии начинают что-то уточнять, спорить, оправдываться… глядишь, и появится какая-то мысль, или обсуждение перейдет в «мозговой штурм». Правда,

точно таким же образом можно было «утопить» в словопрениях любое решение, но сейчас не тот случай.

— Я вот посмотрел… — Мишка сделал небольшую паузу, как бы намекая на то, что заметил нечто, пропущенное другими. — Дерн для крыш режут две бабы и мальчишка, видать, внучок Кривого. И присмотра за ними особо строгого не заметил. Впрочем, присмотр и не нужен — все на виду — от подворья до опушки леса шагов сто — сто двадцать. Так?

— Так, — подтвердил Егор. — Ну и что?

— И примерно на трети расстояния между лесом и подворьем не то промоина, не то овражек, кустиками заросший. Так?

— Ну так, так! Ты это к чему?

— А к тому, что либо мальчишке, либо бабам, рано или поздно, понадобится по нужде как раз в те кустики отлучиться. Вот бы там кого-то из них подстеречь, да скрасть. Может, чего интересного от них узнаем? Арсений, ты с парой разведчиков до тех кустиков незаметно добраться сможешь?

— Да запросто! Хе-хе… — Ратник Арсений блудливо ухмыльнулся, — бабу «с насеста» я еще ни разу не крал. Да и отрокам любопытно…

— Сюха! — оборвал подчиненного Егор. — Язык твой поганый… Михайла, ну на хрена нам баба или малец сдались? Что от них толку?

— Э-э нет, дядька Егор, — Мишка поймал себя на том, что опять заговорил каким-то стариковским тоном. — Порой всего лишь два-три слова очень многое переменить могут. Хуже не сделаем, а польза какая-нибудь проистечь может. Так что, если Арсений берется…

Намерение свое Арсений исполнил… почти — приволок не бабу, а мальчонку. Служба у княжьих дружинников действительно была поставлена как надо: исчезновение мальчишки заметили быстро, и тут же всякие работы прекратились, дружинники заняли оборону, а несколько верховых прочесали и кустики у овражка, и опушку леса. Глубоко в чащу, правда, заезжать не стали, а Мишкина сотня к краю леса близко не подходила, так что следов, надо понимать, дружинники не обнаружили и вернулись ни с чем — утек сопляк, ну и утек, невелика потеря. Работы продолжились, но на крыше дома Кривого засел дополнительный дозорный, а баб заставили резать дерн у самого взгорка, хотя и было это неразумно — грунт, лишенный дерна, могло размыть дождями, что в будущем представляло серьезную опасность для подворья.

Захваченный малец был напуган до икоты, и прежде чем

узнать от него хоть что-то полезное, его пришлось успокаивать, кормить, и даже дать выпить немного хмельного меда. Наконец мальчишка размяк под ласковой заботой Ильи и начал выдавать информацию, и оказалась та информация весьма любопытной.

Третьего дня, к вечеру, в самое ненастье и проливной дождь, с того берега пришли два десятка латников городненского князя, верхами и с заводными конями. Гнали, по всему видать, издалека и сильно спешили — кони измотаны. С собой привезли князя Всеволода, не то больного, не то раненого — привезли на носилках, похоже, сам ехать уже был не в состоянии, и дружинники были рады устроить его под первой же попавшейся крышей.

«Семейство» Кривого выгнали из его лачуги и разместили там князя, а хозяина расспрашивали, нет ли где поблизости хоть какого-то лекаря, ворожеи… все равно кого, лишь бы в лечении разбирался. На следующее утро двое княжьих людей отправились к ближайшему поселению, где вроде бы имелась бабка-травница, а еще трое куда-то ускакали одвуконь. Перед тем как уехать, эти трое о чем-то расспрашивали Кривого, сильно сердились, даже рукоприкладствовали, но самого разговора мальчишка не слыхал. Князь, судя по всему, был совсем плох — за все время из лачуги так и не показался, а княжьи люди, все до одного, злы и чем-то сильно обеспокоены.

Бабку-травницу посланцы на следующий день привезли, но, по словам мальчишки, помощи особой от нее вроде бы не получилось, больно уж зло орал на нее один из княжеских бояр и грозил сжечь живьем, если князь умрет.

Бояр же с князем оказалось двое. Старший, именем Авдей Солома, и еще один (имени мальчишка не знал) — весь какой-то дерганый, злой — постоянно орал на всех и, чуть что, махал кулаками.

Князь — это было серьезно. Очень серьезно. Князь с малой дружиной в отрыве от основных сил — редчайшая удача! А не взять! Что с того, что отроков вчетверо больше, чем княжьих дружинников? Что они могут? Да только стрелять шагов с пятидесяти, а лучше с сорока. А на подворье Кривого матерые воины, наверняка лучшие в дружине (иных бы с князем не взяли), да еще успевшие укрепиться. К тому же можно смело утверждать, что они готовы головы за князя положить, и, при имеющемся соотношении сил, головы, можно не сомневаться, по большей части будут погорынскими, а не городненскими.

— Ты как догадался, что там князь?

В голосе Егора было даже не столько удивление, сколько злость — «втравил боярич в мороку великую: и взять не

получится, и не брать… стыда не оберешься». Понять его было можно: даже с наличным составом Ратнинской сотни — менее шестидесяти ратников — дело ой какое не простое, а тут сопляки с самострелами.

— Да… так… — Мишка неопределенно пошевелил пальцами в воздухе. — Само в голову пришло.

По лицу Егора было видно, что «лучше бы не приходило», но сказать он ничего не успел — в разговор влез Роська:

— Господь десницей карающей нас избрал! Господин обозный старшина прав — случайно такого не бывает. Воля Божья злодея в наши руки отдает!

Егор скривился, будто съел какую-то гадость, но контраргумента, видимо, не нашел, зато неожиданно оживился Демьян:

— Сжечь! Сжечь, на хрен, всех! У Кузьки болты зажигательные есть…

— Да ты-то хоть не суесловь! — оборвал Демку Егор. — Видал, они крыши дерном покрыли? Еще и водой польют, хрен подожжешь.

— Жаль, телег обозных нет, — включился в дискуссию Дмитрий. — Накидали бы в них всякого сырого дерева, чтобы стрелами не поджечь, выкатили бы к подворью, и постреливали бы из-за них. Ну сколько бы они там просидели?

— Где я тебе телеги возьму? — пробурчал в ответ Илья. — А может, щитов каких из дерева навязать, чтобы от стрел…

— Да там же, где они бабку-травницу взяли! — не дал договорить Илье Дмитрий. — Если есть какое-то жилье, то должны быть и телеги.

— Да подите вы все… воеводы сраные! — У Егора, похоже, лопнуло терпение. — Ты сначала найди это жилье, потом приволоки сюда телеги, если они еще там есть… Пока вы телеги выкатываете или щиты свои тащите, они выскочат верхами да посекут половину из вас, если не всех! Хрен своими стрелялками отмашетесь.

Спор продолжился дальше, но Мишка как-то выпал из разговора.

«Князь Всеволод Городненский… Блин! Точка бифуркации — развилка, после которой вернуться в прежнее состояние будет уже невозможно! Пленить князя! „Переять его удачу“, как выразился давеча мэтр Треска. Это же в местных понятиях… даже не просто круто, а очень круто! Ко всем тем прибамбасам, что уже имеются: опоясанный воин, ученик и преемник главы Перуновой общины, сотник Младшей дружины, боярич, носитель крови (пусть и побочный) Рюриковичей и еще какого-то древнего князя —

добавляется еще и… даже и назвать-то не знаешь как. Аристарх ведь так прямо и заявил Нинее: „У нас свой князь есть!“

И назад уже не отработаешь — статус в глазах ратнинцев, да и вообще погорынцев, после такого деяния изменится необратимо! Да ладно, местный статус — пустяк по сравнению с тем, что вы, сэр, становитесь, хоть и мелким — мельчайшим, — но субъектом общегосударственной политики!

„А что это там за погорынцы такие шустрые, что князей в плен берут? Ах, еще и в родстве с Рюриковичами? Это с которыми? С теми, что на кормлении в Пинске сидят и право на великое княжение имеют? А подать сюда Ляпкина-Тяпкина! Не хватало еще, чтобы Святополчичи себе воеводу с войском завели!“

Вот и окучил по-тихому Погорынье! Рассчитывал-то еще года на два как минимум, куча местных проблем не решена, а уже, считай, засветился на высшем, вплоть до великокняжеского, уровне. В этих делах только проклюнься разок, и уже не забудут — считай, меченый. А раз родич княжеской ветви, которая, хотя бы теоретически, является соперницей Мономашичей… На уровне государственной власти вариант только один: „Если есть хоть малейшие сомнения — сомнений нет!“ Превентивные меры, вплоть до самых радикальных — не чья-то злая или добрая воля, а, как говорится, „нормальный ход“ — технология.

Хотя, с другой стороны, сэр, вы и раньше уже определенным образом засветились: паскуда Илларион на вас глаз положил… Да, вы ему нужны, а значит, паче чаяния, можно прибегнуть к помощи Церкви. Или не получится? Ничего-то вы, сэр, в церковных делах не смыслите. Во всяком случае, держать этот вариант в уме надо. А Мономашичи? Ну перед Вячеславом Туровским вы в свое время удачно выступили: „Волкодав из чужих рук пищу не берет“. М-да, если удастся приволочь князя Всеволода в Туров, то это будет „в ту же калитку“ — поймал добычу и принес хозяину. Вроде бы как подтвердил заявку делом.

Опять же, какие-то завязки Нинеи с княгиней Ольгой… Черт их, баб, поймет, но „ночная кукушка“ есть „ночная кукушка“, и никуда от этого не денешься. „Интересный мальчик“ Мишка княгине, кажется, понравился, и Нинея… Гм… тут подумать крепко надо.

Все это хорошо, прекрасно и замечательно, сэр Майкл, но, если взглянуть глазами „гэбэшника“ Феофана… Родня соперничающей с Мономашичами княжеской ветви создает в Погорынской глуши войско, способное снимать осады с городов и отлавливать князей, приголубившая у себя Рудного воеводу, которого князь Переяславский к „вышке“ приговорил, хоть и неофициально… Не комильфо, с точки зрения ГБ, отнюдь не комильфо. Вот попал,

блин!»

На секунду захотелось плюнуть на все и слинять — переправиться через реку где-нибудь выше по течению, найти ляхов с полоном, и заняться тем, чем и было приказано — гадить, хоть и мелко, но как можно чаще — самое то для боярича из Погорынских болот. И хрен с ней, с точкой бифуркации — миновали без перехода в иное состояние и забыли. Да, была возможность, да, не воспользовался, так что теперь локти кусать?

«Нет, не дадут! Вон как у всех глаза горят. И обсуждают-то только способы взять князя или грохнуть. Блин, завышенные ожидания хуже всеобщего презрения — все ждут великих деяний, и попробуй только эти надежды не оправдать!»

Однако ни кнопки «reset», ни хоть какого-то завалящего «стоп-крана» в окружающей действительности не наблюдалось, а потому мысли пошли раскручиваться дальше.

«Ну а если все-таки?.. Тогда придется все брать на себя. Задвигать, на хрен, лейтенанта Егора вместе со всем его воинским опытом, и… командовать. Как? Как командовать-то?

Имеем: наскоро укрепленную усадьбу на взгорке, и в ней два десятка профессионалов, способных нашинковать моих ребят в капусту даже при соотношении сил один к четырем. Правда, нападения не ждут, но служба налажена, и работы по укреплению усадьбы продолжаются.

А что у нас? Около восьмидесяти выстрелов из самострелов и луки у людей Егора. Плюс люди Егора, возможно, способны сразиться с дружинниками князя Всеволода на равных. Один на один, естественно, но тех-то двадцать, а егоровских всего пятеро.

И что мы можем, не подставляя ребят под истребление? Снять парный дозор на том берегу? Вполне — десятка разведчиков на это дело хватит. Дозорные на месте не стоят, разъезжают туда-сюда, от переправы сильно не удаляясь. На берегу кусты. Засесть с подветренной стороны, чтобы кони не учуяли, подождать, пока дозорные подъедут на дистанцию уверенного выстрела, и… Мои-то могут стрелять не высовываясь, если надо, даже лежа. Минус два. Что еще? Положить четверых конных, охраняющих табун, и угнать коней? От усадьбы до табуна метров триста — возле усадьбы трава выкошена, вон и стожки стоят. Своей скотины у Кривого нет, наверное, для проезжих заготовил… Не о том думаете, сэр! Дружинники в усадьбе увидят, что угоняют коней, кинутся на выручку, и тут мы их… Глупость! Никуда они не кинутся — не те ребята, да и приоритет у них — спасение князя. Так что, хрен с ними, с конями — в усадьбе два десятка „дежурных“ под седлом. Но все равно, еще минус четыре.

Трое уехали, двое дозорных, четверо у табуна… итого: девять.

В усадьбе остается одиннадцать плюс нетранспортабельный князь. И что дальше? Штурм? И сколько я народу положу при штурме? Делать щиты или искать телеги, как ребята предлагают? А время? Куда уехали те трое? Вдруг за подмогой? Как скоро подойдет головной дозор конвоя? Не останемся ли с телегами, но без добычи?

А ну-ка, сэр, хватит сочинять „киношку про войнушку“, а займитесь-ка вы делом по-серьезному. Хоть что-то же вы про эти дела знаете… Да, по сравнению с обычным командиром пехотного взвода, даже по сравнению с опытным, прошедшим „горячую точку“, сержантом вы сущий салага. Но хотя бы теоретически…

Сначала попробуем взглянуть на проблему чисто управленчески. Есть сложная работа и много низкоквалифицированного персонала. Что делается в таких случаях? Очень просто — весь процесс разбивается на множество последовательных простейших операций, которые можно доверить слабо обученным исполнителям. В свое время Генри Форд создал на этом принципе конвейер по сборке автомобилей. Попробуем применить этот метод к нашей ситуации.

Мои ребята взрослым дружинникам не соперники — полягут в рукопашной как один, и численное преимущество не спасет. Зато они могут убить или тяжело ранить шагов с пятидесяти… ну с сорока… воина в доспехе, и даже, если с первого выстрела не получится, успеть перезарядиться и выстрелить еще раз, пока воин эти сорок шагов преодолеет. Вот из этого и будем исходить. Первое условие — не допустить рукопашной. То есть моим „орлам“ поручается только то, что они умеют делать, — стрелять с небольшой дистанции.

Однако у дружинников могут быть (даже обязательно должны быть) луки. Перещелкают мне ребят, к гадалке не ходи. Значит, второе условие — не допустить перестрелки с лучниками.

С учетом этих двух условий лезть на подворье Кривого нельзя. И что делать, если времени, будем считать, у нас почти нет? А считать надо именно так, ибо наиболее вероятным является наименее желательное событие.

И какой может последовать ответ? Собственно, вариантов всего два: либо попытка прорваться и уйти, либо засесть в усадьбе и ощетиниться, как еж. Не будем забывать, сэр: приоритет у противника — спасение князя. Какой вариант им покажется предпочтительным? Конечно, сидеть на месте и ждать подмоги. Остановиться здесь им пришлось именно из-за того, что князя нельзя было дальше везти, а тут прорыв с боем и уход от погони. Даже если князя минует шальная стрела или болт, то добьет скачка. Кстати, если мы угоним у них заводных коней, то эта

самая скачка долго не продлится. Попробовать пойти на прорыв ночью? А куда? Через реку — там у них два дозорных сгинули, значит, встретят, а уходить в лес… Скачка по ночному лесу — даже не цирковой аттракцион, а чистой воды самоубийство. Нет, будут сидеть!

Как заставить их выйти… или сдаться? Условия прежние: никакой рукопашки, никакой перестрелки с лучниками. Ребят подставлять нельзя, и так уже… а если поджечь? Это на пробитие доспеха ребята стреляют не более чем с полусотни шагов, а просто так они болт могут и за сотню шагов послать. Зажигательный болт. Но крыши уже почти целиком покрыты дерном…

Ну и что? Будем бить зажигательными болтами по стенкам жердяного сарая! Десяток „зажигалок“, два, три, если понадобится! Подожжем! А чтобы потерь от лучников избежать, будем стрелять из того самого овражка, где Арсений пацана отловил. Далековато, конечно, но сарай такая мишень, что даже мои „вильгельмы телли“ не промажут. А когда сарай заполыхает… в общем, всему подворью кирдык — постройки стоят тесно.

Впрочем, народ там опытный и масштабного пожара дожидаться не станут — князь на руках. Да! У них же еще и бабка-травница, ее тоже беречь надо — та еще обуза. Как только сообразят, что под обстрелом огонь не погасить, попытаются уйти… или пойдут на переговоры?

Стоп-стоп-стоп, сэр. А зачем тогда сжигать подворье? Просто показать, что можем поджечь, а потом предложить сдаться. Не идиоты же там сидят?

Гм, похоже, складывается… чем еще мы им на психику надавить можем? Исходя, разумеется, из возможностей нашего личного состава. А показать, что нас много, и мы не какие-то лапотники из крестьянского ополчения, а кованая рать! Коллеги, изящно выражаясь. Э-э, а вот тут-то у меня персонал квалифицирован — строй держать умеют, а издалека — вне зоны поражения лучников — особо и не разглядишь, что народец малорослый.

Так, что еще? Связь! Все должно делаться последовательно и скоординированно. Вот вам, сэр, и еще один лозунг из будущих времен: „Связь — нерв армии!“ Адъютант Антон всю нашу сигнализацию назубок знает, урядники — тоже. Берем Антоху с собой на КП… кстати, а где у меня будет этот самый командный пункт? Да в том самом овражке! Оттуда все видно, а стрелой не очень-то и достанешь. Антоха сигналит, урядники на опушке принимают сигнал и исполняют команды.

Теперь по персоналиям. Убирать дозорных на том берегу отправляем десяток разведчиков и еще пяток ребят „для массовости“ — чтобы было что показать. А командовать ими отправим ратника Арсения. Яков, с его волчьим мехом и умением имитировать волчий вой, понадобится при угоне табуна.

Угонять табун. Тут лучше других должен Артемий справиться — с его чувством гармонии и ритма секунды лишней на открытом месте не задержится, а с ними пусть идет сам Егор с ратниками. Мало ли что у отроков не заладится — все-таки с профессионалами дело иметь придется. Кого отроки из самострелов не завалят, тех Егор со своими копьями достанут.

„Показухой“ для княжьих дружинников пусть командует Дмитрий. Он у нас строевик — любит это дело — вот пусть товар лицом и показывает. Да с заводными конями, чтобы было понятно, что от нас не сбежишь.

Угроза поджога. Возьму к себе на КП лучших стрелков и Кузьку с его „зажигательным хозяйством“. Командовать буду сам.

Предложение сдаться. Тут опять будет нужен Егор — мужской голос, привычка командовать, солидный вид.

Принимать пленных, вязать, конвоировать — Демьян. У него не забалуешься. Только проинструктировать надо… да и всех остальных инструктировать придется.

Ну вот, сложная операция разбита на несколько простых действий:

1. *Снять дозорных на том берегу — разведчики вполне способны управиться.*

2. *Угнать табун заводных коней — „табунщики“, если сделать все быстро, луки изготовить не успеют, а на копейный удар их ребята не подпустят. С подворья стрелами достать, конечно, можно, но трудно.*

3. *Вывести личный состав „в полном боевом“ на опушку леса (на том берегу тоже десяток-полтора показать).*

4. *Запустить несколько зажигательных болтов и предложить сдаться.*

5. *Принять и „упаковать“ сдавшихся в плен.*

Каждый пункт исполняется по команде, передаваемой с помощью отработанных сигналов. Отроки либо вообще не попадают в зону действия лучников, либо находятся в ней минимальное время и постоянно в движении. В рукопашку не лезем вообще. Внимание противника постоянно переключается с одного направления на другое, давление на психику тоже организуется.

Ничего не забыл? Вроде бы нет… стратегия, блин».

Когда Мишка очнулся от глубокой задумчивости, оказалось,

что все члены «военного совета» сидят молча (похоже, что уже долго) и смотрят на него, словно в ожидании каких-то откровений.

«Ну вот, сэр, извольте соответствовать запросам публики, которая ожидает результатов ваших раздумий. Не сочтите за прикол, но прямо как в песне:

Ко славе страстию дыша,
В стране суровой и угрюмой,
На диком бреге Иртыша
Сидел Ермак, объятый думой.

Эпос, едрена шишка! Сотник рождается!»

— Значит, так! — Мишка обвел взглядом присутствующих. — Князя Всеволода Городненского будем брать. Живьем! Для этого…

* * *

Поначалу все пошло как по писаному. Разведчики под командой ратника Арсения переправились выше по течению на другой берег реки, и дозорные исчезли так, что Мишка даже и не заметил — засмотрелся в другую сторону и отреагировал только на доклад Антона:

— Господин сотник, наши дозор на том берегу убрали.

— Угу, вижу. Давай знак поручику Артемию.

— Слушаюсь… Есть, махнули в ответ!

— Хорошо, ждем.

Тут было одно скользкое обстоятельство — направление ветра. Чтобы пугнуть коней волчьим запахом, Якову с помощником пришлось идти далеко в обход, а потом возвращаться по пояс в воде через прибрежные камыши. «Табунщики», разумеется, могли и задуматься: что это волки делают в камышах (отроки выли на два голоса), но табун такими подробностями не заинтересовался и, повинуясь инстинкту, рванул в противоположную от опасности сторону. Расчет был на то, что «табунщики» попытаются заехать сбоку и спереди, чтобы завернуть коней, тут-то на них и должны были выскочить три десятка отроков и Егор со своими людьми. Было, конечно, сомнение относительно того, как кони погорынцев отреагируют на «концерт» Якова, но, посовещавшись, решили, что справиться с этим удастся.

…Яков с напарником отработали, паника, как и водится, в

табуне распространилась почти мгновенно, кони двинулись туда, куда и предполагалось, а вот табунщики… Двое-то поскакали заворачивать коней, а вот еще двое то ли о чем-то догадались, то ли услышали крик дозорного с крыши дома Кривого (надо же, заметил Якова в камышах, глазастый), рванули сначала к берегу (так, чтобы между ними и напавшими оказался табун), а потом, видимо, собирались вдоль берега доскакать до подворья. Возможно, у них это и получилось бы — дистанция для самострелов отроков и так была великовата, да еще и увеличивалась со скоростью скачущей лошади.

Три десятка отроков с криками и свистом вылетели из кустов на опушке. Расстояние до табуна было небольшим, и Мишка, хоть и не разглядел ничего, был уверен — жизни двум «табунщикам» осталось несколько секунд. Кони продолжали двигаться тесной кучей, отроки через их головы бесполезно кидали болты в двух уходящих «табунщиков», казалось, те уже ушли, но тут за луки взялись люди Егора.

Две стрелы застряли в щитах, закинутых городненскими дружинниками за спину, а еще одна возилась в заднюю ногу коня, тот захромал и начал отставать. И вот тут Мишка не понял смысла действий городненцев — они развернулись в седлах, на манер степняков, и ответили выстрелами на выстрелы.

«На что они надеются? Неужели думают вдвоем перестрелять три десятка? Или не рассчитывают уйти и, как истинные профи, борются до последнего?»

Так уж вышло, что Фаддей Чума, объехав убегающий табун сзади, оказался вдруг напротив городненского дружинника на раненом коне. Чума успел выстрелить первым и… промазал! Его стрела свистнула над плечом противника, а сам он повалился на шею своего коня от выстрела второго городненца.

Дальше Мишке стало не до созерцания батальной сцены — по шлему стоявшего рядом с ним Антона ударила стрела, прилетевшая со стороны подворья Кривого. Пробить не пробила, но ударила так, что Мишкин адъютант шлепнулся на задницу и ошалело замотал головой.

«Дозорный с крыши!»

— Всем укрыться! — торопливо скомандовал Мишка. — Я же предупреждал: не высовываться! Антоха, ты как?

— Так это… — Парень ощупывал шлем, словно рассчитывал обнаружить на нем шишку, как на голове, но обнаружил только вмятину — Я вроде бы и не высовывался.

— Я спрашиваю… Ладно, посиди пока. Петр, Серапион, к бою!

«Ничего, мы книжки про войну читали и кино смотрели…

имеется средство!»

— Готовы?

— Так точно, господин сотник!

Мишка наложил болт на свой самострел и принялся объяснять:

— Сейчас мастер Кузьма шевельнет куст вон там, с краю. Кузя, ты только осторожнее, сам не подставься.

— Ничего, сообразим… э-э, господин сотник.

— Ладно. Выберите упор для ноги… ага, вот так, правильно. Как только тот с крыши стрелу пустит, тут же поднимаемся и стреляем. Если с первого взгляда не разглядите лучника на крыше, не задерживайтесь, сразу вниз! Стрелять необязательно. Главное, на виду долго не задерживаться. Поняли?

— Так точно, господин сотник!

— Кузя, готов? Давай!

Как только стрела городненского дружинника ширкнула сквозь ветки, Мишка приподнялся над верхушками кустов и выстрелил. Явно мимо — лучник оказался совсем не в том месте крыши, где Мишка ожидал его увидеть. Серапион тоже выстрелил, а Петр опустился в укрытие с заряженным самострелом — не успел разглядеть. Тут же у него над головой пролетела стрела.

«Целкий, гад… и быстрый. Если бы Петька еще немного задержался…»

— Молодец! — похвалил отрока Мишка. — Правильно сделал, что стрелять не стал.

— Рад стараться, господин сотник. Зато теперь попаду… если он опять на другое место не переберется.

— Так, заряжаем. Готовы? Кузя, давай.

На этот раз лучник на приманку не повелся — стрела в шевелящийся куст не прилетела.

«Может, ушел с крыши? Там сидеть — мишень из себя изображать, но, с другой стороны, больше ниоткуда нас в этой яме не достать, только с верхотуры. Ладно, продолжаем!»

— Ничего, ребятки, у нас и другое средство найдется. Антоха, снимай шлем. Кузя, надень шлем на что-нибудь… да вот хоть на приклад самострела. А теперь перейди на другой край, ага, вот туда, и приподними шлем, чтобы лучник его увидел. Все готовы? Давай!

Стрела ударила в многострадальный шлем Антона, Мишка тут же приподнялся и выстрелил. Почти одновременно щелкнули самострелы Петра и Серапиона. Попали или нет, Мишка не понял. Еще раз выставили шлем, пошевелили веткой куста… никакой реакции. Мишка рискнул и выглянул — в конце концов,

стрела не пуля, летит медленнее. На крыше было пусто — то ли сбили лучника, то ли сам убрался от греха.

— Все, нет там больше лучника. Молодцы!

— Рады стараться, господин сотник!

— Да не орите вы так… Антон, очухался?

— Ага… то есть так точно.

— А чего на зов не отвечаешь? Слышишь, свистят: «Как дела?» Они же видели, что в нас стреляли, беспокоятся.

Антон сунул два пальца в рот и ответил: «Все в порядке».

«Вот-вот, займись-ка делом, а то глаза совсем чумные. Да! Чума! Как он там, неужели убили?»

— Теперь слушайте внимательно. Я вам сарай издалека показывал…

Мишка повторил отрокам то, что один раз уже рассказывал. Повторение — мать учения. Потом выглянул еще раз — на крыше никого, а остальным их в овражке да за кустиками не разглядеть.

— Кузя, у тебя все готово?

— Опять сразу втроем стрелять будете? Сейчас, погоди…

Зажигательные болты шедевром оружейной мысли назвать было трудно даже при самой буйной фантазии, но лучше пока ничего у Мишки с Кузьмой не получилось. Собственно, ничего революционного они и не придумали, просто перенесли на стрельбу из самострела наработки лучников.

На болт надевался не боевой наконечник, а что-то вроде жала гарпуна или остроги — воткнется, сразу и не выдернешь, придется выковыривать. На это длинное жало наматывалась пакля, пропитанная смесью смолы, воска и скипидара, и вся эта конструкция напоминала помидор, надетый на шампур. Мишка опасался, что скипидар — вещество летучее — быстро испарится, но оказалось, что испаряется только верхний слой, оставляя корочку из воска, которая предохраняет от контакта с атмосферой основную массу огнесмеси, имеющую «сметанную консистенцию».

Нововведения коснулись только организационной части применения зажигательного оружия. Если каждый лучник занимался изготовлением и хранением зажигательных боеприпасов сам, то в Младшей страже это было поручено Кузьме с помощниками. Заодно некоторое количество зажигательных болтов, хранящихся у Кузьмы, исполняло роль резерва боеприпасов, достаточно лишь было насадить на них боевые наконечники.

Баллистика у болта, конечно, заметно ухудшалась, но зато зажигательное действие получалось надежным. Самое же главное, такой болт поджигал даже вертикальную поверхность, его вовсе не обязательно было, подобно стреле, закидывать на крышу

строения. Горела прилипшая к поверхности огнесмесь довольно долго, да еще и растекалась; выдернуть наконечник, слабо прикрепленный к болту, было трудно, так что очаг пожара в месте попадания зажигательного болта был практически гарантирован.

Кузьма снарядил три зажигательных болта, сунул три лучинки в горшок с углями, подул, и, когда лучины разгорелись, передал две своим помощникам.

— Готово, Минь.

— Так, наложили болты, поднялись и прицелились… Отставить! Серапион! Да выдолби ты себе ступеньку получше, а то еле стоишь. Вот так, не ленись. Ну с Богом! Поднялись, прицелились, поджигай… бей!

Зажигательные болты ушли в сторону сарая. Мишка зарядил обычным болтом и выглянул. Один выстрел ушел вообще неизвестно куда, а два других попали в стенку, и за сухие жерди зацепился разгорающийся огонь. Кто-то в доспехе попытался сбить пламя, но получив от Мишки болт в ногу, отполз за угол дома.

«Вот таким, значит, образом. А то: профи, профи… мы тоже, блин, не в дровах найденные».

— Антон! Знак старшине Дмитрию и десятнику Егору!

— Слушаюсь, господин сотник!

— Кузя, ты свое хозяйство пока не складывай, может быть, еще огоньку подпустить придется.

— Подпустим, нам что, жалко, что ли?

— Господин сотник, а я свой болт им прямо в бойницу закинул! — похвастался Серапион.

«Ага, вот куда третий болт девался! Ну внутри-то его быстро погасят. Все равно, надо похвалить».

— Молодец! Ты и Петька у нас лучшие стрелки. Потому и позвал вас с собой. А ну-ка, гляньте, красота-то какая!

Из леса, оставаясь вне пределов точного выстрела из лука, выехала Младшая дружина Погорынского воеводы. На знамени «Лис несет сияющий крест во тьму язычества», такие же звери светились алым на щитах отроков. Шлемы, кольчуги, четкое разделение на десятки — воинская сила, и не подумаешь, что подростки!

Справа из леса, подбоченясь с гордым видом, выехал десятник Егор в сопровождении ратника Савелия, держащего в поднятой руке ветку с листьями.[27] Не доезжая десятка шагов до рогаток, которыми огородились городненцы, Егор остановил коня и закричал:

— Сдавайтесь! Выхода у вас нет! Обещаем жизнь и хорошего

лекаря для вашего князя!

— Вы кто такие? — раздалось в ответ после недолгого молчания.

— Войско Вячеслава Владимировича, князя Туровского!

— Чего надо? — Вопрос был не просто дурацким, но, несомненно, оскорбительным.

— А ты не понял?! Ну сейчас огоньку вам добавим, может, и поумнеешь. Или останешься жареным дураком!

Егор тронул коня и собрался отъезжать.

— Эй, погоди! — раздался с подворья Кривого уже другой голос.

Егор, будто и не слышал, продолжал ехать шагом. На подворье (Мишке было слышно) раздалась ругань, потом голоса поутихли, стало не разобрать, потом опять кто-то заблажил ругательно. Кажется, люди князя Всеволода не могли договориться между собой. Наконец, когда Егор с Савелием проехали уже половину пути до опушки леса, им в спину снова заорали.

— Эй! Э-эй!!! Да погоди ты! С тобой боярин наш говорить будет!

Егор, что называется, «умел держать марку» — развернул коня на месте, но возвращаться не стал, мол, хочешь разговаривать, иди сюда сам.

На подворье Кривого началось шевеление. Выскочивший откуда-то дружинник сначала отодвинул рогатку, преграждавшую выезд, потом подтянул подпруги у двух коней и подвел их к дому. Из дверей вышел немолодой уже мужчина, атлетического сложения (впрочем, и все остальные дружинники отнюдь не выглядели хлюпиками) в дорогом доспехе. Судя по его гордой осанке и тому, как почтительно придержал ему стремя дружинник, вышедший был кем-то из начальных людей — скорее всего, княжеский ближний боярин.

Оба — дружинник и боярин — проехав через проход в рогатках, направили коней к Егору. Разговор был недолгим, без повышения голосов и жестикуляции, потом городненцы отправились назад, а Егор засвистел призывно и замахал рукой, подзывая Мишку.

— Антон, коня! А вы тут посматривайте… самострелы держать заряженными, старший — мастер Кузьма. Кузя, не стесняйся — не к матушке на пироги пришли — чуть что, стреляйте, только аккуратно, своих не зацепите.

— Ага, понятно… Минь, ты тоже… поосторожнее там.

— Ничего, Кузь, как только туда Демьян со своими ребятами въедет, никому и шелохнуться не дадут.

— И все-таки, взял бы ты опричников. Хоть десяток.

Препираться с братом Мишка не стал, тем более что по знаку Антона к его «командному пункту» уже пригнали коней. Поднимаясь в седло, он краем глаза заметил, как Кузька перекрестил его в спину.

«Переживает… А, собственно, в чем дело? Он же прав».

— Антон, первый десяток опричников ко мне. И со знаменем! Поручику Демьяну передай, что как только мы въедем на подворье, пусть выдвигается со своими людьми, раздвигает рогатки и будет готов принимать пленных… или прийти нам на помощь.

— Слушаюсь, господин сотник!

Егор встретил Мишку какой-то непонятной — не то язвительной, не то злобной — ухмылкой.

— Кочевряжатся, понимаешь! Зазорно де князю простому ратнику сдаваться, требуют боярина. Ты тут старший из бояричей, вот и давай, тебе ж не впервой с князьями беседы вести. Правда, он вроде бы без памяти валяется, но, может, сумеешь?

Молчун Савелий, державшийся чуть позади Егора, при этих словах не то ерзнул в седле, не то шевельнул корпусом, но получилось это у него как-то саркастически. Непонятно лишь было, к чему этот сарказм относится — к поведению городненцев или к статусу Мишки.

«Угу, понятненько: одно дело в бою победить — тут они меня равным себе не скоро признают, а другое дело — политес соблюсти на княжеском уровне — этого они просто не умеют, а сопляк… как еще справится? Ну-ну, будем посмотреть».

— Что с Чумой, жив? — спросил Мишка, игнорируя и мимику Егора, и телодвижения Савелия. — Еще потери есть?

— Хочешь верь, хочешь не верь, а нету потерь. Так — зацепило двоих, но не сильно. А Чума сам виноват, стрелять разучился, облом корявый. Повезло — по затылку вскользь получил. Хоть и рассекло почти до кости и клок волос выдрало, но в памяти и ругается, значит, не опасно. Мотька ему сейчас затылок зашивает… я велел так и вышить: «Мазила», пусть покрасуется, пока волосы отрастут.

«Неужели Мотька поведется? Да нет, не станет — два-три шва наложит, и все. А Чума переживать будет: вдруг и правда надпись вышита? Шуточки у вас, лейтенант».

— Так что, если спросит, так и отвечать: «Мазила» вышито?

— Ага, так и отвечай. — Егор снова ухмыльнулся. — Я уже всем велел… Дураков криворуких учить надо!

— Господин сотник, первый десяток по твоему приказанию прибыл! — раздался позади голос урядника Андрея.

— Следовать за мной и десятником Егором! — распорядился Мишка. — Самострелы взведены? Наложить болты, быть готовыми к бою. Знаменщик, вперед. Ну что, дядька Егор, поехали князя пленять?

— Поехали… боярич. Как бы не помер князь-то, а ну как Мотька с Илюхой не справятся?

«Ой, забыл совсем!».

— Антон! Лекаря Матвея и обозного старшину Илью сюда! Со всем лекарским хозяйством. Ждать у рогаток и быть готовыми подойти по первому зову!

— Слушаюсь, господин сотник!

— Ну что ж, господа… Вперед, нас ждут великие дела!

— Вот именно, бур-бур-бур… — невнятно проворчал Егор, трогая коня одновременно с Мишкой.

На подворье Кривого на ногах оставалось всего трое дружинников. Остальные же… один лежал, накрытый плащом с головой (видимо, поймал шальной болт), еще один сидел под стенкой с наспех перевязанной ногой (Мишкин «крестник», пытавшийся сбить пламя с сарая), еще один — без левого сапога, сам себе перетягивал повязкой голеностоп (видать, тот самый лучник неудачно с крыши спрыгнул) и двое обожженных. Первый держал на весу покрытые волдырями руки, а на другого, обнаженного по пояс, вообще было страшно смотреть — борода сгорела, лицо, шея и верхняя часть груди обожжены.

«Это в него, наверное, тот зажигательный болт попал, который Серапион в бойницу запустил. А второй его гасил и руки обжег. М-да, вундервафля…»

— Всем здоровым оружие на землю! — рявкнул Егор. — Савелий, обыщи, чтобы не утаили чего, а потом в сарай их!

«Так, взять на заметку: обыску я опричников не учил — сам не умею. Но надо, в жизни всякое случается».

— Урядник Андрей, троих со мной, остальные — в помощь ратнику Савелию, — скомандовал Мишка. — Не забыл, как людей расставлять?

— Так точно, господин сотник, помню. Стоять так, чтобы не перекрывать друг другу линию выстрела…

Мишка недослушал и обратился к раненым:

— Сейчас наши лекари князя посмотрят, а потом вами займутся, потерпите.

В дверях дома обнаружился еще один дружинник. Стоял, перегородив проход копьем и смотрел волк волком.

— Прочь! — опять рявкнул Егор. — Пошел к остальным! Савелий, тут еще один, прими!

Дружинник вопросительно обернулся внутрь дома, оттуда ему что-то невнятно сказали, и он, зло швырнув копье на землю, зашагал к остальным пленным, на ходу расстегивая оружейный пояс.

— Трое внутрь, оружие держать наготове, — велел Егор отрокам.

Те, сначала глянув на Мишку и дождавшись утвердительного кивка, выполнили команду. Егор посторонился, предлагая Мишке войти впереди него.

В избе Кривого, хоть и оказавшейся чуть просторнее, чем представлялось снаружи, такому количеству народа явно было тесновато. Вплотную к лежанке, на которой, тяжело дыша, лежал князь Всеволод, стояли, закрывая его собой, двое: тот самый боярин, который выезжал на переговоры, и еще один, которого буквально трясло, не то от ярости, не то еще отчего-то.

«Наверное, тот самый „дерганый“, про которого пацан говорил».

Обоим было явно непривычно стоять под прицелом самострелов.

«Ага, это ТАМ телевизор приучил к виду людей, стоящих под наведенными на них стволами, а ЗДЕСЬ это в новинку. Копье или меч в аналогичных обстоятельствах приставляют к груди или к горлу, а вот так, на расстоянии, ни лучник, ни пращник угрожать не могут. Наверняка беспокоятся, как бы кто-то из ребят случайно на спуск не нажал, вот и застыли неподвижно. Ну что ж, нам же легче».

Мишка скользнул взглядом по углам, иконы, на которую можно было бы перекреститься, не нашел, а кланяться очагу по языческому обычаю, не стал.

«Так… спина прямая, подбородок чуть вверх, морду „кирпичом“, левую руку на рукоять меча, правую ногу чуть вперед. Я — представитель высшего сословия!»

Коротко склонил голову и представился:

— Сотник Младшей дружины воеводы Погорынского боярина Кирилла, боярич Михаил.

Пауза. Ждали-то взрослого человека. Наконец, тот, что выезжал на переговоры, представился в ответ:

— Боярин Авдей Солома, — покосился на «дерганого» и продолжил: — Боярин Василий Гоголь.

Мишка от неожиданности чуть не утратил соответствующей ситуации «морды лица». Конечно же «дерганый» боярин не имел никакого отношения к великому русскому писателю, даже и

отдаленным предком классика, скорее всего, не являлся. Дело во внешности — больно уж похож на этот вид уток — коренастый, короткошеий, с большой головой и ходит наверняка вперевалку, да и нос какой-то сплющенный, на утиный клюв похож. Но прозвучало слово «гоголь» настолько неожиданно и неуместно…

Затянувшуюся паузу прервал боярин Солома:

— Да где ж ваш лекарь?

Егор, почувствовалось, хотел что-то сказать, но сдержался, а Мишка лишь молча указал подбородком на оружейный пояс городненца. Тот понял, тяжело вздохнул, отцепил ножны с мечом и, шагнув вперед (один из отроков сопроводил его движением самострела), с легким поклоном передал его Мишке. Тот, с таким же поклоном, принял оружие и передал его Егору. Второй боярин тоже отцепил меч, потом, совершенно неожиданно, с каким-то рыдающим криком швырнул его себе под ноги, сам пал на колени и замолотил кулаками по земляному полу, выкрикивая бессвязную смесь ругательств, проклятий и оборванных фраз, общий смысл которых можно было свести к цитате из кинокомедии «Бриллиантовая рука»: «Все пропало! Гипс снимают, клиент уезжает!!!» — натуральная истерика.

Боярин Солома поморщился, склонился к напарнику и попытался успокоить:

— Угомонись, Василий… криком делу не поможешь… стыдоба… — Потом, видимо потеряв терпение, пнул Гоголя ногой в бок: — Да угомонись ты, Васька!

Гоголь с неожиданной ловкостью схватил Авдея Солому за ногу и торопливо забормотал:

— Скажи им, Авдеюшка, скажи… христиане же… крест на знамени, поймут… детки же малые погибают… Авде-ей!!! Делать что-то надо!!!

— Угомонись, я сказал! Сначала князь! — Боярин Солома повернулся к Мишке и Егору и тоже заорал: — Да где же ваш лекарь-то? Обещали же!

Происходило что-то непонятное, что-то, без преувеличения, важнейшее, имеющее для пленных бояр огромное значение, но разбираться с этим… Мишка обернулся ко входу и позвал:

— Антон!

— Здесь, господин сотник!

— Илью и Матвея сюда! Быстро!

— Слушаюсь, господин сотник!

Егор склонился к Мишке и негромко подсказал:

— Этого бы, стенающего, убрать, да и отроки больше не нужны.

— Этого! — скомандовал Мишка, указывая отрокам на

боярина Гоголя. — В сарай к другим пленным. — И, как бы поясняя для боярина Соломы, добавил: — Тесно здесь, а лекарям в покое работать надо.

Авдей ничего не сказал, лишь отшагнул от Гоголя. Отроки подхватили боярина под руки и поволокли к выходу. Потерять лицо — потерять все, Гоголь болтался в руках парней как тряпочный и, только когда его протаскивали в дверной проем, снова заблажил:

— Скажи им! Скажи, Авдей! Все равно уже… скажи!!!

— О чем он? — обратился Мишка к боярину Соломе. — Может, нам и впрямь знать надо?

— Сначала князь! — отозвался боярин «железным» голосом.

— Если ты подмоги дожидаешься…

— Не дожидаюсь! Сначала князь!

Чувствовалось, что Авдей Солома с трудом сдерживается, чтобы не сорваться на крик. Мишка переглянулся с Егором, тот только пожал плечами.

«Дети погибают? Оттого они и сорвались малым отрядом от конвоя? Что, княжья семья в опасности? Но ее же не могли оставить без охраны, а если охрана не помогла, то что он собирался сделать всего с двумя десятками дружинников? Какое-то предательство, заговор, бунт, нападение ятвягов? Так все равно, что такое двадцать человек? Почему Гоголь просил сказать, а не сказал сам, если для него это так важно?»

— Михайла! — донесся снаружи голос Ильи. — Где тут болящий?

— Заходите! Вон, князь на лежанке.

— Давай, Мотька… князь не князь, нам без разницы — нутро у всех одинаковое, это поверху нарядятся да украсятся…

— Это князь Всеволод Давыдович! — буквально взорвался Авдей Солома. — И если ты его не вылечишь…

— То ничего не будет!!! — Мишке пришлось как следует напрячь голос, чтобы перекричать городненского боярина. — Мои лекари не за страх работают!!!

Да, сильный, привыкший командовать, уверенный в себе воин и княжий ближник, поставленный обстоятельствами в беспомощное положение, — то еще зрелище. В бешеном взгляде боярина Соломы читалось желание свернуть шею этому наглому мальчишке и… прямо-таки безмерная тоска от невозможности исполнить это желание.

В ответ у Мишки начала морщиться, открывая передние зубы, верхняя губа, а правая рука сама собой сделала движение, чтобы выкинуть из рукава кистень. Бешеный Лис полез наружу, задвигая в сторону сознание Михаила Ратникова.

«Назад, скотина! Я в своем уме должен быть!»

Не получалось! Бешенство накатывало волной, и самое страшное — организм четырнадцатилетнего подростка отдавался ему просто с восторгом!

«Нет, нельзя… отец Михаил… берсерк…»

В себя Мишка пришел, оттого что Егор крепко тряхнул его за плечо, и первое, что увидел, — удивление, сменившее на лице боярина Соломы выражение сдерживаемой ярости.

— Дядька Егор, выйду-ка я наружу, ты присмотри тут… ладно?

— К Аристарху бы тебя… как батьку твоего покойного. Тоже ведь… Ладно, ступай.

— Ты мне потом, про батюшку…

— Иди, иди.

Мишка выбрался из дома и тут же присел на завалинку. И не то чтобы плохо себя чувствовал, но было какое-то ощущение…

«Ох, ни хрена себе, как вас накрыло-то, сэр Майкл! Спасибо, лейтенант Егор вмешался… Случайно заметил или знал? Что он там про батюшку-то сказал? Эх, остограммиться сейчас в самый раз было бы!»

— Антон!

— Здесь, господин сотник!

«Прям как чертик из табакерки!»

— Баклажка с яблоневкой (название «Кальвадос» как-то не прижилось, да Мишка и не настаивал) у тебя далеко?

— Сейчас принесу!

— Давай, только смотри, скипидар, как прошлый раз не притащи.

— Какой прошлый раз?

— Иди, иди, шучу я.

«Веселье не к месту, дурацкие шутки… а перед этим в бешенство увело… Откат, что ли, пошел? А чего удивляться-то? Вы же, сэр, первый раз самостоятельно сотней в бою командовали. И „ди эрсте колонне марширт“ сами спланировали, и худо-бедно процессом руководили… Коряво наверняка, что-то и вовсе не так как надо делали, но результат-то есть! Да, все на нервах, и за ребят боялись, и обожженный этот… нет, без ста грамм не обойдешься! Точно!»

Внутри избы началась бурная деятельность — слышно было, как Матвей требует принести горячей воды, перенести князя на стол… Егор, высунувшись в дверь, кричал что-то отрокам… Мишка просто сидел и ждал возвращения Антона. Просто сидел, без всяких мыслей и не обращая внимания на окружающее. Наконец адъютант появился, Мишка хлебнул прямо из

горлышка… да, это было то, что и требовалось, — сначала обожгло непривычное к таким градусам горло, потом по телу начало расходиться тепло, изгоняя напряжение и внутренний дискомфорт. Мишка с трудом удержался от того, чтобы хлебнуть еще (организм-то четырнадцатилетний), и с сожалением заткнул горлышко пробкой.

— А ну-ка, дай сюда.

Егор, вышедший из избы вместе с боярином Соломой, забрал у Мишки баклажку, сделал пару добротных глотков, крякнул, пробормотал что-то про адское зелье и передал посудину Авдею. Следующие несколько секунд Мишка с Егором наблюдали выпученные глаза и стремительно краснеющее лицо перхающего городненца.

— Это что такое? — вопросил, прокашлявшись, боярин Солома и добавил со смесью опасения и любопытства: — Из чего делаете?

— Из яблок, — не стал таиться Егор. — Особливо нарочитое питье для поправки здоровья, изгнания дурных мыслей и… Ты баклажку-то отдай, а то прольешь ненароком. Или еще хлебнуть хочешь?

— Э-э… нет.

— Тогда давай ее сюда, садись вот рядышком с бояричем да побеседуйте, пока суть да дело.

— Да, давай-ка, боярин Авдей… Как тебя по батюшке-то? — подхватил Мишка.

— Да что я, князь, что ли?

— Ну князь не князь, а не из худородных, да и годами в отцы мне годишься, — уважительно отозвался Мишка. — Так как величать-то тебя по батюшке?

— Авдеем Авдеичем.

— Ты мне тут не бормочи, коряга старая! — донесся из избы голос Ильи. — Явственно сказывай: чем князя пользовала?

«Кого это он так? Ах да! Бабка-травница. Как же я ее не заметил? За очагом, что ли, сидела?»

— Вот! Слышишь, Авдей Авдеич? — встрял в разговор Егор. — Наши лекари не за страх, а за совесть трудятся! Да ты присядь, присядь, в ногах правды нет. Вон, гляди, как стараются!

Мимо них то и дело сновали туда-сюда отроки. Один притащил в избу котелок с горячей водой, другой какой-то сверток и неизвестно зачем связку свечей, третий еще что-то…

— Стараются-то они, стараются… — Боярин Солома недоговорил и уселся на завалинке, нахохлившись, как мокрый воробей на ветке. Похоже, особых надежд на искусство лекарей он не возлагал.

— Что, совсем плох князь? — спросил Егор.

Авдей лишь молча кивнул, не вдаваясь в подробности. Мишка решил помолчать — мужику, близкому боярину по возрасту, было легче развести его на разговор, чем мальчишке.

«Блин, ну когда же я вырасту-то? Кхе! Прямо как в детстве…»

— Давно он у вас так? — продолжил доброжелательным тоном ратнинский десятник.

— Ранили еще у Припяти. — Боярин Солома, кажется, собирался ограничиться этим кратким ответом, но потом со злостью добавил: — Да если бы нам в спину не ударили, и князя почти что первой же стрелой не достали…

— Было б еще хуже! — закончил Егор вместо Авдея. — Вот его сотня, — десятник кивнул на Мишку, — уже на подходе была. Как вжарили бы по вам из сотни самострелов…

«Врет и не краснеет. Зря это он, пожалуй».

— И это еще наш воевода с главной силой не подошел! — продолжал вещать Егор. — Так что ваше счастье, что вовремя убрались, а нам надо было на выручку к Пинску идти, а то бы мы с тобой сейчас не разговаривали!

Боярин Солома покосился на Мишку и снова промолчал.

— Куда ж вы князя, такого немощного, везли-то? — Егор снова перешел с воинственного тона на доброжелательно-сочувствующий.

— Куда надо, туда и везли.

Хвастливо-воинственный пассаж Егора разрушил доброжелательную тональность, разговор явно не получился.

Из избы снова донесся голос Ильи, оравшего на травницу. Мишка напряг голос и крикнул:

— Илья, да отпусти ты ее! Пусть лучше раненым на дворе поможет, вам же с Матвеем не разорваться!

— Да, раненые! — встрепенулся боярин Солома. — Надо проведать.

— Хорошо, Авдей Авдеич, пошли, — покладисто согласился Мишка.

Раненых возле сарая оказалось на одного меньше, чем раньше, а покойников — на одного больше. Тот страшно обожженный дружинник лежал рядом с убитым товарищем, тоже накрытый плащом с головой.

— Господи, прими душу раба твоего Трифона…

Боярин Солома перекрестился, Мишка последовал его примеру.

— Отмучился… — Боярин тяжело вздохнул. — Чем это вы его так?

— Да вот, наши умельцы не только яблоневку делать

способны. — Мишка почувствовал, что говорит что-то не то, и поправился: — Мы же не в него целили, а в стенку. Такой снастью по людям стрелять нельзя, зверство это. Случайно вышло.

Постояли пристойное количество времени над покойниками, помолились.

…Молим Тя, Преблагий Господи, помяни во Царствии Твоем православных воинов, на брани убиенных, и приими их в небесный чертог Твой, яко мучеников изъязвленных…

«Да уж, досталось мужику… не приведи Господь».

…Помилуй павших на брани православных воинов Твоим милосердием, прости им вся согрешения, в житии сем содеянная словом, делом, ведением и неведением…

«Неведением… не ведал Серапион, что в человека зажигательным болтом попадет. И хорошо, что результата не видит».

…Ты отъял еси от нас присных наших, но не лиши нас Твоея милости: услыши молитву нашу и приими милостивно отшедших к Тебе приснопоминаемых нами рабов Твоих Трифона и Симеона; воззови их в чертог Твой, яко доблих воинов…

«Вот так и узнаешь имя человека только после того, как убил его…»

После заключительного «Аминь» Мишка уловил искоса брошенный на него взгляд боярина Авдея, вспомнил отчего-то слова княгини Ольги Туровской «Интересный ты мальчик» и понял, что добром, пожалуй, ничего не получится — Егор испортил налаживавшийся поначалу разговор, а с мальчишкой общаться на равных боярин не станет. К тому же Авдей уже успел разобраться, что пленившая его дружина состоит, главным образом, из таких же мальчишек, и оттого досада его стала еще острее. И все же, того, что произошло, он не ожидал — Авдей Солома с места, без замаха врезал Мишке кулаком так, что тот полетел спиной прямо на только что отпетых покойников. На этом, правда, все и закончилось — кто-то из отроков приложил Солому прикладом самострела, кто-то пнул по ноге (железные подковки на сапоги в Ратном прибивали особым манером), потом навалились втроем или вчетвером…

Мишка поднялся на ноги, сплюнул кровью и огляделся. Отроков набежало — ну прямо толкучка, как на торгу. Бабка-травница, перевязывавшая раненого в ногу дружинника, уцепилась за того, словно ища защиты, ратник Савелий чуть ли не поднял в воздух Демьяна, ухватив за руку, в которой тот держал засапожник. Двое отроков ударами прикладов заставляли снова сесть на землю вскочившего было дружинника с обожженными руками…

— А ну тихо! — покрыл общий гвалт голос десятника Егора. — Все по местам! Михайла, что тут такое?

— Да ничего, дядька Егор. — Мишка приложил ладонь к разбитой губе, потом глянул на испачканную кровью руку. — Все уже, все. Демьян, угомонись! Урядники, куда смотрите?! Прекратить толкотню, все по местам! Антоха, ты чего?

Антон сидел на земле, держась руками за живот.

— Сейчас пройдет, господин сотник… локтем он мне заехал…

«Золотой парень, успел кинуться на выручку… А боярин-то силен… Ну гнида, если с Антохой что-то серьезное…»

— Ну-ка поднимите его! — Мишка указал отрокам на боярина Солому.

«О как! Ну натуральный „Этюд в искаженных пропорциях“!»

Выглядел городненский боярин, мягко говоря, неважно — лицо перемазано землей и кровью, так что и не разглядеть почти ничего, на левой ноге явно стоять не может, да и сам перекошен… не то ребра сломаны, не то еще что-то. Веревками и ремнями обкручен, что твой шелкопряд.

Избит-то он был избит, но не сломлен! Нашарив Мишку единственным зрячим глазом, Авдей Солома плюнул в него смесью крови и осколков зубов.

«Прямо, как партизан в гестаповца!»

Бить связанного было невместно, но кое-что разъяснить стоящим вокруг отрокам требовалось.

— Значит, по-людски не желаешь? Так вот тебе мой сказ. Вы, иуды, навели латинян на православные земли. Иудство ваше множеством смертей и несчастий для невинных людей обернулось. Дети, говорите, пропадают? Пусть пропадают, ибо иудино семя!!! Троих людей вы куда-то послали? Вернутся — встретим! Встретим, встретим, не сомневайся. Придет сюда ваша дружина с полоном, тоже встретим! А теперь слушай особо внимательно: если хоть один мой человек при этом погибнет, я вас в этом сарае живьем зажарю, и князя вашего это жаркое сожрать заставлю!!!

«Хватит, сэр! Монолог из индийского кино, да и только. Заткнитесь, ей-богу лучше будет!»

— В сарай его! — распорядился Мишка, оглянулся на Антона, который уже поднимался на ноги (видать, обошлось), и поплелся на ту самую завалинку, где совсем недавно собирался мирно побеседовать с пленным боярином. Ну не просто побеседовать, а хотел попробовать «раскрутить» того на информацию. Конечно, можно бы и попытать кого-нибудь из пленных, по нынешним временам это дело обычное, но так хотелось извернуться и

стравить городненцев с ляхами… Мало ли, чего кому хочется? Первый заход не просто не удался, а натурально провалился с криками и мордобоем, продолжать в том же духе — завалить все дело окончательно. Надо было подумать.

— На-ка, хлебни еще! — Егор подал Мишке баклажку с яблоневкой. — Не бойся, деду не расскажу, что ты крепким хмельным пробавлялся, будем считать, что это лекарство.

Мишка хлебнул и скривился — спиртное огнем обожгло разбитую губу. Снова приложил ладонь, крови нет, пощупал пальцами нижний передний зуб, не шатается. Ну и ладно.

— Что у вас там стряслось-то? — поинтересовался Егор. — Вроде мирно все началось…

— Что-то не так пошло. Ошибся я — не следовало его к раненым пускать…

Егор вздохнул, усаживаясь рядом с Мишкой, покрутил в руках пробку от баклажки, вздохнул еще раз и закупорил сосуд с яблоневкой.

— Избаловался ты, Михайла. Все, что ни задумаешь, у тебя выходит… Везение как с тобой вместе родилось. А бывает ведь в жизни, что и не получается что-то… бывает же, что и вовсе ничего не выходит, хоть наизнанку вывернись.

— Да что вы все заладили: везение, везение? Не выходит ничего само по себе — по трудам все! Только труды те не всегда заметны бывают! А бывает, что и дурью поначалу представляются. Вот хотя бы самострелы те же. Ты вспомни, как над мальчишескими стрелялками смеялись. А сейчас тебе смешно? Ты видел, как Солома с Гоголем под прицелом стояли и шевельнуться боялись?

— Под прицелом… скажешь же. Слова у тебя какие-то…

— Господин сотник, дозволь обратиться? Старшина Дмитрий.

— Что, Мить? Случилось что?

— Дозоры расставлены. Четыре конных — открыто, четыре пеших — скрытно. Еда для отроков готова, прикажешь обедать в очередь?

— Да, давай по одному десятку.

— А пленных?

— Ничего, пускай попостятся! — мелко (аж самому стало стыдно) озлился Мишка. — Кроме раненых, их покорми.

— И еще. Куда хозяина-то девать?

— Какого хозяина?

— Ну… Кривого. Две бабы еще, малец… дом-то занят, сарай тоже.

— Слушай, Мить, сообрази сам, пристрой как-нибудь. Пообещай, что за беспокойство и убытки мы ему раненых коней

оставим… Есть ведь раненые кони?

— Есть. Я не считал, но если…

— Вот и ладно. Еще что-нибудь?

— Мастер Кузьма просится сюда, хочет посмотреть, как зажигательные болты сработали.

— Посмотреть, значит, желает? Ага, пусть приходит, я ему покажу!

Дмитрий удивленно уставился на Мишку, не понимая, что того так разозлило. Кажется, хотел еще что-то спросить или доложить, но раздумал.

— Разреши идти?

— Ступай.

— Хочешь Кузьме того обожженного показать? — догадался Егор.

— Да, пусть полюбуется, а то… все ему игрушки.

— А не боишься охоту к придумкам ему отбить?

— Нет, дядька Егор, если уж тяга к придумкам появилась, да стали эти придумки получаться, пользу приносить… это уже на всю жизнь, иначе Кузьма жить не сможет. Однако думать о том, к чему та или иная придумка привести может, он обязан, иначе такого натворит — нам с тобой даже и не вообразить!

— Подумать-то, оно, конешно, всегда полезно, но…

Договорить Егору не дал длинный и страшный крик, донесшийся из избы Кривого, и вслед за ним громкий голос Матвея:

— Держите! Да держите же его!

«Блин, что это Мотька там с князем-то делает? Но если Илья позволяет, наверное, все правильно…»

В сарае, видимо, узнав голос своего князя, раскричались пленные — угрозы и проклятия смешались в единый неразборчивый гвалт. Князь снова закричал, но крик уже был короче и слабее, зато в сарае, наоборот, гвалт усилился.

— Гляди-ка, какой народ-то у Всеволода в дружине крепкий! — восхитился Егор. — Обычно-то, когда пленного допрашиваешь с пристрастием, да тот вот так орать начинает, другие пленные — молчок, да еще скукожатся, вроде как поменьше стать стараются, чтобы, значит, на них внимания не обратили да тоже не начали… Гм, а эти-то в крик! Умеет Всеволод себе ближнюю дружину подобрать, ничего не скажешь!

— Выходит, мы у него лучших людей побили?

— Выходит, так… — Егор сначала сказал, а потом сам понял, что сказал: мальчишки побили лучших людей князя Городненского! — Ну, Михайла… А ведь если князь умрет, ты нипочем с городненцами не договоришься, даже и не мечтай!

— Да это-то понятно.

«Да-а, приехали… обязательно ведь скажут, что намеренно князя уморили. Почти всегда смерть властителя, даже самая что ни на есть естественная, обрастает всякими слухами. Две основные темы: либо некие злодеи извели, либо чудесно спасся и вот-вот объявится. А уж при таких-то обстоятельствах, как сейчас, да зять великого князя Киевского… И как отмазываться? А никак! Ни хрена им не докажешь! Хоть один на свободу вырвется, и пойдет гулять слух… Трындец, одним словом. Как заставить их молчать? Способ-то есть — покойники народ неразговорчивый. Всех перебить? Демка, еще пара отроков, таких, что выполнят приказ не задумываясь, найдутся. Да тот же Варлам, к примеру. Или самому все сделать, сколько их там, меньше десятка? Егор… Егор, пожалуй, возражать не станет… или станет? А он и знать не будет — поставлю перед фактом, когда дело уже будет сделано!

Блестящее решение, сэр! Главное — простое и эффективное! И какова же, позвольте полюбопытствовать, цена всем вашим рассуждениям о том, что не все средства могут быть приемлемыми, а грешить нельзя, даже если ты неверующий? Как там ваша многоуважаемая бабушка изволила выразиться? „Если милиционер не видит, то все можно“, так?

Да, так что делать будем, досточтимый сэр? Имеется задача: предотвратить распространение нежелательной для вас информации. Имеется и „классический“ способ решения таковой задачи — физическое устранение носителей этой информации. Условия решения задачи облегчены тем, что эти самые носители находятся в полной вашей власти. Это одна сторона проблемы. Однако имеется и другая сторона — некоторые ограничительные установки, которые вы для себя выработали, противоречащие выбору „классического“ метода решения. Имеется также обстоятельство, вносящее элемент непредсказуемости — ваш, сэр, дебют в роли сотника Младшей дружины. Решительность и безжалостность! Это как? Достойные черты к портрету рождающегося сотника или нет? Их же можно истолковать и как вероломство и неоправданную жестокость. Более того, при определенных обстоятельствах физическое устранение носителей информации может рассматриваться как слабость и даже трусость.

Ну-с, досточтимый сэр, будем грешить? „Классически“, так сказать, или другое решение поищем? Метод поиска тоже класси… тьфу, вот привязалось. Метод… гм, апробированный: из множества рациональных решений надо выбирать самое нравственное, а из множества нравственных — самое

рациональное. Что выберем?»

— О чем задумался, Михайла? — В голосе Егора, кажется, было даже сочувствие.

— Да вот, думаю, что делать, если князь и вправду помрет.

— И что надумал?

— А ты что, тоже от меня чудес каких-то ждешь? Так не будет чудес, господин десятник, не будет! Единственное, что пришло в голову, — перебить всех пленных, чтобы не болтали!

— Угу. Понятно. — Мишке показалось, что Егор слегка ухмыльнулся в усы. — Сам резать будешь или помощники найдутся?

— Да чего ты от меня хочешь-то?

— А помогаю тебе. Совет вот дать хочу, как Корней мне наказал… советовать, значит, когда понадобится.

— И какой же совет?

— Кривого с семейством тоже прибрать придется. Чтобы не сболтнули чего лишнего. Да и отрокам твоим языки урезать не помешало бы. Вот хотя бы крестник твой — поручик Василий Святоша — уже все уши прожужжал: «Михайла, мол, — десница Божья, по его мановению целая ладья вражеская от нескольких болтов утопла, врагов повергает охапками, сам же невредим остается…» Про нынешнее дело тоже небось такое расскажет, что только ахать будем!

«Ну да, опять „классика“ — один раз начав убивать с целью предотвращения распространения опасной информации, остановиться почти невозможно».

Мишка поискал, на что бы перевести разговор, и заметил отирающегося неподалеку Антона.

— Антош! Ты как, оклемался?

— Так точно, господин сотник!

— Не ври мне! Вижу же, что скособоченный. Болит?

— Да так, немного.

— Угу. Немного… такой детина локтем заехал — и немного? Значит так: как только Матвей или Илья освободятся, пусть тебя посмотрят. Такие удары по животу — не шутка. А пока… ты же еще не ел? Иди поешь и вели нам с господином десятником сюда принести. Да не сам тащи, пришли кого-нибудь. А сам, как поешь, пристройся где-нибудь отдохнуть. Полежи до вечера. Хотя… стой! Есть запрещаю! Пока лекари не разрешат, ни крошки! Мало ли что он тебе внутри порушил? Просто найди место, где полежать в покое…

— Да я…

— Приказываю полежать! Здесь около меня целый десяток опричников, можешь не беспокоиться. Вот, кстати… Урядник

Андрей!

— Здесь, господин сотник!

— Найди, где моего помощника уложить, доспех помогите снять, а есть не давать, пока кто-нибудь из лекарей его не осмотрит. Опасаюсь я, что у него в животе что-то повреждено может быть. Понятно?

— Так точно, господин сотник.

— Исполнять!

— Слушаюсь, господин сотник. Пошли, Антоха, мы там раненых уложили, и для тебя место найдется.

— Ага. Только ты вели Михайле и десятнику поесть принести…

— Ладно, ладно, сообразим…

Аппетит Мишке и Егору испортил Илья — вывалился из избы распаренный, как из бани, в заляпанной на животе кровью и гноем рубахе, и сунул Мишке под нос на такой же грязной, как рубаха, тряпке что-то маленькое, черное.

— Во! Молодец Мотька, этакую мелочь в ране нашел и вынуть сумел!

— Это что? — Мишка отставил миску в сторону, есть сразу расхотелось.

— Обломок кольца кольчужного. Стрела-то с граненым наконечником кольца в куски рвет, вот один обломок с собой в рану и утащила. Оттого и загноилось, и горячка у князя началась. Оно, конечно, случается, что тело железку внутри себя как бы обволакивает, да так все и зарастает, но это надо в покое пребывать, а он-то верхом скакал, пока мог, потом в носилках трясся…

— Ну и? Выживет теперь князь-то?

— Да как сказать… если бы все так и осталось, помер бы непременно. А сейчас… надо посмотреть, как ночь переживет. Тяжко раненные, они как-то все больше перед рассветом помереть норовят. Обыкновение такое… Господи, спаси и помилуй! — Илья перекрестился окровавленной рукой. — Если до завтра продержится, то надежда есть, Господь милостив.

— А велика ль надежда-то? — с сомнением в голосе спросил Егор.

— Так ведь… все в руце Божьей, токмо на него и уповаем…

Было понятно, что, сколько ни расспрашивай, больше от Ильи ничего не добьешься.

— Вы Мотьку пока не беспокойте, — немного помолчав, добавил Илья. — Сам пластом лежит, как полумертвый. Если еще раненые есть, я без него гляну.

— Там бабка-травница…

— Да ну ее, дуру старую! — Илья презрительно сплюнул в сторону. — От всех хворей одним и тем же лечит… вреда-то от нее нет, но и пользы… Так есть еще тяжелые раненые?

— Антона бы посмотреть, — Мишке было неудобно просить: вид у Ильи был измученный. — Ему крепко в живот локтем двинули. Я велел доспех снять, уложить и есть не давать…

— Верно решил. Давай показывай, где он у тебя?..

Ночь князь Всеволод пережил. Мишка тоже. И неизвестно, кому было легче — будто за близкого родственника переживал. Чуть ли не до утра ворочался без сна, с трудом сдерживая себя, чтобы не теребить расспросами Илью и Матвея. Дважды ходил проверять дозоры, один раз даже переправился на другой берег реки. Уснул только перед рассветом.

Утром настроение было препоганейшим, кусок не лез в горло, наорал на Антона за то, что тот поднялся без разрешения лекарей, потом наорал на Демьяна, пришедшего спросить, надо ли выводить пленных до ветру или пусть прямо в сарае… С трудом заставил себя сосредоточиться на объяснениях Егора о том, что надо бы послать разведку — проверить, не подходят ли ляхи с полоном.

Наконец Илья сам объявился с новостями — непонятно, хорошими или плохими, — хуже князю не стало, но и лучше вроде бы тоже. Мишка, под настроение, чуть не наорал и на Илью, который поинтересовался, с чего это боярина Солому отделали так, что мать родная не узнает. Однако совсем хреново Мишке стало, когда он попробовал прикинуть ситуацию на несколько дней вперед. Мысль о том, что его сотня сама влезла в ту же ловушку, в которой сидели городненцы, буквально упала на него, как каменная плита.

«Они же были привязаны к месту из-за нетранспортабельности князя, а теперь мы в том же положении оказались! Только и разницы, что наше нападение для них было неожиданностью, а мы точно знаем, что через пару дней, максимум через трое суток, сюда подойдет конвой с частью пленных и стадом. А сколько там может быть боеспособного народу? Ляхи плюс дружинники Всеволода… наверняка их больше, чем нас. Хотя часть воинов с ладьями ушла, но — сколько? То-то Егор так настаивал на разведке — надо знать, когда подойдут и сколько подойдет. Ну хорошо, узнаем… Скажем, придут послезавтра и смогут высвободить от охраны обоза сотню или полторы, может, две. И что нам делать? Смываться, оставив им князя? Тащить князя с собой с риском его угробить? Засесть здесь и

обороняться? Что еще, какие варианты? Надо срочно с Егором посоветоваться…

Стоп, сэр! Хватит уже! Всякий раз, когда вы шли на поводу у „старших товарищей“, обязательно дело обходилось серьезными потерями среди отроков. А если командовали сами… тоже не без потерь, но было их гораздо меньше.

Что же получается? Когда мы действуем сами… ну не то чтобы сами, а так, как ЗДЕШНИЕ не привыкли, — как стрелковое подразделение… то потерь меньше, а то и вовсе нет, да и из пиковых ситуаций выкручиваемся, даже несмотря на то, что вы, сэр, еще тот командир — учиться еще и учиться. Кстати, о командире… во время бунта — ранение в лицо, да и вообще, чуть не помер. В заболотном хуторе подставился — запросто грохнуть могли. На ночной дороге — Демьян от верной смерти спас. В лесу, когда догнали уходящих журавлевцев, — Варлам выручил… неочевидно, но похоже на то. В Отиши крыша поехала и получил топором в бок — только подсумок и спас. У Яруги — Немой, считай, собой закрыл, на Княжьем Погосте — Исидор… Под Пинском вовсе непонятно, как жив остался. Сколько же, блин, можно судьбу испытывать?

Ладно, хватит комплексовать, сэр, продолжаем анализ. Стрелковое подразделение, использующее неизвестную ЗДЕСЬ тактику, — вот ключ к успеху! Почему? Во-первых, лучники по нынешним временам — всего лишь вспомогательные войска, что-то вроде средств усиления, что ли. Может быть, и не совсем правильно толкую, но исход сражений ЗДЕСЬ решается в прямом столкновении, проще говоря, в рукопашной. А тактика стрелкового подразделения — уничтожение противника на дистанции.

ТАМ, с оснащением армий огнестрельным оружием, рукопашные схватки постепенно сходили на нет, становились редкостью… хотя и не исчезли окончательно. Чем, собственно, воинское подразделение, вооруженное самострелами, отличается от такого же подразделения времен, скажем, Наполеоновских войн? Скорострельность? Например, английская линейная пехота делала всего два выстрела в минуту в сухую погоду. Младшая стража… ну ладно, лучшие десятки Младшей стражи стреляют вдвое чаще. Останавливающее действие? Болт от круглой пули калибром не шибко и отличается. Дальность? Да, тут проигрываем, но не так чтобы уж сильно, к тому же самострелы можно совершенствовать. Точность стрельбы? А вот тут, пожалуй, выигрываем — болт в полете стабилизируется оперением, а круглая пуля из гладкоствола летела по непредсказуемой траектории, зависящей от того, в какую сторону эта самая пуля вращается. Путных же прицелов во времена

Наполеоновских войн не было, так же, как и у нас нет.

А теперь представим себе, сэр Майкл, стрелковую роту, вооруженную гладкоствольными кремневыми ружьями, против сотни латной конницы. М-да, до штыков, конечно, дело может и дойти, но победа латников будет пирровой… если вообще будет. А если защититься от конницы какими-нибудь фортециями — рогатками или редутами… Однако, сэр! Пехоту-то, равную вашим стрелкам по численности, вы к себе не подпустите — никакой рукопашной!

Так-так-так… это уже интересно! Получается, что ЗДЕШНИЕ командиры просто не знают, как правильно задействовать моих ребят, ведь подходящая для них тактика начнет рождаться только лет через пятьсот. Отсюда и потери, когда мы действовали под руководством „старших товарищей“. А вот когда… Спокойно, сэр! Рогатки, редуты… еще флеши какие-то, черт его знает, что это такое, в общем, всякие полевые укрепления — это только оборона. А наступление? Ну вот хотя бы вчера, когда мы подворье Кривого брали, командир, то есть вы, сэр, голову по-дурному не подставлял… почти не подставлял. Связь с подразделениями была организована, резерв был, спецсредства применялись. Да, если противник „привязан“ к месту и не может навязать маневренный бой, мы и в наступлении тоже кой на что способны.

Одно плохо — с седла можем выстрелить всего раз, потом надо спешиваться, чтобы перезарядить самострелы. Драгуны мы в общем-то — те тоже маневрировали верхом, а сражались пешими. Надо будет Кузьку накрутить, что-то же с этим можно, наверное, сделать?

Что-то еще насчет стрелковых подразделений в голове крутилось… Ах да! Пехотное каре! Каре солдат, вооруженных кремневыми ружьями, удерживало удар конницы… даже кирасиров, а это, считай, те же латники. Залп в упор, валили передний ряд, а кони без всадников на штыки не шли и мешали следующим рядам… как-то так… или нет? Во всяком случае, в кавалерийских частях появились батареи конной артиллерии, чтобы разбивать картечью пехотное каре. Не от хорошей же жизни появились! Ну ЗДЕСЬ артиллерию, тем более быстро маневрирующую на поле боя, еще и во сне никто не видел… правда, и на самострел штык не приделаешь. Но что-то в этом есть!

Скажем… пикинеры или алебардщики. Если вооружить их еще и самострелами… интересно получиться может. Ладно, это потом — на будущее. А сейчас…

Позвольте полюбопытствовать, сэр: а о чем вы раньше-то думали? Почему эдакое „озарение“ на вас только нынче снизошло?

Так просто же все — накапливалась статистика, как позитивная, так и негативная. Для анализа нужен материал, иначе что анализировать? Недешево эта статистика досталась, согласен, но теперь появилась хоть какая-то уверенность в сделанных выводах, появилась аргументация для отстаивания своей позиции и нарисовалась некая перспектива. А сиюминутная практика как результат проведенного анализа…

Блин, решать самому! Никаких советов с Егором, пока не удастся объяснить ему тактику стрелкового подразделения. Гм, а не заноситесь, сэр? Вспомните классику: Андрей Болконский тоже мечтал единолично написать диспозицию сражения… Да пошло оно все! Сотник я или не сотник?

Итак… „Ди эрсте колонне марширт“: оборудовать оборонительные позиции. Рогатки уже есть, крыши дерном накрыты. Что еще можно сделать? „Азиатский“ способ производства — нагнать кучу людей, и они, как муравьи… Да! Огородиться еще и частоколом. Тын не тын, но так, чтобы быть за стенкой с бойницами и не подставляться лучникам, да еще и дополнительное препятствие для атакующих. Нет, частокол — слишком трудоемко и долго… Тогда заплоты[28] *— та же стенка, но делается быстрее и легче. Бревна из сырых деревьев, чтобы трудно было поджечь. Еще… обмазать стены глиной, особенно сарай. Стрелой с горящей обмоткой стену и так-то сложно поджечь, их на крыши кидают, но вдруг… Что еще? Если успеем, то нагородить чего-нибудь внутри самого подворья, чтобы прорвавшиеся, как в лабиринт попадали. В общем, верхом к нам лезть будет бессмысленно, лучникам тоже особо разгуляться не выйдет, а пехоту, пока она через все это перелезать будет, перебьем на хрен, до последнего человека.*

„Ди цвайте колонне марширт“: превращаемся в пехоту. Коней, своих и трофейных, уводим в лес. Наследят, конечно, но противнику будет не до поисков — добычу переправлять надо, а тут мы засели. Укрепленное подворье разбиваем на сектора… или узлы обороны? Не суть, разбиваем и все. Командовать каждым сектором ставим поручика, себе оборудуем КП, организуем связь, Егора с ратниками держим в роли последнего резерва на случай, если к нам все же пролезут и захотят поупражняться в рукопашке. Вот тут Егор со своими и пригодится.

„Ди дритте колонне марширт“: возможные действия противника. Атаковать в конном строю через брод, где попадаются камни и ямы — несомненный экстрим, да еще под нашими выстрелами, а когда вода коням по брюхо, здорово не разгонишься… Далековато правда, может, какой-то выносной редут прямо у брода сбацать? Нет, не нужно — они и сами не

дураки, не полезут. Скорее переправятся вплавь где-то в другом месте и попробуют взять нас с суши. А это — пожалуйста, милости просим. Закидать нас издали стрелами? Разве что навесом. Так мы в постройках укроемся, а еще можно трофейные щиты использовать… нет, не выйдет нас перестрелять. Тогда — только пешая атака. Народу много — могут большие щиты связать и подойти вплотную… Но через рогатки-то и прочие препятствия со всем этим хозяйством хрен перелезешь. Да и щиты… у нас же Кузькина „вундервафля“ есть — подожжем. Чего-то я больше ничего за противника придумать не могу… Вот тут-то совет Егора и пригодится — он ЗДЕШНЮЮ тактику знает. Насколько помнится, викинги тремя сотнями брали такие города, как Руан и Гавр, а те тогда покруче Парижа были… Ну так и у нас не лавочники-пекари-прислуга, а курсанты военного училища, а у противника… не все же классные профессионалы, есть сброд всякий — обломаются.

„Ди фирте колонне марширт“… А вот тут проблема. Боезапас — двенадцать-тринадцать выстрелов на самострел. Конечно, если каждый болт в цель, то противник кончится раньше, чем боеприпасы, но об этом можно только мечтать. Хотя с другой стороны, положив перед нашими укреплениями сотню… да даже полсотни своих, они атакующий пыл подрастеряют. А после второй полусотни их и вовсе на расстрел хрен погонишь.

„Ди фюнфте колонне марширт“: а дальше-то что? Сидеть в осаде? И надолго нас хватит? Несколько дней продержимся, а у противника тоже цейтнот — линять с добычей надо. Скорее всего, начнут искать обходной маршрут, не единственный же здесь брод? И все-таки разведчиков и десяток опричников надо отправлять в лес вместе с конями. Если будет хоть намек на осаду, да даже если хоть раз здесь заночуют, устроить им ночную дискотеку с пиротехническими эффектами! Сразу в осаде нас держать расхочется. Значит, одного из помощников Кузьмы отправляем в лес вместе с разведчиками и опричниками.

„Ди…“, э-э, как там по-немецки „шестая“ будет? Неважно, шестая колонна, значит, это самое… „марширт“: шантаж! Князь-то их у нас. Ляхам, разумеется, фиолетово — князь чужой, хоть фрикадельки из него делайте, а вот городненцам… Вот и пусть промеж себя пособачатся, нам от того только польза. Или не давать информацию о князе? Ведь городненцы тогда могут плюнуть на сопровождение ляхов и остаться здесь. И позволят ляхам без присмотра идти через свои земли? Этим бандюкам, пришедшим пограбить? Впрочем… пусть у них голова об этом болит, а для нас князь — последний довод. Если совсем кисло придется, тогда выторгуем себе возможность уйти в обмен на

князя… будем надеяться, еще живого.

Седьмая… Да ну ее! Не хрен плодить лишние сущности, все равно что-нибудь не так пойдет. Сейчас вот пленных допросим… если надо, то и с пристрастием, узнаем, сколько ляхов, сколько городненцев, чего это они двумя десятками куда-то князя потащили… Ага! Еще этот Гоголь просил Солому о чем-то рассказать, вот и спросим, о чем именно. Но сначала занять людей делом!»

— Анто… э-э, отрок Елизар!

— Здесь, господин сотник! Только я Елисей.

— Тоже неплохо! Господ поручиков, десятника Егора, мастера Кузьму и обозного старшину Илью, если он с ранеными не занят, ко мне!

— Слушаюсь, господин сотник!

Поручики заданием прониклись и погнали отроков в лес за материалом для оборонительных сооружений. Топоров, лопат и прочего шанцевого инструмента оказалось маловато, но «голь на выдумки хитра», придумают что-нибудь, главное — правильно поняли, что и как надо делать.

Егор же какими-то откровениями относительно тактики вероятного противника не порадовал:

— Ежели не догадаются, что тут у нас их князь, ничего делать и не станут. На кой им эта морока? Взять трудно, а добычи всего ничего… разве что доспех, так это еще разглядеть надо, что тут все доспешные… а если все доспешные, то себе дороже выйти может. Нет, Михайла, скорее всего они даже и связываться с нами не станут, другим путем каким-нибудь пойдут. Но укрепляться все равно надо, на таком деле — чем больше пота прольешь, тем меньше крови.

У боярина Гоголя вид был смурной и даже какой-то отрешенный — типа «пропади оно все пропадом, ни знать ничего не желаю, ни видеть не хочу». Похоже было, что даже тот вид, в каком в сарай закинули избитого боярина Солому, у Гоголя особого опасения не вызывал — весь он ушел в себя, в какие-то невеселые размышления, не касающиеся окружающей действительности. Мишка подумал-подумал и решил начать разговор с темы, которая по идее не должна была бы оставить княжеского ближника равнодушным.

— Хреново вы своего князя лечили! Вот гляди! — Мишка развернул тряпицу и показал боярину обломок кольчужного кольца, который извлек из тела князя Матвей. — Вот это вы в ране оставили. Если бы наши лекари вчера не вытащили да рану не очистили, не дожил бы князь до сегодняшнего утра!

Боярин Гоголь коротко глянул на железку и снова погрузился в какие-то свои думы. Такого безразличия Мишка не ожидал, но все-таки решил продолжить:

— И куда же вы князя с такой раной потащили? Ведь угробили бы!

— Он сам велел ехать… — отозвался Василий Гоголь.

— Куда? Зачем?

— А! — Боярин Василий безнадежно махнул рукой. — Чего уж теперь-то? Поздно уже…

— А может быть, успеем? — попытался блефовать Мишка. — У нас по два заводных коня, да и ваши кони тоже. Быстро идти сможем. Здесь же недалеко?

Княжий ближник ничего не ответил и по-прежнему смотрел куда-то мимо Мишки.

— Кхм-кхму… — многозначительно откашлялся Егор, намекая на то, что надо бы переходить от разговоров к действиям.

Мишка отрицательно повел головой и попробовал другой заход:

— Ты же просил боярина Солому нам рассказать. Ну так расскажи сам!

Снова никакой реакции, но видно же было, что Гоголь вовсе не проявляет героизм, не желая выдавать врагам какую-то тайну, а просто ушел в себя, словно переживает тяжелейшее горе. Мишка сделал еще одну попытку:

— Ну хорошо. Князь лежит, мы стоим, ты молчишь, а там… прямо сейчас… может быть… Ты только подумай: пока ты тут молчишь… непоправимое произойти может, возможно, уже происходит, а ты, вместо того чтобы…

И тут боярина Гоголя прорвало:

— Да что ты из меня жилы тянешь, ирод?! Что я могу-то?! Ты… дуть тя во все дыры… великий воин, сотник воеводы задрипанного… Князя он пленил! Сотней против двадцати! — Состояние апатии у боярина явно переходило в истерику. — Куда повезли, спрашиваешь? А на смерть повезли! Потому что легче самому сдохнуть, чем… — Гоголь, так же, как и вчера, в избе Кривого, брякнулся наземь и принялся лупить кулаками по траве, выкрикивая какой-то уж и совсем бессвязный набор слов, в котором вдруг мелькнуло: «Соломония! Сердце мое!..»

И тут, пока Мишка пытался постигнуть скрытый смысл выкрикиваемого боярином Василием, начал действовать десятник Егор — быстро, решительно и эффективно. Нехитрый набор из пары оплеух и пары же глотков яблоневки произвел воистину волшебное воздействие на впавшего в отчаяние боярина —

прокашлявшись, продышавшись и утерев выступившую слезу, Гоголь заговорил вполне внятно.

ГЛАВА 3

Сентябрь 1125 года. Бассейн реки Неман

«Уж лучше бы этот „Гоголь не-классик“ молчал, а еще лучше — разбил бы себе в истерике башку обо что-нибудь твердое, туды его, в ревизора и Сорочинскую ярмарку, мать-мать, вечером на хуторе близ Диканьки!.. Нет, ну это ж надо — рояль фирмы „Подстава“ в кустах бузины на огороде у киевского дядьки, блин!»

Снова Младшая дружина Погорынского войска шла через лесные чащи и полесские болота, бросив укрепленное с таким усердием подворье Кривого и переправившись через Ясельду. Снова приходилось целиком доверяться проводникам, которым, как выяснилось, и эта дорога была известна. Снова впереди ждала неизвестность, но если раньше перед Мишкиной сотней стояла задача только обозначить свое присутствие, избегая прямых столкновений и лишь «пощипывая» отходящего с добычей противника, то сейчас Младшая дружина шла, чтобы напасть и победить.

А началось все с допроса боярина Гоголя…

* * *

Как поведал этот самый «не-классик», княгиню городненскую украли, после чего князя Всеволода шантажом заставили пропустить через свои земли ляхов и тем самым выступить против Мономашичей. Причем украли княгиню вместе с детьми, няньками и сенной боярыней — женой боярина Гоголя.

Мишка с Егором сразу даже и не поверили, да любой не поверил бы — выкрасть княгиню из княжьего терема, из детинца, вывезти из города… совершенно невозможно! А если княгиня куда-то выехала… Да куда она может выехать с детьми-то, без князя и без охраны?

Оказалось — может, правда, не так уж и далеко. По случаю жаркого лета пристрастилась Агафья Городненская кататься по Неману ввиду городских стен — и прохлада от воды, и детишкам развлечение. Даже особую ладью ей для этого соорудили — с пятью парами весел в передней части и просторной кормовой избой. Ладейные мастера все так хитро устроили, что получалось кататься как в самой избе, имевшей откидные пологи вместо передней стены, так и на крыше избы, где тоже было все удобно и безопасно для малых детей.

Вот и докаталась! Поначалу-то никто из находящихся на

берегу и внимания не обратил на несколько лодок, поднимавшихся вверх по течению и постепенно нагонявших ладью княгини — все больше смотрели на наползающую грозовую тучу, гадали, успеет ли ладья пристать к берегу до дождя, да утаскивали в стоящий на берегу шатер всякие ковры и подушки. А потом все завертелось так быстро, что никто ничего и сообразить толком не успел.

В лодках оказался не груз, а накрытые рогожами воины. Разом поднялись в лодках лучники, и от первого же залпа не стало большей части находящихся в ладье дружинников (на веслах-то без доспехов сидели). Еще по две стрелы успели выпустить нападавшие, пока лодки подходили вплотную к ладье княгини, но защищаться было уже и некому — кроме гребцов на ладье находились всего пятеро доспешных, остальная охрана на берегу. С берега в напавших стрелять, конечно, пытались, даже и попали в кого-то, но ладью развернуло бортом к течению, и здоровенная кормовая изба все собой заслонила.

Крики, толкотня, бестолковщина… Кого-то послали с известием в город, часть охраны погнала верхом к причалам за лодками или ладьями, а часть — по берегу за уплывающей по течению ладьей… И тут на все это обрушилась гроза. Боярин Гоголь уверенно утверждал, что не обошлось без колдовства, иначе с чего бы вдруг молнии ударить в дерево совсем неподалеку от дружинников, вогнав в панику их коней, а ливню быть таким сильным, что ладью с княгиней почти сразу потеряли из виду?

Настоящую погоню сумели организовать, лишь когда дождь уже стал стихать. До темноты сумели найти только одну лодку нападавших, застрявшую на перекате, да прибитый к берегу труп одного из гребцов. С утра, чуть просветлело, рванули дальше вниз по течению и… не нашли ничего! Дошли до самых порогов, которые ладья княгини, годная только для прогулок по спокойной воде, ну никак пройти не смогла бы — пришлось бы обходить волоком. Никаких следов! Тут-то даже до самых тугодумов дошло, что искать надо либо вверх по течению (за завесой ливня могли и проскочить), либо и вовсе где-нибудь в полоцких землях. Стали искать… но недолго.

Заявились к князю Всеволоду некие люди. Первым делом порадовали тем, что княгиня с детьми живы и здоровы, а потом завели разговор о других вещах. Напомнили, что сам Всеволод по матери внук Володислава I, великого князя Польского, что отца его стараниями Мономаха лишили удела и умер тот в ссылке, что женил Мономах Всеволода на своей дочери Агафье чуть ли не насильно, а в приданое дал малый городок на Замковой горе над

Неманом, на границе с ятвягами, да и в том городке и окрестностях Всеволод, по воле Мономаха, правит не самостоятельно, а совместно с женой.

В общем, поиграли на самолюбии Всеволода, как на гуслях, — знали за какие струны подергать — не за что князю Городненскому Мономашичей любить, а вот если…

Мишка чуть не застонал вслух, настолько банальной вся эта история выглядела на фоне «лихих девяностых» ТАМ. Ну разве что всякими средневеково-династическими прибамбасами обвешана. Егор же, слушавший более внимательно (или просто будучи более адекватным реалиям двенадцатого века), зацепился за несоответствие — а откуда Гоголю все эти подробности известны?

Тут-то и выяснилось, что до недавнего времени никаким ближником боярин Гоголь у князя Городненского не был (то-то Мишка удивлялся: с чего это Всеволод приблизил к себе столь истеричного типа?). Сблизила князя и боярина общая беда — вместе с княгиней Агафьей тати украли и сенную боярыню Соломонию — жену Гоголя, которую тот любил до безумия. Женаты они были меньше года, а незадолго до похищения Соломония намекнула мужу о возможном прибавлении семейства.

Такой страсти к жене, как Василий Гоголь, Всеволод Давыдович Городненский не питал (что в общем-то нормально для династического брака), но вот детишек своих обожал, и когда узнал, что боярыня Соломония непраздна, проникся сочувствием к горю боярина Василия. Так вот и вышло, что на какой-то краткий срок этот «утконос» был приближен к князю и волей-неволей посвящен в тайны, доступные далеко не каждому.

Егор, когда услышал это разъяснение, только молча переглянулся с Мишкой — понятно, мол, почему Авдей Солома так относится к Гоголю — покрикивает и смотрит свысока? Мишка также молча кивнул: ясно, что настоящий княжий ближник — боярин Солома и, прощая князю его слабость, Гоголя презирает за слабохарактерность, считая того фигурой подле Всеволода случайной и временной. Ратнинский десятник уже было собрался продолжить допрос, благо речи из боярина Василия лились как вода из дырявой посудины, но тут «зацепился» уже Мишка — очень уж захотелось ему узнать побольше о боярине Соломе.

Всего несколько вопросов, и стало ясно: Авдей Солома не столько князя Всеволода ближник, сколько княгини Агафьи, а точнее сказать — человек великого князя Мстислава Владимировича. Часть городненской дружины, оказывается, была

прислана из Киева, в дополнение к приданому Агафьи Владимировны, и постоянно пополнялась киевскими воинами для компенсации потерь в пограничных стычках с ятвягами. Вот так, восемь лет назад, и появился в Городно боярин Авдей Солома. Служил честно, воевал умно и храбро, сумел заслужить благорасположение князя Городненского, но… Как только пришла весть о смерти Владимира Мономаха, соблюдая вежество, испросил разрешения Всеволода Давыдовича и уехал в Киев. Обратно боярин Авдей вернулся с грамотами наследника Мономаха — великого князя Киевского Мстислава Владимировича, причем грамот было две — одна для Всеволода, другая для Агафьи. А дальше повел дела так, что стало ясно: Авдей Солома не просто сотник городненской дружины, но еще и глаза (а возможно, и длань) Киева в Городно — не то чтобы Мстислав Киевский не доверял сестре Агафье, но мужской догляд за пограничной крепостью излишним не посчитал.

Снова пришло время переглядываться Мишке с Егором. Боярин, действительно имеющий право принимать решения (да к тому ж доверенный человек великого князя), валялся крепко избитый в сарае с пленными, а разговаривать приходилось с пустышкой, никакого влияния на городненские дела не оказывающей. Только и пользы, что информацию выдавал сам, вытягивать не приходилось. Одно лишь удивило Мишку (как впоследствии выяснилось, и Егора тоже): как такой серьезный человек, как Авдей Солома, полез в совершенно дурацкую, при сложившемся положении, драку с пацанами? Видать, что-то в ситуации не устраивало боярина Авдея настолько, что тот сорвался. Что именно? Похоже, боярина Гоголя спрашивать об этом было бесполезно.

Дальше Гоголь повел речь о том, о чем Мишка и сам уже начал догадываться. В бою на пинских землях Всеволод Городненский заполучил стрелу в плечо. Стрелу извлекли, рану обработали и сочли не опасной. Но самочувствие князя день ото дня стало ухудшаться. Путного лекаря ни у городненцев, ни у ляхов с собой почему-то не оказалось (Мишка не стал спрашивать почему), а князь крепился, стараясь не показывать виду.

А потом прискакал гонец из Городно. Сколько коней загнал, как отыскал городненскую дружину на переходе — бог весть, однако сообщение он привез радостное. Верные люди отыскали-таки место, где похитители держат княгиню Агафью! Князь сразу же взбодрился и с малой дружиной (подкрепление должно было прийти из Городно) устремился на выручку своей семье. Людей в те два десятка, что должны были идти с князем, Солома отбирал сам, а Гоголь на коленях умолил Всеволода взять его с собой

против воли боярина Авдея.

Тут Мишка даже и переглядываться с Егором не стал — попадалово в чистом виде: побили-то они, оказывается, людей великого князя Мстислава! Ведь боярин Солома наверняка отобрал для такого ответственного дела своих — киевлян. Так ли, сяк ли, Всеволод Городненский с великим князем промеж себя разберутся, да и княгиня Агафья перед братом Мстиславом за мужа заступится, а вот наглым пацанам и никому не известному воеводе Погорынскому Киевский князь может своих людей и не простить. Мало ли, что они свой долг исполняли? Услужливый дурак опаснее врага. Проще говоря, не знаешь раскладов — не встревай, у власть предержащих подобное поведение понимания не встречает. Черт его знает, как все это видится с высоты Киевского престола, но в том, что вмешательство погорынцев ни у кого ни в какие расчеты не принималось, можно было быть совершенно уверенным. В политике всегда так: «я не знал», «я хотел, как лучше», «я действовал по уставу» — не оправдание, а обстоятельство, лишь усугубляющее вину. Как выразился однажды гауптштурмфюрер Иоганн Вайс: «Вам и теперь не надлежит знать ничего иного, кроме того, что вы ничего не должны знать».[29]

То, что «око Мстиславово» — боярин Авдей Солома — не препятствовал Всеволоду Городненскому исполнять требования похитителей княгини Агафьи, тоже что-то да означает. Только что? Какие инструкции ему дали в Киеве? Плевать на Всеволода, была бы цела Агафья? Хрен с ними с обоими, но держать границу с ятвягами? Еще что-то более витиеватое? Ну например, использовать любые возможности держать в страхе Вячеслава Туровского. Чтобы и помыслить не мог о самостоятельности, о том, чтобы обходиться без защиты Киева. Наезд Полоцка и ляхов в таком случае для Мстислава просто подарок! И Вячеслав послушен — без помощи из центра не обойтись, и повод полоцких князей разнести «вдребезги пополам», и Городно, формально принадлежащее Туровскому княжеству, жестко берется в киевский кулак. Все та же концепция, что и при двух предыдущих великих князьях, — Турово-Пинские земли пребывают в области великого княжения, и плевать, что в Турове теперь свой полноправный князь есть.

По-любому, сотня сопляков с самострелами, вылезшая из Погорынья, в этих раскладах фигурировать не могла ни в каком виде. А если пацаны порушили, даже из самых лучших побуждений, какие-то планы Авдея, основанные на киевских инструкциях? Трындец! Даже и прозвания спрашивать не станут. Причем убивать этого самого Авдея в сложившейся ситуации

совершенно бессмысленно — пользы никакой.

Дальше Мишка слушал не то чтобы невнимательно, но уже без того интереса, что в начале допроса Гоголя — по сравнению с обрисовавшимся попадаловом все остальное казалось мелкой суетой. А Егор, кажется, ничего не понял и продолжал «доить» боярина Василия.

Впрочем, ничего особо важного Гоголь не рассказал. Покинув конвой с добычей, Всеволод не выдержал и одного дня скачки — ближе к вечеру его пришлось перекладывать на носилки, однако, пребывая в сознании, он запретил поворачивать обратно, движение продолжилось, но уже медленнее. На подходе к переправе князь впал в беспамятство. Жар, бред да еще под дождь попали… С подворья Кривого боярин Авдей разослал трех человек. Одного — искать лодку, чтобы везти князя по воде, а не трясти в носилках. Еще двух — гонцами. Куда и с какими вестями, боярин Гоголь не знал. Можно было предположить, что одного в Городно — упредить, что князь недееспособен и принять участие в освобождении семьи не сможет. Второго… вот тут вопрос. Мог, конечно, послать к конвою — объяснить ситуацию и предупредить, что требования шантажистов надо исполнять и дальше. Но мог же и в Киев! Далеко, правда, но в таких делах начальство надо держать в курсе обязательно, тем более, что должность князя Городненского могла вот-вот оказаться вакантной. В связи с умертвием, так сказать…

Но тут приперся Мишка Лисовин со своими щенками и все обгадил! Людей побили, самого боярина Авдея отметелили до полного «не комильфо», да еще и князя взялись лечить! Могут ведь и вылечить сдуру. А так все было хорошо!.. Или плохо? Ответ знал только боярин Авдей. И еще о многом, что было неведомо Гоголю, тоже знал только Авдей, например, куда именно направлялся князь Всеволод с двумя десятками дружинников или где держат похитители княжье семейство.

Удастся ли разговорить боярина Солому после всего, что произошло? Пытать-то «око Мстиславово»… того — чревато. Такую мысль высказал Егор Мишке вслух, не стесняясь присутствия Гоголя. Возразить было нечего, как на высказанное, так и на подразумеваемое: «Ну на хрена ж вы, сопляки, княжьего ближника так измордовали?»

И тут Василий Гоголь, видимо, поняв затруднение Мишки и Егора, «порадовал». Оказывается, гонец, прискакавший из Городно, жив и сидит в сарае вместе с другими пленниками. Уж он-то все знает. Надо его допросить!

Ох, как Мишку перекорежило от этих слов! Егор даже дернулся удержать молодого сотника, чтобы тот не кинулся на

Гоголя. Слякоть же, а не человек — отдать своего на допрос и пытки! Вот так просто взять и заложить верного воина, гнавшего сюда с вестью от самого Городно, чуть живого от усталости, но пошедшего вместе со всеми выручать княгиню с детьми. Настаивать на немедленном допросе…

Казалось бы, все можно понять: беременная жена — из-за любви мужчины порой на что угодно способны; чувство долга — честный воин обязан употребить любые средства для спасения княгини… Но в том-то и дело, что Гоголь в Мишкиных глазах не был ни мужчиной, ни честным воином! И ни при чем здесь были ни «понятия», усвоенные при отсидке в Крестах, ни традиционная в России нелюбовь к стукачам. Мерзость поведения Гоголя заключалась даже и не в том, ЧТО сказал этот «утконос», а КАК сказал — было отчетливо видно: позволь ему, и сам, своими руками, будет пытать гонца. И ведь отмажется потом, гнида, — все, мол, сделал для того, чтобы княгиню с детьми спасти!

Как-то по-особому вдруг стали понятны рассказы фронтовиков о том, что попавшихся власовцев или полицаев чаще всего до особого отдела и не доводили — мочили по-тихому и с чувством своей полной правоты. А уж воспоминания об «общечеловеках», призывавших «международную общественность» ввести экономические санкции против собственной страны…

Короче, правильно понял Егор Мишкин порыв… Взял боярина Гоголя за шиворот и потащил к сараю с пленными — укажет, мол, гонца. А Мишка остался сидеть, где сидел.

«„Попала собака в колесо — пищи, но бежи“, ибо деваться некуда, положение безвыходное — самое время вылезать на свет божий Лисовину-берсерку, однако почему-то не вылезает… Атанде-с,[30] *сэр, а действительно ли безвыходное? Продолжая вашу аналогию, позволю себе заметить, что, хотя скорость и направление бега от вас не зависят — колесо есть колесо — пищать-то можно по-разному! Начиная с просто „писка обыкновенного“ и кончая вполне осмысленными словосочетаниями в тональности свыше двух с половиной тысяч герц. Более того, эти осмысленные словосочетания, если уж позволить себе и вовсе свободный полет фантазии, могут носить не только матерно-протестный характер, но и командно-распорядительный! И пофиг веник, что команда отдается писклявым голосом, лишь бы подействовало.*

А если еще раз вспомнить французов, коли уж начали, то, пользуясь выражением „noblesse oblige“ — „положение обязывает“, — можно и вообще сделать вид, что так все и должно быть. Пищу — значит, надо! В приложении же к сложившимся обстоятельствам, прямо-таки стопроцентно вписывающимся в

сюжет рыцарского романа — княгиня с детьми томится в плену у злодеев, — сам собой напрашивается более углубленный анализ этого крылатого выражения. Noblesse— дворянство, следовательно, „дворянство обязывает“, а просто noble— благородный, то есть „благородство обязывает“. И ежели вы, сэр, благородны, извольте кидаться на спасение слабых и беззащитных, почитая за честь сложить, если придется, вашу буйну голову. Ну а такой прозой, как головы доверенных вам мальчишек, можно и пренебречь, ибо… в соответствующих литературных произведениях благородные герои так и поступают.

А может, хватит пургу гнать, сэр? Неохота вам решение принимать, вот и извращаетесь. Понятно, в общем, но решать-то придется, никуда не денетесь. Для начала будем считать, что спасение княжеской семьи — наиболее нравственное решение. Каким же тогда будет наиболее рациональное? Вот именно: дождаться, пока для транспортировки князя Всеволода пригонят лодку (или самим ее где-то добыть), да и линять отсюда, пока жареным не запахло. Задание лорда Корнея вы даже перевыполнили, и от добра добра не ищут.

А если князь помрет? Тогда получается, что княгиню надо все-таки спасать — хоть какая-то компенсация. Но может ведь и не помереть… М-да, неопределенность… Нет, так дело не пойдет, нельзя крутиться только вокруг имеющейся ситуации — это и есть рефлексивный метод управления — произошло что-то непредвиденное, и решение принимается на ходу, без учета всех остальных обстоятельств. Тут такое дело, что, приняв сиюминутно правильное решение, можно крепко вляпаться спустя некоторое время.

Придется, что называется, плясать от печки. Итак цель, промежуточная, разумеется, формулировалась вами, сэр, следующим образом: по возможности тихо, не привлекая внимания власть предержащих, превратить Погорынье в базу для дальнейшего… для дальнейшего, одним словом. Проще говоря: создать полноценное воеводство Погорынское или, если угодно, графство. Вот только… себе-то можно признаться, сэр, вы же сами под это дело мину и заложили — выдать замуж сестер в Турове, это, по-вашему, не привлекать внимания? Туров не Питер — населения-то в лучшем случае тысяч пять-шесть, если не меньше, а „матримониальная база“, исходя из ваших запросов, может и вовсе в несколько десятков потенциальных женихов вылиться. И где тут незаметность?

Далее… Окончательно ваши планы, сэр, накрылись тазом для варки варенья из-за вмешательства лорда Корнея в конфликт с Полоцком и… всего, что ему сопутствовало. Тут уж ни о какой

незаметности и речи идти не может. Наоборот, такое ощущение, что дед намеренно желает засветиться, но… Вот именно: совершенно непонятно, что он задумал — помочь подняться князьям из ветви Святополчичей, с которыми он состоит в родстве, или подтвердить свою лояльность Мономашичам? Первый вариант, почти без сомнения, сущее самоубийство, однако понимает ли это Корней? Будем считать, что понимает… Не идиот же он!

Теперь добавляем сюда наши прибамбасы. Пленение князя Всеволода Городненского можно было бы считать несомненным плюсом в деле подтверждения лояльности Мономашичам, если бы не два обстоятельства: первое — гибель людей боярина Соломы, которые могут быть… а могут и не быть киевлянами; второе — нарушение каких-то хитромудрых планов Авдея Соломы или даже самого Мстислава Киевского. И то и другое только предположения, но „надейся на лучшее, а рассчитывай на худшее“.

Вывод прост — полярный лис… толстый и с наглой мордой. Промежуточная цель и планы на ближайшие полтора-два года подлежат решительному пересмотру. Как, кстати сказать, и ваше намерение, сэр, не влезать в княжеские междоусобицы — влезли по самые уши, причем с первого захода, блин. Цель, цель… да что там мозгами елозить? Базу-то в Погорынье все равно создавать надо! Если не получается незаметно, по-тихому, значит… Да, не очень громко, вполголоса — путь к провалу. Что-то натворить, а потом затихнуть в ожидании реакции вышестоящих — сущее детство — грохнул банку с вареньем и ждешь: заметит мать или не заметит? В нашем же случае это означает пустить события на самотек, никак на них не влияя. Не пойдет, сэр».

— Говори, сука! — прервал Мишкины размышления вопль боярина Гоголя. — На куски порежу, живьем зажарю!..

Мишка и сам не заметил, как в руке оказался кистень. Именно кистень — желание было вполне определенным: не пристрелить Гоголя из самострела, а бить, бить, бить… Слышать хруст костей, видеть, как корчится эта паскуда перед смертью… С трудом, с огромным трудом заставил себя сесть на место и прибрать оружие, да и то только после злого окрика Егора:

— Заткнись! Урядник! Убрать… этого!

Перед глазами совершенно отчетливо всплыл эпизод какого-то фильма об Отечественной войне. Некий чин СС или фельдполиции или… короче, командир карательного отряда, спокойно наблюдает, как полицай измывается над земляками, то ли выслуживаясь, то ли припоминая старые обиды, то ли удовлетворяя свои гнусные комплексы…

«Блин, да что же такое-то? В кого вы превращаетесь, сэр? В

книгах и фильмах „попаданцы“ только тем и заняты, что кого-то спасают, защищают, выступают как на стороне конкретных жертв, так и на стороне абстрактной всеобщей справедливости… А вы, сэр Майкл? Да с точностью до наоборот! То людей в полон угоняете, то земли соседей (какими бы они ни были) грабите, то вот, как сейчас… честного и верного присяге воина отдали на расправу, а сами сидите в сторонке…

Время такое — „мрачное средневековье“? А не пошли бы вы, досточтимый сэр, в… самые разнообразные места? Или вы не знаете, что время всегда ТАКОЕ? Независимо от эпохи? Назовите хоть один период истории, когда информацию из пленных добывали гуманными методами? Управленец обязан задействовать ВСЕ ресурсы, в том числе и использование таких паскуд, как Гоголь, независимо от их мотивации, был бы результат. А то, как поступят потом с ним свои же, которых он предал… их право и обязанность. Именно обязанность! Иначе… Помните, как в девяносто первом из всех щелей повылазили уцелевшие власовцы и полицаи, как в Прибалтике оживились эсэсовцы, как на Украине…

То, что этот „утконос“ сейчас своими руками делает свою любимую Соломонию вдовой, — его выбор. А вы, если тоскуете по „белым перчаткам“, готовьтесь спиться или свихнуться, благо второй вариант уже потихонечку начинает наклевываться. Выход? А то он вам неизвестен? Прекрасно известен! Сделать так, чтобы не события управляли вами, а вы событиями! Только тогда вы получите право и возможность вспомнить восточную мудрость: „Милосердие — оружие сильного“. А пока вы слабы… слабы настолько, что выбора средств у вас чаще всего нет.

Следовательно, прекращаем комплексовать и возвращаемся… На чем мы там остановились?

На том, что создать себе базу, не привлекая внимания власть предержащих, не получается. Значит, будем создавать графство не по-тихому, а громко, то есть с санкции… ну хотя бы Турова — на Киев замахиваться не будем… Впрочем… вот блин, перед Киевом-то тоже засветились! Засевшая в провинции сотня латной конницы (и что с того, что большинство пацаны?) по нынешним временам и для Киева не пустое место, не говоря уж про Туров. Это, так сказать, абстрактная сотня, а вот вполне конкретный боярин, влезший со своей дружиной в серьезные события… К нему у власть предержащих только два подхода: первый — может ли быть опасен? второй — может ли быть полезен? Если может (даже только предположительно!) быть опасен — нейтрализовать (а по сути, уничтожить). Если может быть полезен, то — как использовать? Причем во втором варианте еще встает и вопрос об управляемости. Хотя при низкой степени управляемости или

отсутствии таковой, работает обычно первый вариант — мочить, во избежание неприятных сюрпризов.

Таким образом, для получения вышеозначенной санкции в глазах „руководства“ необходимо выглядеть полезным, управляемым и предсказуемым. Это — в теории, досточтимый сэр, а на практике, при имеющихся обстоятельствах? Гм… Почему-то процесс „наказания невиновных и награждения непричастных“ принято считать чем-то фатальным, не поддающимся ни предвидению, ни воздействию, подчиненным непостижимой для нижестоящих логике. Однако это совершенно ошибочное мнение, порожденное позицией пассивного ожидания начальственных решений. Имеется тут одна ключевая точка — формирование такого феномена, как „есть мнение“. Если это мнение уже сложилось, ничего не поделаешь, будь ты невиновным, непричастным или вообще святым и непорочным. А вот если еще нет — о-го-го, сотворить можно что угодно, вплоть до превращения белого в черное и обратно.

Самый распространенный и доступный для нижестоящих способ повлиять на формирование этого самого „мнения“ — первым донести до руководства свою версию событий. Все последующие попытки будут представлять собой всего лишь коррекцию „начальственной точки зрения“, обладающей, как правило, весьма значительной инерционностью. В нашем раскладе, сэр Майкл, надо раньше других явиться пред светлые очи князя Вячеслава Владимировича, а для того, чтобы допустили, выслушали и поверили, необходимо иметь на руках неубиваемые аргументы. Например, плененного князя Городненского (если выживет) и вызволенную из лап злодеев княгиню Городненскую. Причем ключевым моментом здесь является не то, что она княгиня, а то, что она родная сестра обоих сюзеренов — и Мстислава Киевского, и Вячеслава Туровского.

Вывод. Промежуточная цель — создание базы в Погорынье — не меняется, трансформируется лишь одна из задач по ее достижению — вместо „по-тихому“ делаем „с санкции“. Для решения этой задачи необходимо засветиться перед руководством в качестве субъекта лояльного, полезного и предсказуемого. Структура и кадры, решающие эту задачу… м-да-с, не густо — неполная сотня пацанов. Ресурсы… тоже не фонтан — плененный князь, который еще и помереть может, и княгиня, которую еще освободить предстоит. Соответственно, и риски — высокие. Высокие, но не запредельные… нет, не запредельные. Во всяком случае, так представляется на сегодняшнем уровне информированности, а там… посмотрим, „отработать назад“ возможность пока есть.

Ну что ж, сэр Майкл, нравственное решение совпало с рациональным — княгиню спасать! А в качестве бонуса, ибо добротное управленческое решение должно давать выигрыш сразу по нескольким параметрам… Что вы там говорили о легенде? „Воевода Погорынский ворогов медведем ломает, а внук его по пятам ворогов лисом рыщет“? А как насчет „изюма“ в эту „булочку“ — плененный князь, спасенная княгиня? Да еще и с детьми малыми! Какой сюжет для всяких сказителей-гусляров и прочих менестрелей! Интересно, ЗДЕСЬ уже имеется практика заказа позитивного пиара, или все отдано на откуп исключительно народному творчеству? Летописи-то редактируют, а вот как обстоят дела с шоу-бизнесом? Если выступить спонсором, а потом положить текст на бумагу, то есть на пергамент… Ладно, это все потом, а сейчас главное — княгиня, вернее, как до нее добраться? Чего там Егор с Гоголем надопрашивали?..»

До форсированных методов допроса не дошло; дружинник князя Городненского, за которого уже было собрались браться всерьез, имел все основания заказывать благодарственные молебны и обставлять церкви свечами; впрочем, и Мишка, будь он верующим, запросто мог принять случившееся за знак свыше — очнулся от беспамятства князь Всеволод. Очнулся, слабым голосом попросил пить, проглотил какое-то лечебное питье, поднесенное Матвеем, нашарил глазами среди незнакомых лиц физиономию Гоголя и, не вдаваясь в осмысление происходящего, пробормотал несколько слов, которые невозможно было истолковать иначе, нежели приказ идти спасать княгиню с детьми. А потом… уснул.

— Ну и слава богу! — прокомментировал произошедшее Илья. — Вишь: испарина выступила… да уснул, а не обратно в беспамятство провалился… теперь вполне может и выжить.

По приказу Мишки гонца, вместо того чтобы пытать, приволокли в избу и дали посмотреть на князя — вот, мол, вполне живой и пошел на поправку. Неизвестно, что больше подействовало на дружинника: вид Всеволода, на котором Илья с Матвеем меняли мокрую от пота рубаху, целование креста Гоголем, побожившимся, что князь приказал идти на выручку семьи, или появление повода избежать пыток, однако указать место, где злодеи держат пленников, он наконец согласился.

Остался нерешенным лишь вопрос транспортировки князя Всеволода. Илья с Матвеем дружно заявили, что тряска в конных носилках сведет все их лекарские усилия на нет. Везти водой… Старший из проводников снова начал перечислять: по Ясельде… через озеро Зьято, волок в Шарью и по ней в Неман. Мишка

прекрасно понимал, что все это надо обязательно знать и на будущее постараться изготовить карту водных путей, но сейчас эти подробности вызывали только раздражение — долго, неизвестно, что может приключиться по дороге, где-то плавсредство надо добывать… в общем, тоже не вариант.

Пришлось снова уединяться для совета с Егором. Десятник, как понял Мишка, даже и не думал заморачиваться нравственными или политическими проблемами. Для него все было предельно ясно — выкуп за князя и его семью будет таким, что еще и внукам хватит. Подобный шанс выпадает раз в жизни, упускать его нельзя, пусть даже ради этого и придется рискнуть головой. «Джентльмен удачи» вспомнил молодость, что тут еще скажешь? Способ транспортировки раненого князя Егор тоже подсказал — пускай пленные несут его пешим порядком и с бережением. Да, двигаться будут медленнее Мишкиной сотни, да, отстанут, но поставить им в охрану десяток разведчиков — и никуда не денутся. От Якова и его ребят в лесу не сбежишь, даже если бросить носилки с князем, а уж след конной сотни командир разведчиков не потеряет. Вот пусть и топают следом.

Выждали еще сутки, чтобы раненый князь хоть немного окреп, оставили десяток опричников поглядеть, не увяжется ли кто-то следом, и тронулись.

* * *

Этот участок пути дался заметно тяжелее предыдущего. Люди и кони устали, особенно отроки — все же не зрелые мужи. Взятые с собой запасы подъели, а населенных пунктов по пути не предвиделось. Коней окончательно перевели на подножный корм, из-за чего стоянки удлинились, а люди перешли на мясную диету — то, что добывалось охотой, да вышедшие из строя кони. Носильщики с князем отставали, но шли — Яков каждый день присылал гонца — князю хуже не становилось, хотя и особо заметного улучшения тоже не наблюдалось. Боярин Солома сам идти не мог, ехал верхом, привязанным к коню, и намерений устроить побег, по уверениям Якова, заметно не было. Опричники, оставленные в лесу возле брода, догнали основной отряд, так ничего подозрительного и не заметив.

Переходы, поиск мест для ночлега и дневок, мелкие и средние неприятности… Факты и обстоятельства в очередной раз тыкали Мишку, словно щенка, взятого за шиворот, в то, что жизнь на Руси двенадцатого века крепчайше привязана к водным артериям, и война, как одно из проявлений жизни, исключением

из этого правила не является. Хождение через дебри — не просто занятие для смелых и умелых, а еще и крайняя необходимость, которой при любой возможности следует избегать.

«Ну и что с того, что Рокоссовский в сорок четвертом наступал через белорусские болота? Это было всего лишь исключение из правил, которого противник себе и вообразить не мог. А Сталинградская, например, операция стала возможной благодаря рокадной железной дороге, которую проложили в рекордные сроки, ободрав рельсы и шпалы с недостроенного БАМа. И вот это как раз правило, а не исключение! Так что, сэр, если вы все-таки решили внести личный вклад в развитие военного дела, то будьте любезны избрать для этого какую-нибудь другую тему, а войска водите так, как все нормальные полководцы современности — по речкам, по речкам — летом на ладьях, а зимой по льду. Хотя… нет, надо все-таки крепенько подумать об оптимальном сочетании „родов войск“: конницы, пехоты, „речпехов“ и… воинов, способных быстро передвигаться через леса, чтобы наносить противнику удары на марше, независимо от того, по суше тот передвигается или по воде. Скопировать образцы оружия, пусть даже самого передового по нынешним временам, можно, а вот скопировать организационные приемы — фиг с маслом! Преимущество, которое может быть достигнуто над ЗДЕШНИМИ военными, „зарыто“ именно в методах организации, а не в „вундервафлях“».

Наконец добрались. Правда, вовсе не в то место, куда было надо. Городненский дружинник, избежавший пыток, все-таки схитрил — привел не туда, где содержались пленники, а туда, где должна была дожидаться подмога из Городно. И на что рассчитывал? На то, что мальчишки полягут, неожиданно для себя наткнувшись на взрослых воинов? Еще на что-то? Совершенно напрасно надеялся! Во-первых, Мишка разведкой не пренебрегал, во-вторых, постоянно советовался со старшим из проводников, а тот уже за сутки до прибытия начал подозревать что-то неладное, а в-третьих… Вот это было как раз тем, чего никто из прибывших не ожидал, хотя, подумав как следует, можно было бы и догадаться, ведь боярин Солома отправил с подворья Кривого гонцов, и один из них должен был встретиться с идущим из Городно отрядом.

Гонец добрался, рассказал о том, что Всеволода с двумя десятками дружины ждать бесполезно — тяжко ранен князь. Городненцы подумали-подумали, да и решили спасать княгиню самостоятельно. Решить-то решили, но вот исполнить… Дружинников было всего три десятка (гарнизон Городно не

бездонный) на двух малых ладьях, а татей оказалось как бы и не поболее полусотни, и часть из них на боевом судне, к тому же налетели они на городненцев неожиданно — не там, где ожидалось. Так и вышло, что обнаружился на месте оговоренной встречи не боевой отряд, а четверо совершенно деморализованных дружинников, из которых только один не был ранен, да десяток свежих могилок. Тем только и спаслись, что тати, перебив стрелами из засады больше половины экипажа первой ладьи, навалились на вторую и упустили время для преследования тех, кто выжил на первом судне.

Невеселую эту историю поведал погорынцам единственный уцелевший — десятник городненской дружины Ерофей Скука. Поначалу, когда замотанных окровавленными тряпками городненцев окружили отроки с самострелами, никто из них и не дернулся, лишь Ерофей, швырнув под ноги оружейный пояс, усталым и безнадежным голосом произнес:

— Сдаемся… раненых пожалейте… Христа ради…

Потом уселся, где стоял, обхватив голову руками и изображая собой фигуру полного отчаяния. А дальше началось уж и вовсе неприглядное — Василий Гоголь накинулся на уцелевшего дружинника с бранью, принялся пинать того ногами… Кончилось тем, что десятник Егор, с заметным даже со стороны удовольствием, дважды съездил «утконосу» кулаком по морде, отправив того вторым ударом в нокаут.

— Ждали нас, — рассказывал чуть позже Ерофей Скука, выхлебавший остатки яблоневки из баклажки Егора. — Точно, ждали. Видать, проглядели мы их дозор, хотя… так быстро изготовиться они вроде бы и не должны были успеть. Значит, просто постоянно настороже пребывали… или еще что-то… не знаю. Еще далеко до места не дошли, как вдруг по нам как дадут лучники с берега. Протока-то узкая, считай, в упор били. Ну мы на весла налегли, чтобы, значит, из-под обстрела выскочить, щитами прикрылись… Выскочить-то выскочили, но восемь человек наших — уже не бойцы, а нас-то на ладье всего пятнадцать было. Впереди протока так сужается, что не грести, а отталкиваться надо, а по берегу, слышим, лучники нам вдогонку перебегают, и по всему понятно, что не один десяток их, а как бы и не два. Ни на берег сойти, ни вперед плыть… Да и боярина нашего… первыми же стрелами… Пришлось мне самому…

Ерофей вздохнул, потряс баклажку Егора, словно надеясь, что там еще что-то осталось, снова вздохнул и продолжил:

— Раздумывать-то там некогда было. Плыть вперед — перебьют всех, даже и сомнений никаких; выйти на правый берег и татей в мечи взять… так нас всего семеро, а их… поди,

посчитай, но ясно, что много больше; на левый берег податься — раненых бросить, да и неизвестно, что там. Приказал идти назад, а там смотрю — ладья вражья со второй нашей сцепилась… и где они ее прятали? В общем, совсем плохо дело… татей-то на ладье чуть ли не вдвое больше, чем наших. Не знаю, может, на моем месте кто-то чего-нибудь другое и придумал бы, а я решил прорываться назад. Лучники с берега нам, конечно, еще наддали, но гребли мы… в жизни я так веслом не махал, да и остальные… Вон, Андрей, — Ерофей указал на крайний могильный холмик, — со стрелой в животе греб! Так и помер на гребке… Мы потом у него весло из пальцев еле вытащили… даже мертвый… У вас еще хлебнуть не найдется?

«Сбежали, бросили товарищей. А другой выход у них был? Попали в засаду, у противника численный перевес. Удивительно, что и эти-то выскочили. Но почему они не знали, что похитителей так много? Разведать как следует не могли, что ли? Место обнаружили, могли же и последить, подсчитать… Так по-дурному вляпаться! Или у них боярин был — вроде этого Гоголя? Если Всеволод забрал в поход лучших… Но не оставил же он город на одних дураков? А может быть, все проще? Покойный боярин перед князем выслужиться спешил, ведь за спасение княжьего семейства… Да, когда начальники прежде всего не о деле, а о наградах думают, так и получается».

Ответ на Мишкины размышления дал снова заговоривший Ерофей Скука:

— Братан[31] мой, Веселуха, все простить себе не может, что так нас подвел. Нашел ладью княгини, около нее десятка полтора татей… Пошарил еще со своими людишками вокруг, никого не нашел, и решил, что все. А оно вот как вышло… Получается, плохо пошарил. Теперь вот в одиночку подался смотреть, не переберутся ли тати на новое место. Мы потому здесь и задержались — его ждем, да, может быть, еще кто-нибудь спасся… По течению-то я ладью до ближайшей веси и в одиночку сплавил бы. Третий день жду… сгинул, поди, братан — сам не свой был, когда уходил.

«Угу, один не досмотрел, другой поторопился… Князь запросто помереть мог, княгиня в плену, дружина где-то шляется, гарнизон ослаблен, если там вообще что-то путное осталось… Приходите, люди добрые, и берите пограничную крепость голыми руками! А может, так и задумано? Берестье ляхам не взять — пробовали не единожды — а вот Городно… Нет, никто предвидеть ранение Всеволода не мог, это — случайность, да и на то, что стоянку похитителей обнаружат, тоже расчета быть не могло. Это вы, сэр Майкл, в литературное творчество ударились. Просто черная

полоса, порожденная неудачными действиями управленцев, весьма и весьма несвободными в своих решениях. Так бывает: все будто специально складывается одно к одному, порождая ощущение чьей-то злой воли, целенаправленно управляющей событиями. Вот вам и пожалуйста — „теория заговора“, а по сути… организовали бы охрану княгини на воде получше, и ничего вообще не было бы! Прощелкали варежкой в одном пункте, а дальше все и пошло накручиваться, как снежный ком».

Братан городненского десятника — Трофим Веселуха — объявился только к концу второго дня ожидания. Подал знак с противоположного берега, Ерофей Скука, по Мишкиному требованию помахал рукой в ответ, и тут Трофима попытались повязать подстерегавшие его опричники. Что там происходило, Мишка не видел, но, по докладу урядника Степана, Веселуха оказался сущим зверем — уже с захлестнутыми кнутом ногами, с выбитым из руки оружием, придавленный сразу четырьмя отроками, сумел-таки извернуться, подняться на колени, а потом свалиться в воду, утащив с собой еще и двух опричников. Бултыхались потом почти всем десятком, пока Трофим не нахлебался воды так, что пришлось его потом откачивать.

Понятно, что отроки выполняли приказ взять его живым и по возможности невредимым, понятно, что ратник Савелий не мог им ничем помочь, поскольку почти сразу же получил от Трофима удар сапогом в зубы, но, только увидев замотанного веревками Веселуху, Мишка смог по достоинству оценить чувство юмора того, кто наградил городненского дружинника таким прозвищем. Если Ерофей Скука действительно имел внешность унылую и невыразительную, то двоюродный брат Трофим… с него, пожалуй можно было бы писать портрет кого-нибудь из сподвижников Стеньки Разина или Ермака. Худой, весь будто свитый из жил и веревок, со сломанным носом, раздвоенной шрамом верхней губой, огненно-рыжий, кучерявый и прямо-таки энциклопедия похабщины и прочей ругани, исполняемой голосом, больше всего напомнившим Мишке скрежет коробки передач у старого раздолбанного грузовика. Вот уж Веселуха так Веселуха.[32]

То, что допрашивать его бесполезно, Мишка и Егор поняли сразу, едва взглянув сквозь спутанные волосы в бешеные глаза Трофима. Да и то, что после всех приключений Веселуха все еще периодически продолжал напрягаться, пытаясь разорвать стягивавшие его путы, тоже говорило о многом. А уж какими словами тот поливал своего двоюродного братца…

— Сдохнет, но ничего не скажет! — констатировал Егор. — Нет, если умеючи, да с душой, почти любого можно довести… но потом его только прирезать, чтоб не мучился, останется. Нам это

надо?

— Не надо, — согласился Мишка. — Подождем, пока князя доставят, гонец от Якова обещал, что завтра уже доберутся.

К разговору с князем Всеволодом Давыдовичем Мишка готовился заранее, ведь фактически это был первый его выход на княжеский уровень; то, что было в Турове, не в счет — обмен несколькими репликами князя и княгини с забавным пацаном. Сейчас же разговор предстоял серьезный, а о князе, как о человеке, Мишка ничего не знал — ни о темпераменте, ни о слабостях или пристрастиях, ни об иных чертах характера. Расспрашивать ближников без толку — Авдей Солома вряд ли захочет говорить, а Гоголю верить нельзя. Рядовые же дружинники здесь совершенно бесполезны — большинство, пожалуй, даже и не поняли бы, о чем их спрашивают. Приходилось ориентироваться исключительно на ситуацию и на собственное, довольно приблизительное представление о князьях как особой группе древнерусского социума.

«Что можно представить себе с той или иной долей уверенности? Воспитание получил, разумеется, княжеское, то есть воин, умеющий и привыкший командовать. Кхе… привыкший — это наверняка, а вот умеющий… Впрочем, пограничной крепостью владеет — обязан уметь или прислушиваться к мнению знающих людей. Хотя Мономах-то знал, кому границу с ятвягами доверять, хлюпику или дураку Городно не досталось бы. Значит, будем считать, что мужик серьезный… как военный, а как политик — не знаю, и данных для оценки нет.

Папочка, судя по рассказам, еще тем отморозком был — до свержения со стола и ссылки не всякий князь доигрывается. Пошел ли сын в папу? А вот это — вопрос. Стерпел бы отморозок „дуумвират“ с женой? Насколько помнится, дуумвират дословно переводится, как „власть двух мужчин“, а здесь-то соправитель женщина. Однако Всеволод терпит. Детей любит. Пожалуй, все же дружит с головой больше, чем папочка. Наверняка в ссылке вместе с отцом натерпелся унижений княжеской гордости. Мог озлобиться? Мог, но держать себя в узде должен был приучиться. Судьбой, похоже, не задавлен, в рамках предоставленных возможностей ведет себя самостоятельно и решительно — пограничье держит и спасать семью кинулся, как только представилась первая же возможность. Пожалуй, доминирующим у него является иерархический тип целей жизнедеятельности — подчиняться силе, но в рамках своей компетенции вести себя совершенно самостоятельно. Как говорится: „Господи, дай мне силы, чтобы изменить то, что я могу изменить, терпения, чтобы

не менять того, что не могу, и мудрости, чтобы отличить первое от второго“.

Что еще? При ссыльном отце, скорее всего, был ограничен в таких развлечениях, как пьянки-гулянки, драки, девки, охоты, скачки и прочее в том же духе. А образование Рюриковичи своим детям старались давать самое лучшее… у кого насколько мозгов хватало, естественно. Если меньше времени на развлекухи — больше на самосовершенствование. Скользкое рассуждение, конечно, но, повторимся, Мономах дураку пограничную крепость не доверил бы. Скорее всего греческий знает и древних авторов читал. Доминирование же иерархического типа целей жизнедеятельности располагает к восприятию философских постулатов. Не обязательно, конечно, но весьма вероятно. Возможен также и фатализм. Впрочем, с учетом религиозности сознания людей двенадцатого века, не просто возможен, а почти обязателен, хотя бы в отдельных проявлениях.

Что еще? А вот байка о побитой смердами боярской дружине, рассказанная проводником. Запросто это может быть отголоском пограничных конфликтов между Городно и Пинском. Вполне вероятно, что городненские власти пытаются наложить лапу на окрестности и превратить просто город с князем в пусть и небольшое, но княжество. А пинский посадник этому, естественно, сопротивляется, но сор из избы не выносит — все-таки в Городно дочка Мономаха сидит. Интересно, кто является инициатором этих попыток расширения подведомственной территории — Агафья или Всеволод? Если Всеволод, то получается, что он со своей ролью примака в семье Мономашичей не смирился… Впрочем, нет, тогда бы он попытался земельку у ятвягов оттягать — свое, воинскими трудами заработанное. Значит, Агафья. Получается, властная баба, неудовлетворенная своим положением… Да, не позавидуешь князю Всеволоду.

Сейчас ему плохо. Очень плохо. И физически — из-за ранения, и нравственно — семья в заложниках, шантажисты вынудили пойти против сюзерена, сам попал в плен… да что там перечислять! Все хреново, черная полоса жизни… Но впереди-то как бы еще и не хуже! Что будет с детьми (он же их обожает), что с Городно, оставшимся почти без гарнизона, как поведет себя Мстислав (мужик крутой и беспощадный)? Да много еще всякого.

И вот тут, сэр, позвольте вам заметить, образуется один очень интересный момент. Чем хуже и безвыходней представляется „клиенту“ ситуация, тем более предрасположен он, в силу особенностей характера (если вы не ошиблись в анализе), к вере в чудо. В какое-то обстоятельство или чье-то вмешательство, которое разрубит узел проблем, в котором

„клиент“ оказался. Сам себе в этом наверняка не признается, но подсознательно ждет! Так почему бы вам, сэр Майкл, и не стать этим чудом? Если „клиента“ соответствующим образом обработать… „Кхе!“ — как говорит их сиятельство лорд Корней, интересно может получиться… очень интересно! Конечно, князь Городненский — не бог весть кто, захудалый, прямо скажем, князек, но для вашего дебюта на уровне Рюриковичей в самый раз будет!

Только надо прикинуть, что с него можно получить.

Первое — попробовать зубки на княжеском „мясце“, „не удовольствия ради, а пользы для“. Опыт. Опыт, будь он неладен, набирать требуется. Есть князек, к погорынским делам касательства не имеющий, есть ситуация, позволяющая попользоваться им, как лабораторной крысой… Хрен удержишься — когда еще такой расклад выпадет? Раз уж втянуло вас в ЗДЕШНЮЮ политику, надо начинать практиковаться. Первая проба пера, так сказать, не заиграться бы только.

Второе — заставить князя приказать Трофиму Веселухе сотрудничать с нами. Это особо сложным быть не должно — мы все, хоть и каждый по-своему, заинтересованы в спасении княгини с детьми.

Третье — попробовать то, что не получилось с боярином Соломой, — заставить городненцев схватиться с ляхами и вернуть полон с добычей.

Четвертое… А что, собственно, можно из этой ситуации еще выдавить? Добрые отношения с князем Всеволодом? Все-таки мы ему жизнь спасли, семью освободим (ой, не кажите гоп, сэр Майкл!). Ну попробуем освободить. Ладно, посмотрим… тут не угадаешь — может проникнуться благодарностью, а может и возненавидеть, по-всякому случается, а на властном уровне второй вариант даже более вероятен. Посмотрим, одним словом».

Когда Всеволода Городненского доставили вместе с другими пленными, Мишка распорядился разместить его отдельно и проконсультировался у Ильи с Матвеем, можно ли с князем разговаривать. Матвей ответил весьма невнятно (видимо, сам был не уверен не столько в здоровье пациента, сколько в своих знаниях), а Илья не только разрешил разговор, но и намекнул, что князю это может даже пойти на пользу, «ибо извелся, в неведении пребывая».

«Итак, сэр, „изгоняем“ Лисовина и „вызываем“ гражданина Ратникова? Пускай посмотрит князюшка на „подростка со стариковскими глазами“, наверняка ничего подобного в жизни не видал, да и вам воздействовать на „клиента“ сподручнее будет.

Нет, но какой сюжет: беседа человека XX века со средневековым феодалом! Совесть-то не мучает? Нет? Готовы? Ну что ж: „Сестра, скальпель!“»

То, что перевоплощение из Мишки Лисовина в Михаила Ратникова удалось, сразу стало понятно по реакции Дмитрия — похоже, тому снова, как когда-то, захотелось спросить: «Что у тебя с лицом?» Удержится старшина Младшей стражи от вопроса или нет, Михаил ждать не стал, а рявкнул командным голосом, так, чтобы слышал лежащий на носилках князь:

— Старшина Дмитрий!

— Здесь, господин сотник!

— Охрану поставить так, чтобы ничего не слышали, да и смотрят пусть в другую сторону… и сам тоже не любопытствуй.

— Слушаюсь, господин сотник!

Ни слова не говоря, Михаил прошел под навес, где были установлены носилки, уселся на положенное рядом седло (Дмитрий позаботился, ну нет цены парню!) и уставился в лицо лежащему князю.

— Ты кто таков? — негромким, но достаточно твердым голосом вопросил Всеволод.

Именно «вопросил» не без некоторой угрозы в голосе — пленный там или не пленный, но все-таки князь, а тут заявился какой-то наглый мальчишка, не поприветствовал, уселся без разрешения…

— Оглох? Я тебя спрашиваю!

«Угу, а то ты не слыхал, как меня господином сотником величают. Так… рост выше среднего, хотя лежащий человек всегда кажется чуть длиннее, шатен с легким оттенком рыжинки, глаза серые, нос прямой…»

Составление словесного портрета помогало держать паузу, пристально разглядывая собеседника. Всеволод метнулся глазами туда-сюда, видимо, по привычке собираясь кликнуть дружинников, потом вспомнил, где он и в каком положении, снова набрал в грудь воздуха, чтобы что-то сказать, но взглянул собеседнику в глаза и… кажется, что-то уловил. Да, пожалуй, в выражении лица князя что-то переменилось. Не очень заметно — князь есть князь, лицом владеть умеет, — но переменилось.

«…рубаха плотного беленого полотна с вышивкой по оплечью… нет, не вышивка — узор тканый, накрыт синим княжеским корзном дорогого сукна, но без узоров и украшений, видимо, походным…»

— Как смеешь на князя дерзко взирать?

«У-у, дозрел „клиент“ — слова грозные, а голос-то того… страха не чувствуется, но удивление лезет, как шило из мешка, и

некоторая неуверенность тоже, похоже, присутствует».

— Здрав. Будь. Княже, — раздельно произнес Михаил таким тоном, будто перед этим размышлял, желать пленнику здоровья или не стоит. — Не удивляйся, мое здравствование сейчас дорогого стоит, поболее, чем все здравицы, что ты на пирах в свою честь слыхал.

Всеволод сглотнул и вперился в Михаила ожидающим взглядом.

«Почувствовал, что я старше тебя по возрасту? Почувствовал, почувствовал, хотя сути и не понял, но психологический дискомфорт ощутил. А теперь — монолог торжествующего злодея из „Бондианы“ или какой-нибудь „мыльной оперы“. Ты телевизора не смотрел, да и звучит это все ЗДЕСЬ совершенно иначе, чем ТАМ — средневековье-с».

— Хорошие нам от пращуров обычаи достались — здоровья друг другу при встрече желаем, — неспешно и раздумчиво продолжил Михаил. — Вот и я тебе здоровья пожелал, а недавно пожелал тебе жизни. Трижды. И ты, как видишь, жив, хоть и стоял одной ногой в могиле. Понимаешь теперь, чего мое «здрав будь» стоит?

Вот теперь выражение лица Всеволода изменилось вполне явственно.

— Колдун… ты колдун?

Правая рука князя дернулась — осенить себя крестным знамением, но помешала повязка, тогда Всеволод положил левую руку на грудь, видимо, на то место, где под одеждой был крест… или ладанка.

— Ну зачем же колдовать, когда все можно и просто так устроить? — Михаил изменил тон так, словно объяснял ребенку прописные истины. — В первый раз достаточно было приказать не убивать всех, а пленить, сколько выйдет, и ты жив остался. Во второй раз — хороших лекарей к тебе приставить, и опять ты выжил. В третий — приказать переносить тебя с бережением, дабы рану не разбередить. Вот мое троекратное желание и исполнилось — ты жив. Ныне же я тебе здравия пожелал, и мнится мне, что и это мое желание исполнится.

Всеволод нащупал-таки что-то под одеждой и сжал пальцами сквозь ткань.

«Ага, похоже, все-таки ладанка… или оберег какой-то? Для креста слишком крупный предмет. Князь или не князь, а колдовства ЗДЕСЬ все одинаково боятся».

— И за что же мне ласка такая? — Губы Всеволода покривила саркастическая ухмылка.

«Блин, ну как в кино, честное слово! Однако молодец князек —

фасон держит».

— Скажу, княже, все скажу… отчего ж не сказать? — Михаил, не торопясь, устроился на седле поудобнее и в последний момент удержался от стариковского кряхтения — переигрывать было нельзя, не хватало еще изобразить пародию на старика и тем самым разрушить созданный образ. — Вот ты давеча вопросил, кто я таков. Ответить-то по-разному можно, и каждый ответ правдой будет… — Михаил вздохнул и на несколько секунд сделал вид, что задумался. — Для начала скажу так: пращур мой еще у князя Олега Вещего в десятниках ходил, и с тех пор восемь колен мужчин моего рода на воинской стезе обретаются, да не простыми воинами, а десятниками или сотниками.

— А еще, я вижу, ворожбы не чураются!

Всеволод гнул свою линию, но Михаила это вполне устраивало — князь включился в диалог и слушает собеседника, не скандалит. А колдовство, ворожба… должен же князь как-то оправдать для себя разговор «на равных» — мистика зачастую бывает выше сословных барьеров.

— Можно и иначе сказать: я — боярич Михаил, сын Фролов из рода Лисовинов, сотник Младшей дружины Погорынского войска князя Вячеслава Владимировича Туровского. Есть во мне толика крови Рюриковичей, ибо дед мой — воевода Погорынский боярин Кирилл — на Рюриковне женат, есть во мне еще и кровь древнего князя Туры, град Туров основавшего. С князьями мне, конечно, не равняться, но рода я не худого!

— Да уж, родовит! — Всеволод снова скривил губы. — И что с того?

— А то, — Михаил, не повышая голоса, добавил в него ярости, — что можно про меня сказать и так: тот, кто пленил князя, ворогов на мою землю наведшего, во множестве смертей и несчастий через то повинного и не позволившего нам татей латинских окончательно добить!

— Я — князь! Не тебе судить, смерд!

— Но мне решать: жить тебе или нет! Ты князь, а я в своем праве поступить с тобой как с татем!

— Ну так решай! Ишь разговорился…

— Глупец!

— Что-о?! Да ты…

— Да, я! Я с тобой как с властителем разговариваю, как с тем, кто знает цену желаниям человека, имеющего право приказывать! А ты… как мальчишка, за шалостью застигнутый! О чем с тобой говорить?

Всеволоду, что называется, «кровь бросилась в лицо», да и не просто в лицо — в голову! Он, злобно ощерившись, выкинул в

сторону Михаила здоровую руку со скрюченными наподобие когтей пальцами, чуть приподнялся на носилках и тут же со стоном откинулся назад. Михаил не пошевелился, ничего не стал говорить, лишь молча смотрел, как князь утирает рукой выступивший на лбу пот.

«Угу, хорошо зафиксированный пациент в анестезии не нуждается».

— Попался бы ты мне… — прошипел сквозь зубы Всеволод.

— Да, хорошо было бы, — согласился Михаил. — Думаешь, ты первый до моей шкуры добраться возмечтал? Или, по-твоему, сотниками просто так становятся? Валялся бы ты сейчас с самострельным болтом в брюхе или меж ребер… И мне бы ни возни с тобой, ни заботы, как твою семью выручить, не было бы! Лекаря позвать?

— Все знаешь… колдун, чтоб тебя…

— Я спрашиваю: лекаря позвать?

— Не надо. Говори: чего хочешь?

Красноту на лице Всеволода быстро сменила бледность, и Михаил решил не рисковать.

— Старшина!

— Здесь, господин сотник!

— Илью сюда! Быстро!

— Слушаюсь, господин сотник!

Пока Илья хлопотал над раненым князем, Михаил прогуливался поблизости туда-сюда, заложив руки за спину.

«Что же, сэр, первый этап, будем считать, прошел удачно. Однако, сказать по правде, ничего особо сложного там и не было — подтвердить, показать Всеволоду наглядно его беспомощность и вашу полную власть над ним легко. Даже с некоторым перебором вышло. Изобразить из себя „ну очень необычного мальчика“, тоже, надо понимать, получилось. Будем работать дальше».

— Кхе, кхе… Михайла…

— Как он там, Илья?

— Да ничего страшного. Рану не разбередил… я даже и повязку менять не стал. Слабый он, по нужде и то сам сходить не может, а тут разгорячился с тобой, я так понимаю. Да?

— Ну было. Даже приподняться пытался.

— Вот, значит, и поплохело ему. Голова там закружилась, сердчишко заколотилось… Так, в общем, и должно быть.

— Но дальше-то с ним разговаривать можно?

— Почему ж нельзя? То есть лучше бы, конечно, повременить, но если очень надо… Только уж… как-нибудь так, чтобы не скакал больше. Мало ли… слабый он еще.

— Ладно. Спасибо, ступай.

— Э-э… ты это самое…

— Что?

— Да так… если что, я рядом тут. Зови, значит.

— Добро. Позову.

Всеволод лежал, прикрыв глаза, бледность с лица почти ушла, но здоровым он, конечно, не выглядел, да и странно было бы — еще недавно мог ведь и вообще умереть. На рубахе расплылось небольшое мокрое пятно. Странно, уж Илья-то раненых поить умеет, наверное закашлялся князь — «не в то горло попало». Когда под Михаилом заскрипело седло, князь быстро зыркнул в его сторону и снова смежил веки.

«Ага! Типа: „мели, Емеля, твоя неделя“, а я тебя видал в гробу, в ритуальной обуви и с задумчивым лицом. Ну-ну, ваша светлость…»

— Кхе! М-да-а… Желания, значит… Они же всякими бывают: простыми, понятными, достижимыми или наоборот — по-всякому случается. Ты не смущайся, княже, со всеми бедами, что на тебя свалились, убить меня — желание простое и понятное. То есть ты и раньше меня убить желал, только не знал об этом. Когда ты ляхов к нашим землям вел, ты ж и мне смерть нес… вместе с остальными, хоть и не ведал о моем существовании. А теперь возжелал собственноручно, так сказать…

Губы Всеволода шевельнулись, но он сдержался.

— И это за то, что я тебе жизни и здоровья пожелал, — продолжил Михаил, — и исполнил… М-да… А все почему? Да потому, что желание твое не княжье, не воля повелителя, а порыв простого человека. И кто же из нас после этого ближе к смерду? Я или ты?

Чего стоило Всеволоду по-прежнему лежать молча и с закрытыми глазами, было видно по тому, как дернулись пальцы его здоровой руки.

— Поддайся я простым желаниям, разорял бы сейчас окрестности Городно, как ляхи мое Погорынье разоряли. Веси бы жег, полон набирал, молодух да девок… Сам знаешь, чего рассказывать? И остановить меня было бы некому — дружина-то твоя с ляхами под ручку где-то гуляет. И тебя связанного, в простой телеге к княжьему терему в Турове привез бы, чтобы, значит, ты на себе ощутил. А князь Вячеслав на тебя бы глянул…

Всеволод отчетливо скрипнул зубами.

— И греха бы в том не было! — повысил голос Михаил. — Ибо сказано в Писании: «Око за око, зуб за зуб»! Не нарушил бы я соразмерности воздаяния! Однако сижу вот рядом с тобой да пытаюсь объяснить, что властитель, коему десятки и сотни людей повинуются, в желаниях своих, даже самых простых и

справедливых, не волен. Я! Тебе! КНЯЗЮ! РЮРИКОВИЧУ!! Это как понимать? Я-то, дурак, на науку надеялся — ждал узреть пример того, как рожденный повелевать ниспосланные Господом испытания превозмогает! А что увидел? Простеца отчаявшегося? Бешенство бессильное? Так то я зреть мог и у холопов не единожды! Ты за что под рубахой хватался? Не за оберег ли языческий?

— Замолчи!.. Ты не смеешь!.. — Всеволода все-таки проняло.

— Смею, ибо прав! Перед Господом все равны, но с властителей у Него спрос особый! — Михаил твердо взглянул в бешеные глаза собеседника и подчеркнуто спокойно добавил: — И не дергайся, лекарь к тебе не набегается.

— Да что ж ты вцепился-то, клещ?! Чего тебе надо?

— С князем хочу совет держать, с властителем земель и человеков, а не с лягухой, телегой перееханной.

— Да чтоб ты сдох…

— Все под Богом.

Оба умолкли. Михаил просто ждал, перекатывая в зубах сорванную травинку, а князь Всеволод Городненский… По всему было видно, что мысли у него толкутся, как народ на торгу. Можно было с большой долей уверенности предполагать, что ТАК с ним не разговаривал еще никто. Хотя… может быть, и разговаривал, но не при таких обстоятельствах, и не непонятный мальчишка — сотник (в его-то годы!) какого-то Погорынского войска, про которое никто и не слыхал никогда.

Молчание было долгим, Михаил даже начал опасаться, что Всеволод так и останется безмолвным — уйдет в себя, замкнется в своей беспомощности и безнадежности.

«Ну же, тебе ж все сказано, феодал задрипанный! Ты князь, управленец, туды тебя в стольный град и княжий терем! От тебя ждут не эмоций, а управленческого решения! Я же ясно показал: мог бы, но не стану! Ну! Должна же быть хоть какая-то ответная реакция! Неужто тебя так затюкали, что совершенно отбили способность к самостоятельным решениям? Только „на психе“ можешь сорваться, очертя голову, раненый, всего с двумя десятками…»

— Ты сказал: совет держать?

«Ну, слава богу, наконец-то!»

— Да, так и сказал.

— С пленником беспомощным?

— С князем. Пленный, не пленный, ты — князь. Я же сказал: мне с тобой не равняться, что бы там ни было. Тебе повелевать свыше дано, от рождения!

— Так что ж ты грубишь предерзостно?

— Пока ты ведешь себя, как простец… Я сказал «пока»! — отреагировал Михаил на еще не высказанное возмущение. — Для простеца это не грубость. Я бы и потерпел, но мне князь нужен, да и тебе тоже.

— Для чего?

— Дабы разорвать круг несчастий, тебя объявший. Отыскать первооснову, источник их, и ударить именно туда, иначе несчастья лишь приумножаться будут, и грядущее твое темно и грозно. И не только твое — расширяющийся круг несчастий и других захватывать непременно начнет, всех, кто с тобой так или иначе связан.

«Ой, блин, слышала бы эту пургу Нинея! Умилилась бы до слез старуха».

— Да что я тебе говорю? Ты ж лучше меня это все видишь!

— Ну… гм, допустим. — Всеволод, похоже, принял все сказанное всерьез. — И что?

— Семью твою выручим… По дороге-то, чай, твои люди тебе поведали, как мы такие дела делать способны? Ну так вот: выручим, а дальше-то что? Что после этого будет? По-моему, подумать не грех.

— А ты, значит, и грядущее прозревать способен? — Князь упорно продолжал придерживаться саркастического тона. — И что ж тебе открылось?

— Ничего пока не открылось, ибо будущее вершится нашими нынешними деяниями. Жду твоего поступка — княжеского, а не простецкого.

— Ждешь? Или подталкиваешь? Я слепец, по-твоему? Не вижу ничего? А не задумывался о том, что бывает с теми, кто князьями играть пытается?

«Стоп, сэр Майкл! Чего это он?.. А-а! Блефует князюшка — решил собеседника на вшивость проверить. Ну-ну…»

— Играть, говоришь? Ну что ж, если это тебе игрой представляется, изволь. Вот мой заклад: тебя везу полоняником в Туров, семья твоя остается у татей, Городно, брошенное, почитай, без воинов, ждет своей судьбы. Мономашичи терпят ущерб своему достоянию и ущемление гордости. Что в ответ ставишь?

На секунду Михаилу показалось, что Всеволод, подобно вайнеровскому Горбатому, выкрикнет: «Черт с вами, мусора, банкуйте!», однако князь смолчал. Снова закрыл глаза и о чем-то задумался. Михаил тоже молчал, дожидаясь, пока Всеволод заговорит первым.

— Что ж, выкуп, значит, не только за меня, но и за семью мою получить желаешь? — спросил наконец князь надменно-презрительным тоном. — Получишь. Называй цену.

«Опять за штамп спрятался — не может вести себя, как грозный властитель, так надел маску аристократа, вынужденного общаться с кредитором или шантажистом. Ну уж нет, ваша светлость, масочки для других поберегите, да и немного их у вас».

— Неверный ответ, проигрыш, — констатировал Михаил и чуть повысил голос, не давая себя перебить: — Во-первых, я всего лишь сотник, и не мне выкуп назначать, а тому, кому я служу. Во-вторых, я православный воин и защитить женщин и детей обязан, не требуя за то платы, иначе покрыл бы позором и себя, и род свой. В-третьих, ляхи уйдут безнаказанными и с богатой добычей, а значит, повадятся ходить в наши земли снова и снова, да вдобавок еще и похваляться станут, что князь Городненский под их дудку плясал. В-четвертых, льстецы примутся княгине Агафье нашептывать, что, мол, стоило ей от власти ненадолго отлучиться, и сразу же все наперекосяк…

— Не сметь!!! — прорвало Всеволода. — Змеем эдемским шипишь, колдун! Не тебе об этом…

— В-пятых, — почти выкрикнул Михаил, — от Мономашичей добра не жди! Не простят!

Раненый князь закусил губу и глянул затравленным волком — вцепился бы в горло, да не может.

— Однако уже то хорошо, — снова спокойно и размеренно заговорил Михаил, — что уже не как смерд ты думаешь, а как купец. Может, с третьего раза получится так, как надлежит князю?

— И как же, по-твоему, — слова «по-твоему» Всеволод не произнес, а словно бы выплюнул, — должен князь думать?

— Приказ! Рожденному повелевать надлежит отдать такие приказы, исполнение которых изменит неблагоприятное течение событий. Я же недаром спросил: «Что будет потом?» Приказ есть деяние, изменяющее будущее. Сейчас будущее твое видится весьма мрачным, но ты, воспользовавшись своим правом повелевать, можешь изменить его в лучшую для себя сторону. — Михаил выдержал паузу, но не дождавшись вопроса, сформулировал его сам: — Ты можешь спросить: кому и какие приказы может отдать раненый пленник, прикованный к ложу? Отвечу: даже в самом бедственном положении властитель остается властителем и волен приказывать своим людям. А еще добавлю: счастлив тот властитель, которому и в бедствии есть кому приказывать, значит, остались у него верные люди, стараниями которых он может переменить будущее.

К примеру, ты можешь приказать твоему человеку — Трофиму Веселухе — указать мне место, где тати содержат княгиню с детьми. Тогда я смогу ее освободить. И тем самым ты

тут же выйдешь из-под власти тех, кто заставил тебя непотребное творить, ляхам, латинянам премерзким, подчиняться. Так же и с другими приказами.

Снова повисла пауза. Михаил ждал, когда князь спросит о «других приказах», Всеволод раздумывал о чем-то своем. Наконец раненый, вроде бы небрежно, обронил:

— Продолжай.

— Далее. Ты можешь приказать княгине своей, во искупление ее вины за пленение…

— Да ты в уме?! — Кажется, изумление Всеволода было неподдельным. — Какая вина?!

— Кто охрану княгини устраивал? — мгновенно отозвался Михаил. — Твой человек или человек княгини? Не боярин ли Солома? И не указывал ли ты, что охрана ненадежна? И послушали ли тебя?

«Даже если ты над этим вопросом и не задумывался, то сейчас… да сам себе внушишь, что видел изъяны в охране и намекал, а тебе не вняли. Самооправдание — такая штука… во что хочешь, заставит поверить».

— Ну и?.. — Всеволод пристально уставился на собеседника, и Михаил готов был поклясться, что князь уже прикидывает, чьи головы полетят и какие преференции он приобретет во властном соперничестве с женой, повернув дело таким образом, каким ему только что было подсказано. — Говори, раз начал!

— Так вот: ты можешь приказать княгине Агафье самой исправлять случившееся — отправиться в Киев и объяснить брату Мстиславу, отчего тебе пришлось поступать так, как ты поступил.

— Дальше! — требовательно произнес Всеволод. — Ты ж еще не все сказал?

— Не все, — согласился Михаил. — Еще можно послать человека с приказом твоей дружине: «Взять ляхов в ножи… ну или как получится, но истребить всех до единого! — Мишка уловил едва заметный кивок собеседника и понял, что Всеволод и сам бы с удовольствием принял участие в этом „мероприятии“». — А полон с добычей сопроводить назад, хотя бы до Пинска, дальше они и сами доберутся.

Это предложение, было заметно, князю понравилось меньше, но он все же согласно кивнул: Вячеславу Туровскому надо вернуть хотя бы часть потерь.

— Ну и еще… — продолжил Михаил. — Твоему старшему сыну сколько лет?

— Что? — Вопрос оказался для Всеволода совершенно неожиданным. — Борису? Восемь. А тебе зачем?

— Тебя я в Туров увезу. Ничего не поделаешь, служба. —

Михаил развел руками, обозначая свое бессилие перед требованиями воинского долга. — Княгиня Агафья в Киев отправится, но град-то кто-то хранить должен. Не сам князь, так княжич. Найдется там у тебя человек, которому до возвращения дружины град и княжича доверить можно? ТВОЙ человек.

— Гм, тогда к дружине Солому отправить… — пробормотал Всеволод.

«Все! Закрутились расклады! Жену — в Киев, Солому — ляхов резать, своим людям в Городно, пока киевского догляда нет… Возможно, были у Всеволода какие-то планы по ограничению власти жены… впрочем, это его дело, пускай сам разбирается».

— Добро! — решительно произнес Всеволод. — Вели Веселуху сюда привести!

— Вот и ладно. — Михаил поднялся на ноги, склонился в поклоне, коснувшись правой рукой земли, и снова, как в начале разговора, раздельно вымолвил: — Здрав. Будь. Княже. Благодарствую за науку.

— Какую науку? — Всеволод удивленно уставился на Мишку.

— За показ того, как истинный властитель себя в несчастии ведет. Сначала как простой человек: чувствам — страху, злобе, отчаянию предается. Затем уравнивается с собеседником, а в конце концов преодолевает себя и истинную княжескую суть являет — мыслить начинает не сиюминутными заботами, а тем, как события своей власти подчинить.

«Вот так: лесть должна быть актуальна текущему моменту, излагаться в форме, доступной субъекту обольщения, и рисовать оптимистические перспективы. И хрен ты, княжья морда, даже самому себе потом признаешься, что не сам до всего этого додумался!»

— Хм… — Всеволод изобразил хитрый взгляд, словно читал в мыслях собеседника, будто в раскрытой книге, и ответил: — Ну что ж, здрав будь и ты… сотник.

notes

Примечания

1

Вот перл, который автор своими ушами услышал в Гарвардском университете от профессора, преподающего историю будущей элите США: «Современные исследования показывают, что декабристы „Южного общества“ исповедовали идеалы демократии примерно в том же ключе, что и Михаил Горбачев, а декабристы „Северного общества“ — примерно так же, как Борис Ельцин». — *Здесь и далее примеч. авт.*

2

Вообще-то указанный маршрут правильнее было бы назвать «из греков в варяги», но движение-то по нему шло в обе стороны. А название «из варяг в греки» пришло к нам из глубины веков, не нам менять.

З

Интермодальный коридор — международный транспортный (*а в последнее время и информационный*) коридор глобального стратегического значения, существующий десятилетиями, а то и веками. Самый древний из известных интермодальных коридоров — Великий Шелковый путь. Именно к таким транспортно-экономическим феноменам относился и путь «из варяг в греки». Сам термин «интермодальный» означает «скоординированный по всем составляющим».

4

В 1971 году, в самом сердце Карпат, автору довелось беседовать с егерем в заповеднике. Отец и дед этого человека тоже были егерями, и он с гордостью (!) рассказывал о том, что любая власть выдавала ему (*и его предкам*) разрешение на ношение оружия. «Ото всех есть!» — говорил он. «От императора Франца-Иосифа, от Скоропадского, от Петлюры, от Пилсудского, от Гитлера, от Сталина… все ушли! И вы уйдете!» Автор тогда только усмехнулся (*молодой был, а Советский Союз казался незыблемым, хотя существовать ему оставалось всего двадцать лет*). Теперь это все видится иначе.

5

Еще раз напомню: речь идет не об известном многим Святополке Окаянном (*брате Ярослава Мудрого*), а о Святополке II (*правнуке Ярослава Мудрого*).

6

Брячиславу Святополчичу на момент смерти отца в 1113 году было всего девять лет.

7

Под этим прозвищем он упоминается в «Слове о полку Игореве». Таков уж был менталитет наших предков — восхищались деяниями, пусть и бессмысленными, даже вредными, но эффектными. Впрочем, восхищаются и сейчас, хотя и не все.

8

И не надо путать князей городненских с князьями Городецкими. Городец стоял совсем в другом месте — на Волге — и в двенадцатом веке еще не существовал.

9

В сознании славян XII века князья были личностями сакральными, обладающими мистическими качествами, и убить или просто победить князя — переять удачу и славу — простым смертным было не дано. Это мог совершить только другой князь или человек, специально для того князем назначенный, причем такое назначение должно было сопровождаться определенным ритуалом, призывающим на этого человека благословение высших сил. Мишка же, заявив намерение заставить уйти князя Давыда Полоцкого без добычи и славы, с точки зрения людей того времени, САМОВОЛЬНО взял на себя исключительно княжескую прерогативу! Тем самым он противопоставил свою волю воле высших сил, и наказание для него самого и его «подельников» должно было быть самым ужасным — боги любых конфессий простым смертным подобного не прощают никогда!

10

Снятая мачта укладывалась вдоль корпуса на специальные подставки. На лежащую горизонтально мачту накидывался тент — кожаный, дерюжный или из иного материала. Края его крепились к бортам таким образом, чтобы вода стекала за борт. Получалась двускатная крыша, не дававшая дождю заливать беспалубную ладью.

11

Чалка — канат, которым судно крепится к берегу. В настоящее время чаще употребляется иностранное слово «швартов», но сохранились однокоренные слова: причал, причаливать и т. п.

12

Гаша — петля на конце чалки (*швартова*), которая накидывается на деревянный или металлический столб (*кнехт*) на причале.

13

В те времена не степень родства, а уважительное обращение к старшему по возрасту.

14

Свайка — такелажный инструмент в виде закругленного клина.

15

Каменные жернова в те времена использовались в качестве якорей.

16

«Звездная атака» — атака бомбардировщиков или торпедоносцев на вражеский корабль одновременно с разных направлений (*по лучам звезды*), не позволяющая сосредоточить огонь средств ПВО.

17

Ошеломить — ударить по шлему. В переносном смысле — оглушить.

18

Еще в XIX веке в набор инструментов военного лекаря входила обтянутая кожей киянка. Ей лупили пациента по голове, чтобы он не чувствовал боли и не мешал медику.

19

Утка — двурогое, Т-образное, деревянное или металлическое приспособление, закрепленное на фальшборте или в другом месте судна и служащее для крепления на ней тросов небольшого диаметра.

20

Тумен — конный корпус численностью десять тысяч всадников.

21

В Мариинском дворце в Ленинграде размещался Ленсовет, а теперь Законодательное собрание Санкт-Петербурга.

22

Большуха — старшая женщина в семье или в роду.

23

Реальный случай из биографии автора.

24

«Кто не с нами, тот против нас» — революционный большевистский лозунг, перефразированные слова Христа из Евангелия от Матфея: **«Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает»** (*Мф. 12:30*).

25

«Ох, тяжела ты, шапка Мономаха» — цитата из трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов», Шапка Мономаха — венец, которым венчались на царство московские цари, символ царской власти.

26

Sivispacem, parabellum (*лат.*) — Хочешь мира — готовься к войне.

27

Зеленая ветвь издавна служила символом мирных намерений или приглашения на переговоры. Белый флаг, как символика, появился гораздо позже.

28

Заплот — забор из уложенных горизонтально бревен, поддерживаемых врытыми в землю столбами.

29

Кинофильм «Щит и меч».

30

Атанде — от французского attendez (*устар.*). Термин карточной игры — **«подождите».**

31

Двоюродный брат (*древнеславянск.*).

Симпатяга (*древнеславянск.*).